

«ПОЮЩИЕ
СТРЕЛЫ
МАОДУНЯ»

ХУННУ ОТ НЕИЗВЕСТНОСТИ
ДО ИМПЕРИИ

Сергей Степанович Миняев
(1948–2020)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM

"SINGING ARROWS OF MAODUN"

XIONGNU FROM OBSCURITY
TO EMPIRE

Proceedings of the International
conference dedicated to the 75th anniversary
of Sergey Stepanovich Minyaev
(1948–2020)

St. Petersburg
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

«ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ МАОДУНЯ»

ХУННУ ОТ НЕИЗВЕСТНОСТИ
ДО ИМПЕРИИ

Материалы международной
научной конференции, посвященной 75-летию
Сергея Степановича Миняева
(1948–2020)

Санкт-Петербург
2023

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the RAS

Редакционная коллегия: В. С. Бусова, М. Т. Кашуба, А. А. Ковалев, В. М. Лурье, Н. Н. Николаев (отв. ред.),
Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова (отв. ред.)
Editorial Board: Varvara S. Busova, Maya T. Kashuba, Alexey A. Kovalev, Vera M. Lurie, Nikolay N. Nikolaev (editor-in-chief),
Evgeniy O. Stoyanov, Varvara B. Trubnikova (editor-in-chief)

Переводы: В. С. Бусова, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова
Translations: Varvara S. Busova, Evgeniy O. Stoyanov, Varvara B. Trubnikova

Рецензенты:

чл.-корр. РАН, проф., д-р ист. наук Н. В. Полосьмак (ИАЭТ СО РАН)
канд. ист. наук В. П. Никоноров (ИИМК РАН)

Reviewers:

Natalia V. Polosmak, Dr. of Hist. Sci., Prof., Corr. Member of RAS (Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS)
Valery P. Nikonorov, Cand. of Hist. Sci. (Institute for the History of Material Culture RAS)

«Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020) / Отв. ред. Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2023. — 272 с. : ил.

"Singing Arrows of Maodun": Xiongnu from Obscurity to Empire: Proceedings of the International conference dedicated to the 75th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev (1948–2020) / Ed. by Nikolay N. Nikolaev, Varvara B. Trubnikova. — St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2023. — 272 p. : ill.

ISBN 978-5-6049788-5-6

В сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 75-летию С. С. Миняева, одного из крупнейших специалистов по истории и археологии хунну (14–17 ноября 2023 г., Санкт-Петербург), вошли публикации, в которых рассматривается широкий круг проблем археологии евразийских степей от времени, предшествующего возникновению державы хунну, до эпохи, последовавшей за ее крушением. Отдельное внимание уделено новым работам по археологии хунну, их искусству и предметному комплексу, новым данным естественно-научных исследований, а также истории изучения хунну.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и историей хунну.

The collection of papers of the International conference dedicated to the 75th anniversary of Sergey S. Minyaev, one of the leading experts in the history and archaeology of the Xiongnu (November 14–17, 2023, St. Petersburg), includes papers revealing a wide range of problems of the Eurasian steppes' archaeology from the time preceding the emergence of the Xiongnu power to the epoch following its collapse. Special attention is paid to new research on the archaeology of the Xiongnu, their art and material culture, new natural science data and connected historiographical questions.

The collection of papers is addressed to archaeologists, ethnographers, historians, students as well as to everyone interested in archaeology and history of the Xiongnu.

Конференция и сборник материалов подготовлены при финансовой поддержке фонда «История Отечества», проект № 19/2023/ФП-ММ от 26.04.2023 г.

The conference and collection of papers were prepared with the financial support of "History of Motherland" fund, project No.19/2023/FP-MM dated 26.04.2023.

В оформлении обложки использована фотография фрагмента покрытия зонта китайской колесницы (курган 7, могильник Царам) (снимок С. С. Миняева)

The cover design uses a photograph of fabric from the excavations of the fragment of the cover of a Chinese chariot umbrella (mound 7, Tsaram burial ground) (photo by Sergey S. Minyaev)

ISBN 978-5-6049788-5-6

DOI: 10.31600/978-5-6049788-5-6

© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Science, 2023

© Государственный Эрмитаж, 2023
The State Hermitage Museum, 2023

© Коллектив авторов (фамилии выделены в содержании), 2023
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2023

Содержание

Вступительное слово от редакторов (Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова)	11
В. А. Алёкшин. К 75-летию со дня рождения Сергея Степановича Миняева	12
М. Д. Мартынов. Штрихи к портрету С. С. Миняева (воспоминания из Оргойтона)	15
Евразийские степи и Центральная Азия до хунну	
Борджигин Кишиси, Ван Лисинь. Размышления о развитии раннекочевого скотоводства на Монгольском плато	18
Мао Жуйлинь. Исследования культуры эпохи бронзы северных степей в бассейне реки Чжанхэ (Ганьсу) в период Восточной Чжоу	25
П. И. Шульга, Д. П. Шульга. Захоронения с колесницами у «северных варваров» V–III вв. до н. э. в Китае	32
С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова, А. И. Соловьев. Могильник Сяохэйшигоу как опорный памятник культуры дунху	35
Тянь Ликунь. Об упряжи для коровы культуры верхнего слоя Сяцзядянь	39
Ван Юфу, Пань Лин. К вопросу о хронологии кургана Иссык	42
Юй Дан. Исследования плиточных могил в хошуне Шинэ-Барга-Юци, Хулун-Буир	49
Ван Цзяньсинь. Восход кочевых империй начиная с шаньюя Маодуня	52
Новые исследования по археологии и истории хунну	
Н. Н. Крадин. Социальная планиграфия Иволгинского могильника	53
Н.-О. Эрдэнэ-Очир. Итоги археологических исследований Ноин-Улинского могильника 2006–2023 гг.	57
Г. Эрэгзэн. Результаты археологического исследования элитных погребений сюнну в Дурлиг Нарс	64
Н. Батболд, С. Энхболд. Археологическое изучение элитных курганов хунну в Бэлхийн ам, Улан-Батор, Монголия	68
Сун Гуодун. Результаты археологических исследований хуннского могильника Цзихуланту в хошуне Сунид-Юци, Внутренняя Монголия	74
Вэй Цзянь, Нага Тэрбаяр. Культурные элементы хунну могильника Айрагийн Гозгор (Овоо)	79
Н. Н. Николаев. Погребальные сооружения могильника Оргойтон	86
А. А. Ковалев. Роковой поход Ли Лина в 99 г. до н. э.: письменные источники, географические реалии и археологические свидетельства	90
А. В. Варенов. Один эпизод из истории контактов южных хунну с империей Хань в отражении средневековой китайской живописи эпохи Сун	96
Шэнь Маошэн. «Цинь шу» из комплекса мавзолея императора Цинь Шихуанди и их связь с северными кочевниками	100
Искусство и предметный комплекс хунну	
Ван Хуэй, Ван Ифэй. Звериный стиль в Северном Китае от бронзового до раннего железного века: на примере сюжетов о древе жизни и хозяине зверей	104

С. А. Яценко. Костюм в памятниках искусства хунну	108
Чжао Дэюнь. Деталь конской сбруи в форме тыквы-горлянки и связанные с ней вопросы	115
Лян Юнь, Чжэн Юйсун. Образы зооморфных существ на золотых пластинах из Гол Мод-2	119
Хун Ши. Лакированная посуда из мастерских эпохи Хань (гунгуань, 工官), обнаруженная на территории Монголии и России	123
Икуэ Отани. Еще раз о китайских надписях, вырезанных на четырех лаковых чашечках из Ноин-Улы (Монголия)	129
Р. В. Давыдов, О. А. Митько, И. С. Половников. Технология изготовления трехлопастных наконечников стрел	139
О. А. Митько, А. И. Поселянин, Р. В. Давыдов, И. С. Половников, А. Л. Петренко. Оценка функциональной эффективности трехлопастных наконечников стрел (по результатам экспериментов)	143
О. А. Митько, И. С. Половников. «Поют» ли «поющие стрелы»?	147
Е. С. Богданов, С. В. Федоров. Новая находка печати с хуннской тамгой	152

Хуннское влияние в культурах сопредельных территорий

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова. Проблемы выделения памятников хуннского времени в южной тайге Средней Сибири	158
Г. Л. Иванов. Кудинская долина (Западная часть Байкальской Сибири) в хуннское время	162
М. Е. Килуновская, П. М. Леус, В. С. Бусова, О. В. Андреева. Деревянный туесок-шкатулка из могильника Терезин в Туве	166
М. Е. Килуновская, П. М. Леус. Основные признаки культуры хунну в Туве	171
А. А. Тишкин. Планиграфия и половозрастная структура некрополя сюннуского времени Яломан-II (Центральный Алтай)	173
Н. Н. Серегин, М. А. Демин, С. С. Матренин. Основные аспекты хронологической интерпретации предметного комплекса из объектов некрополя Карбан-I (Северный Алтай)	178
В. М. Лурье, В. Б. Трубникова. Хуннские бронзы в тесинских комплексах по материалам раскопок Саянской археологической экспедиции 2020–2022 гг.	183
О. С. Советова, Н. Н. Моор, О. О. Шишкина. Новые петроглифы тесинского времени на камнях одного из тагарских курганов под горой Тепсей	188
И. Л. Кызласов. Гунны в Сибири. Взгляд археолога	192
С. В. Воронятов. Ханьские мотивы орнамента в оформлении зубовского кинжала	195

Ойкумена после хунну

Пань Лин. Исследование хронологии сяньбэйского могильника Чжалайнор в округе Хулун-Буир (северо-восточный Китай)	200
А. В. Варенов. Наконечники стрел со свистунками на территории Внутренней Монголии в гунно-сяньбийское время	207
Ма Янь. Ситечки, обнаруженные в гробницах династии Северная Вэй, и западные аналогии	210
Ву Хун. Исследование «цзиньдан» из гробницы № 4 Гаотайдигэнпо	217
Т. Р. Садыков. Кокэльская археологическая культура: предметы и их модели	219
К. И. Ташбаева. Конструкции погребальных сооружений могильника гуннского времени Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня	223
В. Л. Денисенко. Династические храмы Кушанской империи: историографический анализ	226
С. В. Ярцев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков. О локализации встречи гуннов и готов на Керченском полуострове	230

История науки и естественно-научные исследования в археологии

Н. А. Сутягина. Курган 7 в Цараме и Государственный Эрмитаж	233
---	-----

М. В. Мандрик. Популяризация П. К. Козловым результатов Монголо-Тибетской экспедиции	236
М. В. Медведева. Наследие Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в архивном собрании РАИМК/ГАИМК: состав и история формирования	239
Н. А. Сутягина, М. Ф. Матвеева. Монголо-Тибетская экспедиция и раскопки в горах Ноин-Ула. Документы и фотографии в архиве Русского географического общества	242
М. В. Медведева, Н. А. Сутягина, Н.-О. Эрдэнэ-Очир, Д. А. Кукина. Неизданный каталог ноин-улинской коллекции: от прошлого к настоящему	247
Т. И. Юсупова. Послесловие к деятельности П. К. Козлова: научные результаты юбилейных дат	250
П. С. Дрёмова, М. В. Мандрик. Обзор личного фонда С. И. Руденко (№ 93) в НА ИИМК РАН	253
А. И. Бураев, Я. В. Дикий. Остеология хунну Бурятии	256
Чэнь Лян. Исследование костных останков сюнну и жоуцзы из Шижэньцзыгоу, Баркуль	259
А. М. Хубанова, В. Б. Хубанов, Д. А. Миягашев, Б. А. Базаров, Я. В. Дикий, И. В. Смолева. Пищевые стратегии населения Западного Забайкалья по данным изотопного анализа: культур плиточных могил, херексуров и хунну	264
Д. А. Миягашев, Б. А. Базаров, Я. В. Дикий, Н. В. Именохоев, А. М. Хубанова, В. Б. Хубанов, И. В. Смолева. Изотопные индикаторы потребления C ₄ -растений средневековым населением Западного Забайкалья	266
Список сокращений	268

Content

Foreword from the editors (<i>Nikolay N. Nikolaev, Varvara B. Trubnikova</i>)	11
<i>Vadim A. Alekshin</i> . On the occasion of the 75 th anniversary of the birth of Sergey Stepanovich Minyaev	12
<i>Maksim D. Martynov</i> . Strokes to the portrait of Sergey S. Minyaev (reminiscences from Orgoyton)	15
Eurasian steppes and Central Asia before the Xiongnu	
<i>Borjigin Qishisi, Wang Lixin</i> . Reflections on the development process of Early Nomadic pastoralism on the Mongolian Plateau	18
<i>Mao Ruilin</i> . Study on bronze culture of Northern Steppes within the Zhang River Drainage basin, Gansu during the Eastern Zhou period	25
<i>Petr I. Shulga, Daniil P. Shulga</i> . Burials with chariots of the "northern barbarians" of the 5 th –3 rd centuries BC in China	32
<i>Sergey A. Komissarov, Maria A. Kudinova, Aleksandr I. Soloviev</i> . Xiaoheishigou burial ground as a basic site of Donghu culture	35
<i>Tian Likun</i> . On the cow harnesses of Xiajiadian upper-stratum culture	39
<i>Wang Yufu, Pan Ling</i> . A study on the chronology of Issyk kurgan	42
<i>Yu Dang</i> . Excavation of the slab grave in Xinbaerhuyouqi, Hulunbeier	49
<i>Wang Jianxin</i> . Rise of steppe empires since Shanyu Maodun	52
New research on archaeology and history of the Xiongnu	
<i>Nikolay N. Kradin</i> . Social planigraphy of Ivölga burial ground	53
<i>Nasan-Ochir Erdene-Ochir</i> . Results of archaeological research of the Noin-Ula site in 2006–2023	57
<i>Gelegdorj Eregzen</i> . Results of the archaeological research of the Xiongnu elite tombs in Duurlig Nars	64
<i>Natsag Batbold, Sanjperlee Enkhbold</i> . Archaeological study of Xiongnu elite tombs Belkhiin am, Ulaanbaatar city, Mongolia	68
<i>Song Guodong</i> . Results of the archaeological excavations of the Xiongnu remains of Jihulangtu cemetery, Sunite Youqi, Inner Mongolia	74
<i>Wei Jian, Naga Terbayar</i> . The Xiongnu cultural elements in the Airagiin Gozgor (Ovoo) cemetery	79
<i>Nikolay N. Nikolaev</i> . Grave structures of the Orgoyton burial ground	86
<i>Alexey A. Kovalev</i> . Fateful campaign of Li Ling in 99 BC: written sources, geographical realities and archaeological evidence	90
<i>Andrey V. Varenov</i> . An episode from the history of Southern Xiongnu and Han Empire contacts as reflected in the Medieval Chinese painting of Song Period	96
<i>Shen Maosheng</i> . The "Qin Shu" excavated in terracotta warriors' and horses' pit of the Mausoleum Complex of Emperor Qin Shihuang and northern nomads	100
Xiongnu art and material culture	
<i>Wang Hui, Wang Yifei</i> . A study of animal figures from the Bronze Age to the Early Iron Age in Northern China: Take the master of animals and the tree of life as examples	104

<i>Sergey A. Yatsenko. Costume in the art objects of Xiongnu</i>	108
<i>Zhao Deyun. Gourd-shaped trappings and its relevant issues</i>	115
<i>Liang Yun, Zheng Yusong. Study of the beasts pattern on the golden plaques of Gol Mod-2</i>	119
<i>Hong Shi. Han Dynasty gongguan (工官) lacquerwares unearthed in Mongolia and Russia</i>	123
<i>Ikue Otani. A reexamination of the Chinese inscription carved on four ear-cups (Noyon Uul, Mongolia)</i>	129
<i>Roman V. Davydov, Oleg A. Mitko, Ivan S. Polovnikov. The technology of three-blade arrowheads' making</i>	139
<i>Oleg A. Mitko, Alexander I. Poselyanin, Roman V. Davydov, Ivan S. Polovnikov, Andrey L. Petrenko. Assessment of the functional efficiency of three-blade arrowheads (according to the results of experiments)</i>	143
<i>Oleg A. Mitko, Ivan S. Polovnikov. Do the "singing arrows" "sing"?</i>	147
<i>Evgeniy S. Bogdanov, Sergey V. Fedorov. The newfound seal bearing a Xiongnu tamga</i>	152

Hunnic influence in the cultures of neighboring territories

<i>Pavel V. Mandryka, Polina O. Senotrusova. The Xiongnu period complexes in the southern taiga of Central Siberia: The problems of identifying</i>	158
<i>Grigoriy L. Ivanov. The Kuda river valley (The western part of Baikal Siberia) in the Xiongnu era</i>	162
<i>Marina E. Kilunovskaya, Pavel M. Leus, Varvara S. Busova, Olga V. Andreeva. Wooden "birch bark container": Casket from the Terezin cemetery in Tuva</i>	166
<i>Marina E. Kilunovskaya, Pavel M. Leus. The main marks of the Xiongnu culture in Tuva</i>	171
<i>Alexey A. Tishkin. Planigraphy and gender and age structure of the necropolis of the Xiongnu Time Yaloman-II (Central Altai)</i>	173
<i>Nikolay N. Seregin, Mikhail A. Demin, Sergey S. Matrenin. The main aspects of the chronological interpretation of the Karban-I necropolis' artifacts (Northern Altai)</i>	178
<i>Vera M. Lurie, Varvara B. Trubnikova. Xiongnu bronzes in the Tes complexes based on the excavations of the Sayan archaeological expedition 2020–2022</i>	183
<i>Olga S. Sovetova, Natalia N. Moor, Olga O. Shishkina. New petroglyphs of the Tesin time on the stones of one of the Tagar mounds under Mount Tepsei</i>	188
<i>Igor L. Kyzlasov. Huns in Siberia. Archaeologist's view</i>	192
<i>Sergey V. Vorniatov. Han motifs of the ornament in the design of the Zubov dagger</i>	195

Ecumene after the Xiongnu

<i>Pan Ling. A study on the chronology of Zhalaينوer Xianbei cemetery in Hulunbuir area, Northeast China</i>	200
<i>Andrey V. Varenov. Arrow points with whistles at the territory of Inner Mongolia in Xiongnu-Xianbei time</i>	207
<i>Ma Yan. The strainers found in the tombs of Northern Wei Dynasty and the relations with Western Eurasia</i>	210
<i>Wu Hong. Research on the excavation of Jindang from tomb No. 4 of Gaotaidigengpo</i>	217
<i>Timur R. Sadykov. Kokel archaeological culture: things and their models</i>	219
<i>Kadicha I. Tashbaeva. The framework of burial constructions of the Hun time of the Baskyya-2 tomb in Inner Tien Shan</i>	223
<i>Valeria L. Denisenko. Dynastic temples of the Kushan Empire: Historiographical analysis</i>	226
<i>Sergey V. Yartsev, Elena V. Shushunova, Artem A. Vnukov. Localization of the Huns' and Goths' encounter place on the Kerch Peninsula</i>	230

The problems of historiography and natural science research in archaeology

<i>Natalia A. Sutiagina</i> . Barrow No. 7 in the Tsaraam valley and the State Hermitage Museum	233
<i>Maria V. Mandrik</i> . Pyotr K. Kozlov's popularization of the results of the Mongolian-Tibetan expedition	236
<i>Maria V. Medvedeva</i> . The heritage of the Mongolian-Tibetan expedition of Pyotr K. Kozlov in the Archive of RAHMC/SAHMC: Its content and history of creation	239
<i>Natalia A. Sutiagina, Maria F. Matveeva</i> . The Mongol-Tibetan expedition and archaeological excavations in Noin-Ula mountains. Archival documents and photos in the Scientific Archive of the Russian geographical society	242
<i>Maria V. Medvedeva, Natalia A. Sutiagina, Nasan-Ochir Erdene-Ochir, Daria A. Kukina</i> . The unpublished catalogue of the Noin-Ula collection: From past to present	247
<i>Tatiana I. Yusupova</i> . An afterword to Pyotr K. Kozlov's activity: Scientific results of the anniversaries	250
<i>Polina S. Dryomova, Maria V. Mandrik</i> . An overview of Sergey I. Rudenko's personal collection (No. 93) at the IHMC RAS	253
<i>Alexey I. Buraev, Yaroslav V. Dikiy</i> . Osteology of the Xiongnu of Buryatia	256
<i>Chen Liang</i> . Study on skeletal archaeology of Xiongnu and Rouzi human bones in Shirenzigou, Barkul	259
<i>Anna M. Khubanova, Valentin B. Khubanov, Denis A. Miyagashev, Bilikto A. Bazarov, Yaroslav V. Dikiy, Irina V. Smoleva</i> . Nutritional strategies of the population of Western Transbaikalia according to isotope analysis: Slab-graves culture, barrows-khereksur culture and the Xiongnu culture	264
<i>Denis A. Miyagashev, Bilikto A. Bazarov, Yaroslav V. Dikiy, Nikolay V. Imenokhoev, Anna M. Khubanova, Valentin B. Khubanov, Irina V. Smoleva</i> . Isotope indicators of C ₄ plant consumption by the medieval population of Western Transbaikalia	266
Abbreviations	268

Вступительное слово от редакторов

На рубеже III–II вв. до н. э. обширные пространства на востоке Евразии оказались под властью племенного объединения хунну. В это время на территориях, которые простирались не на одну тысячу километров, в судьбах многих народов происходят кардинальные перемены. Часть из них оказалась вытеснена из родных мест, другие, попав под власть хунну, оказались интегрированы в общественную структуру, которая стала предшественницей кочевых империй более позднего времени. Произошедшие перемены определили этнический облик различных областей Центральной Азии на несколько столетий вперед. Культурно-историческое наследие хуннской эпохи трудно переоценить даже для регионов, куда долетели только далекие отголоски событий, связанных с возникновением, существованием и упадком хуннской державы.

Археологические исследования, проведенные в Монголии, Забайкалье и Северном Китае, позволяют представить, насколько яркой и самобытной была культура хунну. Предметный комплекс хуннских памятников свидетельствует о высоком уровне развития самых различных ремесел. Подлинными произведениями декоративно-прикладного искусства являются ажурные пластины и поясные пряжки. Изображенные на них образы и сюжеты свидетельствуют не только об особенностях художественной традиции или эстетических приоритетах хунну. На них вполне могут быть запечатлены персонажи и сцены, связанные с их мифологией или религиозными представлениями.

Поиск истоков хуннской культуры, как и проблема происхождения самого народа, остается предметом острых дискуссий не одно десятилетие. Стремительный взлет хунну к вершинам военно-политического могущества нельзя понять без изучения социальной струк-

туры, принципов организации и экономической основы их общества. В последние годы особую актуальность приобрела проблема региональных особенностей хуннских комплексов, имеющая непосредственное отношение к хронологии и периодизации культуры хунну. Возможно, со временем на основании объективных критериев удастся дифференцировать памятники северных и южных хунну. Не менее перспективным является изучение хуннского наследия. Большая часть исследований, связанных с хуннской проблематикой, основывается на синтезе археологических данных и исторических сведений, содержащихся в китайских хрониках. Современные исследования также невозможно представить без использования методов различных естественно-научных дисциплин.

Все эти проблемы и исследовательские подходы к ним нашли отражение в работах Сергея Степановича Миняева — одного из крупнейших специалистов по истории и археологии хунну, которому 18 декабря 2023 г. исполнилось бы 75 лет. Проработав в стенах ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН более 50 лет, С. С. Миняев всю жизнь посвятил изучению хуннского времени, никогда не изменяя своим научным интересам. Одной из важнейших особенностей его научного стиля было постоянное общение, информационный и культурный обмен с коллегами со всего мира. Именно поэтому лучшей памятью и данью уважения выдающемуся ученому был выбран формат научной конференции. Ее проведение созвучно стремлению Сергея Степановича к объединению научного сообщества. В настоящем сборнике, изданном к конференции, посвященной памяти Сергея Степановича Миняева, представлены статьи, охватывающие широкий круг проблем и вопросов хуннской археологии.

Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова

К 75-летию со дня рождения Сергея Степановича Миняева¹

В. А. Алёкшин²

Аннотация. Сергей Степанович Миняев (18.12.1948–11.04.2020), старший научный сотрудник ЛОИА АН СССР (с 1991 г. — ИИМК РАН) — крупнейший русский исследователь древностей племенного союза сюнну. В 1982 г. ученый возглавил Забайкальский отряд ЛОИА (с 1992 г. Забайкальская экспедиция ИИМК) и приступил к систематическим раскопкам опорных памятников сюнну в Бурятии (поселение Дурёны I, Дырестуйский могильник, курган № 7 в пади Царам). Особое внимание С. С. Миняев уделял происхождению культурного комплекса сюнну, изучению их художественных бронз. Его интересовала также дальнейшая судьба этого кочевнического объединения, часть населения которого продолжала обитать в Центральной Азии и после распада данного образования номадов. Одним из первых он использовал методы естественных наук в процессе анализа древностей сюнну.

Ключевые слова: Сергей Степанович Миняев, Забайкалье, Республика Бурятия, сюнну, поселение Дурёны I, Дырестуйский могильник, могильник Царам, могильник Оргойтон

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.12-14>

Сергей Степанович Миняев — крупнейший русский исследователь древностей сюнну — родился в Ленинграде 18 декабря 1948 г. (рис. 1). В 1966 г. он поступил на вечернее отделение кафедры археологии исторического факультета ЛГУ (с 1992 г. СПбГУ), и уже в мае 1968 г. его зачислили в штат Лаборатории археологической технологии ЛОИА. Главную роль в становлении Сергея Степановича как специалиста по археологии сюнну сыграло его участие в студенческие годы в полевых работах на таком известном памятнике сюнну как Иволгинское городище в Бурятии. Эти исследования проводила организованная кафедрой археологии ЛГУ Забайкальская экспедиция, которой руководила доцент кафедры канд. ист. наук А. В. Давыдова, ставшая учителем Сергея Степановича.

В 1978 г. молодой исследователь поступил в аспирантуру ЛОИА. Темой своей кандидатской диссертации

он избрал изучение металлических изделий сюнну посредством типологического и спектрального методов. Квалификационной работой аспиранта, получившей название «Бронзовые изделия хунну (типология, производство, распространение)», руководил выдающийся исследователь древностей Сибири, д-р ист. наук М. П. Грязнов. 3 марта 1982 г. Сергей Степанович успешно защитил диссертацию на Ученом совете ЛОИА.

После защиты кандидатской диссертации ученый был переведен в Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА (ныне Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК).

С 1982 г. Сергей Степанович, возглавив Забайкальский отряд ЛОИА (с 1992 г. — Забайкальская экспедиция ИИМК), приступил к систематическим исследованиям опорных памятников сюнну в Бурятии. Он принял участие в исследованиях земледельческо-ремесленного центра Дурёны I (1982–1984 гг.; Давыдова, Миняев, 2003) и полностью раскопал Дырестуйский могильник (1984–1996 гг.; Миняев, 1998; 2007), а также курган № 7 могильника Царам (1997–2005 гг., Миняев, Сахаровская, 2007). Последний скрывал одно из крупнейших погребальных сооружений сюнну, в котором был похоронен человек высокого социального ранга, возможно, предводитель (шаньюй) объединения сюнну. За исследование этого уникального захоронения Сергей Степанович получил от Евразийского археологического

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Алёкшин В. А. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: valyokshin1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

института награду «За выдающийся вклад в гуннскую археологию» (2007 г.) (Алёшкин, 2013. С. 156, 158).

В 2009–2019 гг. Сергей Степанович в качестве консультанта принимал участие в работах Центрально-Азиатской экспедиции Государственного Эрмитажа, которая проводит полевые изыскания могильника сюнну в пади Оргойтон, Бурятия.

Достижения исследователя в археологии сюнну весьма значительны и разнообразны. По мнению ученого, столь мощное и влиятельное политическое образование, каким был племенной союз сюнну, необходимо изучать, начиная с его истоков. Поэтому Сергей Степанович обращал особое внимание на проблему происхождения культурного комплекса сюнну.

Исследователь возражал против общепринятой датировки памятников сюнну концом III в. до н. э. — I в. н. э. Проведенный им детальный анализ источников показал, что памятники, которым свойственен культурный комплекс сюнну, находятся лишь в Забайкалье, Северной и отчасти Южной Монголии и датируются, в соответствии с найденными на них китайскими монетами, зеркалами и артефактами с надписями, I в. до н. э. и отчасти — I в. н. э. (Миняев, Елихина, 2010).

Завоевания сюнну, начавшиеся в конце III в. до н. э., завершились не ранее I в. до н. э. формированием типичного комплекса новаций, каковым является культурный комплекс сюнну, распространенный теперь на контролируемой ими огромной территории. Этот ареал не включал, однако, районы исконного обитания сюнну на севере Китая и во Внутренней Монголии, которые уже в конце II в. до н. э. были оставлены ими после неудачной войны с ханьской империей (Миняев, 1998. С. 71–75, 78–83; 2007. С. 72–76, 79–84).

Важное место в исследованиях ученого занимал вопрос происхождения и развития сюннских художественных бронз. Сергей Степанович доказал, что часть их мотивов и сюжетов следует трактовать как позднюю стадию развития «скифо-сибирского звериного» стиля. Наряду с зооморфными сюжетами в искусстве сюнну представлены так называемые «геометрические» композиции, которые сложились в процессе переработки и схематизации изначально зооморфных «скифо-сибирских» сюжетов.

Исследователь определил в искусстве сюнну и оригинальный стиль, представленный гравированными изображениями на предметах из органического материала. Художественные особенности этих изображений свидетельствуют о том, что художники и ювелиры сюнну развивали собственное, не имеющее каких-либо аналогий, направление в художественном творчестве

Рис. 1. Сергей Степанович Миняев. 2008 г.

Fig. 1. Sergey Stepanovich Minyaev. 2008

Центральной Азии (Миняев, 1998. С. 133–134; Давыдова, Миняев, 2008. С. 39–47).

К этому же направлению в творческом наследии ученого примыкает публикация коллекции бронзовых изделий из Музея Европейского института исследований Китая (Брюссель). Основная часть ее (более 70 предметов) отнесена Сергеем Степановичем к эпохе сюнну (Miniaev, Smolarsky, 2002).

Его интересовала также дальнейшая судьба племенного союза сюнну. Для изучения этого сложного вопроса он использовал материалы, полученные при раскопках городища Дурёны I (конец II — начало I в. до н. э.). Выяснилось, что традиции керамического производства сюнну существовали вплоть до эпохи Уйгурского каганата. Следовательно, часть населения, входившего в сюннский племенной союз, продолжала обитать в Центральной Азии и после распада этого объединения кочевников, вплоть до III–V вв. н. э. (Давыдова, Миняев, 2003. С. 41, 42).

Исследователь рассматривал также некоторые вопросы социального развития общества сюнну. Например, датирующие материалы из Дырестуйского могильника он соотносил с системой размещения в погребениях, выявленной Забайкальской экспедицией ИИМК. Ученый выяснил, что захоронения сюнну образуют

комплексы, состоящие из центрального кургана и расположенных вокруг него «сопроводительных» погребений. При этом датировку одного из захоронений комплекса или группы, установленную на основании надписи или находки монет либо зеркал, можно распространить и на весь комплекс в целом. Эти данные дают основания и для выводов о демографической структуре общества сюнну (Миняев, 2007. С. 70–72, 78–79).

В этом же направлении Сергей Степанович анализировал один из основных маркеров археологического комплекса сюнну — наборные пояса. Исследователь показал отсутствие предполагавшейся ранее корреляции типов поясного набора с полом и возрастом умерших. Наборные пояса любой степени сложности были обнаружены только в сопроводительных погребениях, в которых захоронены представители покоренных племен, не связанные по своему происхождению с сюнну. Следовательно, указанные вещи не являются маркерами культурного комплекса последних.

Одним из первых ученых обратился к использованию методов естественных наук в археологии сюнну.

Осуществление дальнейших планов Сергея Степановича оборвала безвременная кончина. Он ушел из жизни 11 апреля 2020 г. Отечественные и зарубежные специалисты будут помнить вклад С. С. Миняева в мировую археологию и его яркую притягательную личность.

Алёкшин, 2013 — Алёкшин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у с. Дурёны. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008 (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.

Миняев, 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. 1-е изд. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1998 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.

Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2007 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.

Миняев, Елихина, 2010 — Миняев С. С., Елихина Е. Ю. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 169–182.

Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.

Miniaev, Smolarsky, 2002 — Miniaev S., Smolarsky Ph. Art of the steppes. Brussels: Foundation Richard Liu, 2002. 105 p.

On the occasion of the 75th anniversary of the birth of Sergey Stepanovich Minyaev

Vadim A. Alekshin³

Annotation. *Sergey Stepanovich Minyaev (12.18.1948–04.11.2020), senior researcher at Leningrad department of the Archaeology Institute of the Soviet Academy of Sciences (LOIA, since 1991 — IHMC RAS) is the largest Russian researcher of antiquities of the Xiongnu tribal union. In 1982, the scientist headed the Transbaikal detachment of the LOIA (since 1992, the Transbaikal expedition of the IHMC) and began systematic excavations of the Xiongnu reference monuments in Buryatia (the settlement of Duryony I, the Dyrestuysky burial ground, mound No. 7 in the Tsaram valley). Sergey S. Minyaev paid special attention to the origin of the cultural complex of the Xiongnu, to the study of their artistic bronzes. He was also interested in the further fate of this nomadic association, part of whose population continued to live in Central Asia even after the collapse of this formation of nomads. He was one of the first to use the methods of natural sciences in the process of analyzing Xiongnu antiquities.*

Key words: *Sergey Stepanovich Minyaev, Transbaikalia, Republic of Buryatia, Xiongnu, settlement of Duryony I, Dyrestuy burial ground, Tzaram burial ground, Orgoiton burial ground*

³ Vadim A. Alekshin — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: valyokshin1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

Штрихи к портрету С. С. Миняева (воспоминания из Оргойтона)

М. Д. Мартынов¹

Аннотация. *Статья-эссе посвящена Сергею Степановичу Миняеву — крупнейшему отечественному специалисту по археологии и истории азиатских гуннов. Автор, человек достаточно далекий от археологии, рассказывает, каким ему запомнился С. С. Миняев по совместной работе в Центрально-Азиатской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на могильнике Оргойтон в Бурятии — экспедиции, которая оказалась последней в жизни Сергея Степановича.*

Ключевые слова: *Сергей Степанович Миняев, Бурятия, Центрально-Азиатская археологическая экспедиция, Оргойтон*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.15-17>

У меня не было планов каждый год на протяжении нескольких лет ездить в Джидинский район Бурятии на раскопки гуннского могильника. Однако незаметно для себя я стал постоянным участником Центрально-Азиатской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, а исследования в местности Оргойтон, недалеко от села Зарубино, открыли новую страницу в моей жизни.

Все началось в 2011 г., когда мне просто захотелось посмотреть на работу археологов: стало интересно приобрести новый опыт и познакомиться с новыми людьми. К тому же появился шанс отдохнуть от города. Поэтому я собрался и поехал, в экспедиции быстро нашел со всеми общий язык и влился в коллектив. В итоге новые знакомства переросли в многолетнюю дружбу. Это определило мое участие в работе в экспедиции на Оргойтоне по настоящее время.

Количество участников экспедиции обычно невелико. Как правило, это жители и учащиеся города Кяхта и близлежащих поселков. Самый многочисленный состав — 16 человек — был в 2016 г., когда завершалось исследование большого княжеского кургана, во время которого неоценимыми оказались знания и опыт научного консультанта раскопок Сергея Степановича Миняева.

Историей гуннов и их изучением я раньше никогда детально не интересовался и фамилию С. С. Миняев до 2011 г. не встречал. Позже оказалось, что некоторые мои знакомые в Улан-Удэ знают его по выступлениям на конференциях или научным публикациям. Мне же повезло познакомиться с ним в экспедиции и проработать вместе восемь сезонов.

Палатка С. С. Миняева всегда стояла на одном и том же месте. Она была самой южной в лагере экспедиции и обозначала с этой стороны его условную границу. Несмотря на ее внушительные размеры, Сергей Степанович никогда не просил помощи в ее установке или разборке, более того, он всегда принимал самое активное участие в обустройстве лагеря. В экспедиции его деятельность не ограничивалась рекомендациями и консультациями. Методично, без фанатизма он наравне со всеми работал лопатой, при этом относился к ней очень бережно. В перерывах регулярно чистил и затачивал ее полотно.

Однажды в 2011 г. Сергей Степанович залез на сосну, примерно на высоту третьего этажа, чтобы сделать общую фотографию княжеского кургана в процессе раскопок. Начальник экспедиции был категорически против, но после нескольких неудачных попыток, предпринятых ребятами, которым можно было доверить фотоаппарат, стало очевидно, что им не сделать хорошую фотографию сквозь ветки дерева, и начальнику пришлось уступить С. С. Миняеву. Было решено, что следом за ним на сосну полезет Генка, парнишка из

¹ Мартынов М. Д. — Национальная библиотека Республики Бурятия; ул. Ербанова, 4, Улан-Удэ, 670000, Российская Федерация; e-mail: photographen@rambler.ru.

Кяхты, который всеми силами старался убедить нас, что обладает богатым опытом и практикой лазания по деревьям. Генке отводилась роль шерпа. На него надели фотоаппарат, который он должен был передать С. С. Миняеву, после того как тот спилит ветки, которые мешали съемке. Сам Сергей Степанович залез на сосну, держа в руках веревку, к которой была привязана пила, с ее помощью он успешно решил проблему ракурса для фотосъемки. Когда все закончилось, всем было интересно взглянуть, что получилось и как надо было сфотографировать курган. Сегодня эту фотографию можно увидеть в сорок первом номере Археологического сборника Государственного Эрмитажа. Экземпляр этого сборника с дарственной надписью авторов статьи про исследования на могильнике Оргойтон мне подарили на день археолога в 2018 г. Было неожиданно и приятно получить столь дорогой для меня подарок. Еще тот год оказался на редкость грибным, и Сергей Степанович насобирает для нас маслят. Поэтому 15 августа на нашем столе, помимо всего прочего, были жареные грибы с картошкой. Все это было словно вчера, мы сидели за праздничным столом, поздравляли друг друга, непринужденно общались и шутили.

Многих, кто работал на Оргойтоне, удивляло, что С. С. Миняев строго соблюдал определенную диету и пользовался деревянной ложкой. А еще он был единственным, кто пил зеленый чай, поэтому на кухне всегда стояли два заварочных чайника. С первых дней пребывания в экспедиции я заметил, как Сергей Степанович по дороге с раскопа что-то собирает. Как оказалось, это был чабрец, или богородская трава. К столу он часто приносил термос с чабрецом, заливал его кипятком и давал настояться. Заварку из травы он добавлял в «свой» чайник с покупной заваркой. Приготовление травяного чая сопровождалось приятным ароматом и вызывало интерес у младших участников экспедиции. С. С. Миняев не отказывал желающим попробовать этот напиток. Он вообще никогда не проявлял высокомерия по отношению к парням. Случалось, что, когда кому-то доставалось от начальника, Сергей Степанович подбадривал его шуткой и часто рассказывал подобающую случаю байку с поучительным подтекстом. Слушали его с упоением. Юмор Сергея Степановича всегда был уместным и создавал позитивную атмосферу в нашем небольшом коллективе.

После обеда до вечерней работы обычно в экспедиции было около четырех часов отдыха. С. С. Миняев, если находились партнеры, мог посвятить это время преферансу, нардам или игре в кости. Зачастую он же и собирал всех за игровым столом. Выбор игр в экспе-

диции всегда был на любой вкус. Но особого внимания заслуживает игра «Пиратки», я бы даже сказал, что она достойна отдельной публикации.

Игра, на первый взгляд, незамысловатая. Сто двадцать одну карточку, размер которых не превышает 3×3 см, раскладывают по одиннадцать штук в ряд так, чтобы получился квадрат. Игроки располагаются по сторонам квадрата. Все они командуют кораблем с тремя пиратами. Игрок, когда наступает черед, имеет право ходить каждым пиратом, но сделать им разрешается только один ход. Цель игры — найти и перетащить на свой корабль больше всех монет, а для этого необходимо открывать карточки. Но кроме денег, которые все ищут, на них может быть изображено все что угодно: бочка, болото, остров, скала, буря, морской конек и многое, многое другое, что помогает или мешает передвигаться по игровому полю. Игра до того захватывающая, что за ней напрочь пропадает ощущение времени. Она настолько понравилась Сергею Степановичу, что в 2016 г. взамен изрядно потрепанных картонных карточек, на которых игровые значения были нарисованы шариковой ручкой, он вырезал пластиковые квадратики и оклеил их соответствующими цветными картинками. Во время продолжительных вынужденных перерывов, когда случались затяжные дожди, которые шли не один день, мы собирались в нашем клубе — много повидавшей шестиместной палатке, уцелевшей едва ли не с советских времен, и с головой уходили в пиратские приключения. Сейчас я не могу представить Оргойтон без пиратиков. Эта игра — уже как обряд посвящения для новых участников экспедиции. После окончания полевого сезона ощущается даже какая-то незавершенность, если не удалось сыграть хотя бы одну партию.

Не помню, какой именно это был год, но как-то, провожая меня на автовокзал в Кяхте, Сергей Степанович принес домашнюю выпечку и сказал, чтобы я не покупал перекус в придорожных магазинах. Он был очень внимательным, способным замечать привычные жизненные мелочи. За столом он мог наблюдать, как муравьи таскают крупинки сахара, или обращал наше внимание на необычную форму облака, а по утрам с воодушевлением рассказывал, какое чистое небо было ночью и все звезды можно было рассмотреть без телескопа. В Оргойтоне бывает двойная радуга с перевернутым порядком цветов. С. С. Миняев всегда подмечал ее и фотографировал.

Последний раз, когда я прощался с Сергеем Степановичем, мы желали друг другу скорой встречи в следующем сезоне. А в апреле 2020 г., просматривая новостную ленту, увидел прискорбное известие. Мы вме-

сте работали под палящим солнцем и пережили не один ливень со штормовым ветром. В моей памяти Сергей Степанович останется добропорядочным человеком,

позитивно настроенным в любых ситуациях, исследователем окружающего мира в старой телогрейке небесно-голубого цвета.

Strokes to the portrait of Sergey S. Minyaev (reminiscences from Orgoyton)

Maksim D. Martynov²

Annotation. *Essay article is dedicated to Sergey Stepanovich Minyaev — the largest Russian specialist in archaeology and history of the Asian Huns. The author, a person quite far from the sphere of his professional interests, tells how he remembers Sergey S. Minyaev on joint work in the Central Asian archaeological expedition of the State Hermitage at the Orgoyton burial ground in Buryatia. The expedition, which turned out to be the last in the life of Sergey Stepanovich.*

Key words: *Sergey Stepanovich Minyaev, Buryatia, Central Asian expedition, archaeology, Orgoyton burial ground*

---

² Maksim D. Martynov — National Library of the Republic of Buryatia; 4 Erbanova St., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation; e-mail: photographen@rambler.ru.

ЕВРАЗИЙСКИЕ СТЕПИ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ДО ХУННУ

Reflections on the development process of Early Nomadic pastoralism on the Mongolian Plateau

Borjigin Qishisi¹, Wang Lixin²

Annotation. *At the beginning of the 3rd millennium, the Afanasevo cultural group entered the Mongolian Plateau with their animal husbandry subsistence methods, after which the Mongolian Plateau went through a long phase of development based on animal husbandry. Around 1500 BC, with the development of an economy based on animal husbandry and the pressure caused by population growth, pastoralists undertook a series of changes in livelihood and lifestyle, gradually forming a nomadic mode of production, thus creating an early economic regime of nomadic pastoralism. During the period of the Slab-grave culture, the nomadic pastoralism economy was further developed and eventually extended to the entire Mongolian Plateau, which laid the foundation for the subsequent creation of a powerful nomadic pastoral empire by the Xiongnu.*

Key words: Mongolian Plateau, animal husbandry, nomadic pastoralism production mode

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.18-24>

Nomadic herding is a form of animal husbandry, an economic model of grazing in a nomadic and migrating manner (Wang Mingke, 2008). The dwellings and pastures of herders are characterized by a certain instability. The origins of early nomadic pastoralism vary from region to region (Shao Huiqiu, Wu Yatong, 2020). The Mongolian Plateau was a region where nomadic pastoralists lived since ancient times. Historically, this land was dominated by nomadic pastoral groups such as the Xiongnu (Huns), the Xianbei, the Turkic (Tujue) and the Mongols.

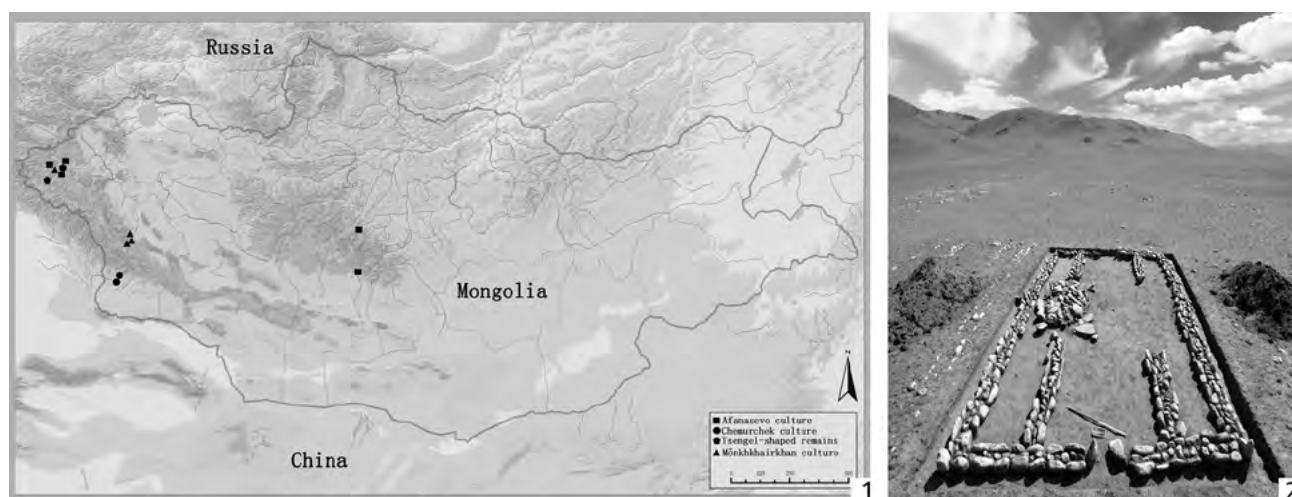
The first to establish a nomadic empire on the Mongolian Plateau were the Xiongnu, who had a well-established nomadic pastoralist social and economic system that laid the foundation for the emergence of later nomadic pastoral groups. The Mongolian Plateau have already experienced a long process of animal husbandry economy before the

Xiongnu, but there are still different opinions among scientists about this development process, especially on the question of the origin of nomadic pastoralism.

Human activity was already presented on the Mongolian Plateau during the Paleolithic, when the main forms of subsistence were hunting, gathering and fishing, and agriculture arose during the Middle and the Late Neolithic (Цэвээндорж нар, 2002). During the early 3rd millennium BC, groups belonging to the Afanasevo culture (3000–2000 BC) brought bronze smelting technology and animal husbandry subsistence model from Southern Siberia to the Altai and the Khangai Mountains in Mongolia, opening the beginning of the Metal Age on the Mongolian Plateau. Subsequently, the central and western parts of the Mongolian Plateau entered a long phase of mixed economic development mainly based on animal husbandry, practiced along with agriculture and hunting. After the Afanasiev culture, the central-western Mongolian plateau passed to the Chemurchek/Khemcheg culture (2700–1800 BC), the remains in the form enclosures of Tsenget type (2500–1800 BC) (Төрбат нар, 2008; 2014) and the Menkhkhairkhan/Munkhkhairkhan culture (1800–1600 BC). This is the early development period of the Bronze Age on the Mongolian Plateau, which lasted for nearly 1000 years (fig. 1, 1). The remains of this stage are mainly located in the valleys

¹ Borjigin Qishisi — School of Archaeology, Jilin University; 2699 Qianjin St., Changchun, 130012, People's Republic of China; e-mail: qishisi2005@126.com; ORCID: 0009-0005-4500-1589.

² Wang Lixin — Research Center for Frontier Chinese Archaeology, Jilin University; 2699 Qianjin St., Changchun, 130012, People's Republic of China; e-mail: wanglixinjl@qq.com; ORCID: 0000-0002-2545-4098.

Fig. 1. 1 — distribution map of Early Bronze Age remains (after Ancient funeral..., 2016); 2 — enclosures of Tsengel type
Рис. 1. 1 — карта распространения памятников эпохи ранней бронзы (по: Ancient funeral..., 2016); 2 — выкладка «Цэнгэльской типа»

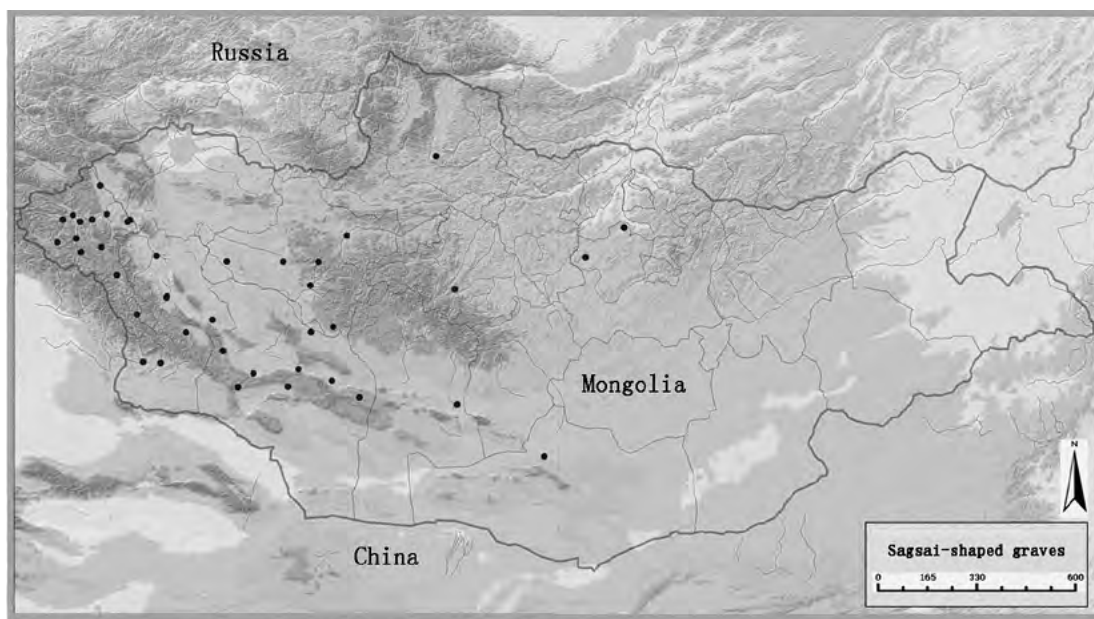
of the Mongolian Altai and the Khangai Mountains, where population density was low and rich resources could fully meet the needs of human groups and livestock, allowing pastoralists to produce products (including grazing) and live within a relatively stable territory. The remains of stone fences in the form of a Cengel, square and round, divided into several spaces, with holes for pillars around the object, can be interpreted as settlements of shepherds (**fig. 1, 2**).

Around 1500 BC, various types of stone buildings began to appear in the interior, mainly burials, which mostly covered the entire Mongolian plateau. The remains of this period include the Sagsai-shaped graves (1500–1000 BC) and *khirigsuur* (*khirgisüür*) (1400–800 BC), which are common in the Altai and Khangai Mountains, as well as the prone burials, distributed in the steppe of central-eastern Mongolia and the Gobi Desert (1600–1000 BC). The number of graves in the form of Saksai has increased significantly compared to the remains of the early Bronze Age, and there is evidence of their distribution in the Gobi region (**fig. 2, 1**). The number of *khirigsuur* burials was higher than of the Sagsai-shaped graves, and they penetrated eastward into the Gobi area and up to the eastern steppe region (**fig. 2, 2**). The distribution of these two types of remains shows that during this period the population grew and spread to the adjacent territories.

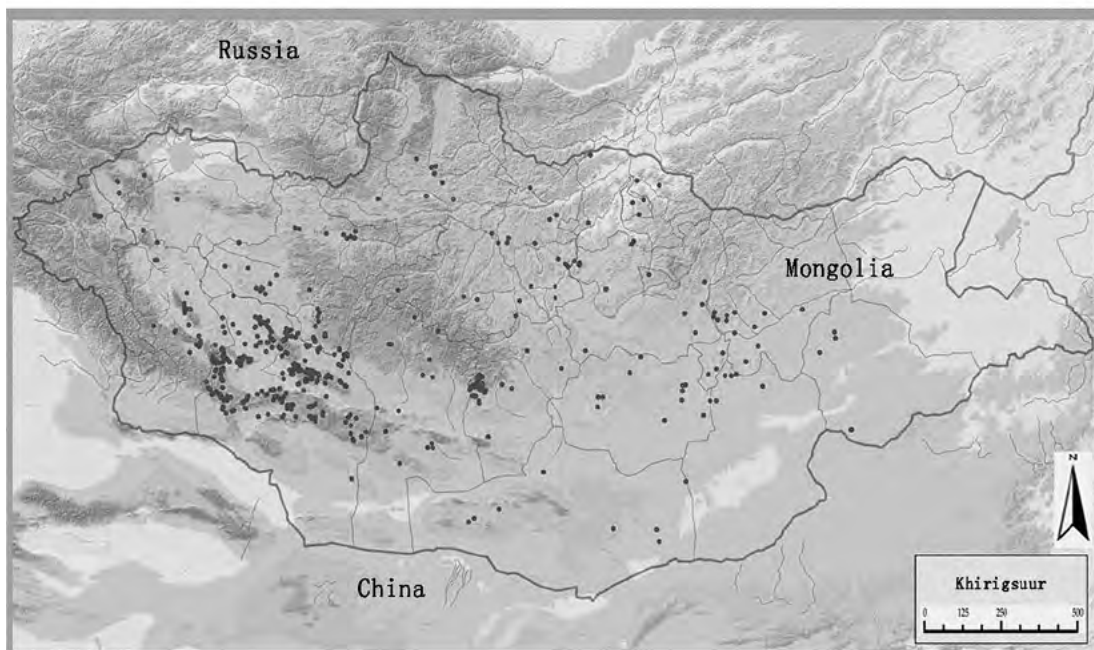
With the development of animal husbandry economy and the pressure of increasing population, the Sagsai-shaped graves and *khirigsuur* located in the Altai and Khangai Mountains began to gradually move to the dry steppe and to the Gobi areas in the hinterland of the Mongolian Plateau. The dry steppe and Gobi Desert had a harsher condition compared to the Altai and Khangai Mountains. Before the arrival of populations from the west, the groups

represented by the prone burials may have practiced mobile pastoralism to some extent. After the western population moved in and exploited the non-stable resources of these arid areas together with the local groups, a nomadic pastoralism production mode emerged, and the early nomadic pastoralism economic model appeared. With the arrival of new groups into the Gobi region, the demographic pressure gradually increased, which required the practice of nomadic pastoralism over long distances. The part of the population represented by prone burials spread northward to the Transbaikalian region and southward to the western foothills of the Helan Mountains and the Yellow River Hetao region (**fig. 3**). A relatively stable way of existence based on animal husbandry has transformed into a nomadic pastoral method of production. In the process of achieving this change in lifestyle, the rapid mobility of the population due to the spread of horses and chariots from the East should have been the main motivation for the emergence of a culture of nomadic pastoralism culture in the Mongolian Plateau during this period.

The emergence of an early nomadic pastoralism economy was reflected in five main areas. Firstly, during the period 1500–1000 BC, the phenomenon of burial or ritual sacrifices of parts of horse, cow, sheep, goat, or camel was common in the stone features in most parts of the Mongolian Plateau. It is noteworthy that horses had a particularly prominent status. The appearance of camels marked the basic completion of the assemblage of the five domesticated animals on which Mongolian steppe nomadic pastoralism depended (**fig. 4, 1**). Secondly, the choice of sites' locations and overall distribution of settlements shows that, livestock production, which used to depend mainly on the resources

1

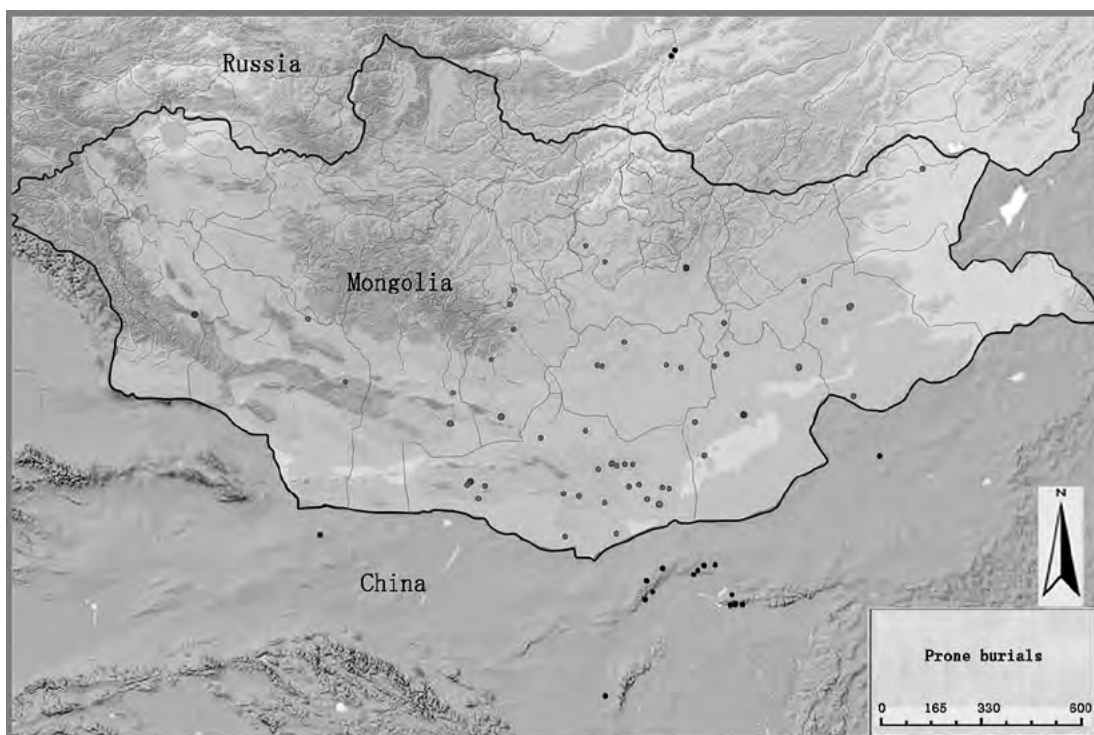
2

Fig. 2. 1 – distribution map of kurgans of Sagsai type; 2 – distribution map of Khirigsuur in Mongolia (after Ancient funeral..., 2016)

Рис. 2. 1 – карта распространения курганов «Сагсайского типа»; 2 – карта распространения керексууров в Монголии (по: Ancient funeral..., 2016)

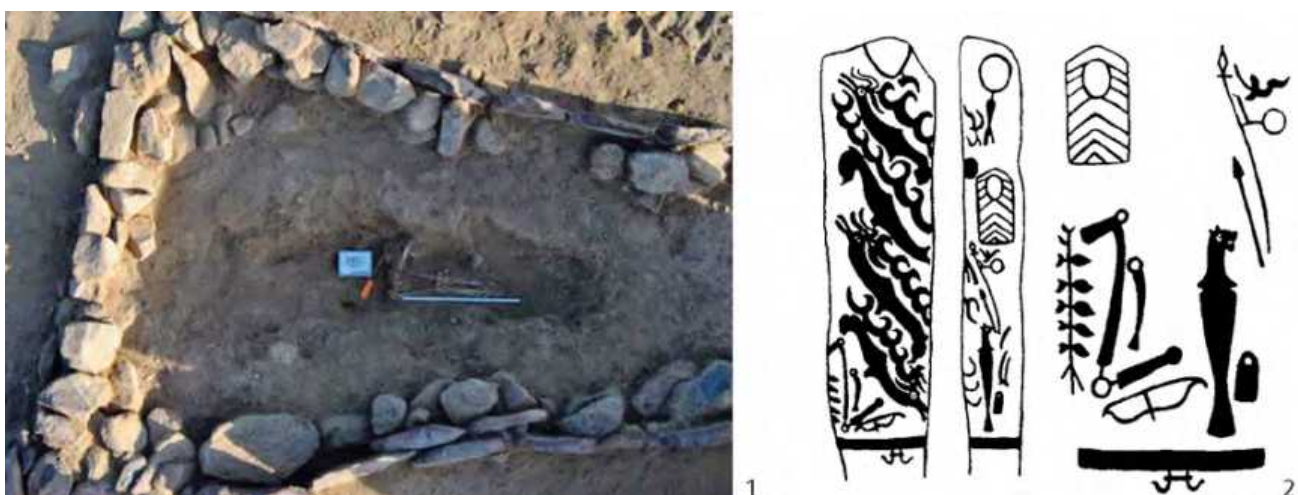
of the mountain valleys, expanded during this period to the desert grasslands and Gobi areas with arid, little rain and sparse vegetation. Third, the rock carvings and deer stones demonstrate a large number of elements related to horses, chariots, weapons, and tools, reflecting the trend of increased mobility and conflicts among the population during this period (**fig. 4, 2**). Fourth, so far, very few settlement sites belonging to this period have been discovered, which indicates that the settlement scheme at that time was dis-

persed, simple and rather unstable. Fifth, most of the stone remains from this period include domestic animal bones, small personal ornaments and production tools, while fragile and inconvenient to carry household utensils such as pottery are rarely found, again reflecting the nomadic nature of people's lifestyle. The series of changes in production and way of live that occurred on the Mongolian Plateau during this time period all reflect, to some extent, the emergence of nomadic pastoralism production model in the region.

Fig. 3. Distribution map of the prone burials on the Mongolian Plateau (after Ancient funeral..., 2016; Rawson et al., 2020; Fairservis, 1993; Wang Jianxin et al., 2006)

Рис. 3. Карта распространения погребений на животе на Монгольском плато (по: Ancient funeral..., 2016; Rawson et al., 2020; Fairservis, 1993; Wang Jianxin et al., 2006)

Fig. 4. 1 — camel bones discovered in a prone burial (after Гүнчинсүрэн нар, 2012); 2 — deer stone discovered in the Bayankhongor province (after Эрдэнэ-Очир, Худяков, 2016)

Рис. 4. 1 — кости верблюда, обнаруженные в погребении на животе (по: Гүнчинсүрэн нар, 2012); 2 — олений камень из провинции Баянхонгор (по: Эрдэнэ-Очир, Худяков, 2016)

Nomadic pastoralism economy was further developed during the period of the Slab-grave culture (1200–300 BC), and was eventually adopted on the entire Mongolian Plateau (fig. 5). The main manifestation of this phenomenon is that after 800 BC, a large number of burials containing of cattle, sheep and horse successively appeared on the Mongolian

Plateau and in the peripheral areas, which can be exemplified by the Xiyuan type burials in the Hetao region in Inner Mongolia (fig. 6, 1), the burials of the Dvortsovskaya culture in the Transbaikal region in Russia (fig. 6, 2), and the burials of the Pazyryk culture in the Altai region in Mongolia. Among them, the number of sacrificed cattle, sheep, and

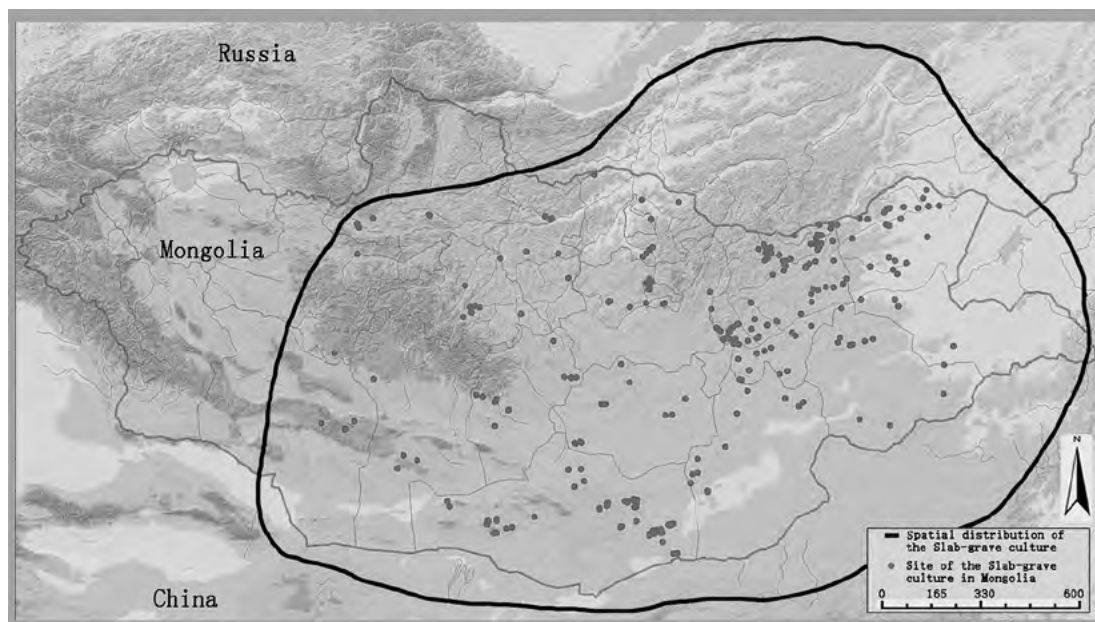

Fig. 5. Distribution map of the Slab-grave culture remains (after Ancient funeral..., 2016; Цыбиктаров, 1998)

Рис. 5. Карта распространения памятников культуры плиточных могил (по: Ancient funeral..., 2016; Цыбиктаров, 1998)

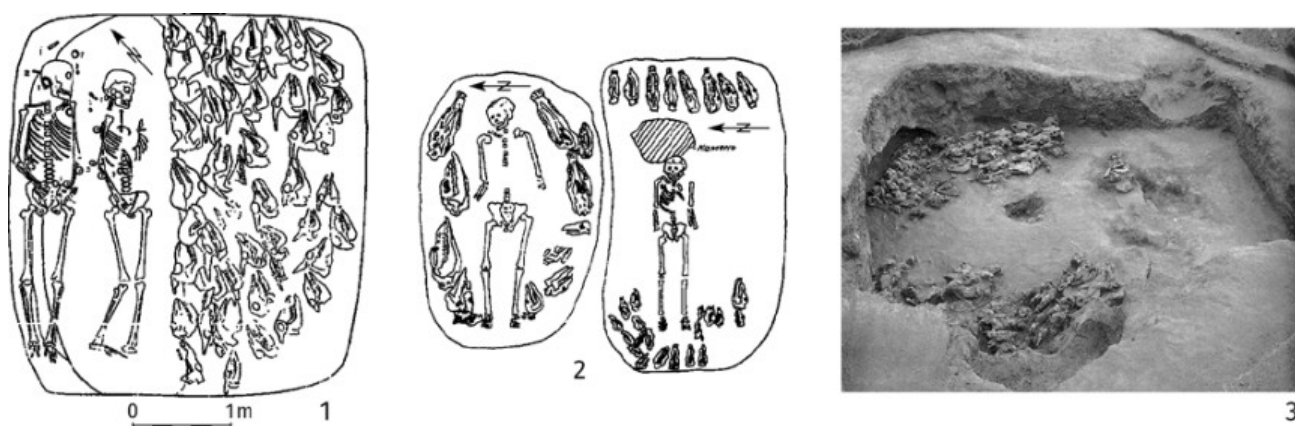

Fig. 6. 1 – Xiyuan type burial (after Liu Huanzhen, 1991); 2 – Afanasevo culture burial (after Feng Enxue, 2002); 3 – slab-grave culture burial at Shirengou, on the northern foothills of the Yin Mountains (after Буян-орших нар, 2021)

Рис. 6. 1 – погребение типа Сиюань (по: Liu Huanzhen, 1991); 2 – погребение афанасьевской культуры (по: Feng Enxue, 2002); 3 – захоронение культуры плиточных могил в Шижэньгоу, в северных предгорьях гор Иньшань (по: Буян-орших нар, 2021)

horses in one Slab-grave culture burial discovered in the northern foothills of the Yin Mountain reached a staggering 300 (fig. 6, 3).

The Altai and Khangai Mountain regions of Mongolia were the first to enter the Metal Age with the expansion of the Afanasevo culture. The human groups belonging to this culture were the earliest pastoralists on the Mongolian Plateau, and their arrival initiated a long stage of animal husbandry-based development phase in the central and western regions of the Mongolian Plateau. Around 1500 BC, with the development of the animal husbandry economy, the population grew and the number of livestock increased, the former relatively stable method of animal husbandry ceased to be suitable for social development, and at that time shepherds made a number of changes in production and lifestyle, thus gradually creating the nomadic pastoralism production model. During this process of economic transformation, the encounters and exchanges between the western and eastern human groups of the Mongolian Plateau played an important role in facilitating the process of expansion of nomadic pastoralism, which also corresponds to a process of mixing and cultural integration of large population groups within the Mongolian Plateau. The nomadic economy developed further during the period of the Slab-grave culture and eventually nomadic pastoralism was adopted on the entire Mongolian Plateau, which laid the foundation for the Xiongnu to build a powerful nomadic pastoralist's Empire.

Ancient funeral..., 2016 — Ancient funeral monuments of Mongolia / Ed. by Eregzen G., Ulaanbaatar: Institute of History and Archaeology, 2016. 287 p.

Fairservis, 1993 — Fairservis W. A. The archaeology of the Southern Gobi, Mongolia. Durham: Carolina Academic Press, 1993. XXI, 253 p. (Center of civilization series).

Feng Enxue, 2002 — Feng Enxue. Archaeology of Eastern Siberia and the Russian Far East. Jilin: Jilin University Press, 2002.

Liu Huanzhen, 1991 — Liu Huanzhen. Baotou Xiyuan Chunqiu mudi [刘幻真. 包头西园春秋墓地]. Spring and Autumn period's cemetery in Xiyuan, Baotou // Neimenggu wenwu kaogu. 1991. No. 1. P. 13–24 (in Chinese).

Rawson et al., 2020 — Rawson J., Chugunov K., Grebnev Y., Huan L. Chariotry and prone burials: Reassessing late Shang China's relationship with its Northern neighbours // Journal of World Prehistory. 2020. P. 136–168.

Shao Huiqiu, Wu Yatong, 2020 — Shao Huiqiu, Wu Yatong. Zaoqi youmu wenhua qi yuan wenti tantao [邵会秋、吴雅彤. 早期游牧文化起源问题探析]. The Research on the origin

of early nomad // Beifang wenwu. 2020. No. 1. P. 28–37 (in Chinese).

Wang Jianxin et al., 2006 — Wang Jianxin, Li Yongning, Xi Lin. Gansu mazong shanqu kaogu diaocha jianbao [王建新、李永宁、席琳. 甘肃马鬃山区考古调查简报]. The investigation report on the ancient relics of the Mazong Mountain area in Gansu // Kaogu yu wenwu. 2006. No. 5. P. 27–36 (in Chinese).

Wang Mingke, 2008 — Wang Mingke. Youmuzhe de jueze — Miandui Han diguo de Beiya youmu buluo [王明珂. 游牧者的抉择—面对汉帝国的北亚游牧部落]. The nomad's choice. The first encounter between Northern nomads and Imperial China. Nanning: Guangxi shifan daxue chubanshe, 2008. 274 p. (in Chinese).

Буян-орших нар, 2021 — Буян-орших Б., Батболд Г., Анхбаяр Б., Болорбат Ц., Амгалантөгс Ц., Дэлгэрмаа Л., Цао жиан эн, Сүн гүо дүн, Цао фэн, Цай си. Баянхонгор аймгийн галуут сумын нутагт малтан судалсан хожуу хүрлийн үед холбогдох нэгэн дурсгалын тухай // Studia archaeologica. 2021. Т. XL, fasc. 5. Тал 43–49 (in Mong.).

Гүнчинсүрэн нар, 2012 — Гүнчинсүрэн Б., Амартүвшин Ч., Эрдэнэ-Очир Н., Гантулга Ж., Эрдэнэ Б., Одсүрэн Д., Даидорж Б., Батдалай Б. Өмнөговь аймгийн Ханбогд сумын нутаг “Оюу толгой” компани: Оюу толгойгоос Гашуун сухайт хүртэлх авто замын трассын дагуух археологийн малтлага судалгааны ажлын тайлан. Улаанбаатар: ТАХБМТ, 2012. Тал 18–19 (in Mong.).

Төрбат нар, 2008 — Төрбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. 2007 онд Баян-Өлгий аймгийн Сарсай сумын нутагт ажилласан Монгол-Европын холбооны хамтарсан археологийн экспедицийн тайлан. Улаанбаатар: ШУА-ийн ТАХ-ийн ТБМС, 2008 (in Mong.).

Төрбат нар, 2014 — Төрбат Ц., Батсүх Д., Баярхүү Н., Энхбаяр Г. Монгол-Францын хамтарсан “Eurasiat-хүрлийн үеийн булш” төслийн Археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2014 оны ажлын тайлан. Улаанбаатар: ШУА-ийн ТАХ-ийн ТБМС, 2014 (in Mong.).

Цыбиктаров, 1998 — Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 288 с.

Цэвээндорж нар, 2002 — Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Монголын археологи. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Түүхийн хүрээлэнгийн Эрдмийн Зөвлөлийн батласнаар хэвлэв, 2002. 98 тал (in Mong.).

Эрдэнэ-Очир, Худяков, 2016 — Эрдэнэ-Очир Н., Худяков Ю. С. Монголын эртний нүүдэлчдийн зэр зэвсэг (НТӨ II мянган жил — НТӨ III зуун). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2016. 195 тал (in Mong.).

Размышления о развитии раннекочевого скотоводства на Монгольском плато

Борджигин Кишиси³, Ван Лисинь⁴

Аннотация. *В начале III тыс. до н. э. племена афанасьевской культуры принесли на Монгольское плато свою уникальную модель животноводства. Она оказала определенное влияние на уже существующие традиции и предопределила их развитие в следующие столетия. Около 1500 г. до н. э. на плато складывается животноводческая в своей основе экономика, способствовавшая демографическому росту. Тогда же пастушество обусловило ряд важных изменений в натуральном хозяйстве и образе жизни населения, постепенно сформировав систему раннекочевого скотоводства; большой вклад в развитие последней принадлежит носителям культуры плиточных могил. Эти перемены, в частности, положили начало хозяйственной модели культуры хунну, подготовив экономическую базу их мощной кочевой скотоводческой империи.*

Ключевые слова: Монгольское плато, животноводство, кочевое скотоводство

---

³ Борджигин Кишиси — Школа археологии, Цзилиньский университет; Qianjin St., 2699, Чанчунь, 130012, Китайская Народная Республика; e-mail: qishisi2005@126.com; ORCID: 0009-0005-4500-1589.

⁴ Ван Лисинь — Исследовательский центр пограничной китайской археологии, Цзилиньский университет; Qianjin St., 2699, Чанчунь, 130012, Китайская Народная Республика; e-mail: wanglixinjl@qq.com; ORCID: 0000-0002-2545-4098.

Study on bronze culture of Northern Steppes within the Zhang River Drainage basin, Gansu during the Eastern Zhou period

Mao Ruilin¹

Annotation. *Gansu was the place where bronze cultures spread and developed in the northern steppes. The recent discovery of the Bronze Age in a burial ground at the Dunping Historic Site in Zhang County, Gansu, is the latest in a series of similar discoveries in the northern steppe region. The distinctive characteristics of the relics and burial practices provide valuable cultural information for the study of the Eastern Zhou Bronze Culture in the northern steppes of the Zhang River Drainage basin.*

Key words: *Zhang County, Gansu, Bronze cultures in Northern steppes, Xirong peoples, tombs, Ethnic groups, cultural factors*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.25-31>

The Bronze Age cultures found in the Northern Steppes generally encompass the remnants of bronze that brought substantial influence to the cultures of Northern China. These cultures significantly differ from those that originated within the Chinese region concerning the objects, forms, patterns, and artistic styles (Yang Jianhua, 2004). Scholars commonly categorize Chinese history into the Shang-Zhou Period and the Eastern Zhou Period. The Xirong peoples, who resided along the Chinese border during the Eastern Zhou Period, represented a typical Bronze Culture indigenous to the northern steppes.

The Xirong peoples of pre-Qin times remain a subject of debate in contemporary academic literature. While scant historical records exist about them, there is also no archaeological evidence to provide further insight. Gansu was the region whereby the initial Xirong communities were divided and developed. Recent years have seen intensive archaeological digs in this area, culminating in the discovery of the Xirong burial ground at the Dunping Historic Site in Zhang County, Gansu; the latest in a string of similar discoveries in the region. The unearthed relics and burial practices in this region offer valuable cultural insights into the bronze culture of the Northern Steppes within the Zhang River Drainage Basin during the Eastern Zhou Period.

History of development and distribution

From ancient times, the Chinese states encountered frequent conflicts with the Xirong ethnic group. The records indicate that King Mu of Zhou led an expedition called “March to the Quanrong” and fought against “Rong’s invasion towards China” during the early Spring and Autumn Period. Duke Xiang of Qin also conducted a “march to the Rong ‘til their division”. Beginning from the reign of Duke Mu of Qin, a new wave of conquest towards the western Rong tribes of China was initiated. A historical record attributed to Baili Xi details the “Submission of Eight Rong Peoples”, further supplemented by accounts of military campaigns aimed at defeating Rong kings, devastating twelve Rong states, and expanding territorial boundaries by a thousand miles. Subsequently, Qin forces conquered Mianzhu, Dirong, Yiju, Dali, and Wushi. During the early Warring States Period, it was believed that the Yiju were the only barbarians. However, Queen Dowager Xuan betrayed and killed the Yiju king in Ganquan. To defend against other savages, the Qin built the great walls in Shanxi, Beidi, and Shangjun. As a result, the centuries-long wars between Qin and Xirong ended with the destruction and annexation of Xirong into Qin’s territory.

There were numerous branches of the Xirong peoples, and their cultural expressions were prevalent throughout various regions. The archeological evidence, including investigation and excavation results, indicates that during the Eastern Zhou Period, the remnants of the Xirong peoples’ settlements spanned from the Great Wall of Qin in the north (213 BC) to the northern banks of the Wei River in the south,

¹ Mao Ruilin — Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology; 165 Heping Rd., Lanzhou, 730000, People’s Republic of China; e-mail: 1091234335@qq.com; ORCID: 0000-0003-2078-0852.

the Zhang River (a tributary of the Wei River) in the west, and Zhiwu Mountain in the east, with Mount Long situated at the center. They are primarily distributed in central and southern Ningxia, southeastern Gansu and northern Shanxi. The distribution of Xirong can be further categorized into five sub-regions: central and southern Ningxia, Tianshui Region in eastern Gansu, Zhang County in central and southern Gansu, Qingyang Region in eastern Gansu and Huangling Region in northern Shanxi. Gansu constitutes the primary area of their distribution.

Description of the studying and culture types

In the 1930s, Su Bingqi unearthed the “scooped-feet li (cookware)” in 4 tombs during the Warring States Period at Doujitai, Baopji City, thereby becoming the pioneer of studies on Qin and Rong’s cultures (*Su Bingqi*, 1948). In the 1980s, Zhao Huacheng categorised the cultural remains unearthed in the Maojiaping Historic Site into two categories: “Qin’s Cultural Remains during the Western Zhou Period” and “Group B Cultural Remains Featured by Brown Potteries with Sands,” which are the “Xirong’s Cultural Remains”. At the end of the 1980s, more historic sites of the Bronze Age were discovered in southern Ningxia and eastern Gansu, which scholars call the “Yanglang type”. Later studies suggest that the remains may belong to the activities of the Xirong during the Eastern Zhou period (*Xu Cheng, Li Jinzeng*, 1993). In recent years, many more of Xirong’s important cultural relics have been discovered through the constant research and excavation by archaeologists and researchers.

Zhang Ying divided Xirong’s cultures into five types: “Yanglang”, “Majiayuan”, “Maojisping B Group”, “Zhaitouhe” and “Guanzhong” (*Zhang Ying*, 2019). Among them, the Yanglang type tombs are mainly linear tomb corridors with buried bronze objects in the north (*Xu Cheng et al.*, 1993), and the forms of burial and the buried objects may vary according to the rank of the tomb owner. For the Majiayuan type, vertical ladder-like cave tombs are characteristic, and the buried objects include luxurious carts, fine clothing and ornaments. (*Gansu...*, 2014). The latest Dunping tomb is similar to the Yanglang and Majiayuan cultures, which can be seen in the cultural elements in tombs from the Eastern Zhou period. However, it is also unique in its representation of the bronze culture of the northern steppes.

Form and features of the burials

The Dunping tombs (**fig. 1**), which contain tombs of the Rong people of the Eastern Zhou period, can be divided into vertical put tombs and vertical corridor pit tombs (*Gansu...*, 2020), as well as vertical pit tombs with ramps and vertical

cave tombs. The vertical pit tombs are further categorized into A and B types. The southern side of Type A has wider, two-tiered platforms that are set at different distances from the entrance to the tomb (**fig. 2**). The ratio between the length and width of the pit is small and the shape is similar to a square. The tombs can be divided into large and medium types according to the scales and objects buried. The southern side of type B does not have wider two-storey platforms (**fig. 3**). The ratio between the length and width of the pit is enormous, and the shape is a rectangle with rounded corners. The tombs can be divided into small, large and medium types according to the scale and the objects buried. The side tomb of the vertical pit is composed of vertical tomb corridors and the side chamber located under the northern walls of the vertical pit. The floor is an irregular ellipse. Usually the floor of the side chamber is level with the floor of the corridor, but some may be higher or lower. The pits can also be divided into type A or B, depending on whether there are two-storey platforms with a larger area under the southern walls. The type A pit has the two-storey platform under the southern walls (**fig. 4**). The pit has a smaller ratio of length to width and the shape is similar to a square with rounded corners. The burial area is larger and the rank is higher. The type B pit does not have a larger two-tiered platform under the southern walls (**fig. 5**). The shape is similar to a rectangle with rounded corners. The burial area is small and the rank is low.

The individual in the tomb is lying on his back in an extended position. The head is facing east. The tomb was a secondary burial. In terms of burial features, in most tombs the stocks were buried in multiple layers in the fills of the vertical corridors; some were placed in the burial chamber. Most of the buried implements were randomly placed, except for those buried in layers, which were intentional. Completely buried horse or ox carts were found on the two-tiered platform on the south side of the vertical pit in a large, high-ranking tomb. Disassembled cart wheels, cart bodies and other wooden components, as well as bones and bronze cart and horse accessories symbolising the cart, were found in the fills of the vertical pit or in the corridors of medium sized tombs. Wooden parts and bronze cart accessories were not buried in small, low-ranking tombs. In addition to the buried carts and horse accessories, the number of weapons buried in the fills of the vertical pits and corridors is higher in large and medium-sized tombs. In the burial chamber, the buried objects are mainly necklaces, clothing, accessories for carts and horses, weapons and tools, especially in the earlier tombs. Buried pottery was less common and was usually found in tombs of later periods.

Fig. 1. Map of Northwestern China: Zhang River and Zhang County (map by Mao Xiaolu)

Рис. 1. Карта Северо-Западного Китая: река Чжанхэ, уезд Чжансянь (карта составлена Мао Сяолу)

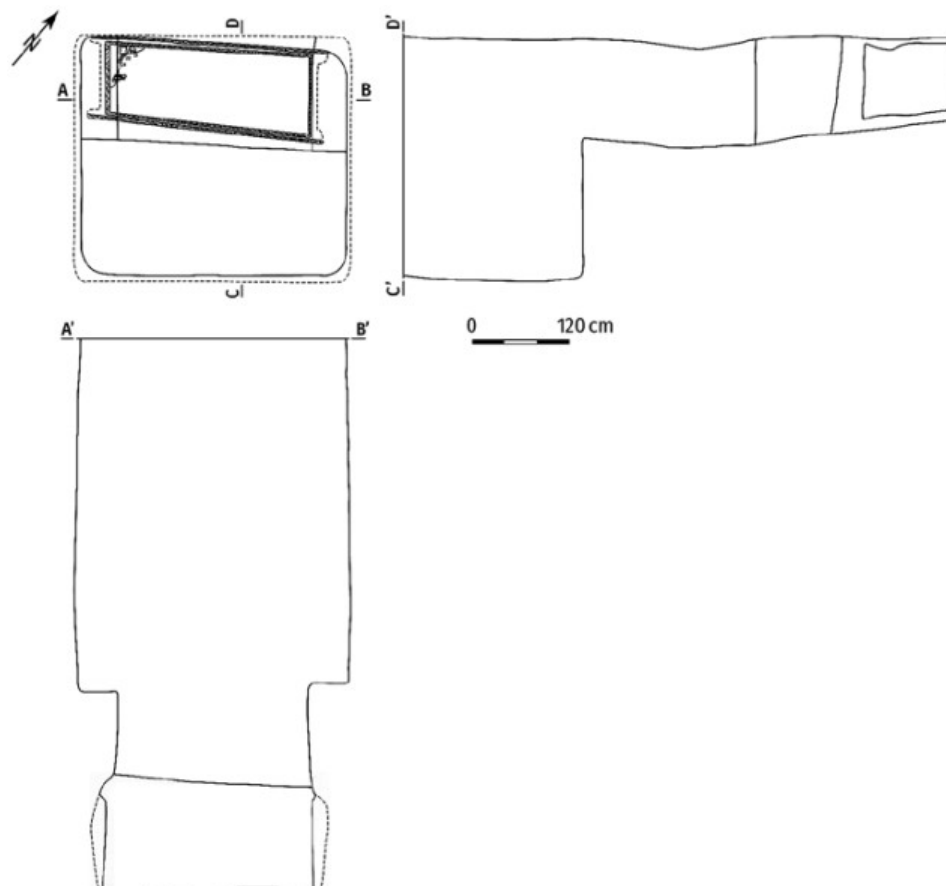

Fig. 2. Plan and profile of burial of Dunping M26 (figure by Zhao Wucheng)

Рис. 2. План и разрез могилы Дуньпин M26 (рисунок Чжао Учэн)

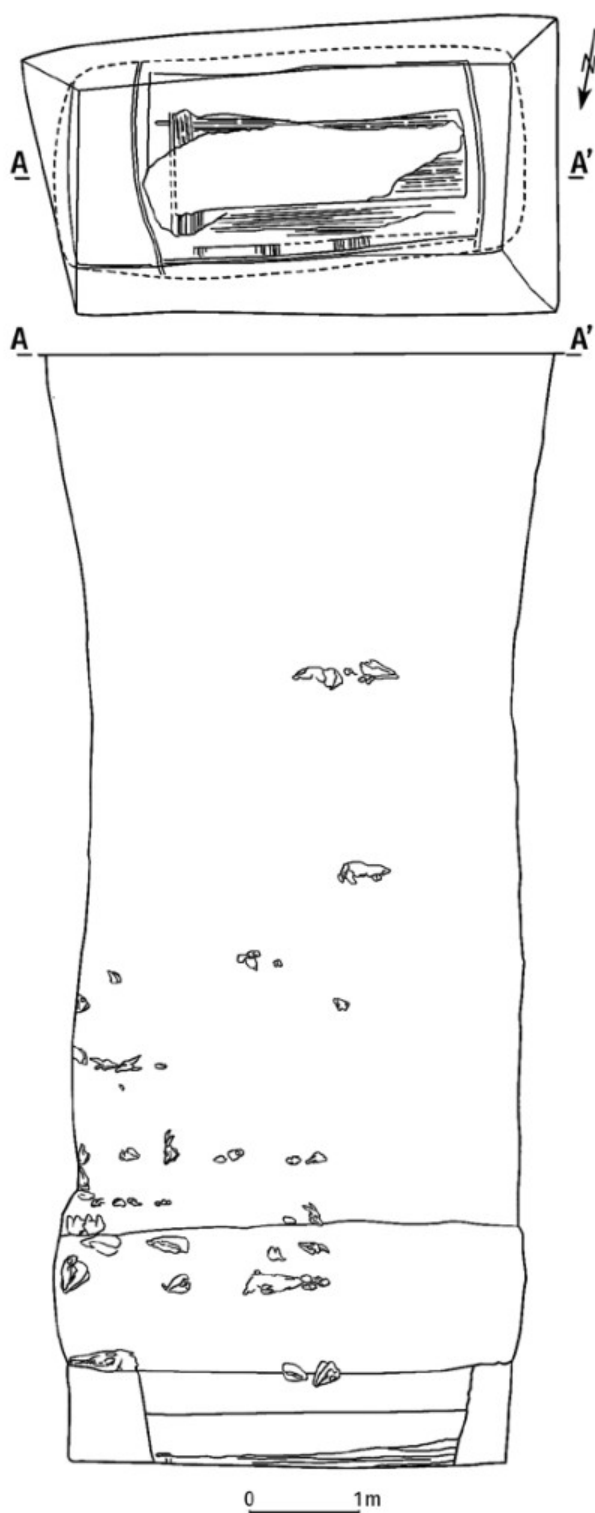

Fig. 3. Plan and profile of burial Dunning M28 (figure by Zhao Wucheng)

Рис. 3. План и разрез могилы Дуньпин M28 (рисунок Чжао Учэн)

Investigating the ethnics of the buried

Records of the Great Historians: Biographies of the Xiongnu says: “Duke Mu of Qin followed my advices, and so the eight kingdoms of the Rong obeyed the Qin. Now the Mianju, Dirong, and Diyuan reside in the west of Long Yiju, Dalu, Wushi, and Quyen reside in the north to Qi, Liang, Jing, and Qee; the Hu in the forest and the Loufan reside in northern Jin; and Donghu and Shanrong reside in northern Yan.” Quotes from *Description Encompassing the Earth in Annotations to Records of the Grand Historians* by Zhang Shoujie say that “The former capital of Yuan was 37 miles away from the south-eastern direction of Xiangwu County, Wei Prefecture. It used to be the land of Yuanrong, one of the savages. The Yuan in Hanyuandao are under the administration of Tianshui County.” *Commentary on the Water Classic*: Weishui goes on to say that “to the east of Weishui lies the former capital of the Yuan, where Duke Xiao of Qin killed the king of the Rong people’s Yuan.” Thus, Hanyuandao should be located between present-day Longxi and Wushan. Furthermore, Gu Jiegang also thinks that the Yuanrong lived in what is now Longxi County, Gansu and the surrounding area. Since Zhang County bordered Longxi in the north and Wushan in the east, the cultural remains of the Xirong in Dunning Tomb may be closely related to the Yuanrong people. Ongoing investigations in the surrounding area have uncovered other historical sites and tombs with similar cultural characteristics in Zhang County. These findings suggest the presence of a significant Yuanrong confederation that flourished in this region during the Eastern Zhou period.

Zhang County, located in the inner lands of the northwestern region, was rich in salt mines. Salt as a key resource was highly related to husbandry. The floras in Zhang County were primarily forests and highland grass. The woods were dense, the grass grew in abundance, and the forage was high in quality. Thanks to the long-term scouring of Zhang River towards loess landform on both shores, a rather wide plain and hills in the vale was formed, which was vary suitable for animal husbandry. To the nomadic peoples, grazing and hunting are the primary economic sources. The quantity of stocks raised by the Rong peoples even served as the standard to signify personal wealth and social status. *Records of the Grand Historians: Biographies of the Xiongnu* says: “They scatter around the valley and are divided with their own leaders. Hundreds of the savages can be gathered, yet they are never unified under one banner. They migrate to other places following the stocks, which are mainly horses, cows, and sheep.” In contrast to agriculture, animal husbandry is an economic model that is vulnerable to various natural factors leading to instability. In Zhang County, there existed abun-

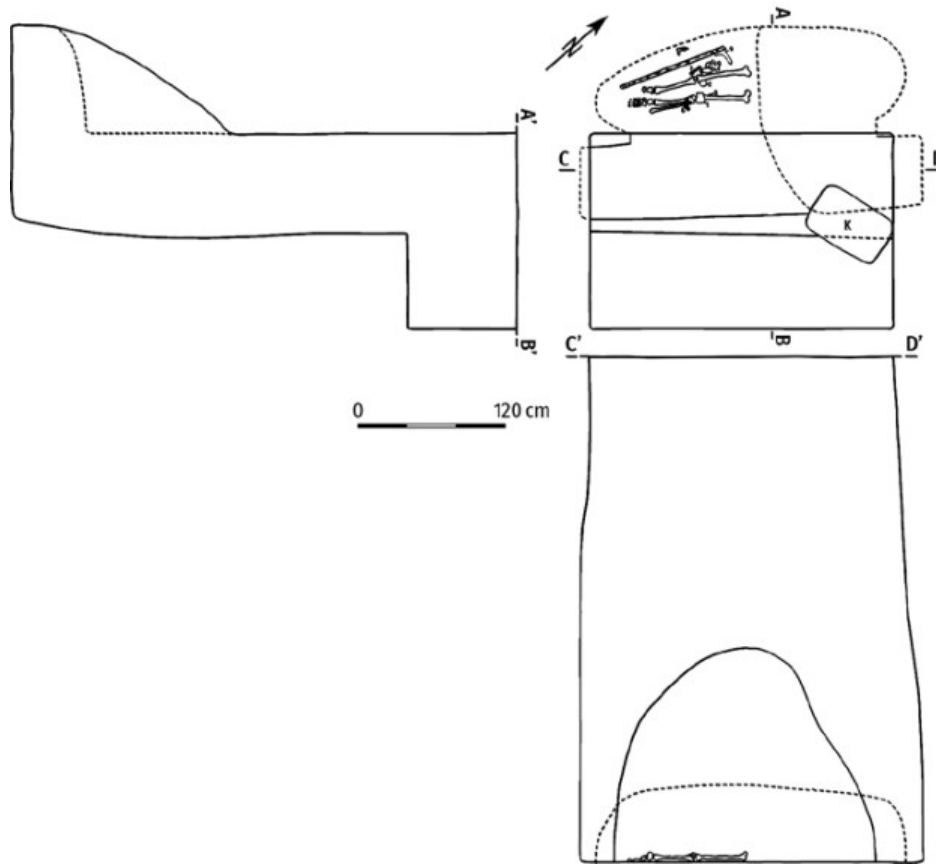

Fig. 4. Plan and profile of burial Dunping M21 (figure by Zhao Wucheng)

Рис. 4. План и разрез могилы Дуньпин M21 (рисунок Чжао Учэн)

dant natural resources and favourable living conditions coupled with a unique and advantageous geographic location, which attracted many Rong tribes to settle in the area.

Analysis of cultural factors

From the change of burial objects during the Late Warring States Period and the Qin Dynasty that were unearthed in the eastern part of the Western Zone and the Eastern Zone in Dunping Tomb, we can see that the peoples of the steppes had advanced between the Late Spring and Autumn Period and the Middle Warring States Period (Mao Ruilin *et al.*, 2019). In the late Warring States period, with the Qin's march to the west, the Chinese culture infiltrated to the region, leading to the decline of cultures in the steppes. *Records of the Grand Historians: The Imperial Records of the Qin* says that the Qin invaded the city of Dongweixia and slain the king of Yuan in the first year of Qin Xiaoxi (361 BC). The Yuanrong were destroyed and the Qin moved westwards to occupy this land. From here we can assume that the Qin had a great impact on the culture of China, resulting in changes in burial forms and rituals. The Qin

culture mixed with the indigenous cultures to create a new, unique culture.

Compared with the Rong tombs in eastern Gansu, such as King Qin'an's Tomb in Tianshui and Majayuan Tomb in Zhangjiachuan, the Xirong tombs in Dunping, Zhang County, are much earlier; there are fewer elements of Qin culture, and the original indigenous cultures lasted much longer. Geographically, the east was closer to the political centre of Qin China. Tianshui, in the drainage basin of the Wei River, was right at the centre of power in the early Qin dynasty and intersected with the empire. Therefore, the east received much more influence from the Qin than Dingxi in the Zhang River Basin. Dingxi was a distant place on the border of Qin, so the cultural influence of the Qin was not as strong as that of the Rong peoples in the east. The early Yuanrong peoples living in the Zhang River drainage basin were able to survive the longest and retain their original culture because they were only active in the westernmost regions of Qin. As the Yuanrong were the last Xirong people to be incorporated into the Qin Empire, their culture was able to be preserved with unique and extraordinary features.

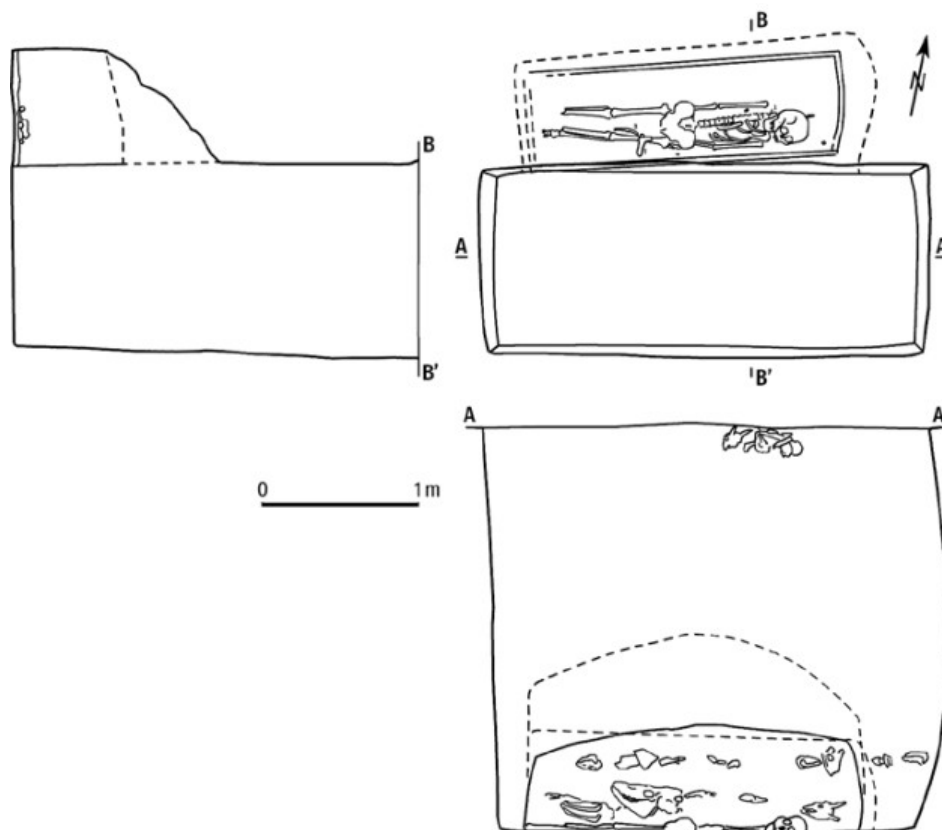

Fig. 5. Plan and profile of burial Dunping M40 (figure by Zhao Wucheng)

Рис. 5. План и разрез могилы Дуньпин М40 (рисунок Чжао Учэн)

Gansu..., 2014 — Gansu sheng wenwu kaogu yanjiu suo. Xirong yi zhen: Majiayuan Zhanguo mudi chutu wenwu [甘肃省文物考古研究所. 西戎遗珍: 马家塬战国墓地出土文物]. Gansu Provincial Institute of Archaeology and Relics. Remained treasures of Xirong: Overview of tombs of Majiayuan during the Warring States Period. Beijing: Wenwu chubanshe, 2014. 426 p. (in Chinese).

Gansu..., 2020 — Gansu sheng wenwu kaogu yanjiu suo. Gansu zhongyao kaogu faxian (2000–2019) [甘肃省文物考古研究所. 甘肃重要考古发现(2000–2019)]. Gansu Provincial Institute of Archaeology and Relics. Important archaeological discoveries in Gansu (2000–2019). Beijing: Wenwu chubanshe, 2020. 375 p. (in Chinese).

Mao Ruilin et al., 2019 — Mao Ruilin, Yang Yueguang, Zhao Wucheng et al. [毛瑞林、杨月光、赵吴成、江. 甘肃漳县墩坪墓地2015年发掘简报]. Presentation of excavation of the Dunping tomb in Zhang County, Gansu in 2015 // Wenwu. 2019. No. 3. P. 19–37 (in Chinese).

Su Bingqi, 1948 — Su Bingqi. Doujitai goudongqu muzang [苏秉琦. 斗鸡台沟东区墓葬]. Burial Grounds in Eastern Doujitai. Beijing: Guoli Beiping Yanjiuyuan Shixue Yanjiusuo, 1948. 290 p. (in Chinese).

Xu Cheng et al., 1993 — Xu Cheng, Li Jinzheng, Wei Zhong et al. Ningxia Guyuan Yanglang qingtong wenhua mudi [许成、李进增、卫忠、江. 宁夏固原杨郎青铜文化墓地]. Tombs of Bronze Culture Yanglang type in Guyuan, Ningxia // Acta Archaeologica Sinica. 1993. No. 1. P. 13–56, 152–157 (in Chinese).

Xu Cheng, Li Jinzheng, 1993 — Xu Cheng, Li Jinzheng. Dongzhou shiqi de rong di qingtong wenhua [许成、李进增. 东周时期的戎狄青铜文化]. Dirong's Bronze Culture during the Eastern Zhou Period // Acta Archaeologica Sinica. 1993. No. 1. P. 1–11 (in Chinese).

Yang Jianhua, 2004 — Yang Jianhua. Chunqiu zhanguo shiqi zhongguo beifang wenhua dai de xingcheng. [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. The formation of archaeological cultures of Northern China during the Spring and Autumn Period and the Warring States period. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004. 219 p. (in Chinese).

Zhang Ying, 2019 — Zhang Ying. Dongzhou Xirong wenhua Majiayuan leixing laiyan chutan [张寅. 东周西戎文化马家塬类型来源初探]. Discovering the origin of Xirong's culture of Majiayuan type during the Eastern Zhou Period // Kaogu yu wenwu. 2019. No. 2. P. 1–76 (in Chinese).

Исследования культуры эпохи бронзы северных степей в бассейне реки Чжан (Ганьсу) в период Восточной Чжоу

Мао Жуйлинь²

Аннотация. *В северных степях провинции Ганьсу в бронзовом веке идут активные процессы культурогенеза. Совсем недавно в уезде Чжансянь (Ганьсу) был раскопан могильник бронзового века в местечке Дуньпин. Уникальные характеристики находок и особенности погребального обряда дают ценную информацию для изучения культур эпохи бронзы периода Восточной Чжоу в северных степях бассейна реки Чжан.*

Ключевые слова: *Чжансянь, Ганьсу, культуры эпохи бронзы северных степей, жуны, гробницы, этнические группы, культурные факторы*

---

² Мао Жуйлинь — Институт культурных реликвий и археологии провинции Ганьсу; Heping Rd., 165, Ланьчжоу, 730000, Китайская Народная Республика; e-mail: 1091234335@qq.com; ORCID: 0000-0003-2078-0852.

Захоронения с колесницами у «северных варваров» V–III вв. до н. э. в Китае¹

П. И. Шульга², Д. П. Шульга³

Аннотация. В Китае колесницы существовали весьма долго. Они использовались как в ритуальных целях, так и на войне. Колесницы также получили распространение у кочевников к северу от Центральной равнины и в их государственных образованиях в пределах Китая. Феномену распространения колесниц посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: колесницы, лошади, Северный Китай, ранний железный век

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.32-34>

Лошади с совершенным снаряжением и колесницами «внезапно» появляются в царстве Шан в XIII в. до н. э. По достаточно убедительным косвенным данным колесничный комплекс был привнесен некими северными племенами из Монголии, к тому времени уже освоившими лошадь и колесницы (Rawson et al., 2020; Mair, 2003). К сожалению, достоверно установить ареал обитания этих племен пока не удается. Важно, что у обитавших за пределами царств Древнего Китая «северных варваров» колесничный комплекс уже существовал к XIII в. до н. э. Колесничество сохранялось у «варваров» и в X–IX вв. до н. э. (Mair, 2003. P. 165).

Колесницы фиксируются в материалах культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» в IX–VIII вв. до н. э. и в VII–VI вв. до н. э. в культуре юйхуанмяо на северных границах царства Янь. Показательным примером «варваров» с колесничным войском является царство Чжуншань, созданное северными ди, осевшими в VII в. до н. э. у юго-западных границ царства Янь. Несмотря на небольшие размеры, царство Чжуншань в V–IV вв. до н. э. принимало ак-

тивное участие в военно-политических событиях в царствах Янь, Чжао, Вэй и Ци. В конечном итоге Чжуншань было уничтожено в 296 г. до н. э. Для этого царству Чжао потребовалось 10 лет и известная реформа Улин-вана (около 307 г. до н. э.), создавшего свою кавалерию конных лучников. Раскопки на территории Чжуншань подтверждают сведения из письменных источников, относивших царство к категории «способных выставить тысячу колесниц» (Хэбэй шэн..., 2005. С. 4).

Раскопки в Линшоу и Гуцзюнь выявили значительное количество ритуальных захоронений лошадей и колесниц в обособленных ямах (чемакэнах), составлявших единые погребально-поминальные комплексы с захоронениями правителей, членов их семей и высшей знати. Имеющиеся данные демонстрируют несколько вариантов захоронения лошадей и колесниц, в том числе хронологически очень близких в Линшоу. При этом схема их расположения в чемакэнах Цо-вана, Чэн-гуна и на могильнике Гуцзюнь не имеет полных аналогий среди выделяемых в Китае.

К югу от каждой гробницы устраивалось по два чемакэна, представлявших собой параллельные друг другу узкие прямоугольные ямы длиной 28–35 м, ориентированные по линии С–Ю. В южной половине ямы одна за другой в линию было уложено по 12 лошадей на боку головами на восток (Там же. 2005. С. 188–189. Табл. 88). Северную часть в ямах занимали колесницы. Раздельное расположение колесниц и лошадей практиковалось в разных вариантах на территории Северного Китая с периода Чуньцзу (VIII — начало V в. до н. э.), однако аналогичного размещения лошадей и колесниц вышеуказанному авторам неизвестно.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-23003/21 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

² Шульга П. И. — Институт археологии и этнографии СО РАН; пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4684-8456.

³ Шульга Д. П. — Сибирский институт управления РАНХиГС; ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Российская Федерация; e-mail: alkaddafa@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8022-2954.

Необычное сочетание разных вариантов размещения колесниц и лошадей было обнаружено в чемакэне № 4, располагавшемся к югу от элитной могилы М58 в могильнике Гуцзюнь, который датируется ранним периодом эпохи Чжаньго (V в. до н. э.) (Хэбэй шэн..., 2021. С. 56–57). В прямоугольной яме размерами 21 × 4 м, ориентированной по линии 3–В, располагались четыре колесницы с четверками лошадей, обращенных головами на восток. В восточной части ямы находилась только колесница, дышло которой через узкий проем выходило сквозь грунтовую стенку в соседнюю подквадратную в плане яму. На дне этой ямы рядом с дышлом находились лишь черепа и копыта лошадей, лошади ориентированы головами на восток. Над черепами этих упряжных лошадей в три слоя располагались черепа жертвенных животных: не менее 37 коров, 28 лошадей и 313 овец. Фактически данная яма представляет собой заполнение подквадратной в плане входной ямы в могилах культуры янлан. Различие лишь в том, что к востоку от черепов лошадей в культуре янлан располагаются катакомбы с захоронением человека. Подчеркнем, что яма и лошади в чемакэне № 4 ориентированы не на север (обычная ориентация чемакэнов в Китае), а на восток. Описанная конструкция в восточной части чемакэна № 4 также зафиксирована на могильнике Гуцзюнь в малом чемакэне в могиле М40 (Там же. С. 72–73). В западной части там находилась колесница с костяком собаки, а в восточной части за грунтовой стенкой — взнузданные черепа пяти лошадей, перекрытых черепами других животных. Из них четыре выделены как упряжные.

Подобное расположение зафиксировано и на могильнике Вандаху культуры янлан (Нинся вэнь..., 2016). В четырех могилах М1–М4 выделяется несколько явных и косвенных признаков реального или условного присутствия в погребальном обряде колесницы с четверкой лошадей: 1) наличие в могилах М1 и М4 сбруйных наборов на четыре лошади, два из них — с колесничными псалями; 2) наличие 4–5 черепов лошадей в могилах воинов (М1, М4), намеренно уложенных у восточных стенок входных ям, и жеребят в захоронениях детей (М2, М3); 3) следы сработанности от удил на зубах лошадей в могилах воинов (М1, М4); наличие наосника и наверхий от колесницы в М1, а также оружия (меча, кинжалов, клевца 2э, копий, наконечника стрелы и ножа). Все это в совокупности указывает на принадлежность умерших к реальным (М1, М4) или условным (М2, М3) воинам-колесничим (Шульга Д., Шульга П., 2019). Если датировка погребений верна, то в Вандаху колесницы с четверкой лошадей использовались на про-

тяжении всего времени его функционирования с V по начало III в. до н. э.

Предположение, что черепа лошадей в захоронениях на могильнике Вандаху маркировали символическую колесницу с четверкой лошадей, подтверждается материалами элитного могильника Мацзяюань культуры янлан (Ганьсу шэн..., 2014). Там черепа лошадей находились непосредственно у ярма полноразмерных колесниц, а в могилах М6 и М18 с колесницами укладывались целые туши лошадей. Интересно, что многочисленные черепа домашних животных в Мацзяюане помещались не во входную яму (как в Вандаху), а в отдельные обособленные от могил ямы. Можно полагать, что наличие колесниц в погребениях Мацзяюаня в большей степени связано не с китайским влиянием, а с высоким статусом погребенных. Нами уже высказывалось предположение, что черепа лошадей в захоронениях на могильнике Вандаху маркировали символическую колесницу с четверкой лошадей (Шульга Д., Шульга П., 2019).

Итак, по материалам культуры янлан устанавливается, что уложенные в ряд черепа четырех лошадей с деталями сбури и колесниц в рядовых погребениях соответствовали реальным захоронениям четверок лошадей с полноразмерными колесницами. В Гуцзюне (царство Чжуншань) эта же традиция воплотилась в своеобразном обряде, совмещающем одновременно захоронение с колесницами туш лошадей (как в элитных погребениях) и черепов лошадей с колесницами. При этом участок ямы с черепами перекрывался многочисленными черепами жертвенных животных, как и в рядовых погребениях культуры янлан. Все это указывает на широкое распространение на значительной территории вариаций своеобразного обряда захоронения колесничных лошадей как в среде степняков (культура янлан), так и в среде уже оседлых «варваров» (Чжуншань), уже воспринявших китайскую культуру.

Шульга Д., Шульга П., 2019 — Шульга Д. П., Шульга П. И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 649–656.

Mair, 2003 — Mair V. H. The horse in late prehistoric China: Wrestling culture and control from the “Barbarians” // Prehistoric steppe adaptation and the horse. Eds. by M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 2003. P. 163–187.

Rawson et al., 2020 — Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. Chariotry and prone burials: Reassessing Late Shang China’s relationship with its Northern neighbours // Journal of World Prehistory. 2020. Vol. 33. P. 135–168.

На китайском языке

Ганьсу шэн..., 2014 — Ганьсу шэн вэньу каогу яньцзю суо.

Сирон и чжэн Мацзяюань Чжанго муди чхуту вэньу [甘肃省文物考古研究所。西戎遗珍马家塬战国墓地出土文物]. Институт археологии и материальной культуры провинции Ганьсу. Археологические находки западных жунов периода Чжанго по материалам могильника Мацзяюань. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. 247 с.

Нинся вэньу..., 2016 — Нинся вэньу каогу яньцзю суо, Пэньян сянь вэньу гуаньли суо. Ван даху ю дзюлун шаньбэйфан цинтун ввэнхца муди [宁夏文物考古研究所、彭阳县文物管理所。王大户与九龙山 - 北方青铜文化墓地].

Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управление по делам культурного наследия уезда Пэньян. Вандаху и Цзюлуншань — могильники культуры северных бронз. В 2 т. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. 842 с.

Хэбэй шэн..., 2005 — Хэбэй шэн вэньу яньцзю суо. Чжангуо чжуншаньгуо лин шоу шэн: 1975–1993 нянь каогу фацизюэ баогао [河北省文物研究所。战国中山国灵寿城: 1975–1993年考古发掘报告]. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с., прил.

Хэбэй шэн..., 2021 — Хэбэй шэн вэньу каогу яньцзю юань дэн бяньчжу. Шуцзю чэ чу Чжуншань: Син тан гу цзунь каогу фасянь [河北省文物考古研究院等编著。数据车出中山: 行唐故郡考古发现] Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Сведения о колесницах из Чжуншаня: Археологические открытия в древнем уезде Синтан. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2021. 202 с.

Burials with chariots of the “northern barbarians” of the 5th–3rd centuries BC in China

Pyotr I. Shulga⁴, Daniil P. Shulga⁵

Annotation. *In China, chariots have existed for a very long time. They were used both for ritual purposes and were used in war. Chariots also became widespread among the nomads north of the Central Plain and in their state formations within China. The present short study is devoted to this phenomenon.*

Key words: *Chariots, horses, Northern China, Early Iron Age*

⁴ Pyotr I. Shulga — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS; 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4684-8456.

⁵ Daniil P. Shulga — Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; 6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation; e-mail: alkaddafa@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8022-2954.

Могильник Сяохэйшигоу как опорный памятник культуры дунху¹

С. А. Комиссаров², М. А. Кудинова³, А. И. Соловьев⁴

Аннотация. Представлены материалы могильника Сяохэйшигоу, обобщены результаты его изучения отечественными и китайскими археологами. На основании сопоставления бронзовых сосудов из Сяохэйшигоу и изделий чжоуского Китая предлагается датировать наиболее ранние комплексы памятника X–IX вв. до н. э. Аналогии находкам из Сяохэйшигоу прослеживаются в материалах культур эпохи поздней бронзы и переходного этапа от бронзы к раннему железу на территории Сибири и Северного Китая. Дискуссионным остается вопрос этнической атрибуции носителей культуры верхнего слоя Сяцзядянь.

Ключевые слова: могильник Сяохэйшигоу, культура верхнего слоя Сяцзядянь, племена дунху, скифоидные культуры, ритуальные бронзовые сосуды

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.35-38>

Первые находки культуры верхнего слоя Сяцзядянь сделаны в 1960 г. на эпонимном памятнике в городском округе Чифэн на юго-востоке Внутренней Монголии. Наиболее представительные материалы обнаружены на могильниках Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу. Первые предметы из погребений Сяохэйшигоу были найдены в 1975 г. сотрудниками ведомства по охране памятников культуры в пункте приема металлолома (Сян Чуньсун, 1984). Раскопки памятника и сбор материалов велись в 1980–1990-х гг. разными организациями, в разных пунктах и с помощью различных методик, что усложняет сведение полученных данных в единую картину (Нэй Мэнгу..., 2009. С. 2–6). Но трудности окупаются богатейшим набором инвентаря, прежде всего бронзовых изделий. Установлено, что население, оставившее могильник, имело сложную социальную структуру и развитое производящее хо-

зяйство, вело преимущественно оседлый образ жизни с повышенной мобильностью, о чем говорят находки конской упряжи, а также изображения колесниц и всадников (Чэнь Хайлинь, 2014; Тянь Ликунь, 2017).

Благодаря сопоставлению находок с изделиями чжоуского Китая для культуры в целом получена датировка IX–VII вв. до н. э. (Ковалев, 1998), что не противоречит радиоуглеродным датам. Для Сяохэйшигоу реперной датой может служить 883 г. до н. э., указанный в надписи на сосуде «Ши Дао гуй», происшедшем, вероятно, из погребения M9601 (Ван Ифань, 2020). Некоторые ритуальные сосуды из Сяохэйшигоу раннечжоуского и даже позднешанского облика позволяют удревнить датировку могильника. Особого внимания заслуживает сосуд *гуй* на массивной подставке в форме параллелепипеда (рис. 1, 1). Такие изделия появляются в самом начале Западного Чжоу (например, «Ли-гуй») и быстро исчезают. Поэтому нижней границей культуры верхнего слоя Сяцзядянь можно считать X в. до н. э. Аналогии находкам из Сяохэйшигоу имеются в материалах культур позднего бронзового века и периода перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Сибири.

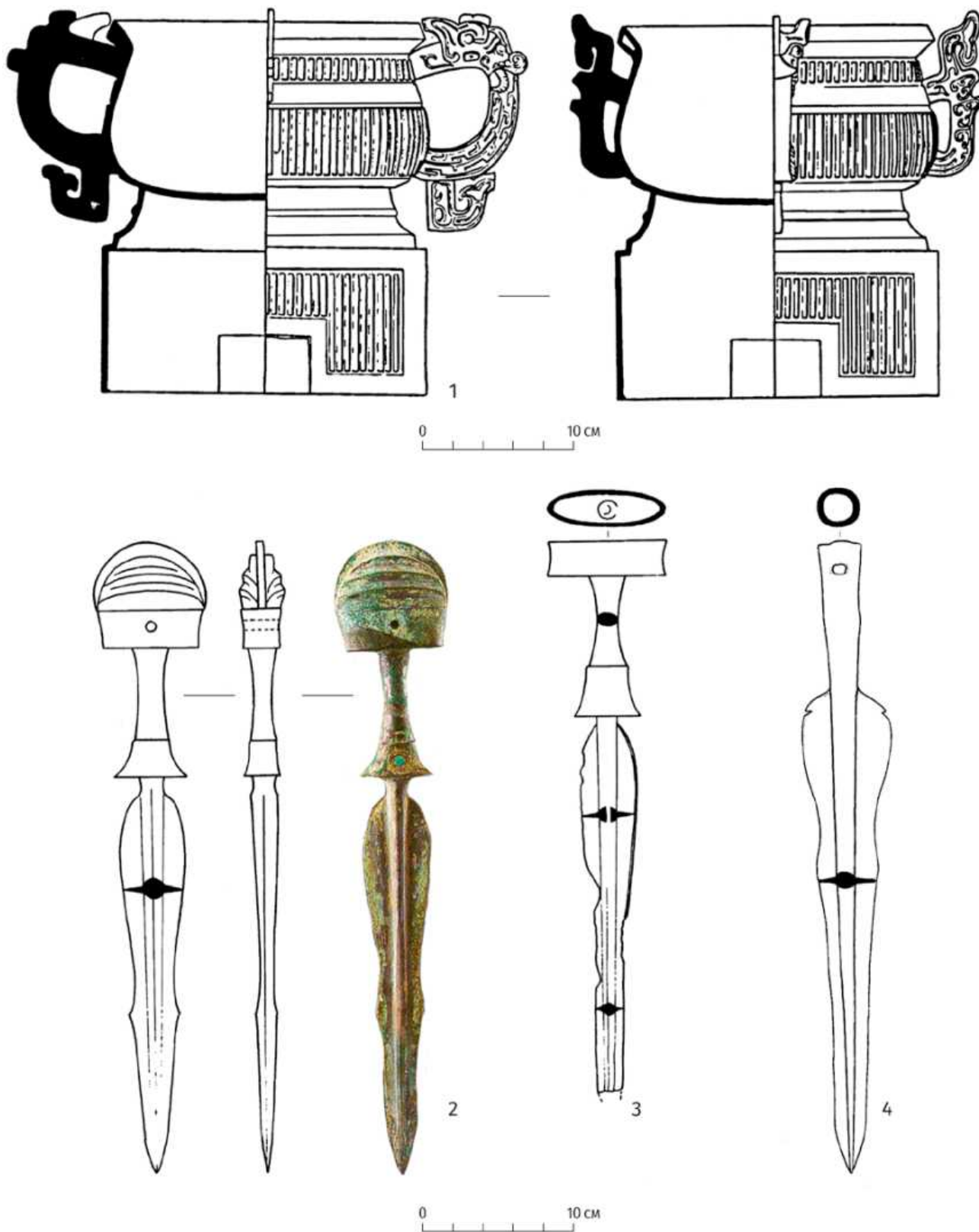
Обобщив доступные данные, мы отнесли верхний Сяцзядянь к раннему железному веку (Комиссаров, 2016). Разработки китайских ученых, выделивших ранний этап этой культуры (Лю Госян, 2000; Шао Хуйцю, Ян Цзяньхуа, 2015), позволили отнести ее начало к эпохе поздней бронзы, а последующие периоды — к переходному

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ, проект № 22-78-10121.

² Комиссаров С. А. — Институт археологии и этнографии СО РАН; пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: sergai@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7657-054x.

³ Кудинова М. А. — Институт археологии и этнографии СО РАН; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

⁴ Соловьев А. И. — Институт археологии и этнографии СО РАН; e-mail: easoloviev@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3891-8944.

Рис. 1. Находки из погребений Сяохэйшигоу: 1 — сосуд *gui* на подставке; 2–4 — кинжалы с профилированными лезвиями. Материал — бронза (по: Нэй Мэнгу..., 2009)

Fig. 1. Finds from Xiaoheshigou burials: 1 — footed *gui* vessel; 2–4 — daggers with profiled blades. Material — bronze (after Нэй Мэнгу..., 2009)

этапу от бронзового к раннему железному веку. В этом отношении она вписывается в круг ранних скифоидных культур Северного Китая (Шульга, 2021).

В свое время С. С. Миняев, изучив погребальный обряд культуры верхнего слоя Сяцзядянь, высказал предположение о ее «протосюннской» принадлежности (Миняев, 1985; 1986). Позднее он скорректировал свою точку зрения, связав с «протосюнну» погребения «типа Наньшаньгэнь», впущенные в верхний слой стоянок Сяцзядянь и Сяохэйшигоу, а также могильники Дуннаньгоу, Наньшаньгэнь, Чжоуцзяди (Миняев, 1991; 2019). Мы же, исходя из данных китайских летописей, выдвинули гипотезу о дунхуской атрибуции этой культуры (Комиссаров, 1988. С. 87–89), получившую развитие в работах, посвященных происхождению монгольских народов и их связям с тунгусо-маньчжурами (Дашибалов, 2010). В настоящее время еще нет возможности сделать однозначные этнические определения. Можно считать установленным, что культура верхнего слоя Сяцзядянь играла важную роль во взаимодействии разных ветвей трансевразийских (алтайских) языков на их исторической прародине — на Северо-Востоке современного Китая (Robbeets et al., 2021). Символом тесных контактов, которые могли восходить к генетическим связям «трансевразийцев», служит бронзовый кинжал с профилированными лезвиями и его модификации (рис. 1, 2–4), присутствующие на всех этапах и в большинстве районов развития этих народов.

Дашибалов, 2010 — Дашибалов Б. Б. К «алтайской проблеме»: возможности новых решений // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 8. С. 82–84.

Ковалев, 1998 — Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122–131.

Комиссаров, 1988 — Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Комиссаров, 2016 — Комиссаров С. А. Северо-восток современной КНР. Культура верхнего слоя Сяцзядянь // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2016. Т. I. Древнейшая и древняя история Китая. С. 871–875.

Миняев, 1985 — Миняев С. С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1985. Вып. 9. С. 70–78.

Миняев, 1986 — Миняев С. С. Исчезнувшие народы: Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.

Миняев, 1991 — Миняев С. С. Зона скифского мира на северо-востоке КНР: находки и проблемы // 22-я науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М.: ГРВЛ, 2019. Ч. 3. С. 171–175.

Миняев, 2019 — Миняев С. С. Актуальные проблемы изучения сюнну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий: К 100-летию создания российской академической археологии / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 203–208.

Шульга, 2021 — Шульга П. И. Ранние скифоидные культуры Северного Китая // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию проф. Д. Г. Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 247–260.

Robbeets et al., 2021 — Robbeets M., Bouckaert R., Conte M. et al. Triangulation supports agricultural spread of the Trans- Eurasian languages // Nature. 2021. No. 599. P. 616–621.

На китайском языке

Ван Ифань, 2020 — Ван Ифань. Ши дао гуй минвэнь синь као [王一凡. 师道簋铭文新考]. Новое исследование надписи на сосуде «Ши Дао гуй» // Сычуань вэньу. 2020. № 3. С. 54–59.

Лю Госян, 2000 — Лю Госян. Сяцзядянь шанцэн вэньхуа цинтунци яньцзю [刘国祥. 夏家店上层文化青铜器研究]. Изучение бронзовых изделий культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Каогу сюэбао. 2000. № 4. С. 451–500.

Нэй Мэнгу..., 2009 — Нэй Мэнгу цзычжицюй вэньу каогу яньцзюсо, Нинчэн Ляо Чжунцин боугуань. Сяцзядянь шанцэн вэньхуа ичжи фацзюэ баогао [内蒙古自治区文物考古研究所、宁城县辽中京博物馆. 小黑石沟—夏家店上层文化遗址发掘报告]. Институт археологии и памятников материальной культуры автономного района Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы государства Ляо в уезде Нинчэн. Сяохэйшигоу: отчет о раскопках памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 488 с.

Сян Чуньсун, 1984 — Сян Чуньсун. Сяохэйшигоу фасяньдэ цинтунци [项春松. 小黑石沟发现的青铜器]. Бронзовые предметы, найденные в Сяохэйшигоу // Нэймэнгу вэньу каогу. 1984. С. 120–123.

Тянь Ликунь, 2017 — Тянь Ликунь. Ляоси дицюй сяньцинь шици мацзюй юй мацэ [田立坤. 辽西地区先秦时期马具与马车]. Конская упряжь и повозки доциньского периода в регионе Ляоси // Каогу. 2017. № 10. С. 100–113.

Чэнь Хайлинь, 2014 — Чэнь Хайлинь. Сяохэйшигоу ичжи сянгуань вэньти яньцзю [陈海霖. 小黑石沟遗址相关问题研究]. Изучение вопросов, связанных с памятником Сяохэйшигоу // Бэйфан миньцзю каогу. 2014. Вып. 1. С. 33–58.

Шао Хуйцю, Ян Цзяньхуа, 2015 — Шао Хуйцю, Ян Цзяньхуа.
Цун Сяцзядянь шанцэн вэньхуа цинтунци кань цао-
юань цзиньшучжилу [邵会秋、杨建华。从夏家店上层

文化青铜器看草原金属之路]. Изучение степного Пути
металла на основании бронзовых изделий культуры
верхнего слоя Сяцзядянь // Каогу. 2015. № 10. С. 85–99.

Xiaoheishigou burial ground as a basic site of Donghu culture

Sergey A. Komissarov⁵, Maria A. Kudinova⁶, Aleksandr I. Soloviev⁷

Annotation. *The paper presents the materials of the Xiaoheishigou burial ground, summarizes the results of its study by Russian and Chinese archaeologists. Based on a comparison of Xiaoheishigou bronze vessels and their Zhou analogies, it is proposed to date the earliest assemblages of the site to the 10th–9th centuries BC. Analogies to the finds from Xiaoheishigou are traced in the cultures of the Late Bronze Age and the transitional period from Bronze to Early Iron Age on the territory of Siberia and Northern China. The issue of ethnic attribution of the Upper Xiajiadian culture remains debatable.*

Key words: *Xiaoheishigou burial ground, Upper Xiajiadian culture, Donghu tribes, Scythian-like cultures, ritual bronze vessels*

---

⁵ Sergey A. Komissarov — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS;
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: sergai@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7657-054x.

⁶ Maria A. Kudinova — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS;
e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

⁷ Aleksandr I. Soloviev — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS;
e-mail: easolovievy@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3891-8944.

On the cow harnesses of Xiajiadian upper-stratum culture

Tian Likun¹

Annotation. After analyzing and examining the bronze artifacts and their contracts, the author concludes that the bronze yoke discovered in tomb No. M8501 of the Xiajiadian Upper-stratum culture's Xiaoheishigou cemetery is most likely a cow yoke. Similarly, the bronze bits are likely to be cow ring ("cow Juan"), and both "horse head sculpture" on top of the bronze curl head and the awl form implement are cow head sculptures.

Key words: Xiajiadian Upper-stratum culture, 夏家店上层文化, Xiaoheishigou, 小黑石沟, cow yoke, cow ring, cow Juan, cow head

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.39-41>

The tomb No. M8501 of Xiaoheishigou cemetery is a stone chamber tomb of Xiajiadian Upper-stratum culture in Xiaoheishigou village of Ningcheng county, Inner Mongolia. After the villagers had dug up the earth and destroyed tomb No. M8501, archaeologists managed to recover over 400 funerary objects, including various bronze containers, weapons, implements, carriage and horse accessories, ornaments, and more. These valuable materials provide significant insights into the study of the Xiajiadian upper-stratum culture (Xiang Chunshong, 1995; Neimenggu..., 2009). Among the more than 400 funeral objects, there are a "bronze cow yoke (铜轭)" and two "bronze bit (铜衔)". Mr. Wu'en Yuesitu believed that "it is the first yoke of this form which were found in northern area, and the shape of it is different from the "人" form yoke which was popular during Shang and Zhou period. The bronze yoke found in Tomb No. M8501 is large and heavy, resembling the yokes used for cows in later periods. This suggests that during that time, cows may have been used as draft animals alongside horses" (Wu'en Yuesitu, 2007). The two "bronze bits" of M8501 are only 8.8 cm long, I once thought they should not be horse bits for their length less than the width of the horse mouth obviously, and they have relation with driving cow most probably (Tian Likun, 2017). I think that the terms "bronze yoke" and "bronze bits" encompass all types of cow

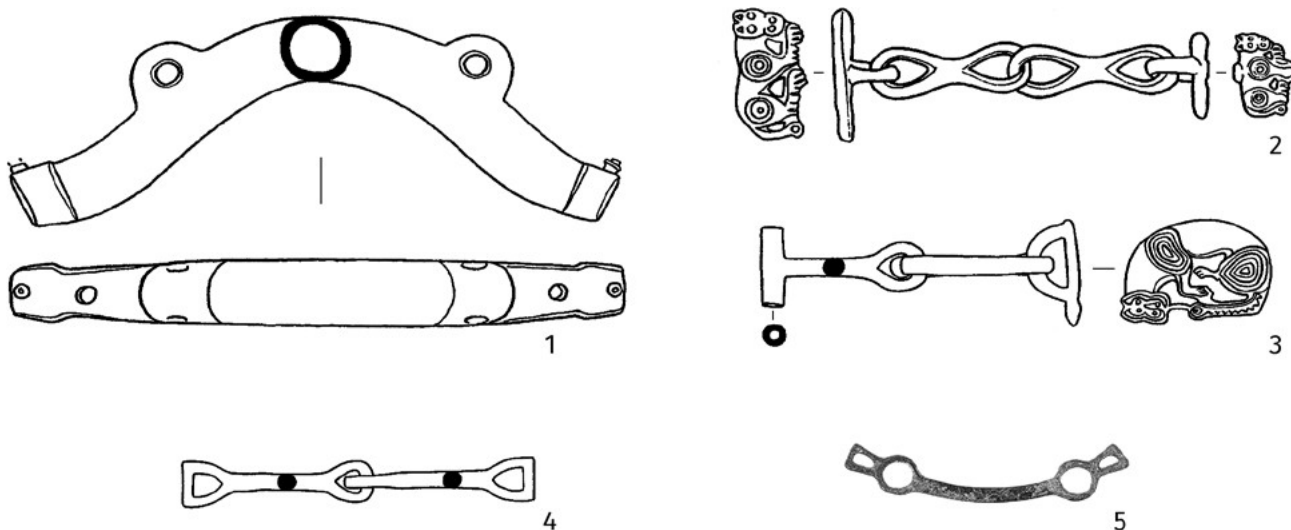
harnesses. Furthermore, I have another argument to support this belief.

According to the describing of excavation report, the bronze yoke (object number is M8501: 64) with a bow back shape, hollow body, round form in central, there is a wear nose on both side of the back, there is a square form casting nail on both side of the back. It is different from the normal bronze yoke of Shang and Zhou period which composed of one head and two legs forking like the form of "人" (fig. 1, 1). Wu'en Yuesitu had pointed out that the bronze yoke is similar with the cow yoke of later generation (Wu'en Yuesitu, 2007). Wu'en Yuestu's point is highly accurate. The "bronze yoke" found in Xiaoheishigou tomb No. M8501 is undoubtedly a harness used for driving cows, and there is no need for further debate.

The object numbers of the two "bronze bits" are M8501: 172 and M8501: 173. "Bronze bits" No. M8501: 172 "with two rings setting together, and tiger shape ring ornaments on both ends, total long is 8.8 cm". "Bronze bits" No. M8501: 173 is "one cylindrical form separated ring, rings set together, a ring looks like "丁" shape when looking at the front horizontally, a ring set an animal form ornament when being cast. Total length is 8.8 cm (on excavation report is 8.5 cm)" (fig. 1, 1-3). The two objects were categorized in carriage and horse implements in "Cleaning excavation report on Xiaoheishigou stone chamber tomb in Ningcheng county (the following is referred to as "cleaning report")", they were named as horse bits in excavation report. A bit is a tool used to control horses, which is placed in their mouth and has projecting rings on both ends that pass through the

¹ Tian Likun — Archaeology Institute of Liaoning Province; 19A Jiuwei Rd., Shenyang, People's Republic of China; e-mail: tianlikunn@qq.com; ORCID: 0000-0002-4997-5154.

Fig. 1. Bronze cow harnesses and bronze horse bits unearthed in Xiaoheshigou cemetery: 1 — cow yoke (M8501: 64); 2, 3 — cow ring (M8501: 172, M8501: 173); 4, 5 — horse bit (92DNXA II M11: 26). Bronze alloy. Without scale

Рис. 1. Бронзовая упряжь для коровы и бронзовые удила для лошади с могильника Сяохэйшигоу: 1 — коровье ярмо (M8501: 64); 2, 3 — носовое кольцо коровы (M8501: 172, M8501: 173); 4, 5 — удила (92DNXA II M11: 26). Бронза. Без масштаба

cheek-pieces. The key features of a bit are that its length should not be less than the width of the horse's mouth and it has rings on both ends for passing through the cheek-pieces. However, the other horse bits discovered in the Xiaoheshigou cemetery, whether they are two-section or straight rod types, have a length between the pots on both ends for passing through the cheek-pieces of no less than 11 cm (**fig. 1, 4, 5**). Therefore, the two "bronze bits" mentioned earlier with a length of less than 8.8 cm could not have been used as horse bits. Object No. M8501: 173 is most likely an implement for cow harness in its nostril for driving.

Among the bronze carriage and horse harnesses showed on the "cleaning report", besides bronze yoke and "bronze bits", there are a bronze horse crown and a bronze curl head as well. The bronze curl head "is a hollowed tube form object, with a bent body, there are two upturned horns on the curl head of front end and eyes glaring furiously. The total length of curl head is 8 cm, the diameter of the backside tube is 2.5 cm". In "excavation report" the "bronze curl head" was named "C type pole headdress" (funeral objects No. M8501: 76) (**fig. 2, 1**). As described in the excavation report, the cylinder-shaped head of the pole headdress is incomplete. The front end is adorned with a sculpted Panchi (蟠螭), which curls down slightly. The Panchi's double horns have a spiral form with four loops, and its double eyes are circular. The nostrils are shown in a passing-through-holes form. Based on the modelling of so-called "curled heads", it is likely that they represent cow heads, as the passing-

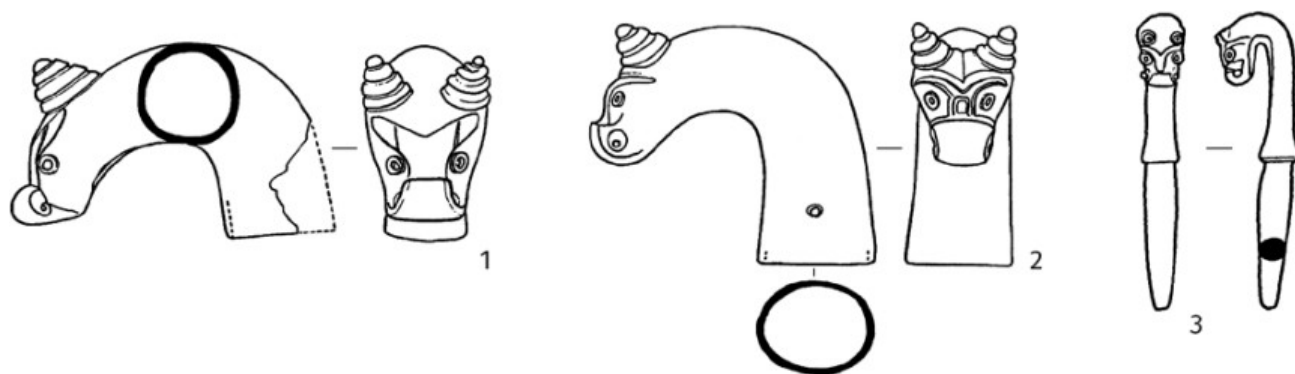
through-holes from the nostrils are a special characteristic of cows (**fig. 2**).

One of the bronze tools unearthed from M8501 of Xiaoheshigou is an "awl form object". It is composed of upper and lower sections, with a convex stripe in the middle and a cast animal head at the top. Its total length is 7.7 cm, and the excavation report identifies it as a "type hair clasp form ornament" with the object No. M8501: 144. As described in the report, M8501: 144 has a sculpted horse head, a thicker base, and a cylinder-shaped body (**fig. 2, 3**). However, it is more likely that the horse head represents a cow head, which supports the idea that "bronze yokes" and "bronze bits" were used for cow harnesses.

Shuo Wen's description states that the "Juan" (𦉳) is a wooden ring used in the nostril of cows. Object No. M8501: 173 serves the same function as a cow's nostril ring, so it would be appropriate to refer to it as a "cow Juan".

Neimenggu..., 2009 — Neimenggu zizhiqiu wenwu kaogu yanjiu suo, Ningcheng xian liao zhongjing bowuguan. Xiaoheshigou — Xiajiadian shangceng yizhi fajue baogao. [内蒙古文物考古研究所、宁城县辽中京博物馆小黑石沟：夏家店上层文化遗址发掘报告]. Xiaoheshigou: Research of the Late Xiajiadian culture. Beijing: Kexue chubanshe, 2009. 487 p. (in Chinese).

Tian Likun, 2017 — Tian Likun. Liaoxi diqu xianqin shiqi maju yu mache [田立坤. 辽西地区先秦时期马具与马车]. The horse fittings and horse-drawn vehicles in Western Liaoning during the Pre-Qin period // Kaogu. 2017. No 10. P. 100–113 (in Chinese).

Fig. 2. Bronze artifacts unearthed in tomb No. M8501 of Xiaoheshigou cemetery: 1, 2 — pole head decorated with cow head sculpture (M8501: 76, M8501: 75); 3 — hair clasp form ornament (M8501: 144). Bronze alloy. Without scale

Рис. 2. Бронзовые артефакты, найденные в погребении № M8501 могильника Сяохэйшигоу: 1, 2 — навершие в виде головы коровы (M8501: 76, M8501: 75); 3 — шпилька для волос (M8501: 144). Бронза. Без масштаба

Wu'en Yuesitu, 2007 — Wu'en Yuesitu. Beifang caoyuan kaoguxue wenhua yanjiu: Qingtong shidai zhi zaoqi tieqi shidai [烏恩岳斯圖。北方草原考古学文化研究: 青铜时代至早期铁器时代]. Archaeological and Cultural studies of the Northern steppes: From the Bronze Age to the Early Iron Age. Beijing: Kexue Chubanshe, 2007. 182 p. (in Chinese).

Xiang Chunshong, 1995 — Xiang Chunshong. Ningcheng xiaoheshigou shiguo mu diaocha qingli baogao [项春松、李义。宁城小黑石沟石椁墓调查清理报告]. Report of the research of the stone coffin grave found at Xiaoheshigou, Ningcheng // Wenwu. 1995. No. 5. P. 4–22 (in Chinese).

Об упряжи для коровы культуры верхнего слоя Сяцзядянь

Тянь Ликунь²

Аннотация. В статье анализируются бронзовые артефакты культуры верхнего слоя Сяцзядянь и аналогии им. Автор приходит к выводу, что бронзовое ярмо, обнаруженное в гробнице № M8501 на могильнике Сяохэйшигоу, скорее всего, предназначалось для коровы/быка. Одновременно с этим «бронзовые уздечки» предположительно использовались в качестве носового кольца для коровы, а закругленные навершия, известные как изображения головы лошади, могут являться головой коровы/быка.

Ключевые слова: верхнесяцзядяньская культура, 夏家店上层文化, Сяохэйшигоу, 小黑石沟, коровье ярмо, носовое кольцо коровы, голова коровы

² Тянь Ликунь — Институт археологии провинции Ляонин; Jiwei Rd., 19A, Шэньян, Китайская Народная Республика; e-mail: tianlikunn@qq.com; ORCID: 0000-0002-4997-5154.

A study on the chronology of Issyk kurgan

Wang Yufu¹, Pan Ling²

Annotation. Barrow Issyk is located in Kazakhstan near the border with Xinjiang, China. There is quite a bit of information about the mound, and the date of its construction is still being discussed by foreign scientists. The article focuses on fragments of gold leaf flakes of the Issyk barrow decorated with burin-embossed parallel stripes, with images of large-horned sheep and abstracted bird heads. Objects are identical to similar artefacts found in the early Majiayuan cemetery. The winged bighorn sheep from the Issyk kurgan predates the horned sheep found in the early remains of the Majiayuan cemetery. However, it is later than the Griffin from the late Achaemenid dynasty of Persia. The animal with hind hoof-turned motifs of the Issyk kurgan is similar to those of the burials in the Pazyryk cemetery. Based on a comparative analysis of the artefacts, the results show the date of the Issyk Kurgan would be the 4th–3rd centuries BC, suggesting a possible date range between the Middle and Late Warring States Period.

Key words: Issyk kurgan, Persia, Majiayuan Cemetery, Griffin, between the middle and late Warring States period

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.42-48>

The Issyk kurgan is located in the Republic of Kazakhstan, close to Xinjiang, China, on the northern shore of Lake Issyk, about 50 km east of Almaty. In 1969–1970, under the direction of K. A. Akishev, two tombs were excavated in the western part of the cemetery, one of which yielded more than 4,000 pieces of gold artifacts (Акушев, 1978). This was an important discovery in Central Asian archaeology. This tomb is commonly referred to in Chinese scholarship as the “Issyk Golden Man Tomb” or the Issyk kurgan.

The Issyk kurgan dates back to the Warring States period and provides important comparative material for studying cultural exchanges between northern China and the Eurasian steppe prior to the opening of the Silk Road. However, the domestic academic community lacks understanding of the basic structure and composition of the excavated gold artifacts and tombs at the site. As a result, current research is limited to comparing some of the objects excavated from the Issyk kurgan with relevant materials from China.

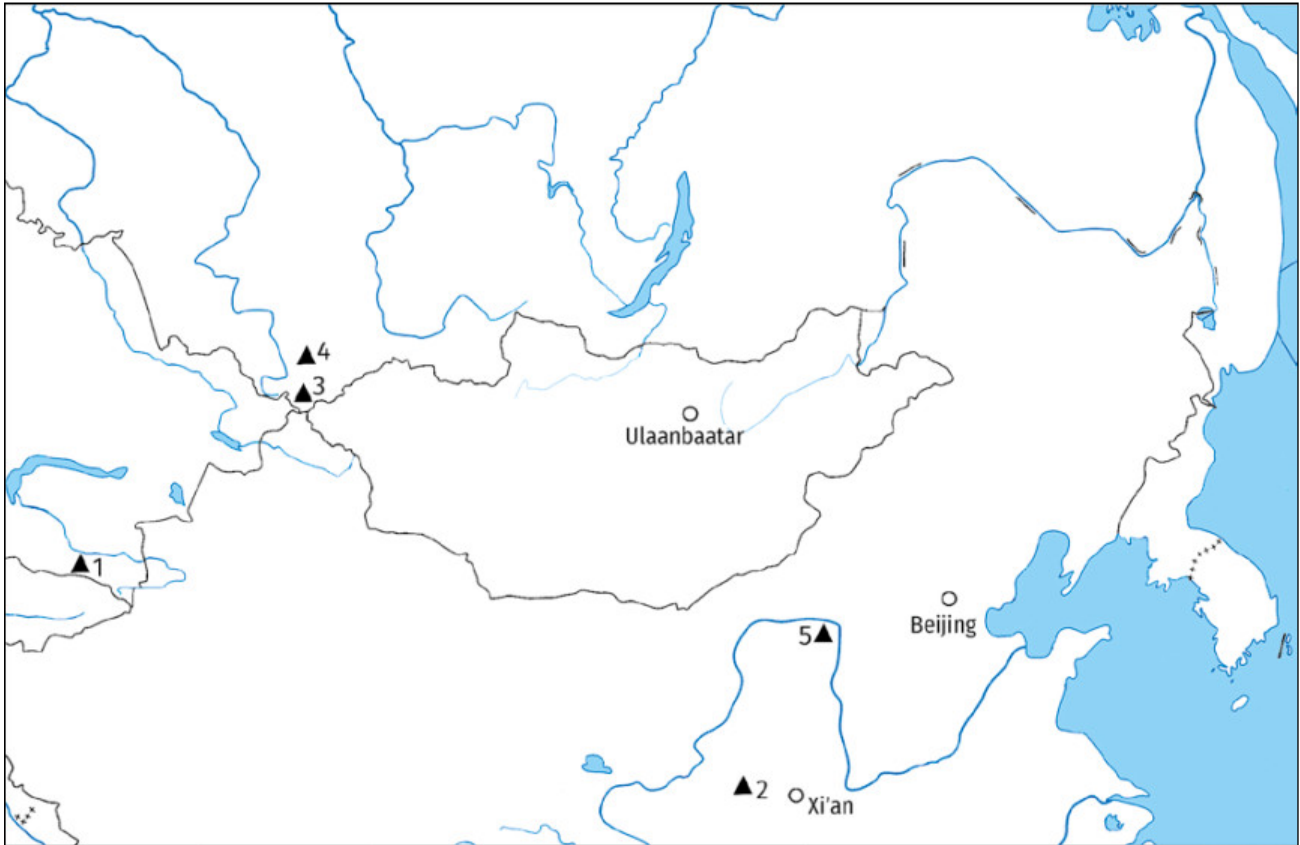
However, there is a certain degree of controversy within the academic community concerning the tomb’s age. Currently, there are three different views on the dating of the Issyk kurgan: 5th to 4th century BC (*Ibid*), 4th to 3rd century BC (Джумабекова, Базарбаева, 2018), and 3rd to 2nd century BC (Of Gold..., 2006. Fig. 39). Due to a lack of understanding of the basic materials of the Issyk kurgan within the domestic academic community, coupled with significant disagreements between existing dating methods, further research into the site has been somewhat limited. This article will review the basic information of the Issyk kurgan and propose a well-founded dating method through comparisons with artifacts from the Majiayuan cemetery in Gansu, the Achaemenid Empire in Persia, and the M2 at the Xigoupan cemetery in Inner Mongolia (fig. 1).

Comparison with early remains from the Majiayuan cemetery (fig. 2)

The gold artifacts discovered at the Issyk kurgan in Kazakhstan bear the closest resemblance to those uncovered at the Majiayuan cemetery in eastern Gansu Province, China. Some scholars believe that the bronze and silver ibexes on the side panels of the Majiayuan M1 chariot and the horn-shaped decorations on the curled wheels are very similar to those in the Issyk burial site, reflecting cultural factors from the Seven Rivers basin in Central Asia that were introduced to the eastern Gansu region via the Ili River

¹ Wang Yufu — School of Cultural Heritage, Collaborative Research Center for Archaeology of Silk Road, Northwest University; 1 Xuefu St., Xi’an, 710127, People’s Republic of China; e-mail: 979236360@qq.com; ORCID: 0000-0002-6072-3708.

² Pan Ling — School of Cultural Heritage, Northwest University; 1 Xuefu St., Xi’an, 710127, People’s Republic of China; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID:0000-0002-3925-0176.

Fig. 1. Location map of the Issyk kurgan and related barrows: 1 — Issyk kurgan; 2 — Majiayuan; 3 — Pazyryk; 4 — Aka-Alakha; 5 — Xigoupan

Рис. 1. Карта расположения кургана Иссык и связанных с ним памятников: 1 — Иссыкский курган; 2 — Мацзяюань; 3 — Пазырык; 4 — Ака-Алаха; 5 — Сигупань

Valley and Northern Xinjiang (*Yang Jianhua, 2010*). The previous academic consensus was that Majiayuan cemetery dated back to the late Warring States period in China. However, based on the changes in animal patterns and Central Plains-style bronze containers, Majiayuan cemetery can be further divided into two periods, early and late. The first period dates from the mid to late Warring States period to the early stage of the late Warring States period and at least includes the M1 and M3 tombs, according to published materials. The second period is the late stage of the late Warring States period and includes most of the already published tombs (*Pan Ling, Du Xunqi, 2024*).

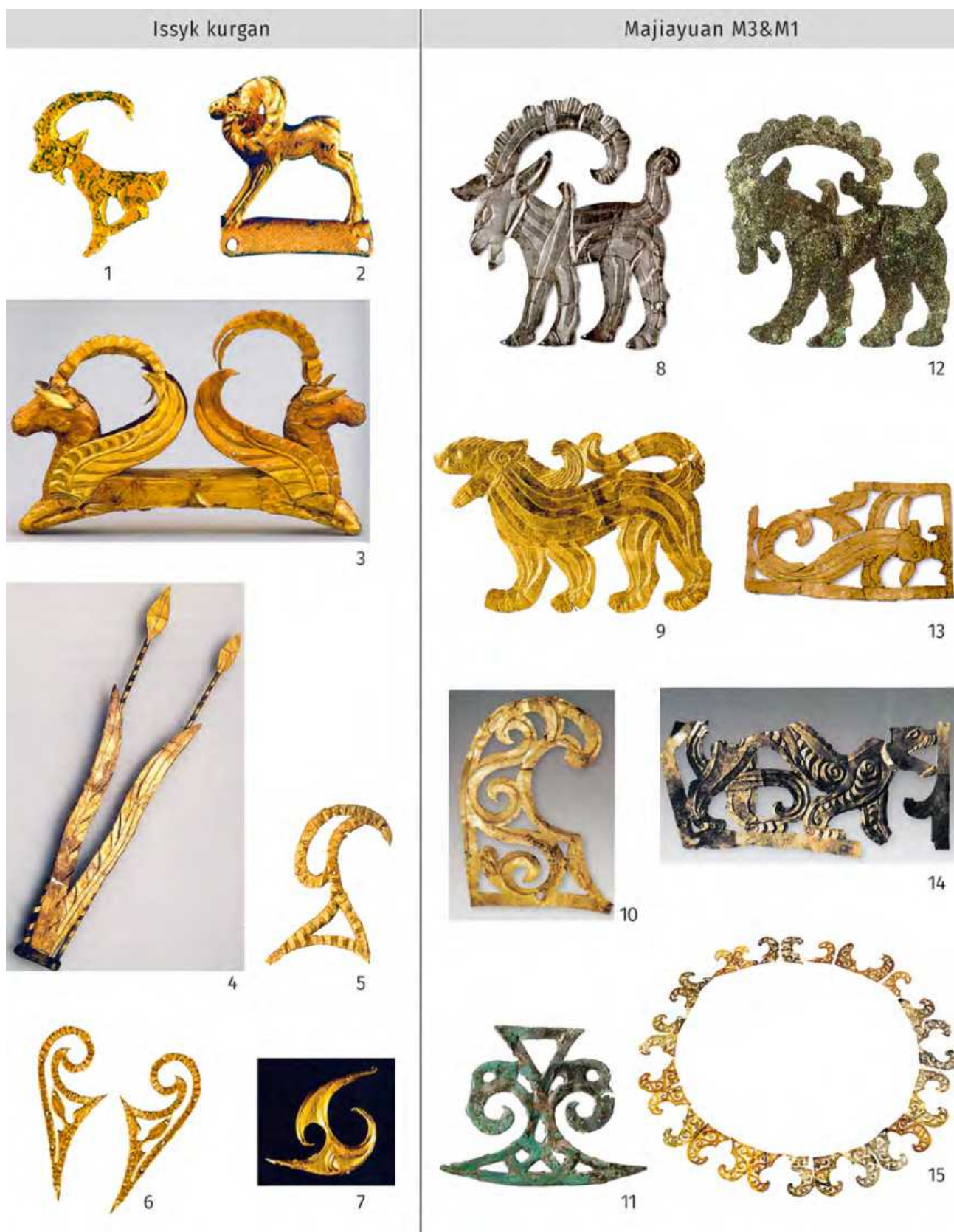
Gold foil unearthed from both the Issyk kurgan and the early remains of the Majiayuan are decorated with parallel lines chiseled out, featuring images of large-horned sheep and abstracted bird heads. Based on these similarities, it can be inferred that the age of the Issyk kurgan should be close to that of the early Majiayuan remains, which date back to the mid to late Warring States period to the early stage of the late Warring States period.

Evolution of the big horned sheep (fig. 3)

The big horned sheep found in the Issyk kurgan exhibit two types of horns: a nearly circular coiled horn and a large curved horn, both of which have protrusions represented by smooth parallel ridges. The large curved horned sheep can be further divided into two types: jumping and winged prone. During the Persian Achaemenid dynasty, the griffin with horns was popular, which differed from the hornless griffin in the Greek style.

There is an obvious evolutionary trajectory from the big horned griffin and winged big horned sheep in the late Achaemenid dynasty to the big horned goat in Majiayuan, the big horned deer, and the big horned mythical creature in Xigoupan M2. The evolutionary trajectory involves a transition from realism to abstraction and simplification, with horns becoming longer and their tips moving from the neck to behind the tail. The wings become more simplified and smaller.

The characteristics of the big horned sheep found in the Issyk kurgan fall between the Achaemenid dynasty's big horned griffin and winged big horned sheep and the early

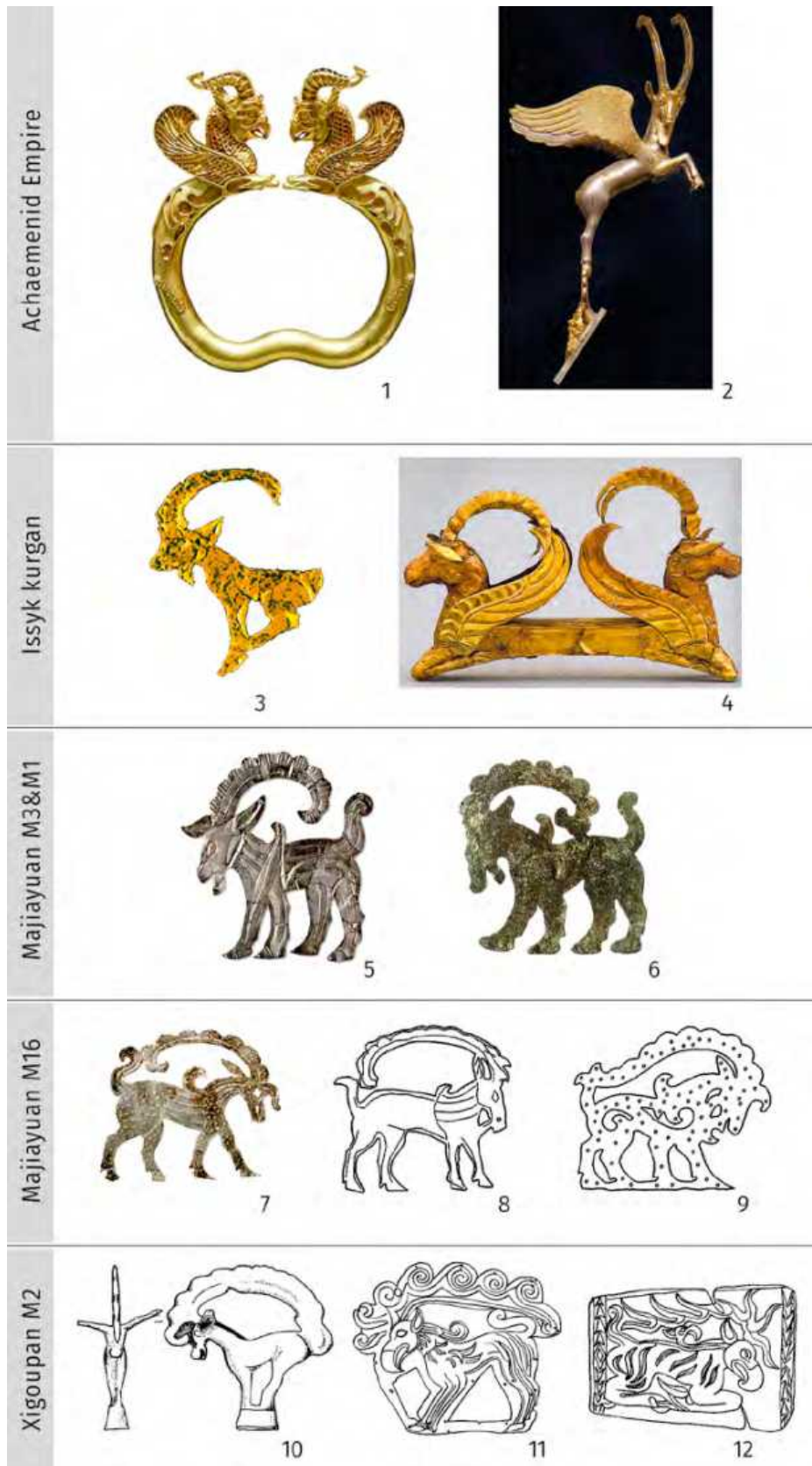

Fig. 2. Comparison of the gold artifacts from the Issyk kurgan and the artifacts from the early burials of the Majiayuan cemetery.

1-7, 9, 10, 13-15 — gold; 8 — silver; 11-12 — bronze alloy. Scale different

Рис. 2. Сравнение золотых изделий из кургана Иссик и изделий из ранних погребений могильника Мацзяюань.

1-7, 9, 10, 13-15 — золото; 8 — серебро; 11, 12 — бронза. Масштаб разный

Fig. 3. Comparison chart of griffins, big-horned sheep, and the divine beast with big horns. 1, 3, 4, 11, 12 — gold; 2 — gilded; 5, 7-9 — silver; 6, 10 — bronze alloy. Scale different

Рис. 3. Сравнительная таблица грифонов, горных баранов и божественного зверя с большими рогами. 1, 3, 4, 11, 12 — золото; 2 — золочение; 5, 7-9 — серебро; 6, 10 — бронза. Масштаб разный

Fig. 4. Comparison chart of animals and crown. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — gold; 3, 6, 7 — textile, gold. Scale different

Рис. 4. Сравнительная таблица изображений животных и высокого головного убора. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — золото; 3, 6, 7 — текстиль, золото. Масштаб разный

Majiayuan big horned sheep. Thus, their age should fall between the late 4th century BC of the Achaemenid dynasty and the early period of the Warring States in the 3rd century BC, equivalent to the mid to late Warring States period in China.

Comparing the headgear of the burial masters

The animal-patterned gold ornaments discovered at the Issyk kurgan were mainly used to decorate the burial master's headgear. Although there are two different restoration methods for the placement of the winged ram statue on the crown, both methods place the ram statue on the front of the crown (fig. 4, 1, 2). Pointed crowns similar in shape to the Issyk kurgan gold crown are also commonly found in the late Pazyryk culture tombs in the Altai region of south-western Siberia. Among them, the crown of the female burial master in the Aka-Alakha M1 burial site was restored with two animal sculptures on the front of the crown, with bird-shaped patches and abstract bird head-shaped floral patterns decorating the front and middle of the crown, respectively (fig. 4, 3) (Полосьмак, 1994. С. 40, рис. 40).

The Issyk kurgan gold crown has small bird sculptures on the branches, and the hollow gold foils decorating the rim of the crown are also in the shape of abstract bird heads. The slender leaves of gold leaf, surrounded by four arrow-shaped feather decorations on the lower part of the crown, resemble the feathers on birds' wings. The two funerary crowns both have animal sculptures and abstract bird head patterns on the rim, suggesting that they share the same decorative theme. Therefore, their dates should be close. The new date for the Akka-Alakha M1 tomb is around 277 BC (Linduff, Robinson, 2021. P. 15), and the dating of the Issyk kurgan should also be close to this period.

Contrast of reverse hoofed animal motifs

The reverse hoofed animal motifs found on the Issyk kurgan are characterised by their slender body proportions, depicting either moose or horses with large antlers. The hind legs of both animals are shown raised in a similar manner. Reverse hoofed animals were also popular in the Pazyryk culture, as seen in two saddle ornaments with reverse moose motifs found in tomb M5 (Rudenko, 1970. Fig. 165). These motifs also feature slender bodies, with one of the ornaments showing staggered hind legs, similar to the reverse hoofed moose on the Issyk kurgan. The other ornament shows a similar moose motif, but with a slightly shorter body and only one raised hind leg.

The single reverse hoofed animal motifs in Xigoupan M2 are all horses with short bodies and only one raised hind leg

(Guo Suxin, Tian Guangjin, 1980). Radiocarbon dating places tomb M5 between 250–240 BC, while the date for Xigoupan M2 is between 234–221 BC (Huang Shengzhang, 1985). The evolution of the reverse hoofed animal motif can be seen in the transition from two staggered hind legs to a single raised hind leg and from slender to shorter body proportions. The single reverse hoofed animal motifs found in tomb M5 represent a transitional stage between the depiction of two hind legs and the depiction of only one hind leg. Based on the evolution of the reverse hoofed animal motif, it is likely that the reverse hoofed animal motifs in the Issyk kurgan predate those found in tomb M5 by a small margin, placing them around 250–240 BC, which is consistent with the dating analysis of the Issyk kurgan's large horned sheep statue and gold crown mentioned above.

By comparing the patterns and contours of the gold artifacts, the big-horned sheep, the gold crown, and the reversed-hoofed animal patterns found in the Issyk kurgan mound with similar artifacts from the Achaemenid dynasty of Persia in the 4th century BC, as well as the Majiayuan tomb, Pazyryk culture and the Xigoupan M2, it is indicated that the Issyk burial mound artifacts are from around the 4th to 3rd centuries BC, roughly equivalent to the middle and late periods of China's Warring States era. After a comparative analysis of artefacts, the results show the date of the Issyk kurgan would be the 4th century BC and the 3rd century BC, which could correspond between the middle and late Warring States period. This suggests that the owner of the tomb was a local Saka leader influenced by Persian and Greek culture.

Guo Suxin, Tian Guangjin, 1980 — Guo Suxin, Tian Guangjin. Xigoupan xiongnu mu [郭素新、田广金。西沟畔匈奴墓]. The Xigoupan Xiongnu tombs // Wenwu. 1980. No. 7. P. 1–10, 98–99 (in Chinese).

Huang Shengzhang, 1985 — Huang Shengzhang. Xin chu zhanguo jin yin qi mingwen yanjiu [黄盛璋。新出战国金银器铭文研究]. New research on the inscriptions on gold and silver objects from the Warring States Period // Guwenzi yanjiu. 1985. No. 12. P. 337–354 (in Chinese).

Linduff, Robinson, 2021 — Linduff K. M., Robinson K. S. Pazyryk culture up in the Altai. London; New York: Taylor and Francis group, 2021. 174 p.

Of Gold..., 2006 — Of gold and grass. Nomads of Kazakhstan. Ed. by C. Chang. San Diego: Foundation for International Arts and Education, 2006. 180 p.

Pan Ling, Du Xunqi, 2024 — Pan Ling, Du Xunqi. Majiayuan mudi niandai yanjiu [潘玲、杜徇齐。马家塬墓地年代研究]. A study on the chronology of the Majiayuan cemetery // Kaogu xue jikan. 2024. No. 31 (in Chinese) (in print).

- Rudenko, 1970 — Rudenko S. I. Frozen tombs of Siberia: The Pazyryk burials of Iron Age horsemen. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1970. xxxvi, 482 p.
- Yang Jianhua, 2010 — Yang Jianhua. Zhangjiachuan muzang caoyuan yinsu xun zong—tianshan tongdao de kaiqi [杨建华. 张家川墓葬草原因素寻踪—天山通道的开启]. Tracing the prairie factors of Zhangjiachuan tombs // Xiyu yanjiu. 2010. No. 4. P. 51–56 (in Chinese).
- Акишев, 1978 — Акишев К. А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Джумабекова, Базарбаева, 2018 — Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Искусство саков Казахстана // Золото властелинов казахских степей: Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан / Отв. ред. А. Онгарулы. Астана-Сеул, 2018. С. 494–535.
- Полосьмак, 1994 — Полосьмак Н. В. Стерегищие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

К вопросу о хронологии кургана Иссык

Ван Юфу³, Пань Лин⁴

Аннотация. Курган Иссык расположен в Казахстане недалеко от границы с Китаем в регионе, прилегающем к Синьцзяну. Информации о кургане довольно мало, а дата его сооружения до сих пор обсуждается зарубежными учеными. Внимание статьи сконцентрировано на фрагментах золотой фольги Иссыкского кургана, украшенных резцовым тиснением параллельными полосами с изображениями горных козлов и абстрактных птичьих голов. Предметы сходны с аналогичными артефактами, найденными в раннем могильнике Мацзяюань. Крылатый горный баран из кургана Иссык предшествует рогатым баранам, найденным в ранних материалах кладбища Мацзяюань. Однако он более поздний, чем грифон поздней династии Ахеменидов в Персии. Протомы копытных из кургана Иссык также похожи на мотивы из курганов Пазырыка. После сравнительного анализа артефактов было установлено, что Иссыкский курган датируется IV–III вв. до н. э., что соответствует среднему и позднему периодам Сражающихся царств.

Ключевые слова: курган Иссык, Персия, Мацзяюань, грифон, между средним и поздним периодом Сражающихся царств

³ Ван Юфу — Школа культурного наследия, Совместный исследовательский центр археологии Шелкового пути, Северо-Западный университет; Xuefu St., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; email: 979236360@qq.com; ORCID:0000-0002-6072-3708.

⁴ Пань Лин — Школа культурного наследия, Северо-Западный университет; Xuefu St., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID: 0000-0002-3925-0176.

Excavation of the slab graves in Xinbaerhuyouqi, Hulunbeier

Yu Dang¹

Annotation. *The author discusses the research conducted by the Institute of Cultural Relics and Archaeology of Inner Mongolia Autonomous Region and Hulunbeier National Museum from 2019 to 2022. The excavation team carried out excavations in Xinbaerhu Right Banner Hulunbeier and presented new findings from the funerary sites of the Bronze Age. The author highlights several significant features, such as the categorization and location selection of stone graves, as well as the absence of bones in the tombs, which could be discussed further.*

Key words: *Xinbaerhu Right Banner, Hulunbeier, slab graves, Bronze Age*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.49-51>

From the Bronze Age to the Early Iron Age, the stone tablet tomb was a popular burial form in the forest and grassland areas outside Baikal. As a rule, the four walls of the tomb are pasted with erected stone tablets or large stones and the upper ends of the stones are mostly 0.5–1 m above the ground, forming a rectangular or nearly square stone wall with an area ranging from 4 m² till 40–50 m². Gravel is piled in the stone wall and the tombs are mostly located in the middle of the stone wall and covered with slate. The buried persons lie oriented mainly to the east, leaning back and straight limbs. Small pieces of bronze tools, weapons, and decorations are buried in the tomb, as well as various kinds of beads, shells, bones and pottery. The heads of sheep and horses are often found in tombs, while cows' heads are quite rare. With the deepening research on the excavation of slab graves in the outer Baikal area of Mongolia, from 2019 to 2022, the Institute of Cultural Relics and Archaeology of Inner Mongolia Autonomous Region and Hulunbeier National Museum jointly launched the investigation and excavation of Xinbaerhuyou Banner. Burdun Mountain, Erdun Mountain, Haula and other cemeteries were mainly excavated. According to the investigation and excavation in the past three years, I have got some knowledge about the rectangular slab graves but also I found many problems. I hope to exchange some ideas.

The excavation of the cemetery Burdun Mountain

The cemetery is located at the top of the hill with 7 tombs visible on the surface. In the center of the cemetery, there are three remains connected by walls. Two large tombs on the north side were discovered and confirmed. In the middle of the tomb, irregular tombs, rectangular with rounded corners, were found. The northernmost one was buried in a different cave for two people, and the middle one was buried in a single person. The smallest one on the south side did not find the middle tomb and any signs of human bones after excavation, so it may not be a tomb. The rest of the tombs are located around the central area, which is separated from the north and south. Due to serious damage, scattered remains of animals' sacrifice can be seen on the surface. The southernmost side near the cliff once cleared a tomb and buried it for three people.

Haula (*Hao Side*, 1988) is the largest cemetery known at present, with dense distribution. It can be divided into east and west areas. Investigation and excavation revealed that there are more than 80 stone tombs in the eastern area, among which small rectangular stone remains are presumed to be non-tombs, and there are also several large tombs in the middle of the cemetery, surrounded by small tombs. The four-walled slate, seen from the surface, is short. In addition to the overall distribution of small tombs in rows, there is also a group relationship between them which obviously shows that several tombs have absolutely the same direction. At the top of the tomb, a short flagstone can be seen. Several small tombs were excavated, but human bones weren't found there.

¹ Yu Dang — Inner Mongolia Autonomous Region Institute of Cultural Heritage and Archaeology; 1 South Lane of Inner Mongolia Exhibition Hall, Hohhot, People's Republic of China; e-mail: 2475934230@qq.com; ORCID: 0000-0001-6885-8247.

The cemetery at Erdun Mountain is widely scattered, with the exception of the top, middle and bottom of the hill, which extend along both sides of the ditch, and a few other locations. It is roughly divided into four areas, based on distance and distribution density. Excavation was carried out on the selected tombs in each area. The tombs' distribution varies, with a significant correlation with the terrain. The tombs are all distributed on the hillside and on both sides of the valley, and the distribution on the hillside is relatively regular, with the phenomenon of patches. Whereas, on both sides of the valley, the tombs show a linear distribution.

The classification and site selection of stone graves

The first type: a rectangular surface with clear stone walls on the four sides, and the walls are filled with gravel blocks. The exposed surface height of the stone wall is about 20–40 cm. The four corners and the outside of the wall are supported by sloping stone slabs, high on the inside and low on the outside. This type can be found in Burdun Mountain, Haula, Deura and other cemeteries. Most of these tombs are regularly distributed, mainly on flat and gentle slopes near the top of the mountain. There is a tendency towards a row distribution, and there are large tombs in the center, and the tombs on the edge are scattered and of different sizes — such as Burdun Mountain cemetery and Haula cemetery.

The second type: the tombs have rectangular stone walls, and the middle is filled with rubble. The exposed surface height of the stone wall is more than 50 cm, and there are high stone strips or slabs standing at the four corners of the stone wall, which can reach more than 1 m in height. The four corners and the outer side of the stone wall are supported by sloping slate and filled soil. The interior is filled with slate or supported by large stones. Excavations have clearly shown that the four walls of this type of tomb are of different heights. Generally speaking, the eastern stone wall is the most exquisite, with the highest and flattest slate is chosen for the masonry, which is generally planted deeper, while the other three walls are obviously different. The opposite western wall is flat. Most of these tombs are spread across uneven endless grassland, but in valleys and gullies with obvious landmarks, which should belong to seasonal rivers — for example, Elton Hill cemetery.

Some problems and thoughts about excavation

1. Tomb construction. The excavation of Erdun cemetery shows that the four slabs of the stone wall are not on the same level, most of them are deep in the east wall, and

the stone slabs are the largest and tallest. However, the other four walls are flat. In general, one stone wall is the shallowest, which is obviously erected on the fill layer. The tomb and the stone wall planted on the east wall belong to the same level. The depth of the tomb is about 50–80 cm from the surface. It is speculated that the four-sided stone wall is not completed all at once. It is speculated that one side was reserved in advance to transport the internal cover stones or large stones, and then the wall was completed.

The regular circular stone circle found next to the tomb, excavated from the middle, showed that the bedrock had appeared in a very shallow place inside. The fill in the wide stone crevice in the middle of the rock is gray-black and appears to have been artificially created, and there are animal bone fragments at the bottom of the crevice, which have been placed on the bedrock. It is speculated that the site might have been abandoned, as it is impossible to construct a tomb, and a stone circle is placed on the surface as a landmark.

The stones used in the tombs are all quarried locally. Some cemeteries are located at the quarry. Surrounding Sutra of Large Slab Grave the investigation revealed that there are quarries which are no more than 1 km away. Erdun Mountain cemetery is divided into many points, the first of which is distributed around the eastern and southern slopes of Erdun, which is far from the quarry, but there are relatively few tombs. The bottom of the mountain is widely distributed along both sides of the valley in a linear pattern, and the bedrock has been exposed at the bottom of the valley. The investigation showed that many primitive natural stones showed signs of mining fractures, and clear fractured and mined rock faces were visible on the rock surface.

2. The absence of bones in tombs

2. 1. Some of the bones were stolen and excavated, and the traces of stone removal are clearly visible. There are traces of stolen pits and disturbed tombs, and the remains of human bones can be seen sporadically in or around the tombs.

2. 2. Without excavation, the cover plate of the tomb is complete. The upper part of the tomb is relatively regular, from the bottom to the bedrock. There are martyrs on the eastern wall. It is speculated whether there is a phenomenon that the tomb cannot be buried and abandoned when it is built.

2. 3. The overall structure is the same as that of the tomb. There is a rectangular slate frame on the ground with a whole cover stone in the center, but the tomb is not visible after moving the cover stone.

2. 4. The surface is surrounded by rectangular stones, and the center is a tomb with a cover stone and integrity.

There are no human bones in the tomb, but animals are buried. And there are martyrs on the east wall. Apart from the excavation and destruction of empty tombs, it is speculated that the rest may be due to the clothing burial built by war, accidents and foreign deaths, or the foundation for praying for the living to eliminate disasters.

3. Grave goods. The grave goods are basically gone. Agate, turquoise and white stone beads have been unearthed, all of which belonged to the buried person. The unearthed pottery pieces were previously thought to be abandoned due to illegal excavation and breaking. It was later discovered that the tombs that had not been stolen were also found in the upper layer of rockfill, and they were found in a concentrated way, and they were also very fragmented, presumably not complete pottery. Reminiscent of a kind of rectangular stone platform sacrificial remains in

the Xiajiadian upper culture, broken pottery sherds are common in the southwest corner, which may have the same cultural connotation.

4. Sacrifice. Sacrifice is widespread, whatever scale. Judging from the tombs investigated, the heads of sacrificed animals can be seen scattered around the excavated surface, including horses, cows and sheep, and most of them are horses. They are placed between the eastern wall of the stone enclosure and the tomb, and are in the same plane as the tomb. There is also a relationship between the scale of tombs and the number and types of martyrs.

Hao Side, 1988 — *Hao Side*. Neimeng Xinbaerhu youqi Hawula shiban mu [制思德。内蒙新巴尔虎右旗哈乌拉石板墓]. Stone Tomb of Haula in Xinbaerhu Right Banner, Inner Mongolia // *Beifang wenwu*. 1988. No. 4. P. 2–8, 114 (in Chinese).

Исследования плиточных могил в хошуне Шинэ-Барга-Юци, Хулун-Буир

Юй Дан²

Аннотация. Автор рассматривает результаты исследований, проведенных Институтом культурного наследия и археологии автономного района Внутренняя Монголия и Национальным музеем Хулун-Буира с 2019 по 2022 г. Раскопки в хошуне Шинэ-Барга-Юци городского округа Хулун-Буир предоставили новые данные о погребальных памятниках эпохи бронзы. Автор выделяет несколько значимых особенностей этих памятников, таких как типологизация и выбор местоположения погребений, а также отсутствие в них костей.

Ключевые слова: хошун Шинэ-Барга-Юци, Хулун-Буир, плиточные могилы, бронзовый век

² Юй Дан — Институт культурных реликвий и археологии; South Lane of Inner Mongolia Exhibition Hall, 1, Хух-Хото, 010010, Китайская Народная Республика; e-mail: 2475934230@qq.com; ORCID: 0000-0001-6885-8247.

Восход кочевых империй начиная с шаньюя Маодуня¹

Ван Цзяньсинь²

Аннотация. Автор анализирует сюжет становления империи хунну, описанный в труде Сыма Цяня «Исторические записки», сравнивает его с другими историями о рождении кочевых империй, а также дискутирует об общих причинах быстрого подъема кочевых империй.

Ключевые слова: кочевые империи, хунну

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.52-52>

1. В главе «Повествование о сюнну» труда Сыма Цяня «Исторические записки» (Ши Цзи) описывается процесс сложения империи хунну и приход к власти шаньюя Маодуня (Модэ).

2. Описание этого сюжета в хрониках имеет сходство с другими историями о рождении различных кочевых империй. Можно провести параллели с историей о Таньшихуае, возглавившем кочевую общность сяньбэй; хане Елю Абаоджи (Елю Амбагай, император

Тайцзу), являвшемся предводителем киданей; Ваньяне Агуде из племени чжурчжэней; Чингисхане, основателе Монгольской империи; Нурхацзи, объединителе чжурчжэньских племен и основателе Маньчжурского государства (династия Цзинь).

3. Ключевыми факторами быстрого восхождения степных империй являются различные особенности экономической, военной и социальной организации древних кочевых народов.

Rise of steppe empires since Shanyu Maodun

Wang Jianxin³

Annotation. The author analyzes the plot of the rise of the Xiongnu empire, described in the work of Sima Qian “Historical Notes”, compares it with other stories about the birth of nomadic empires, and also discusses the general causes of the rapid rise of nomadic empires.

Key words: nomadic empires, Xiongnu

¹ Настоящий текст является краткими тезисами доклада — прим. ред.

² Ван Цзяньсинь — Центр исследований археологического сотрудничества Шелкового пути, Северо-Западный университет; Xuefu Rd., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: 13319185059@163.com; ORCID: 0000-0002-5556-0553.

³ Wang Jianxin — Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University; 1 Xuefu Rd., Xi'an city, 710127, People's Republic of China; e-mail: 13319185059@163.com; ORCID: 0000-0002-5556-0553.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ХУННУ

Социальная планиграфия Иволгинского могильника¹

Н. Н. Крадин²

Аннотация. В данной работе рассматривается социальная планиграфия Иволгинского могильника. По результатам более ранних исследований выделено несколько социальных групп населения. Планиграфический анализ позволяет выявить определенные закономерности, которые подтверждают наличие общественного неравенства, существование нуклеарной семьи у местного населения.

Ключевые слова: хунну, социальная структура, погребальный обряд, планиграфия, Иволгинское городище

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.53-56>

Проблеме социальной планиграфии хуннских могильников посвящено не так много работ. Данный вопрос был поднят С. С. Миняевым в контексте необходимости проведения раскопок погребальных памятников широкими площадями (Миняев, 1989; 2014). Впоследствии социальная планиграфия затрагивалась в связи с изучением гендерных отношений у хунну (Brosseder, 2007; Linduff, 2008). Особенно интересными следует признать выводы Ян Цзяньхуа, которая выявила в хуннских могильниках две различные системы распределения погребений. В одних погребальных комплексах (Маоцингоу) мужчины захоронены рядом с женщинами, что свидетельствует о важности в общественных отношениях малой (нуклеарной) семьи. В других могильниках (Дырестуй, Даодуньцзы) по планиграфии выделяются более богатые захоронения гендерных групп (Jianhua Yang, 2011). Чем было обусловлено подобное распределение — еще предстоит выяснить.

В настоящей работе рассматривается социальная планиграфия Иволгинского могильника, который на-

ходится в непосредственной близости от одноименного городища, расположенного на современной окраине г. Улан-Удэ. Материалы раскопок могильника полностью опубликованы (Давыдова, 1996).

В более ранних работах нами исследовалась социальная структура населения Иволгинского городища (Крадин, 2002; 2020. С. 161–177; Крадин и др., 2004). Методика анализа была достаточно типична для подобных исследований (Социальная структура..., 2005). Сначала погребения делились на совокупности детских и взрослых захоронений, а затем на основе выводов биоантропологов взрослые подразделялись на мужские и женские. Коллективные захоронения не анализировались. Затем с помощью факторного анализа изучалось, какие признаки погребальной обрядности и какие категории сопроводительного инвентаря соотносятся с совокупностями мужских, женских и детских захоронений. В результате были получены близкие к «идеальным типам» данные трех совокупностей.

На следующем этапе рассматривались захоронения, пол которых не удалось установить на предмет отнесения их к совокупностям мужских, женских или детских могил (часть могил осталась неопределенной). После этого был проведен кластерный анализ каждой из трех совокупностей в отдельности. На заключительном этапе была проведена интерпретация полученных результатов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ № 20-18-00081.

² Крадин Н. Н. — Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН; Пушкинская ул., 89, Владивосток, 690001, Российская Федерация; e-mail: kradin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1024-6285.

и сделаны выводы о количестве социальных рангов в погребениях мужчин, женщин и детей.

По результатам исследований среди мужских погребений резко выделяются безынвентарные погребения. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. При этом наиболее важным для выделения более высоких по рангу групп является наличие пояса, а потом пояса и сбруи. Несколько более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях. Здесь выявлено пять рангов. Первая группа погребений — безынвентарная, во второй — встречается только керамика, в третьей — появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой — инвентарь становится разнообразнее (в т. ч. фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой — данные признаки становятся массовыми, а заупокойная тризна — более разнообразной. Для детских захоронений обычно характерна более размытая стратификация. Здесь выделяются безынвентарные погребения, захоронения с керамикой и погребения с разнообразным сопроводительным инвентарем (табл. 1).

В целом, анализируя мужские, женские и детские захоронения могильника, можно выделить несколько уровней социальной дифференциации населения Иволгинского городища. С одной стороны, выделяются безынвентарные захоронения низших групп общества, имевших низкий имущественный и социальный статус. На другом полюсе общества — обеспеченные жители городища. В их погребения положен более разнообразный сопроводительный инвентарь, оружие, обильная заупокойная пища. Между этими крайними точками

фиксируется достаточно большое количество прослоек (в мужских захоронениях до трех, в женских — от двух до четырех, в детских — одна). Так или иначе, все это свидетельствует о наличии нескольких социальных рангов у населения Иволгинского городища.

Данные выводы коррелируются с результатами изучения жилищ Иволгинского городища, где по размерам и наличию инвентаря были выделены четыре кластера (Крадин, 2002. С. 255–260). Первый из кластеров — самые маленькие по размеру и наиболее бедные по находкам жилища. Они расположены на периферийных участках, а одно — в непосредственной близости от самого большого жилища № 9 на платформе, вероятно, резиденции местного лидера или предводителя (это строение относится к отдельному пятому кластеру). Учитывая, что в небольших жилищах вряд ли могли проживать целые семьи, можно предположить, что их обитателями были бессемейные лица самого низкого статуса, возможно, рабы.

Для трех остальных кластеров характерны находки предметов быта, украшения, орудия земледелия и ремесла, предметы вооружения, находки, которые можно связать с рыболовством или охотой. Все это дает основание заключить, что их обитатели занимались присваивающим и производящим хозяйством и, возможно, в той или иной степени, ремесленной деятельностью. Наибольшие отличия зафиксированы в количестве керамических сосудов. Большее количество сосудов встречается не в самых крупных жилищах кластера, а в жилищах следующего по величине кластера. Напротив, в самых крупных жилищах усредненное количество

Таблица 1. Погребения Иволгинского могильника
Table 1. Burials of the Ivovga burial ground

Иволгинский могильник	М	1	безынвентарные погребения
		2AA	погребения с инвентарем
		2AB	инвентарь + пояс
		2B	инвентарь + пояс + сбруя
	Ж	1B	безынвентарные погребения
		1AA	керамика
		1AB	инвентарь (в т. ч. керамика)
		2A	более разнообразный инвентарь (в т. ч. сбруя, монеты, украшения)
		2B	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
	Дети	1	погребения в сосуде
		2AAB	безынвентарные погребения
		2AAA	керамика
		2AB	инвентарь (в т. ч. керамика)

сосудов сопоставимо с количеством сосудов в жилищах третьего по величине кластера. Тот факт, что наиболее крупные жилища несколько уступают по разнообразию инвентаря и количеству керамических сосудов другим кластерам, можно интерпретировать, например, спецификой пространственного распределения материала. Большая плотность предполагает более вероятную концентрацию следов человеческой активности на полу жилища. Другое возможное объяснение — обитатели наиболее крупных жилищ были меньше других групп вовлечены в процесс производства пищи и ремесленную деятельность. Так или иначе, изучение жилищ подтверждает наличие нескольких общественных рангов среди жителей городища.

Результаты анализа захоронений были перенесены на план Иволгинского могильника (рис. 1). На плане был указан пол взрослых погребенных (стрелкой мужских и крестиком женских) и детей/подростков (жирной точкой). Черной заливкой были отмечены погребения самого богатого ранга, штриховкой горизонтальными линиями — безынвентарные погребения. Остальные кластеры для удобства восприятия информации было решено объединить. Они были маркированы точками внутри пространства могил.

В результате можно сделать несколько выводов. Во-первых, следует согласиться с мнением Ян Цзяньхуа о том, что у населения Иволгинского городища существовала нуклеарная семья. Примечательно, что многие захоронения рядом расположенных мужчин и женщин имеют одинаковый или близкий статус. В подтверждение имеет смысл обратить внимание на плане на захоронения № 3 и 7, 24 и 25, 48 и 49, 68 и 69, 119 и 120, 134 и 138, 129 и 140, 142 и 151, 189 и 190, 191 и 194, 193 и 195 и др.

Во-вторых, визуально прослеживается некоторая концентрация более богатых захоронений в условно южной и юго-западной частях могильника, тогда как многие безынвентарные захоронения концентрируются в северо-западной и условно северной частях могильника. Это может косвенно свидетельствовать о существовании определенного неравенства среди иволгинского населения и наличии более/менее престижных территорий на кладбище. В то же время, в-третьих, на кладбище отсутствовали четко сегрегированные участки для погребения богатых лиц и низших социальных групп.

Данный вывод полностью соответствует результатам изучения социальной планиграфии Иволгинского городища, где отсутствовали специальные места для

Рис. 1. План Иволгинского могильника

Fig. 1. Plan of the Ivolga burial ground

проживания знатных/богатых и бедных. Дома лиц с более высоким статусом перемежались жилищами обычных семей и неполноправных категорий (*Крадин и др.*, 2016). Все это подтверждает вывод об отсутствии развитых социальных классов среди населения Иволгинского городища. У кочевников не существовало развитых форм эксплуатации и фискального аппарата для выколачивания налогов. Неслучайно жизнь в среде степняков казалась жителям оседлых государств более легкой, и по этой причине многие рабы и другие подобные им социальные категории хотели убежать к хунну (*Таскин*, 1973. С. 41). Судя по всему, население Иволгинского городища было многонациональным. Здесь жили хунну, а также китайцы и, возможно, представители других народов, среди которых были как пленники-рабы, так и свободные перебежчики, ушедшие из Китая от непосильных налогов в степь.

Давыдова, 1996 — *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.

Крадин, 2002 — *Крадин Н. Н.* Социальная структура населения Иволгинского городища // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 11. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 235–263.

Крадин, 2020 — *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 304 с.

Крадин и др., 2016 — *Крадин Н. Н., Бессонова Е. А., Зверев С. А.* Новые данные о планиграфии Иволгинского городища // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 2. С. 9–21.

Крадин и др., 2004 — *Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б.* Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Миняев, 1989 — *Миняев С. С.* «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. Ч. 1. Кемерово, 1989. С. 114–117.

Миняев, 2014 — *Миняев С. С.* Планиграфия памятника как фактор анализа археологического материала (на примере погребальных памятников хунну) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. С. 424–438.

Социальная структура..., 2005 — Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. 312 с.

Таскин, 1973 — *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып 2 / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1973. 171 с.

Brosseder, 2007 — *Brosseder U.* Fremde Frauen in Ivolga? // Scripta Praehistorica in Honorem Biba Terzan. Ed. by M. Blecec et al. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. S. 883–893.

Jianhua Yang, 2011 — *Jianhua Yang.* Gender relationships among the “Xiongnu” as reflected in burial patterns // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Ed. by U. Brosseder, B. Miller. Bonn: University of Bonn, 2011. P. 243–259.

Linduff, 2008 — *Linduff K.* The gender of luxury and power among the Xiongnu in Eastern Eurasia // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. Ed. by K. Linduff, K. Rubinson. New York: AltaMira Press, 2008. P. 175–211.

Social planigraphy of Ivolga burial ground

Nikolay N. Kradin³

Annotation. *This paper discusses the social planigraphy of the Ivolga burial ground. According to the results of earlier studies, several social groups of the population were identified. Analysis of planigraphy allows us to identify certain patterns that confirm the existence of social inequality, the existence of a nuclear family among the local population.*

Key words: *Xiongnu, social structure, funeral customs, planigraphy, Ivolga fortress*

³ Nikolay N. Kradin — Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the RAS: 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation; e-mail: kradin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1024-6285.

Итоги археологических исследований Ноин-Улинского могильника 2006–2023 гг.¹

Н.-О. Эрдэнэ-Очир²

Аннотация. Ноин-Улинский археологический памятник хуннской знати является одним из великих археологических открытий XX в. и по праву считается визитной карточкой монгольской археологии. В 1998 г. он был зарегистрирован как недвижимый памятник истории и культуры, находящийся под государственной охраной Монголии. В 2012 г. Правительство Монголии определило здесь охраняемую зону. В 2014 г. памятник вошел в предварительный список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. В 2020 г. постановлением Парламента Монголии археологический памятник Ноин-Ула был преобразован в историко-природный заповедник, а в 2021 г. указом Президента Монголии стал государственной священной горой. В статье подведены итоги научно-исследовательских проектов и выставок, перечислены предпринятые Правительством, Парламентом и Президентом Монголии меры в рамках исследования Ноин-Улинского памятника в 2006–2023 гг. и обозначены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология хунну, Ноин-Ула, исследование, охрана культурного наследия

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.57-63>

Введение

В III в. до н. э. хунну создали первое кочевое государство и оставили яркий след в истории Евразии. Границы Хуннской империи в период ее расцвета охватывали обширную территорию от Корейского полуострова до Иль-Тарбагатая, от озера Байкал до Великой стены и Ордоса. Археологические памятники, обнаруженные в современной Монголии, доказывают, что центром Хуннской империи была эта территория. Ярким примером тому является памятник Ноин-Ула, который по праву считается одним из величайших мировых открытий XX в. В 1924–1925 гг. Монголо-Тибетская экспедиция под руководством известного русского путешественника П. К. Козлова обнаружила в нескольких древних погребениях уникальные и ценные артефакты, такие, как художественные произведения в зверином стиле, ковры и ткани (Руденко, 1962; Юсупова, 2011. С. 9–51; Сулягина, 2016. С. 5–20). В 1924 г. сотрудник Этнографического отдела Русского музея С. А. Теплоухов и сотрудник Эллино-скифского отдела Государственного Эрмитажа Г. И. Боровка (Теплоухов, 1925; Боров-

ка, 1925), в 1927 г. А. Д. Симуков (Доржсүрэн, 1956. С. 56–61; Симуков, 2008. С. 40–45), в 1954–1955 гг. и 1961–1964 гг. исследователь Института истории АНМЦ Доржсүрэн (Доржсүрэн, 1961; Доржсүрэн, 1962. С. 36–44; Доржсүрэн, 2016. С. 84–91), Д. Наваан и венгерский археолог И. Эрдели (Эрдели, 1962. С. 232–247; Erdely et al., 1967. P. 335–370) также проводили здесь археологические исследования. В течение последующих 50 лет в Ноин-Уле раскопки не велись.

В период с 2006 по 2023 г. было реализовано несколько значительных научно-исследовательских проектов. В 1998 г. знаменитый Ноин-Улинский археологический комплекс был внесен в список недвижимых памятников истории и культуры, находящихся под охраной Монголии. В 2014 г. он был зарегистрирован в предварительном списке Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, а в рамках указов и постановлений Правительства, Парламента (2020 г.) и Президента Монголии (2021 г.) поэтапно решались вопросы сохранения и защиты Ноин-Улинского археологического памятника хуннской знати.

Реализованные научно-исследовательские проекты 2006–2023 гг.

Монголо-Российский совместный проект «Археологическое исследование погребальных памятников Ноин-Ула» (2006–2015 гг.). Следует отметить, что до недавнего времени представление о конструкциях погребальных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

² Насан-Очир Эрдэнэ-Очир — Институт археологии АНМ, пр. Мира, к. I, Улан-Батор, 13330, Монголия; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

сооружений ноин-улинских знатных курганов было составлено только на основе материалов кургана № 24, раскопанного С. А. Теплоуховым. С целью исправления данной ситуации, а также проведения исследований с применением современной методики Институт археологии АНМ (ИА АНМ) и Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) в 2006–2015 гг. реализовали научный проект «Археологическое исследование погребальных памятников Ноин-Улы» под руководством академика Д. Цэвэндоржа и члена-корреспондента РАН Н. В. Полосьмак. В течение этого времени были проведены раскопки четырех знатных курганов в пади Суцзуктэ (курганы № 20, 31, 11, 22) и четырех сопроводительных погребений (могилы № 1, 2, 3, 9 около Балодовского кургана) в пади Цзурумтэ. В ходе работ помимо уточнения особенностей внутримогильных сооружений был выявлен и введен в научный оборот богатый набор предметов сопроводительного инвентаря (более 1300 артефактов) (Полосьмак и др., 2011; Полосьмак, Богданов, 2015; 2016; Эрдэнэ-Очир нар, 2021а). Необходимо отметить, что данные находки, восстановлен-

ные в ходе трудоемкой и кропотливой работы опытных российских реставраторов, стали весьма знаменитыми, им не имеется аналогов даже в крупнейших музеях мира. Артефакты, обнаруженные при раскопках курганов Ноин-Улы, послужат замечательным наглядным материалом для популяризации древней истории Монголии (рис. 1).

Большую научную ценность имеют обнаруженные в захоронениях лакированные чашки и антропологические материалы, которые дают возможность установить абсолютные даты появления памятников. Исследователи установили, что лакированные чашки, обнаруженные в курганах № 20 и № 31, изготовлены в 9 г. до н. э. Согласно лабораторным анализам, проведенным на антропологическом материале, курган № 11 относится к первой половине I в. н. э., сопроводительная могила № 1 Балодовского кургана датируется в пределах второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э., что подтверждает ранее предложенную датировку хуннских погребений Ноин-Улы (Там же, 2021а. С. 238–241, 268–269).

Рис. 1. Раскопки хуннских погребальных памятников в Ноин-Уле. Курган № 20

Fig. 1. Excavations of Xiongnu elite tombs in Noin-Ula. Kurgan No. 20

Курганы в горах Ноин-Ула являются не только памятниками древних предков монголов, которые, проживая между Восточной и Западной цивилизациями, сумели создать и сохранить свою самобытную культуру, но и одним из самых неповторимых и удивительных достопримечательностей всемирного культурного наследия. Памятник Ноин-Ула свидетельствует, что хунны не были отсталыми кочевниками, жившими войнами и меновой торговлей, а создали сильное, влиятельное государство, жители которого были знакомы с высокохудожественными изделиями, изготовленными в разных уголках мира.

Программа участия ЮНЕСКО (2020–2021 гг.). В 2020–2021 гг. ИА АНМ реализовал проект Программы участия ЮНЕСКО «Погребальные памятники хуннской элиты: исследование, сохранение, защита и популяризация». Он направлен на определение площади распространения погребальных памятников элиты хунну, сохранение, популяризацию и подготовку к регистрации в перечне Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на основании того, что захоронения хуннской знати являются уникальным свидетельством исчезнувшей цивилизации (Эрэгзэн нар, 2022).

В рамках проекта создана база данных хуннских памятников, зарегистрированных в Монголии, проведена оценка состояния сохранности, установлены охранные зоны и выполнены планы крупных погребальных комплексов. В рамках указанного проекта был организован национальный семинар, предварительно разработаны концепция и основные направления деятельности научно-информационного центра на базе памятника в Ноин-Уле (рис. 2).

Проект «Новое открытие хуннской археологии» (2021–2022 гг.). ИА АНМ при участии Фонда поддержки культуры и искусства при Министерстве культуры Монголии реализовал указанный проект, в рамках которого в течение года в Национальном музее Монголии проходила выставка «Новое открытие хуннской археологии», где были продемонстрированы основные итоги совместных монгольско-российских исследований этого памятника. На выставке было представлено около 400 экспонатов из более чем 1300 артефактов, найденных в четырех курганах хуннской элиты. В рамках проекта опубликован научный труд «Новое археологическое исследование памятника Ноин-Ула» (Эрдэнэ-Очир нар, 2021а), создан

Рис. 2. Подготовка, обсуждение и реализация научного проекта «Погребальные памятники хуннской элиты: исследование, сохранение, защита и популяризация»

Fig. 2. Preparation, discussion and implementation of the scientific project “Funeral sites of Xiongnu Elites: Research, Preservation, Protection and Publicity”

и представлен широкой публике документальный фильм об этом археологическом памятнике (рис. 3).

Монголо-Российский совместный проект «П. К. Козлов и Ноин-Ула. Археологическое наследие Монголо-Тибетской экспедиции в архивных и музейных собраниях России и Монголии» (2021–2023 гг.). В 2021–2023 гг. ИА АНМ, Национальный музей Монголии с Институтом истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) и Государственным Эрмитажем реализовали совместный проект. Надо отметить, что до настоящего времени представление о структуре могильников в Ноин-Уле ограничивалось сведениями, собранными Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова в 1924–1925 гг. Во всех могильниках было учтено 212 курганов (Сутягина, 2016. С. 5–20). В 2021 г. в рамках проекта проведены масштабные исследования в падах Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ, выполнены новые планы могильников Ноин-Улы, уточнены типы и количество курганов, их ме-

стоположение в пределах некрополей. В результате данной работы в пади Суцзуктэ зарегистрировано 207 курганов (1-я группа — 43 объекта, 2-я группа — 82 объекта, 3-я группа — 65 объектов, 4-я группа — 17 объектов), Цзурумтэ — 37 курганов и Гуджиртэ — 54 кургана (рис. 4). В трех падах учтено 298 могил, из них 95 — погребения элиты (с дромосом), 59 — сопроводительные могилы, 144 — рядовые могилы (*Эрдэнэ-Очир нар*, 2021б; *Эрдэнэ-Очир, Сутягина*, 2022. С. 207–227). Одновременно подготовлен и опубликован каталог архивных материалов Ноин-Улинской коллекции, относящихся к 1920–1930-м гг. (Неизданный каталог..., 2023).

В дальнейшем планируется продолжение многоплановой совместной научной деятельности, которое включает издание каталога коллекции Монголо-Тибетской экспедиции из Национального музея Монголии и организацию временной выставки в Государственном

Рис. 3. Открытие выставки «Новое открытие хуннской археологии»

Fig. 3. Opening of the exhibition “New discovery of Xiongnu archaeology”

Эрмитаже, посвященной 100-летию раскопок Монголо-Тибетской экспедиции в Ноин-Уле.

Мероприятия, осуществляемые Правительством, Парламентом и Президентом Монголии

Уникальные находки (2010 г.). В 2006 г. в результате совместных археологических раскопок Монголо-Российской экспедиции в горах Ноин-Ула в кургане № 20 были найдены вышитый ковер из Южной Азии и серебряное украшение греко-римского стиля. Следует отметить, что эти находки были отреставрированы благодаря кропотливому труду опытных российских реставраторов. В 2010 г. постановлением Правительства Монголии эти артефакты включены в список уникальных историко-культурных ценностей Монголии.

Защитная зона археологического памятника Ноин-Ула (2012 г.). В 2012 г. по инициативе ИА АНМ и в соответствии с постановлением Правительства Монголии установлена защитная зона археологического памятника Ноин-Ула в падах Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ общей площадью 129,6 га.

Ноин-Улинский археологический памятник: Всемирное культурное наследие ЮНЕСКО (2014 г.). В 2014 г. комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО подтвердил, что погребальные памятники хуннской элиты сохранили следы истории культуры и цивилизации и представляют ценность для всего мира. Пять погребальных комплексов хуннской элиты в Монголии официально включены в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО под названием «Погребальные комплексы хуннской элиты»: Ноин-Ула, Гол Мод I, Гол Мод II, Дуурлиг Нарс и Тахилтын Хотгор.

Ноин-Улинский заповедник (2020 г.). В 2020 г. постановлением Парламента Монголии Ноин-Ула был преобразован в историко-природный заповедник.

Ноин-Ула — Государственная священная гора (2021 г.). Поручением Президента Монголии по случаю 2230-летия основания Хуннской империи Ноин-Ула стал государственной священной горой. Президент Монголии призвал научные учреждения расширить изучение, защиту и популяризацию истории и культуры Хуннской империи.

Перспективы исследований

В дальнейшем ИА АНМ планирует осуществить следующие мероприятия в области исследования и сохранения Ноин-Улинского археологического памятника. В ближайшей перспективе в 2024 г. совместно с Госу-

дарственным Эрмитажем предполагается проведение временной выставки, посвященной столетнему юбилею раскопок Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова в горах Ноин-Ула. Совместно с ИАЭТ СО РАН будут продолжены исследования образцов текстиля, найденных в рамках Монголо-Российского совместного проекта «Археологическое исследование погребальных памятников Ноин-Ула» в 2006–2015 гг. В сотрудничестве с Национальным музеем «Чингисхан» и другими научными учреждениями планируется возобновление археологических исследований погребальных памятников в горах Ноин-Ула (**рис. 4**).

В результате комплекса научных и организационных мероприятий, направленных на изучение и сохранение культурного наследия Монголии, на базе археологического памятника Ноин-Ула предполагается создание научно-информационного центра и, возможно, центра мультидисциплинарных исследований, проведение музеефикации и разработка туристических маршрутов на площади заповедника, подготовка инновационных продуктов на основе артефактов из погребальных памятников элиты хунну.

Боровка, 1925 — Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–40.

Доржсүрэн, 1956 — Доржсүрэн Ц. «Симуковын» булш // Шинжлэх ухаан техник сэтгүүл. Улаанбаатар, 1956. № 5–6. Тал 56–61 (на монг. яз.).

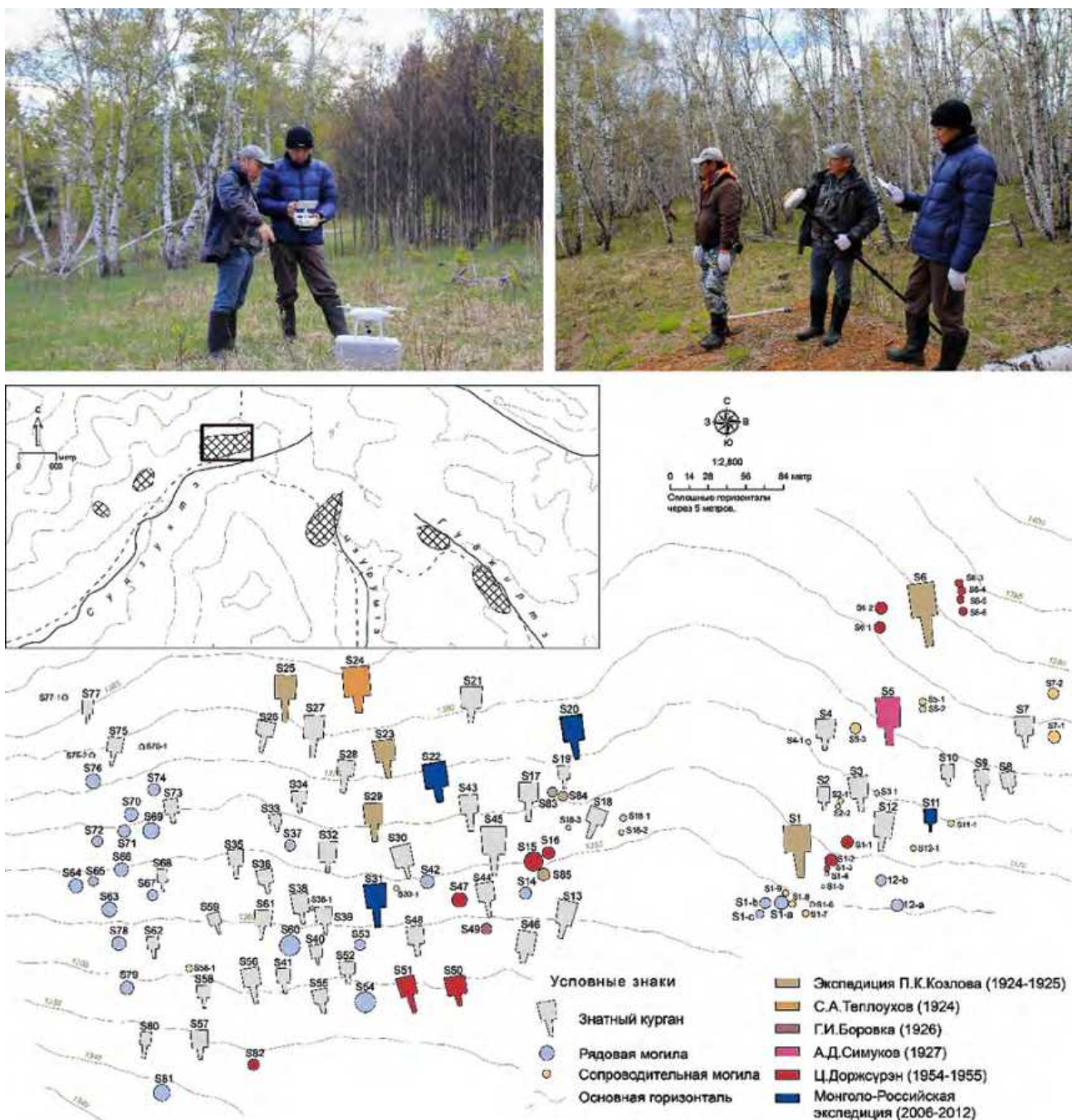
Доржсүрэн, 1961 — Доржсүрэн Ц. Умард Хүннү (Эртний судлалын шинжилгээ) // СА. Улаанбаатар, 1961. Т. I, fasc. 5. 111 тал (на монг. яз.).

Доржсүрэн, 1962 — Доржсүрэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула, на р. Хуни-Гол (1954–1957 гг.) // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 36–44.

Доржсүрэн, 2016 — Доржсүрэн Ц. Хараагийн Ноён ууланд 1954 онд археологийн шинжилгээ хийсэн тухай тайлан // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Улаанбаатар, 2016. Боть 1. Тал 84–91 (на монг. яз.).

Неизданный каталог..., 2023 — Неизданный каталог Ноин-Улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. СПб.: ИИМК РАН, 2023 (Архивное наследие ИИМК РАН; Т. II). 419 с., ил.

Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.: ил.

Рис. 4. Съёмка планов могильников в Ноин-Уле в рамках научного проекта «П. К. Козлов и Ноин-Ула. Археологическое наследие Монголо-Тибетской экспедиции в архивных и музейных собраниях России и Монголии»

Fig. 4. Shooting plans for burials in Noin-Ula within the framework of the scientific project “P. K. Kozlov and Noin-Ula: Archaeological Heritage of the Mongol-Tibetan Expedition in Russian and Mongolian Archives and Museums”

Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-Улинская коллекция. Результаты работы Российско-Монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.: ил.

Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.: ил.

Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.

Симуков, 2008 — Симуков А. Д. Отчет по раскопке двух курганов в падах Суцзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии Т. 3, ч. 1 / Сост. Ю. Конагая, С. Баяр, И. Лхагвасүрэн. Осака: Изд-во Гос. Музея этнологии, 2008 (Senri Ethnological Reports 74). С. 40–45.

- Сутягина, 2016 — Сутягина Н. А. Неизвестная Ноин-Ула. Архивные тайны // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. Вып. 74. С. 5–20.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Эрдели, 1962 — Эрдели И. Раскопки в Ноин-Уле // Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. XIV, fasc. 1–2. С. 231–247.
- Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022 — Эрдэнэ-Очир Н.-О., Сутягина Н. А. Планы могильных полей в падах Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ (Ноин-ула, Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 207–227.
- Эрдэнэ-Очир нар, 2021а — Эрдэнэ-Очир Н., Цэвээндорж Д., Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноён уулын дурсгалын археологийн шинэ судалгаа (Монгол-Оросын хамтарсан «Ноён уулын булсны археологийн судалгаа» төслийн 2006–2015 оны малтлага судалгааны ажлын үр дүн) / Ред. Г. Эрэгзэн, Н. Батболд. Улаанбаатар, 2021. 348 тал (на монг. яз.).
- Эрдэнэ-Очир нар, 2021б — Эрдэнэ-Очир Н., Иицэрэн Л., Анхбаяр Б., Нямхүү М. Ноён уулын дурсгалын бүртгэл судалгааны тайлан. Улаанбаатар, 2021. 141 тал (на монг. яз.).
- Эрэгзэн нар, 2022 — Эрэгзэн Г., Батболд Н., Эрдэнэ-Очир Н. «Хүннүгийн эзэнт гүрний язгууртны булш, оршуулгын дурсгалууд: судалгаа, хадгалалт хамгаалалт, сурталчилгаа» төслийн үйл ажиллагааны тайлан. Улаанбаатар, 2022. 31 тал (на монг. яз.).
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Н. В. Полосьмак, Е. С. Богданов, Д. Цэвээндорж. Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.
- Erdely et al., 1967 — Erdely I., Dorjsuren C., Navaan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (A comprehensive report) // Acta Archaeologica Scientiarum Hungaricae. 1967. P. 335–370.

Results of archaeological research of the Noin-Ula site in 2006–2023

Nasan-Ochir Erdene-Ochir³

Annotation. *The famous Noin-Ula archaeological site of the Xiongnu nobility is one of the greatest archaeological discoveries of the 20th century, it is also rightfully considered a landmark of Mongolian archaeology. In 1998, the monument was registered as an immovable monument of history and culture, under the state protection of Mongolia, in 2012 a protected zone was established by the government of Mongolia, and in 2014 the monument was registered in the preliminary list of the UNESCO World Cultural Heritage. In 2020, by a decree of the Parliament of Mongolia, Noin-Ula was transformed into a historical and natural reserve, and in 2021, by decree of the President of Mongolia, it became a state sacred mountain. The report summarizes the results of scientific projects, exhibitions and measures taken by the Government, Parliament and the President of Mongolia, conducted as part of the study of the Noin-Ula site in 2006–2023.*

Key words: *archaeology of the Xiongnu, Noin-Ula, research, preservation and protection*

³ Nasan-Ochir Erdene-Ochir — Institute of Archaeology of the MAS; 1 Peace Ave., Ulaanbaatar, 13330, Mongolia; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

Results of the archaeological research of the Xiongnu elite tombs in Duurlig Nars

Gelegdorj Eregzen¹

Annotation. *Archaeological research has uncovered some 13.000 tombs and burials from the Xiongnu period in Mongolia. Among them are tombs of Xiongnu nobles, including such important sites as Noyon Uul, Golmod, Golmod-2, Bor Bulagiin Am, Tahiltiin Khotgor, Belkhiin Am and Duurlig Nars. Duurlig Nars, a relatively large site, is located in the eastern part of the Xiongnu Noble Tombs area. The site has been excavated since 2006 as part of a joint Mongolian — South Korean project called “Mon-Sol”. Currently, 3 large square elite tombs, each with a passage, 2 square elite tombs without a passage, and 13 satellite tombs have been uncovered. In addition, since 2017, excavation work has been underway on a huge noble tomb located at the northern end of the burial ground. This paper briefly presents the results of the research on Xiongnu archaeological sites conducted as part of the “Mon-Sol” project at the Duurlig Nars site.*

Key words: *Xiongnu, Duurlig Nars, elite tombs with a passage (dromus)*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.64-67>

Some 300 tombs of Xiongnu nobles are scattered in a circular pine forest outside the centre of Bayan-Adarga soum in Khentii province, 450 km north-east of the capital Ulaanbaatar. These tombs are known as the “Xiongnu site of Duurlig Nars”, named after the location. The Duurlig Nars site is not only one of the nine largest cemeteries of the Xiongnu elite in Mongolia, but also the easternmost.

The site was first discovered in 1974 by Kh. Perlee (Цэвээндорж, 1996. Тал 266–267). In 1991, within the context of the joint Mongolian-Japanese research project “Gurvan Gol” (“Three Rivers”), the team counted the number of tombs, registered them, and established a schematic map. The project researchers recorded 198 tombs at this location (A report..., 1994. P. 7–12). Since 2006, the “Mon-Sol” research project, jointly implemented by the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences, the National Museum of Mongolia, and the National Museum of Korea, has been working at the site. Within the framework of this project, the tombs were again registered and documented in detail. As a result, 299 separate tombs, divided into two parts, were counted, and the background map was updated (Эрэгзэн, Батболд, 2010). Most of the tombs registered and documented at the site are elite tombs with a main structure surrounded by a square structure, or elite tombs with an

outer structure with an elongated passage or dromus in front of it. Ring-shaped satellite tombs are located next to these large tombs. There are also a number of medium-sized tombs with square and ring-shaped stones, which may or may not be directly related to the large tombs.

From 2006 to 2011, the “Mon-Sol” project expedition at the Duurlig Nars site excavated three large square-shaped elite tombs with a passage (No. 1, 2, 5), two medium-sized square-shaped tombs (No. 3, 4), and 13 satellite burials included in the complex of elite tombs (No. E-1, 2, 3, S-1, 2, W-1, 2, 3, 4, 5, 6). The results of the research were published (Mongol..., 2011, 2015), and the findings were used for a special exhibition (Цэвээндорж нар, 2009; Эрэгзэн, 2013).

Since 2017, the “Mon-Sol” project expedition has been conducting excavations of a large tomb No. 160, located on the northern outskirts of the site. This is one of the largest tombs in the area, measuring 88 m in length with its square-shaped main structure and a passage. There are satellite burials on the left side of this tomb (Эрэгзэн нар, 2019). Archaeological excavations at this site are currently ongoing.

The largest tomb excavated during the “Mon-Sol” project is the elite tomb No. 1 with an external structure length of 55.5 m including the passage. The outer structure is characterised by a low trapezoidal mound with a depression in the centre, which the researchers considered to be evidence of early looting. The main structure of tomb No. 1 is 23.5 m in length, with a width of 18–22 m, and a 34 m long passage in front. The main structure and the edges of the passage

¹ Gelegdorj Eregzen — Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences; 1 Peace Ave., Ulaanbaatar, 13330, Mongolia; e-mail: eregzen@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9793-7374.

are constructed with stone masonry, with a wall approximately 1 m high comprising the frame of the main structure. The outside is covered with large flat stones to prevent the masonry from collapsing. In addition, oblong stones have been placed as monuments in the two front corners of the tomb passage, which is a unique feature among similar sites.

Elite tomb No. 2 is relatively smaller than the tomb No. 1, with a main structure of 11×9 m and a passage of 15 m in length. The external structure slightly bulges above the surface of the same high non-bumpy ground as the tomb No. 1, with the stone masonry surrounding the outer edge being 30–50 cm high and built in three layers. Elite tomb No. 5 is similar by the size to the tomb No. 2, with a main measuring 10×8 m and a passage of 6 m in length. However, the tomb No. 5 is different in that its entire surface is covered with stones.

All the above-mentioned elite tombs have square-shaped external structures with a passage and are similar in terms of shape and the method of digging the burial pit. For example, the hole of the tomb No. 1 was reduced from top to bottom by 5 steps, while the holes of the tombs No. 2 and 5 were dug by 4 steps. Step digging is an engineering solution to prevent landslides in sandy soil. It involves digging to a depth of approximately 1.5–2 m, leaving an indentation 0.5–0.8 m wide, and then digging down to the same height as a person. This indicates that the Xiongnu planned and organized the earthworks well.

The tombs of the Xiongnu elites at the Duurlig Nars site had very deep pits, with the burial part of the tomb No. 1 located at a depth of 15 m, the tomb No. 2 at a depth of 8 m, and the tomb No. 5 at a depth of 7 m.

A mausoleum in the elite tombs was built in the form of a thick wooden fence at the bottom of a deep pit dug by steps. The deceased was buried inside a wooden coffin, and depending on the size of the grave, there are two types of wooden mausoleums: single and double. Elite tomb No. 1 had a two-story wooden mausoleum, while single wooden fences were built around the outside of the coffin in the tombs No. 2 and 5.

The arrangement and size of the elite tombs observed are directly related to the rank and wealth of the buried person. This can be seen from the type, craftsmanship, and value of the artifacts found in the burial area.

In addition to the square-shaped elite tombs with passages, the project team excavated 2 square-shaped tombs (No. 3 and 4) with external stone structures without passages. The tomb No. 3 had a square-shaped external stone structure measuring 6×6 m, while the tomb No. 4 measured 10×9 m. In the burial area of the tomb No. 4 a wooden coffin with a relatively large wooden fence was placed. But in the

tomb No. 3 only the burial of a man buried inside a wooden fence was found.

The 13 satellite burials excavated at the Duurlig Nars site are all located on the left, right and front sides of the elite tomb No. 1. These satellite burials varied in size, the composition of burial plots, and accompanying artifacts. For example, satellite burials E-1 and W-1 located symmetrically to the left and right sides of the elite tomb passage are relatively large and have elaborate wooden structures with wooden fences in the burial area. On the other hand, the tombs S-1, S-2 located in the front and E-3 located on the left were lacking additional structures such as wooden coffins and were extremely poor in terms of artifacts. It is also interesting that the person buried in tomb number E-3 had shackles on his legs and metal articles that appeared to be handcuffs on his hands.

The excavation of tomb pits revealed layers of charred wood, charcoal, and stone sealant that were used to protect the burial area, as well as ritual traces. For example, during the excavation of elite tomb No. 1 5 layers filled with stone to protect it from looters were found, as well as 5 layers of charred wood and charcoal, the traces of rituals. In elite tomb No. 2 there was 1 layer of stone filling and 1 layer of charred charcoal. In tomb No. 5 the charred coal phase was absent, and one phase of stone sealant was present. However, in the smaller tombs and satellite tombs no charcoal layer was found, and stone fillings were used only for protective purposes.

Most of the tombs excavated at the Duurlig Nars site, especially the tombs with the passage, which were the elite burials, had been robbed and destroyed in the past. Traces of digging a hole in the central part of the tomb by looters were observed in many tombs. In the tomb No. 2 traces of wooden braces were found to prevent the soil from collapsing.

The artifacts and findings connected with the tombs differ according to the tomb's size and structure. Specifically, the square-shaped elite tombs with passages contained the largest number of elegant and finely crafted artifacts, while the accompanying objects in smaller tombs, particularly satellite burials, were exceedingly poor. This illustrates the direct correlation between the rank and wealth of the buried individual and the form, size, and structure of the burial.

Artifacts from the elite tomb with a square-shaped external structure with a passage were found mainly in 3 places: around the coffin inside the wooden fence, in the sacrificial area located at the head of the fence, and outside the fence. For example, in the wooden coffins and in the vicinity of the tombs No. 1 and 2, jade items, beautifully designed amber, stones, glass beads, gold-plated hay ornaments, iron rust, knives, and other weapons were found. And earthenware

pots, metal pots, lantern jars, lacquer cups, utensils, spoons, and remains of food items also were found. Along the eastern fence of the tomb, horse and cattle equipment were placed, and a beautifully designed horse-drawn carriage and bones of horses and cattle were found at the top of the tomb. The sacrificial area contained utensils, remains of food items, and livestock bones, as well as rare artifacts such as an iron cooking ladle and a tea broom in elite tomb No. 2.

Even in the small and satellite tombs the common funeral rites were observed, with ornaments and clothing items placed near the body and sacrificial utensils and food remains at the head. However, the accompanying items' shape, design, and materials were of poorer quality, and their number decreased.

Most of the Duurlig Nars tombs were male burials, except for the tomb No. 4, which contained the remains of a female. Most of the human bones found resembled Mongolian or similar in appearance, but bones of Indo-Iranian type were found in tomb No. 3, and bones of a black man were found in a satellite grave.

In the Xiongnu tombs decorative objects such as carved jade items, vintage clothing and pendants, bronze mirrors, wooden combs, and hairpins were found. Unique items included jade ornaments with entangled dragons, gilded bronze jewelry in the shape of a horse, bird-shaped stone and plastic beads, and golden pearl-shaped jewelry soldered together with small gold beads. Glass beads shining white, blue, purple, and gilded oblong glass beads were also rare at that time.

Horse equipment was commonly found, varying in shape, design, and quantity depending on the wealth and rank of the buried person. Several well-preserved bridles made of wool with large gilded bronze plaques, heart-shaped gilded bronze forehead, and iron bits with the same shape as the plaque on the end of the bridle were found outside the eastern wall of the wooden mausoleum of the elite tomb No. 1. These bridles are considered as a valuable research tool, because well-preserved full bridles were not previously found in Xiongnu tombs.

Two-wheeled ceremonial chariots with parasols were found in elite tombs No. 1 and 2. Although the chariots were badly damaged by looters, they were beautifully designed black lacquer horse-drawn carriages.

Organic materials such as trees and plant seeds were sampled from the excavated tombs at Duurlig Nars and analyzed using radio-carbon dating, indicating that most of the tombs date from the middle of the 1st century AD to the end of the 1st century AD. These results suggest that the excavated tombs are from the same period and date back to the late Han Dynasty.

The excavation of the Xiongnu elite tombs yielded a wealth of new information about their structure, along with rare and valuable artifacts. Among the uncovered treasures were gold ornaments from coffins, bronze lantern jars, bowls, mirrors, stone necklaces featuring bird imagery, jade items, and beautifully designed clay pots. Notably, iron pots and filters were discovered for the first time at a Xiongnu site. The excavation also yielded an array of new and unusual tools, including seals pressed onto the bottoms of clay pots and bronze jars used for storing fatty oil. These findings speak to the intellectual and physical culture of the Xiongnu.

Researchers from the “Mon-Sol” project restored the artifacts and organized exhibitions at the National Museum of Mongolia and the National Museum of Korea. They also hosted an international scientific conference (Талын анхны..., 2008), presenting their excavation and research to local and foreign scientists. This event was a significant step in promoting the Duurlig Nars site, not just in Mongolia, but around the world.

Mongol..., 2011, 2015 — Vongol Doleulig Naleusseu hyungno mudeom [몽골 도르릭 나르스 흉노 무덤]. Duurlig Nars Huns Tomb, Mongolia. Vol. I, II. Seoul: Gungrip Jung-ang bangmulgwan, 2011, 2015. 466, 389 p. (in Korean).

Талын анхны..., 2008 — Талын анхны эзэнт гүрэн — Хүннү. Мон-Сол төслийн 10 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний симпозиумын илтгэлийн эмхэтгэл (International symposium in celebration of the 10th anniversary of MON-SOL Project). National Museum of Korea. Seoul, 2008. (in Mong., Korean).

Цэвээндорж, 1996 — Цэвээндорж Д. Новые памятники Хуннской знати // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Международный конф. Тез. докл. Т. I. Улан-Удэ: б. и., 1996. С. 13–16.

Цэвээндорж нар, 2009 — Цэвээндорж Д., Саруулбуян Ж., Чхве К.-С., нар. Дуурлиг нарсны Хүннү булш. Тусгай үзэсгэлэнгийн каталоги. Улаанбаатар: Мэт Дизайн, 2009. 99 тал (in Mong.).

Эрэгзэн, 2013 — Эрэгзэн Г. Хан Хэнтийн Хүннүгийн дурсгал: Дуурлиг нарс. Тусгай үзэсгэлэнгийн каталоги. Хэнтий аймаг: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн, 2013. 57 тал (in Mong.).

Эрэгзэн, Батболд, 2010 — Эрэгзэн Г., Батболд Н. Дуурлиг нарсны Хүннүгийн оршуулгын газрын булшны байрлал зүйн судалгаа // Археологийн судлал (Studia Archaeologica). 2011. Т. XXXI. fasc. 13. Тал 221–238 (in Mong.).

Эрэгзэн нар, 2019 — Эрэгзэн Г., Алдармөнх П., Энхболд С. нар. Хэнтий аймгийн Баян-Адарга сумын нутаг Дуурлиг нарсны дурсгалт газарт ажилласан Монгол-Солонгосын хамтарсан Мон-Сол төслийн 2018 оны хэрийн

шинжилгээний тайлан. Улаанбаатар: ТАХГБСХ, 2019 (in Mong.).

project (1991–1993). Tokyo: Mongolian Academy of Sciences; The Yomiuri Shimbun, 1994. 86 p.

A report..., 1994 — A report on the joint investigation under the Mongolian and Japanese “Gurvan gol” historic relic

Результаты археологического исследования элитных погребений сюнну в Дурлиг Нарс

Г. Эрэгзэн²

Аннотация. В ходе археологических исследований открыто около 13000 погребений хуннского периода в Монголии. Среди них — могилы хуннской знати, включающие такие значимые памятники, как Ноин-Ула, Гол Мод-1, Гол Мод-2, Бор Булагийн ам, Тахилтийн Хотгор, Белхийн ам и Дурлиг Нарс. Дурлиг Нарс, относительно крупный памятник, расположен в восточной части ареала хуннских погребений. Его раскопки ведутся с 2006 г. в рамках совместного монгольско-южнокорейского проекта «Мон-Сол». В настоящее время раскопаны три крупные могилы с дромосом каждая, два элитных погребения без дромоса и 13 сопроводительных захоронений. Кроме того, с 2017 г. ведутся раскопки крупного элитного погребения на северном краю могильника. Статья кратко знакомит с основными находками в Дурлиг Нарс в рамках реализации проекта «Мон-Сол».

Ключевые слова: хунну, Дурлиг Нарс, элитные погребения с дромосом

---

² Г. Эрэгзэн — Институт археологии Монгольской академии наук; пр. Мира, к. I, Улан-Батор, 13330, Монголия; e-mail: eregzen@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9793-7374.

Archaeological study of Xiongnu elite tombs Belkhiin am, Ulaanbaatar city, Mongolia

Natsag Batbold¹, Sanjperlee Enkhbold²

Annotation. *This report presents the information on the excavated tombs and the tombs that are being prepared for excavating in the burial site of the Xiongnu elites located in the Belkhi Am in Ulaanbaatar. The monument is one of the elite cemeteries belonging to the central region according to the administrative schedule of the Xiongnu Empire period and dates back to the 1st century AD. It is unique in that it is located near Ulaanbaatar, the current capital of Mongolia, and there is a possibility to develop it into an “open natural attraction” based on the monument.*

Key words: *archaeology of the Xiongnu, Belkhiin am, research, preservation and protection*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.68-73>

Introduction. During the period between the 3rd and 2nd centuries BC, the Xiongnu people became stronger and established their state, which left a clear mark in the history of Eurasia. At the height of their power, the borders of the Xiongnu dynasty covered a vast area from the Korean peninsula to Tarvagatai, from Lake Baikal to the Great Wall and Ordos.

When the Xiongnu dynasty was powerful, it occupied a vast territory, but most of the historical and cultural monuments associated with the Xiongnu dynasty are in Mongolia. To date, some 15,000 tombs have been discovered and registered in Eurasia, including more than 13,000 in 440 sites in Mongolia. Xiongnu tombs and funerary monuments can be divided into two categories: elite tombs and ring-shaped small tombs (Эрэгзэн нар, 2022a).

It has been reported that 10 burial funeral sites of Xiongnu elites have been discovered in Mongolia, these are Gol Mod-1 in Khairkhan Sum of Arkhangai Province, Gol Mod-2 in Undur-Ulaan Sum, Hyalganat in Khangal Sum of Bulgan Province, Bornuur in Tuv Province, Noyon Uul on the border of Batsumber Sum, Belkhi Am in UB City, Duurlig Nars in Bayan-Adarga Sum of Khentii Province, Borbulag of Binder Sum, Tahilt Khogor of Mankhan Sum

of Khovd Province, Ovoon Har of Taishir Sum of Gobi-Altai Province, Yamaan Us of Aldarkhaan Sum of Zavkhan Province. Looking at their distribution, there are 5 cemeteries in the central part of Mongolia, 2 in the eastern part, and 3 in the western part. Xiongnu elite tomb is the deepest and most majestic burial structure in the ancient history of Mongolia.

The Xiongnu dynasty had an administrative division divided into the central, eastern, and western wings (Ерөөл-Эрдэнэ, 2015), and the elite burial site at Belkhiin am is probably one of the burial sites of central Xiongnu rulers and elites.

Starting from 2021, the project “Archaeological research of Xiongnu elite tomb in Belkhiin am” will be carried out in cooperation with the Institute of Archaeology of MAS, the Department of Culture and Arts of the Capital, and the Institute of Hungarian Studies of Hungary at the Xiongnu burial and burial site located in Belkhiin am, Ulaanbaatar.

Through the implementation of this project, the relevant dates of the graves and burial monuments of Belkhiin am in Ulaanbaatar city will be determined in detail, and the position of Mongolia’s history will be determined, the ancient history of Mongolia will be enriched with new research tools, and the people of the capital city will be proud of the history and cultural heritage of the land they live in and therefore includes the purpose of including it in the tourist route. Also, the Belkhiin am Monument is located not far from the center of Ulaanbaatar, so there is an opportunity to develop the city into an “open natural attraction”.

¹ Natsag Batbold — Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences; 1 Peace Ave., Ulaanbaatar, 13330, Mongolia; e-mail: batboldnt@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8081-7613.

² Sanjperlee Enkhbold — Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences; 1 Peace Ave., Ulaanbaatar, 13330, Mongolia; e-mail: saenkh@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1144-7305.

In 2021 the project team excavated the 3rd tomb of the nobleman of Belkhiin am, and the 3rd satellite tomb of the 1st noble tomb, and in 2022 the surface soil cleaning of the 1st elite tomb was completed.

Location of the site. In the northeast edge of Ulaanbaatar city, in the area of the 20th khoroo of Sukhbaatar district, at the head of the Belkhiin river, a tributary of the Selbe river, there is a monument with 6 noble graves and 4 small graves on the eastern slope of the mountain, which is covered by a high head on the east side called Belkhi am, and has a coniferous forest in the back. There is a place.

Study of the site. In 1961, the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Mongolia and the Academy of Sciences of the People's Republic of Hungary agreed to excavate some graves at the request of T. Horvath, the head of the Hungarian Society for the Study of Asia and the head of the Asian Art Museum in Budapest. N. Ser-Odjav, Ts. Dorjsuren, D. Dorj, and D. Navaan worked as part of this field analysis team from Mongolia (*Сэр-Оджав, 1963*).

At the cemetery Belkhiin am Xiongnu burial site, the joint Mongolian-Hungarian field team carried out registration and excavation research, registering 6 elite graves with structures and 4 small ring-shaped graves, and making a background map. Among them, the noble tomb with the original number 4 and 2 satellite tombs with the numbers 7 and 9 were excavated in that year. According to the excavation, no artifacts were found in the fourth grave, but in the 7th grave, iron heaps, metal artifacts, and some parts of human bones were found, while in the 9th grave, no other artifacts were found except iron rust.

In 2021, the field analysis department of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences selected the elite tomb with the No. 3 in the old register and the third tomb of the 1st tomb (the old register No. — tomb 8) and completed the archaeological excavation research (*Эрэгзэн нар, 2021*).

In 2022, the fieldwork team of the Institute for Archaeology removed and cleaned the topsoil of tomb 1, the largest tomb on the Belkhiin am site (*Эрэгзэн нар, 2022b*).

Excavations 2021 (tomb No. 3) (fig. 1). This tomb is located in the south-west of the group of tombs in the Belkhiin am and is located at 1727 m above sea level (**fig. 1, 1, 2**). To the north of it is the 4th grave excavated in 1960 by the Mongolian-Hungarian joint field team. According to the 1960 registration, we numbered the monument as the 3rd grave and completed the excavation work in a total of 53 days.

When the excavation level reached a depth of 5.26 m below the surface, a memorial burial area was discovered (**fig. 1, 5–7**). Artifacts such as a bronze horse, a bronze cof-

fin ornament, beads, bronze chariot fittings, and pottery shards were found in the burial. Although the burial area was completely unfurnished, the size of the burial pit and the coffin wood found in it indicated that it was a shrine tomb with a double enclosure.

After the memorial was fully documented, the artifacts were removed, and when the excavations were continued, they encountered the natural soil at a depth of 5.4 m below the surface, then research work was stopped and reburied, and the restoration was carried out (**fig. 2**).

The wood sample from this grave was dated by the Institute of Accelerator Analysis Ltd., Kawasaki, Japan, to 61 calAD — 210 calAD (94.9 %). This indicates that the tomb was built at the same time as the elite tomb of Noyon Uul.

In addition to conducting excavations, we completed the background map of the Belkhiin am site using a 2-wave GPS device (*Эрэгзэн нар, 2021*).

Excavations 2022 (tomb No. 1, cleaning of topsoil). In 2022, within the framework of this project, the excavation and research work of the largest tomb of the Belkhiin am Xiongnu funeral site of Ulaanbaatar city, the 1st elite tomb, was started, and the goal was to complete the cleaning and research of the external stone structures, and to ensure the conditions for studying the burial area in the following year.

This tomb is the largest of the elite tombs of Belkhiin am and is located to the southeast of the group of tombs. It is located at 1727 m above sea level. The tomb stone measures 32 m from north to south and 27 m from west to east, while the hollow part of the river measures 17 m from north to south and 16 m from west to east. The size of the elite tomb is 5 × 1.5 m.

Excavation began in an area measuring 32 × 27 m, including the stones. The field was divided into four parts, leaving a nose 1 m wide in the shape of a plus sign, and then the stones were cleared (**fig. 3, 1, 2**). During the cleaning process, a large number of broken pottery sherds were found in the north-western part of the site. After the complete cleaning it can be seen that the stones behind the tombs are badly damaged and the stones are in disarray. The excavation and cleaning of the elite tomb revealed the general layout of the tomb. The tomb is said to have a stone frame with a small square enclosure in front measuring 5 × 1.5 m. However, the structure of the stone has been lost after being heavily decorated in the early days, so that at first glance it looks like a circle. This year, given the time and working conditions, only the surface soil was completely cleaned and the shape and size of the monument was determined in detail (*Эрэгзэн нар, 2022b*). Next year, in 2023, it is planned to fully complete the excavation of the elite grave 1.

Fig. 1. Belkhiin am: 1 – general view of the burial site; 2 – plan of the burial site; 3, 4 – expedition members; 5-7 – general views and working moments, tomb No. 3

Рис. 1. Бэлхийн ам: 1 – общий вид памятника; 2 – план могильника; 3, 4 – участники экспедиции; 5-7 – общие виды и рабочие моменты, курган № 3

Fig. 2. Belkhiin am: 1-4 — artifacts *in situ*, tomb No. 3; 5-9 — restorations of artifacts
Рис. 2. Бэлхийн ам: 1-4 — находки *in situ* кургана № 3; 5-9 — реставрация находок

Fig. 3. Belkhiin am: 1, 2 — general views and working moments, tomb No. 1; 3–5 — project of the open museum
Рис. 3. Бэлхийн ам: 1, 2 — общие виды и рабочие моменты, курган № 1; 3–5 — проект открытого музея

The foundation of the tombs of the Belkhiin am Xiongnu elite burial monument was built by the head of Bogd mountain towards the summit of Tsetsee Gun, which shows the high level of the practice of choosing a place for the burial of the Xiongnu. This probably means that the Xiongnu peoples who lived in the Tuul Valley settled in the territory of the present-day Ulaanbaatar city and worshiped Bogd Mountain. This is also confirmed by the fact that elites were buried in a high hill where the peak of Tsetsee Gun was clearly visible. Thus, the study of the monument becomes particularly important.

In order to turn the monument into a cultural heritage and tourist product, it is planned to open the 1st tomb, which has not been excavated and is the largest, and this time, the work of cleaning the southwest part of the stone frame with the heavy structure outside the tomb has been completed.

Within the framework of the project, the protection zone of the Belkhiin Am monument has been established, and the first sketches are being made to turn it into a tourist product with a plan that includes the preservation and protection of the monument, exhibition, information center, and service area (fig. 3, 3–5).

The results of the joint archaeological excavations with the capital city of Ulaanbaatar are of great importance for the ancient studies of the Xiongnu, and in the future it is necessary to preserve and protect the historical monuments, make them cultural heritage and tourism products, and properly promote them to the public.

With the implementation of this project, the relevant dates of the graves and burial sites of Ulaanbaatar's Belk-

hiin am, Xiongnu will be determined in detail and their place in the history of Mongolia will be determined, the ancient history of Mongolia will be enriched with new research tools, and the people of the capital city will be proud of the history and cultural heritage of the land they live in and therefore it is intended to be included in the tourist route. In addition, the Belkhiin am burial site is not far from the centre of Ulaanbaatar, so there is an opportunity to develop it into an “open nature exhibition” based on the monument.

Ерөөл-Эрдэнэ, 2015 — Ерөөл-Эрдэнэ Ч. Хүннүгийн язгууртны оршуулгын дурсгалын судалгаа. Улаанбаатар, 2015 («Монголын археологийн шинэ судалгаа» цуврал 1). 210 тал (in Mong.).

Сэр-Оджав, 1963 — Сэр-Оджав Н. Монгол-Унгарын хамтарсан экспедицийн шинжилгээний ажлын тухай (1961 оны шинжилгээний хэрэглэгдэхүүн) // Археологийн судлал. 1961. Т. II, fasc. 3. Тал 31–38 (in Mong.).

Эрэгзэн нар, 2021 — Эрэгзэн Г., Батболд Н., Анхбаяр Б., Галдан Г., Энхболд С. “Бэлхийн амны хүннүгийн язгууртны булшны археологийн судалгаа” төслийн малтлага судалгааны тайлан. АХНС. Улаанбаатар, 2021 (in Mong.).

Эрэгзэн нар, 2022a — Эрэгзэн Г., Батболд Н., Энхболд С., Содномжамц Д. Монгол нутаг дахь Хүннүгийн дурсгалын газрын зураг // “Хүннүгийн язгууртны булш, оршуулгын дурсгалууд: судалгаа, хадгалалт хамгаалалт, сурталчилгаа” төсөл. Улаанбаатар, 2022 (in Mong.).

Эрэгзэн нар, 2022b — Эрэгзэн Г., Энхболд С., Мандах Д., Амарболд Э. “Бэлхийн амны хүннүгийн язгууртны булшны археологийн судалгаа” төслийн малтлага судалгааны тайлан. АХНС. Улаанбаатар, 2022 (in Mong.).

Археологическое изучение элитных курганов хунну в Бэлхийн ам, Улан-Батор, Монголия

Н. Батболд³, С. Энхболд⁴

Аннотация. В статье представлены сведения по изучению элитных курганов хунну в Бэлхийн ам в Улан-Баторе. Памятник является одним из элитных кладбищ, принадлежащих центральному району по административному делению периода империи Хунну и датируется I в. н. э. Он уникален тем, что находится недалеко от Улан-Батора, нынешней столицы Монголии, и есть возможность развить его в «открытую природную достопримечательность».

Ключевые слова: археология хунну, Бэлхийн ам, исследование, охрана культурного наследия

³ Батболд Н. — Институт археологии Монгольской академии наук; пр. Мира, к. I, Улан-Батор, 13330, Монголия; e-mail: batboldnt@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8081-7613.

⁴ Энхболд С. — Институт археологии Монгольской академии наук; пр. Мира, к. I, Улан-Батор, 13330, Монголия; e-mail: saenkh@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1144-7305.

Results of the archaeological excavations of the Xiongnu remains of Jihulangtu cemetery, Sunite Youqi, Inner Mongolia

Song Guodong¹

Annotation. From 2020 to 2022, the Institute of Cultural Heritage and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region, in cooperation with Beijing Normal University and other institutes, excavated the Xiongnu cemetery in Jihulangtu, Sunite Right Banner, Inner Mongolia, which contained a total of 44 tombs. These tombs mostly had stone circles on the ground surface, with rectangular pits and inner-outer coffins. The burial objects were of various kinds, including sacrificial animal bones and grains. The cemetery had 4 groups of sub-burials. In the tomb M59, golden floral decorations were unearthed, indicating that the cemetery belonged to the middle class.

Key words: Sunite Youqi, Xiongnu cemetery, inner-outer coffin

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.74-78>

The Jihulangtu cemetery is located in Jihulangtu Gacha, Erennoer Sumu, Sunite Youqi, Inner Mongolia Autonomous Region, and consists of more than 100 tombs. From 2020 to 2022, the Institute of Cultural Heritage and Archaeology of Inner Mongolia Autonomous Region, in cooperation with Beijing Normal University, Xilingol Museum, The Cultural Relics Center of Sunite Youqi, etc., excavated for 3 seasons and uncovered a total of 44 tombs (fig. 1).

There are four groups of sub-burials, three of which have a relatively clear main-sub relationship. Each main grave has two sub-graves nearby (fig. 2). In the vicinity of the barrows, some graves have sacrificial pits containing burnt animal bones and small stone tools. This type of context is rarely seen in other Xiongnu cemeteries. Most of the barrows were built in a circle with a diameter of 6-13 m. Generally, there is only one burial pit under the barrow, and there is only one case of two pits, which are tombs M32 and M35. Tomb M17 is the only one without a barrow. The plans of the pits are mostly rectangular, with one tomb built in a niche type.

The diameter of the barrow and the size of the pit are generally proportional. The pits are 2-3 m long, 1-1.8 m wide and 1.5-4.1 m deep. Fewer barrows have a step and some pillar holes at the bottom, and there are still pieces of

wood in the holes. In tomb M37, there are four pillar holes separately along the east and west walls of the pit. Most tombs have a coffin of various types. Larger tombs usually have an inner/outer wooden coffin or an inner wooden coffin/outer stone arrangement (fig. 3). Smaller graves have only a wooden coffin or a stone cist, or no grave goods at all. The wooden inner and outer coffins are both rectangular and assembled with mortise and tenon joints. The wooden coffin has mainly a frame structure made of planks laid vertically along the walls of the pit. The stone coffin is made of rough slabs laid along the walls, and the wooden coffin is placed very close to the inside of the stone coffin.

Wooden coffins are made from a variety of materials, including pine, hardwood pine, birch, fir and elm, of which pine is the most common. Some wooden coffins have traces of varnish. The surface of the wooden coffins was decorated with iron in the form of quatrefoils and ribbons, and some have sun-moon-shaped iron decorations. The back of the quatrefoil ironwork shows traces of textiles, suggesting that the wooden coffins may have been wrapped in curtains. The quatrefoil ironwork was used to hold the curtains in place. The larger graves have a head box to the north of the wooden coffin, in which burial objects were placed.

All tombs are with one individual, with the body lying on the back and heading northwest or north. Only one case heads to the east. The burials were heavily looted, so the unearthed artifacts were not abundant, mainly including pottery jars (fig. 4, 1), pots (fig. 4, 2), bronze mirrors (fig. 4, 3, 4), buckles, bow-end covers, iron lamps, swords,

¹ Song Guodong — Inner Mongolia Autonomous Region Institute of Cultural Heritage and Archaeology; 1 South Lane of Inner Mongolia Exhibition Hall, Hohhot, 010011, People's Republic of China; e-mail: 45700168@qq.com; ORCID: 0000-0002-5947-1873.

Fig. 1. Ortophoto of Jihulangtu cemetery (2021 excavation)

Рис. 1. Ортофотоплан могильника Цзихуланту (раскопки 2021 г.)

arrowheads, rings, quatrefoil (**fig. 4, 5**) and sun-moon-shaped decorations (**fig. 4, 6**), lacquer plates, bone chopsticks and bow ends; turquoise and amber beads.

The pottery decoration consisted mainly of rope, pressed, wave and concave string patterns, etc., and at the bottom of the pottery there were mostly square inwards stamps. The burials were mostly animal sacrifices, including bones of horses, cattle and sheep, mostly in head and foot combinations. Carbonised seeds were found in graves M10, M36 and M60. Research carried out at the Peking University Laboratory of Plant Archaeology revealed that the husk from tomb M10 was millet.

We found golden quatrefoil decorations in tomb M59 (**fig. 4, 7**), indicating that the cemetery belonged to middle-class individuals. The tombs were of modest size, smaller than those of the Xiongnu elite, but larger than those of civilians.

The Jihulangtu group of tombs had cultural features such as circular stone barrows, pits with a North-South di-

rection, wooden coffins facing north, quatrefoil decorations on the wooden coffins, and the burial of horses, cattle, sheep, and other animals. These features were similar to the tomb structures and burial rites of the Xiongnu in the North of the Gobi. In addition, Xiongnu-style cylindrical ceramic pots made with sand have been unearthed.

There were also many Han cultural elements, such as the inner-outer coffin custom and the use of bone chopsticks. Objects such as bronze mirrors, lacquerware, and grains indicate close interactions with people living along the Great Wall and further south. C14 dating data showed that human bones from tomb M29 were dated to 2055±20 BP, and sheep bones from tomb M4 were dated to 1820±25 BP.

The Jihulangtu is the first Xiongnu cemetery located in the north of the Yin Mountains and on the steppes in the South of Gobi. It is also the first time that Xiongnu remains have been discovered on the steppes of Inner Mongolia, and the materials from this cemetery have significant academic importance.

Fig. 2. Jihulangtu cemetery. The main tomb of M62 and the sub-tombs of M66, M67

Рис. 2. Могильник Цзихуланту. Центральная могила M62 и сопроводительные могилы M66, M67

Fig. 3. Jihulangtu cemetery. The pit of the tomb M13

Рис. 3. Могильник Цзихуланту. Погребение M13

Fig. 4. Artifacts of Jihulangtu cemetery: 1 – jar, tomb M33; 2 – pot, tomb M33; 3 – mirror, tomb M11; 4 – Han mirror, tomb M10; 5 – quatrefoil decorations; 6 – sun-moon shaped decorations of the coffin, tomb M11; 7 – quatrefoil decorations, tomb M59. Material: 1, 2 – pottery; 3, 4 – bronze; 5, 6 – iron; 7 – gold. Scale different

Рис. 4. Предметы, обнаруженные в могильнике Цзихуланту: 1 – кувшин, м. М33; 2 – сосуд, м. М33; 3 – зеркало, м. М10; 4 – ханьское зеркало, м. М11; 5 – четырехлистные украшения; 6 – украшения гроба в форме солнца и луны, м. М11; 7 – четырехлистные украшения, м. М59. Материал: 1, 2 – керамика; 3, 4 – бронза; 5, 6 – железо; 7 – золото. Масштаб разный

Результаты археологических исследований хуннского могильника Цзихуланту в хошуне Сунид-Юци, Внутренняя Монголия

Сун Гуодун²

Аннотация. С 2020 по 2022 г. Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия сотрудничал с Пекинским педагогическим университетом и другими институтами для раскопок могильника Цзихуланту в хошуне Сунид-Юци, Внутренняя Монголия. Могильник насчитывал 44 погребения. Эти могилы в основном имели круглую каменную насыпь, с прямоугольными ямами и двойными гробами. Погребальный инвентарь разнообразен и содержит кости животных и зерна в качестве приношений. На могильнике выделено четыре группы впускных погребений. В гробнице M59 найдены золотые украшения в виде цветов — это свидетельствует, что кладбище принадлежало так называемому среднему классу.

Ключевые слова: хошун Сунид-Юци, могильник хунну, двойной гроб

---

² Сун Гуодун — Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия; South Lane of Inner Mongolia Exhibition Hall, Хух-Хото, 1, 010011, Китайская Народная Республика; e-mail: 45700168@qq.com; ORCID: 0000-0002-5947-1873.

The Xiongnu cultural elements in the Airagiin Gozgor (Ovoo) cemetery

Wei Jian¹, Naga Terbayer²

Annotation. *Airagiin Gozgor (Ovoo) cemetery is located about 7 km southeast of Jirgalantu Sumu in Orkhon Province, Mongolia. From 2018 to 2019, joint excavations were carried out by both China and Mongolia unearthened a total of eight tombs, including three tombs with sloping passageways, four pit tombs, and one vertical chamber tomb. These tombs are dated to between 50 BC and 150 AD. Analysis of the funeral rites and artifacts allows us to conclude that the burial ground was built by the Xianbei. At the same time, the materials of the monument record a significant influence of the Xiongnu.*

Key words: *Airagiin Gozgor Cemetery, xianbei, xiongnu*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.79-85>

The Airagiin Gozgor cemetery was discovered during the 2008 cultural heritage census of Mongolia (Даваацэрэн, Батсайхан, 2011). From 2014 to 2017, the National Museum of Mongolia and the government of Orkhon Province conducted archaeological excavations at this site for four consecutive years, excavating a total of 13 different types of tombs (Одбаатарб нар, 2014; 2015; 2017; Одбаатарб, Эгиймаа, 2017). From 2018 to 2019, joint excavations were carried out by both China and Mongolia unearthened a total of eight tombs, including three tombs with sloping passageways, four pit tombs, and one vertical chamber tomb (Zhongguo renmin..., 2021).

1. Overview of the cemetery. The Airagiin Gozgor cemetery is located about 7 km southeast of Jirgalantu Sumu in Orkhon Province, Mongolia, 32 km northwest of Erdenet, and 210 km southeast of Ulaanbaatar. The site is located on the southeastern side of a ridge called Hushuut, which consists of five connected low peaks running from the northeast to the southwest. The highest peak has an ovoo used for worship by local herders. On both sides of the gully in front of the mountain, grows a type of broad-leaved plant with a sour taste when chewed, called “Airagiin” in Mongolian.

Thus, the ovoo on the hill was named “Airagiin Ovoo” and the cemetery was named after it. The geographical coordinates are 104°30.7630' E, 49°00.7936' N, at an altitude of 1060 to 1090 m.

The cemetery is divided into three zones by a north-west-southeast gully on the southeastern slope of the mountain and a ridge to the east. A total of 91 tombs have been discovered so far. Zone I, with 58 tombs, is located to the west of the gully and has a higher density of tombs. Zone II, with 21 tombs, is located between the gully and the ridge to the east, and the tombs are distributed in a chain-like pattern. Zone III, with 12 tombs, is located on the ridge (**fig. 1**).

2. Tomb structures. Based on the characteristics of the surface mounds, the tombs of this cemetery can be divided into two types: square and round. Square mounds, larger in scale, are usually chamber tombs with surrounding ditches and sloping passages, and are mainly distributed in Zones I and III, accounting for about 38 % of the total number of tombs. Round mounds are smaller in scale and mainly consist of pit tombs, some of which have horizontal chambers or vertical chambers. They are mainly distributed in Zones I and II and account for about 62 % of the total number of graves.

2.1. Square mound tombs. Square mound tombs tend to be larger, with a convex shape on the surface, often surrounded by drainage ditches and having long sloping tomb passageways generally over 10 m. The chamber is located at the end of the passageway, with a pile of stones sealing the entrance. Wooden coffins are used as burial vessels, and the burial style is supine position, head facing outward,

¹ Wei Jian — Renmin University of China; 59 Zhongguancun St., Beijing, 100086, People's Republic of China; e-mail: jwnmg@126.com; ORCID: 0000-0001-7934-9931.

² Naga Terbayer — School of History and Tourism Culture, Inner Mongolia University; No. 235 West College Rd., Hohhot, 010021, People's Republic of China; e-mail: 1443723309@qq.com; ORCID: 0000-0003-4271-5867.

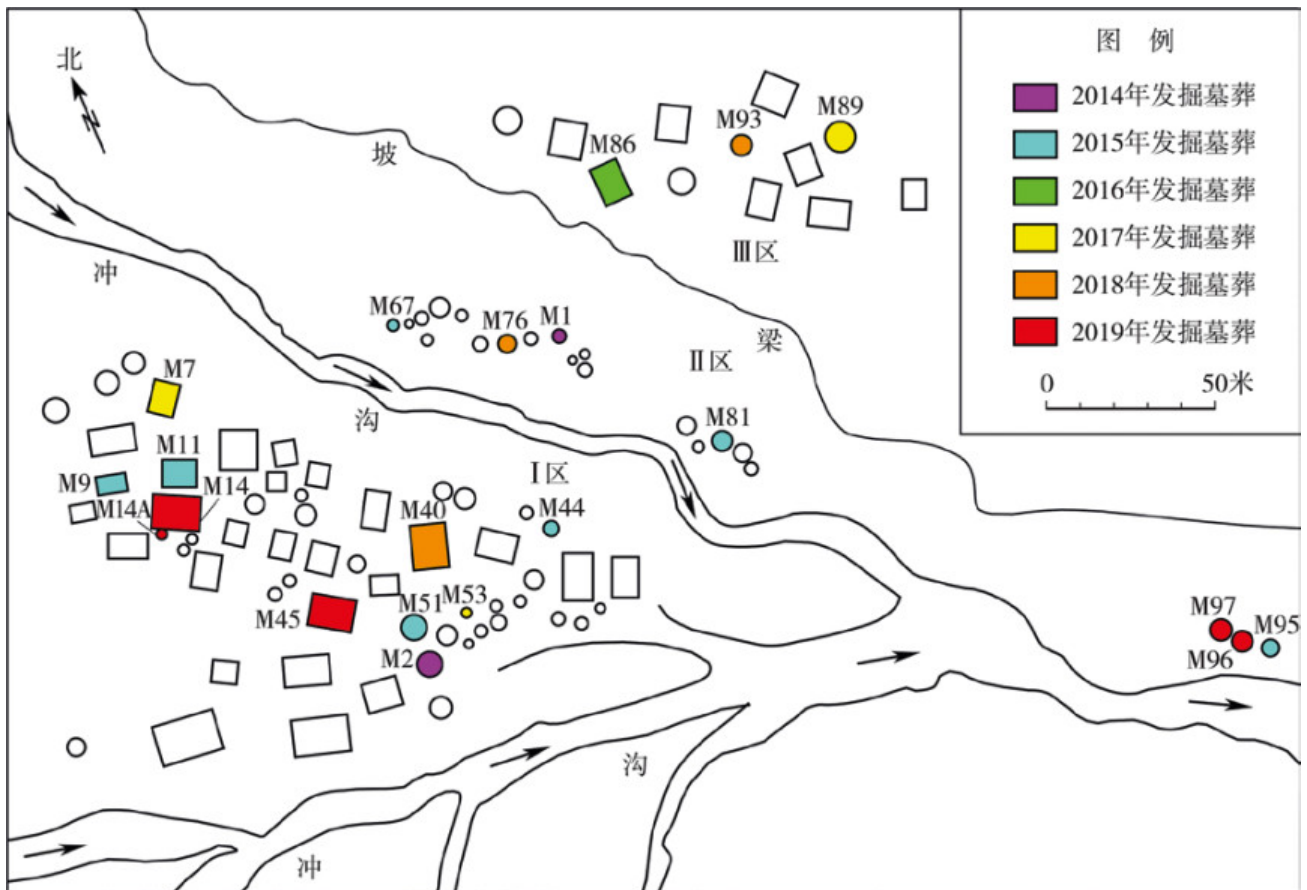

Fig. 1. Plan of the Airagiin Gozgor cemetery (after Zhongguo renmin..., 2021)

Рис. 1. План кладбища Айрагийн Гозгор (по: Zhongguo renmin..., 2021)

and feet facing inward. Burial objects include pottery, lacquerware, bronze artifacts, bone artifacts, and wooden objects (fig. 2).

2.2. Round stone mound chamber tombs. Round stone mound chamber tombs are relatively small. They have round stone mounds on the surface, most of which are less than 10 m in diameter. Based on the structure of the underground chambers, they can be divided into two types: vertical chambers and horizontal chambers. The tombs with vertical chambers are located in the middle of the mound. The plan of the chamber is a slightly rounded rectangle, with walls sloping slightly inwards. Some of the pits have double-tiered platforms on the western wall, while others have an east-west stepped passage to the bottom of the chamber entrance. The entrance to the chamber is sealed with stones. The chamber has an elliptical shape with a flat floor and curved walls, with the ceiling partially collapsed. Wooden coffins were used for burial. The burial position is supine, with the head facing outwards and the feet facing inwards. Due to previous disturbances, only one piece of pottery was recovered.

2.3. Round stone mound pit tombs. Round stone mound tombs are relatively small. They have round stone mounds on the surface, usually less than 10 m in diameter. The chambers are in the middle of the mound, with a slightly rounded rectangular floor plan and a straight wall with a flat bottom. Wooden coffins are used for burial and the burial position is supine. Burial objects include pottery, bronze artifacts, iron artifacts, bone artifacts, and wooden objects (fig. 3).

3. Xiongnu cultural elements. Although the overall cultural elements of the Airagiin Gozgor cemetery are quite different from those of the Xiongnu tombs found on the Mongolian Plateau, they still share certain similarities with the Xiongnu culture in several aspects, such as the surface mound, burial customs and burial objects. These similarities can be seen in the following aspects:

a. Square stone mound construction. The square stone mound of the chamber tomb with passageways has convex contours and is filled with earth on the inside. The surrounding ditch on the outside of the mound has a rectan-

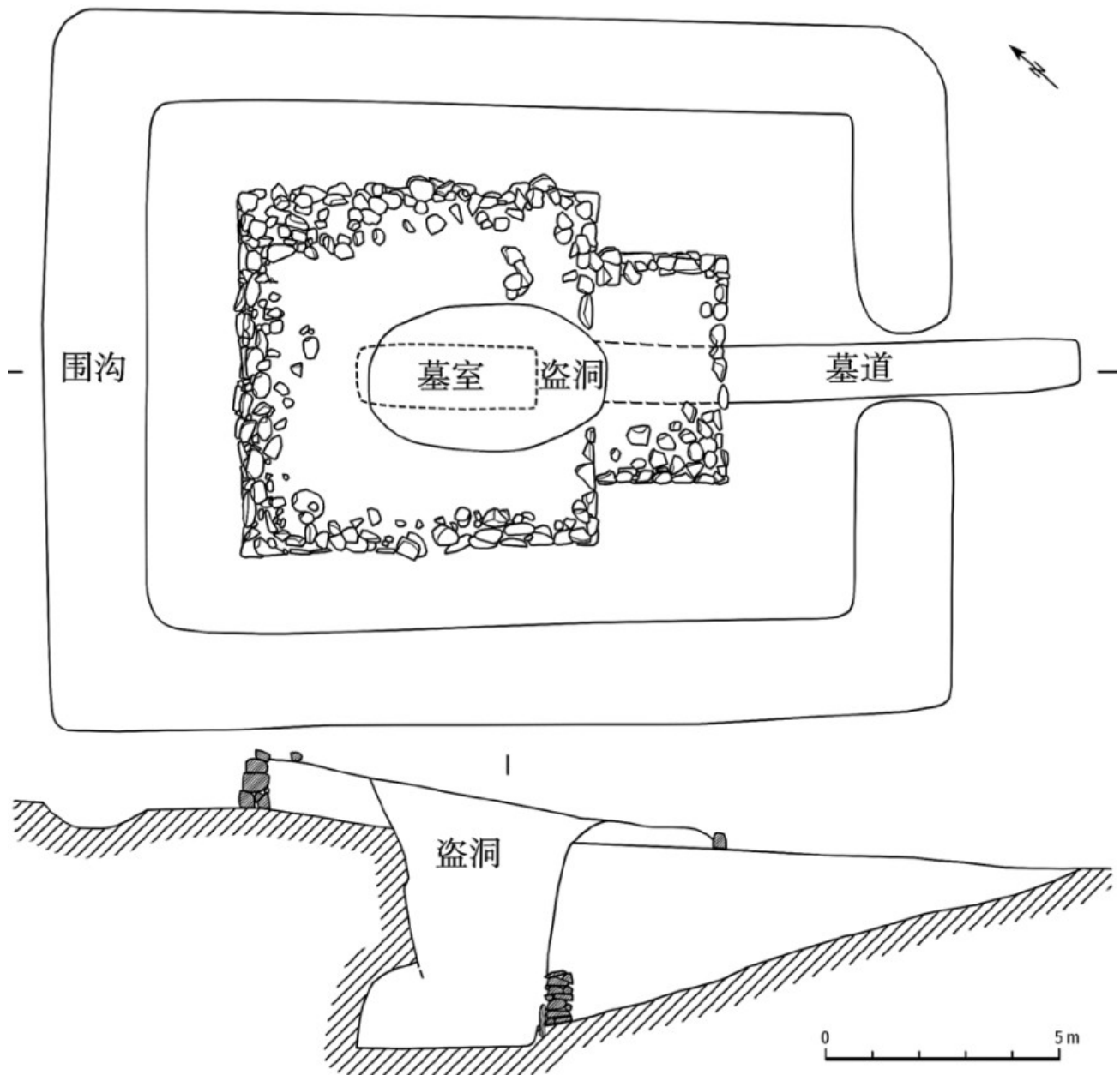

Fig. 2. Plan of the mound and profile M45 (after Zhongguo renmin..., 2021)

Рис. 2. План кургана и профиль М45 (по: Zhongguo renmin..., 2021)

gular shape with an opening. The convex shape of the mound consists of two parts: a slightly square rear half and a protruding rectangular front half, which is slightly lower than the rear half. The tomb passageways typically open in the downhill direction of the mound. This type of stone mound structure bears some similarity to the surface construction of elite Xiongnu tombs, which are shaped like the Chinese character “甲” (*jiǎ*), although on a much smaller scale. It is likely that these surface constructions of the Airagiin Gozgor cemetery were modelled on those of Xiongnu elite tombs.

b. Round stone mound. The surface stone mound has a round shape with a diameter of mostly less than 10 m. It is constructed of granite stones of various sizes, arranged in a circular pattern without filling stones in the center. This type of mound structure is identical to the commoner tombs of the Xiongnu found on the Mongolian plateau.

c. Burial vessels. Wooden coffins have a larger opening at the top and a smaller opening at the bottom. The coffin walls slope slightly outwards and the side and end panels are of the same height. The inner walls of the side panels have longitudinal grooves at both ends, which correspond

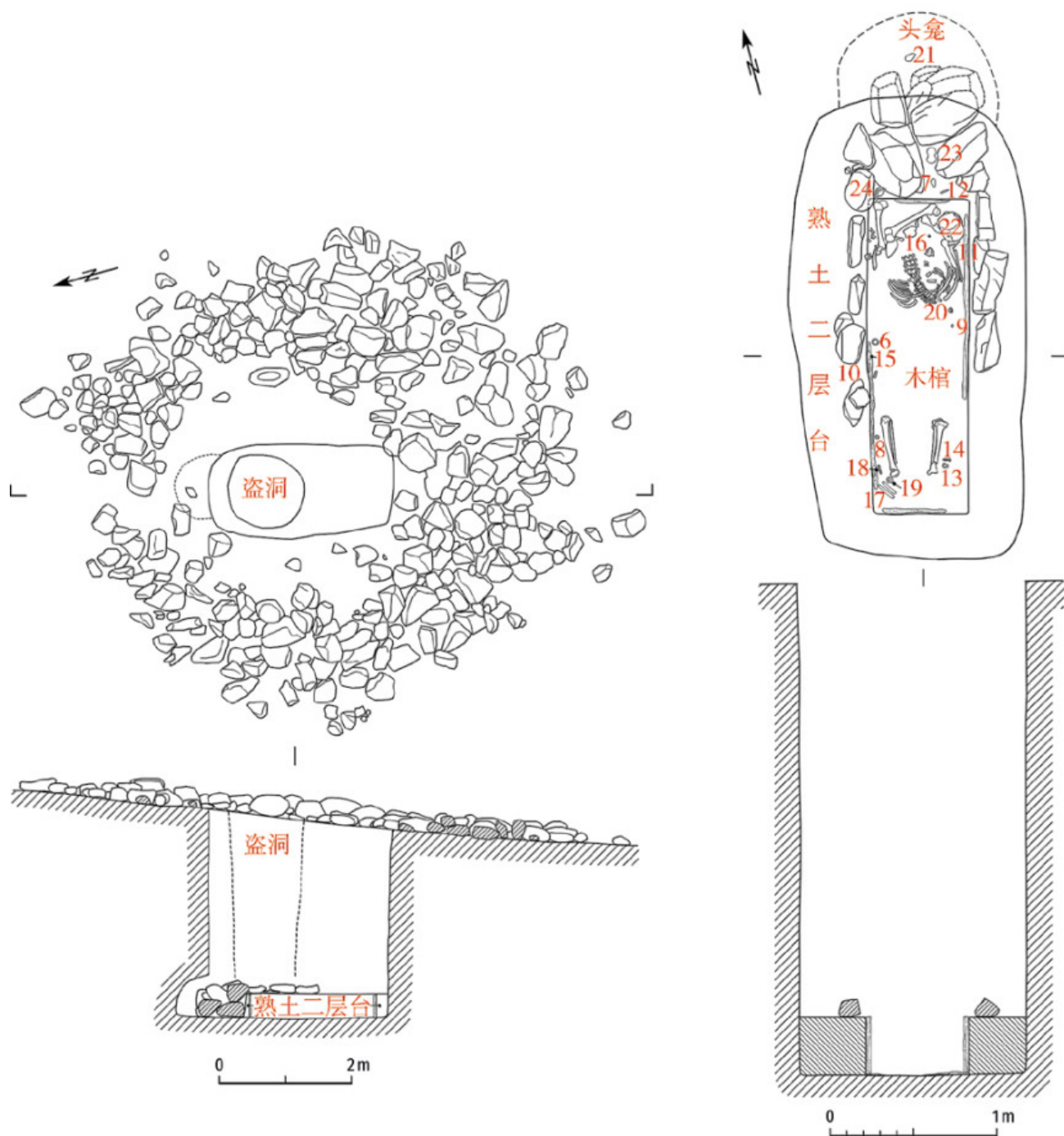

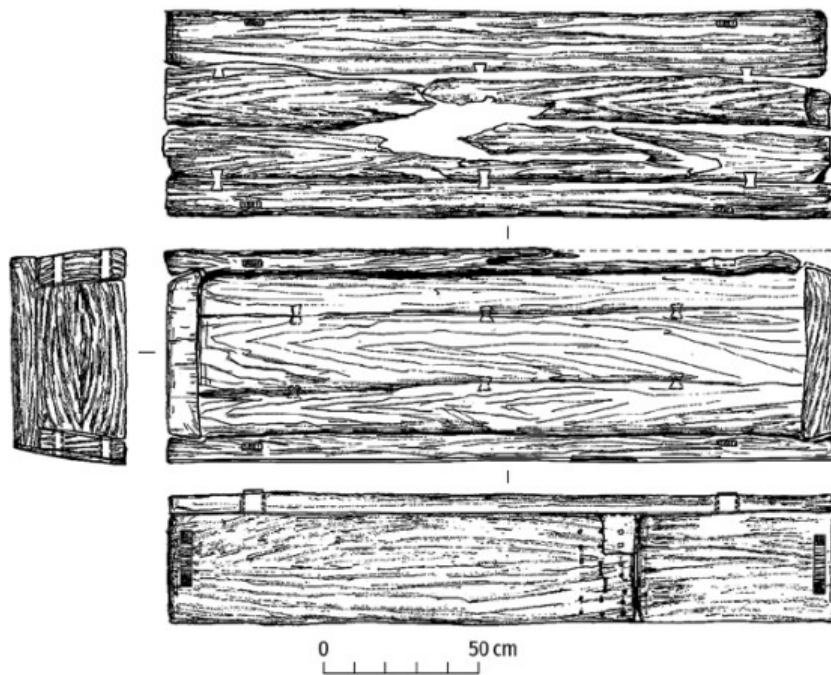
Fig. 3. Plan of the mound and profile M97 (after Zhongguo renmin..., 2021)

Рис. 3. План кургана и профиль M97 (по: Zhongguo renmin..., 2021)

to the end panels and fit together. In addition, the end plates have tenons on both sides and the side plates have corresponding mortises for reinforcement. The structure of the lid is the same as that of the bottom board, both consisting of three long wooden boards joined together with silver ingot mortises. The silver ingot mortises on the lid are on the top, while those on the bottom are on the bottom. In

the four corners of the lid and base there are four rectangular mortises, corresponding to the mortises in the side panels, for insertion. This construction method is very similar to that of Xiongnu wooden coffins (fig. 4).

d. Burial objects. Most of the tombs have been looted long ago, so the number of items varies. Some tombs have more than 10 items, others only one or two. Currently, over

Fig. 4. Coffin M45 (after Zhongguo renmin..., 2021)

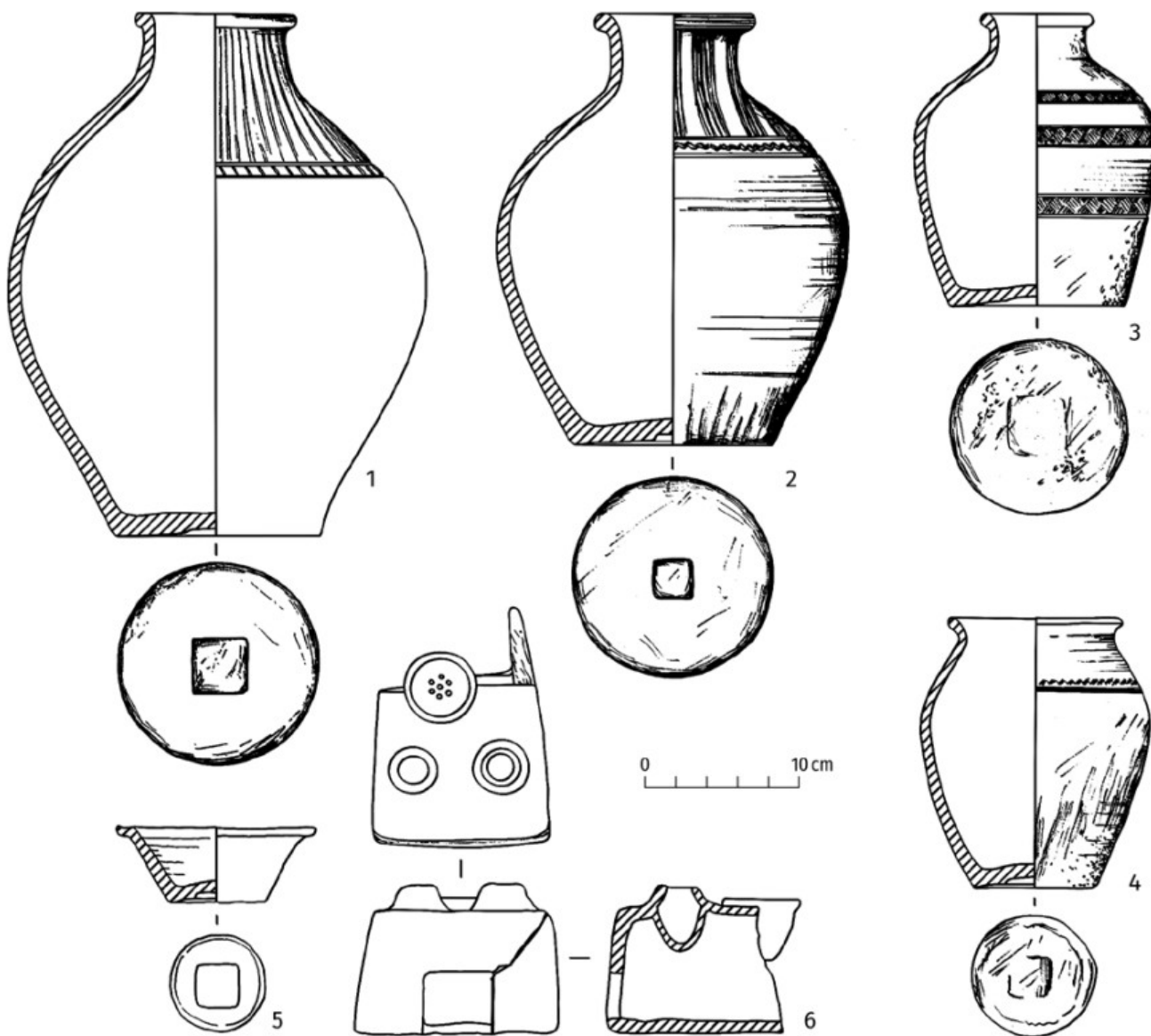
Рис. 4. Гроб М45 (по: Zhongguo renmin..., 2021)

130 artifacts have been recovered. The grave goods consist mainly of iron objects, bronze objects, beads, wooden objects and bone objects. The iron objects include weapons such as spears and knives, and production tools such as shovels. Bronze objects include bronze bells, bronze mirrors and so on. The beads are mainly decorative objects. There is a significant number of bone objects, including decorative pieces, bow pieces, arrowhead fragments and bone shovels. Leather and fragments of silk textiles have also been found. There is a slight difference in the arrangement of the grave goods between the chamber tombs with passageways and the pit tombs. In the chamber tombs, the burial objects were generally placed outside the coffin in the free space, while in the pit tombs, apart from personal adornments, a separate area or niche was created outside the head end of the coffin specifically for animal bones, similar to the burials found in ordinary graves of the Xiongnu culture.

The primary pottery found at the Airagiin Gozgor cemetery is red-brown sand-tempered pottery, with a small amount of grey sand-tempered pottery. Vessels are often decorated with simple wave and cord patterns. The pottery forms are relatively simple, with pots and jars being the most common, along with bowls, basins and stoves. The pottery shapes and decorations are similar to those found in Xiongnu tombs. For example, there are two different shapes of pots. One shape has a slightly flared mouth, a slightly flat rim, a round lip, a high neck, a sloping shoulder,

a rounded belly, linear patterns, and a square stamp with a concave centre on the bottom. The other form is a red-brown sand-tempered pottery with a flared mouth, round lip, short neck, broad shoulder, distinct transition from shoulder to belly, slightly sloping belly with a slight curve, slightly concave base, and bands of incised patterns on the lower shoulder, upper belly and middle belly consisting of alternating horizontal and cord patterns. The jug has a medium sized flared mouth, damaged rim, round lip, short neck, sloping shoulder, slightly curved belly, sloping lower belly and slightly concave base, with wave patterns and fine cord patterns on the shoulder. There is also a pottery stove (M40:2) made of red sand-tempered pottery. It is partially preserved, with a remaining rectangular hearth measuring approximately 16.2 cm long and 13.2 cm wide. The front wall has a rectangular stove door measuring 4.4 cm long and 3.4 cm wide. The hearth surface is uneven and contains one Zeng甗 and two Fu釜, all connected to the stove (**fig. 5**). These artifacts are common found in Han Dynasty burials and later entered the Xiongnu funerary culture and can also be considered as an element of it.

4. Conclusion. According to the Chinese historical document *Hou Han Shu*, in 91 AD, after being defeated by the Han army, the Xiongnu withdrew from the Mongolian Plateau, and the Xianbei people “completely occupied the former Xiongnu territory”. At that time, “there were still over

Fig. 5. Excavated pottery: 1-3 — pot (M45: 3-5); 4 — jar (M93: 1); 5 — bowl (M14: 3); 6 — stove (M40: 2) (after Zhongguo renmin..., 2021)

Рис. 5. Обнаруженная керамика: 1-3 — ваза (M45: 3-5); 4 — горшок (M93: 1); 5 — миска (M14: 3); 6 — плита (M40: 2) (по: Zhongguo renmin..., 2021)

100.000 remaining Xiongnu tribes, all of whom identified themselves as Xianbei”. Geographically and culturally, the Airagiin Gozgor cemetery is a reflection of the historical process of the Tuoba Xianbei absorbing and assimilating the remnants of the Xiongnu. As for the migration route of the Xianbei people’s westward migration and southward movement, crossing the Yin Mountains and entering the Central Plains, the Chinese academic community generally believes that they left the Gaxiandong in the Greater Khingan Range and migrated to the Hulun Lake area before heading south, crossing the Yin Mountains, and entering the Shengle, where they established the Northern Wei Dy-

nasty. The discovery of the Airagiin Gozgor cemetery indicates that at least one branch of the Xianbei people moved westward into the Mongolian Plateau after leaving Hulun Lake, crossing the Khentii Mountains and entering the Orkhon River Basin. They coexisted and mingled with the remaining Xiongnu people who identified themselves as “Xianbei” in the area, forming the Airagiin Gozgor site. It is therefore quite normal for the Airagiin Gozgor cemetery to have a significant presence of Xiongnu cultural elements, reflecting the cultural heritage and innovation resulting from the integration of the Xiongnu and Xianbei populations.

Даваацэрэн, Батсайхан, 2011 — Даваацэрэн Б., Батсайхан З. Умард хүннүгийн хоёр оршуулгын газар // *Nomadic Studies*. 2011. Тал 54–60 (in Mong.).

Одбаатарб нар, 2014 — Одбаатарб Ц., Энхболд С., Анхбаяр Б. нар. Орхон аймгийн Жаргалант сумын Айрагийн гозгор хэмээх газарт явуулсан археологийн малтлага судалгааны тайлан. Улаанбаатар, 2014 (in Mong.).

Одбаатарб нар, 2015 — Одбаатарб Ц., Энхболд С., Бүрэнтөгс Г., Даваацэрэн Б. 2015 онд Орхон аймгийн Жаргалант сумын нутаг Айрагийн гозгорт явуулсан археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны тайлан. Улаанбаатар, 2015 (in Mong.).

Одбаатарб, Эгиймаа, 2017 — Одбаатарб Ц., Эгиймаа Ц. 2016 онд Орхон аймгийн Жаргалант сумын Айрагийн гозгорт явуулсан археологийн малтлага судалгааны аж-

лын тайлан // Монголын археологи — 2016 он / Ер. ред. Ю. Болдбаатар. Улаанбаатар: ШУТИС-ийн Хэвлэлийн газар хэвлэв, 2017. Тал 268–270 (in Mong.).

Одбаатарб нар, 2017 — Одбаатарб Ц., Даваацэрэн Б., Барс М., нар. 2017 онд Айрагийн гозгорт явуулсан археологийн судалгааны урьдчилсан тайлан. Улаанбаатар, 2017 (in Mong.).

Zhongguo renmin..., 2021 — Zhongguo renmin daxue beifang minzu kaogu yanjiu suo, Menggu guo guojia bowuguan [中国人民大学北方民族考古研究所、蒙古国国家博物馆。蒙古国吉尔嘎郎图苏木艾尔根敖包墓地2018–2019年发掘简报]. Brief report on the 2018–2019 excavation of the Airagiin Gozgor cemetery in Jargalant Sum, Mongolia // *Kaogu*. 2021. No. 11. P. 48–63+2 (in Chinese).

Культурные элементы хунну могильника Айрагийн Гозгор (Овоо)

Вэй Цзянь³, Нага Тэрбаяр⁴

Аннотация. Могильник Айрагийн Гозгор (Овоо) расположен примерно в 7 км к юго-востоку от Джиргаланту-Суму в провинции Орхон, Монголия. В период с 2018 по 2019 г. в ходе совместных раскопок ученых из Китая и Монголии исследовано восемь курганов, в том числе три с наклонными проходами, четыре грунтовых погребения и одно с вертикальной камерой. Погребения датируются 50 г. до н. э. — 150 г. н. э. Анализ погребального обряда и артефактов позволяет сделать вывод, что могильник был построен кочевниками сяньбэй. Также по материалам памятника прослежено значительное влияние хунну.

Ключевые слова: могильник Айрагийн Гозгор, сяньбэй, хунну

³ Вэй Цзянь — Китайский народный университет; Zhongguancun St., 59, Пекин, 100086, Китайская Народная Республика; e-mail: jwnmg@126.com; ORCID: 0000-0001-7934-9931.

⁴ Нага Тэрбаяр — Школа истории и туристической культуры, Университет Внутренней Монголии; West College Rd., 235, Хух-Хото, 010021, Китайская Народная Республика; e-mail: 1443723309@qq.com; ORCID: 0000-0003-4271-5867.

Погребальные сооружения могильника Оргойтон¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. В статье рассматриваются погребальные сооружения могильника Оргойтон по материалам раскопок Ю. Д. Талько-Гринцевича и автора статьи. Выделено четыре типа погребальных сооружений. Показано, что их разнообразие не позволяет соотнести могильник с каким-либо этапом традиционной периодизации археологических памятников хунну.

Ключевые слова: хунну, Оргойтон, Ильмовая падь, Дырестуйский могильник, срубы, гробы, гробовища, каменные конструкции

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.86-89>

Могильник Оргойтон расположен на левом берегу реки Селенга в 5 км к юго-юго-западу от поселка Зарубино в Джидинском районе Республики Бурятия. Первые раскопки на памятнике были проведены 8 июня 1898 г. В этот день Ю. Д. Талько-Гринцевич и Я. Е. Смолев предприняли попытку раскопать сразу четыре кургана. Самым большим из выбранных объектов был курган с дромосом, расположенный в южной части могильника. После неудачи в Ильмовой пади это была вторая попытка Ю. Д. Талько-Гринцевича раскопать такой курган. В своем отчете о раскопках на Оргойтоне он написал: «Могила раскопана на 3 м в глубину до цельника; никаких находок не представила» (Талько-Гринцевич, 1999б. С. 81). Знания и опыт, накопленные за 125 лет, прошедших после этих раскопок, позволяют говорить, что Ю. Д. Талько-Гринцевич не докопал курган, который обозначил как могилу № 4. Из-за этого через три десятка лет, когда он вновь обратился к своим раскопкам в Забайкалье, в его классификации не окажется описаний погребальных сооружений элитных курганов хунну.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Николаев Н. Н. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9526-3086.

Вместе с тем Ю. Д. Талько-Гринцевич раскопал три из 15 «меньших едва заметных» объектов, которые он зафиксировал в Оргойтоне (Там же. С. 80).

В могиле № 1 «на глубине 1 м найдены остатки досок и куски угля». На дне могильной ямы, глубина которой составляла 2,25 м, зафиксированы «следы листовеннического сруба, длиной 2 м и шириною, в обоих концах, до 75 см» (Там же. С. 80).

В могиле № 2, кроме нескольких углей и следов сруба, ничего не найдено (Там же. С. 80). Следы сруба также были обнаружены в могиле № 3. На основании этих результатов Ю. Д. Талько-Гринцевич сделал вывод, что «могилы в Оргойтоне указывают на обряд погребения в листовеннических срубах, аналогичный такому же кладбищу в Ильмовой пади на Суджи, отстоящих от Оргойтона в 16 км» (Там же. С. 80–81) и находящихся на противоположном берегу реки Селенга.

Раскопкам на Суджи посвящена одна из основных статей Ю. Д. Талько-Гринцевича «Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади» (Талько-Гринцевич, 1999а. С. 16–62), в которой он так описывает погребальные сооружения исследованных им могил: «Гроб состоял из сруба, обыкновенно из очень толстых листовеннических бревен в один, два или три ряда. Сруб имел дощатое листовенническое дно, а сверху накатник из толстых бревен, поперечно идущих на расстоянии 0,5 м от дна сруба» (Там же. С. 21). Позднее, основываясь на результатах раскопок в Ноин-Уле, Ю. Д. Талько-Гринцевич идентифицирует эти погребения как хуннские и выделит во вторую группу исследованных им захоронений «обряд погребения в листовеннических срубах»

(Талько-Гринцевич, 1999в. С. 121). В последнюю, четвертую, группу он включил погребения Дырестуйского Култука (Дырестуйского могильника). В захоронениях, раскопанных им на этом памятнике, были представлены только гробы. Связи с погребениями Ильмовой пади Ю. Д. Талько-Гринцевич не увидел и посчитал, что население, которое хоронило своих соплеменников на Дырестуйском Култуке, появилось в Забайкалье уже «после упадка гуннского государства» (Там же. С. 122).

Выводы Ю. Д. Талько-Гринцевича были дополнены и скорректированы Г. П. Сосновским. В 1928–1929 гг. он руководил археологическими раскопками на территории Бурято-Монгольской АССР, которые были организованы «в связи с интересными открытиями Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в горах Ноин-Ула» (Сосновский, 1946. С. 51). Раскопки, проведенные Г. П. Сосновским в Ильмовой пади, подтвердили вывод о хуннской принадлежности могильника и позволили обосновать его единовременность с курганами Ноин-Улы (Там же. С. 65). Помимо этого, он доказал, что «погребения в листовничных гробах» Дырестуйского могильника также оставлены хунну. Г. П. Сосновский выделил их в «дырестуйский тип захоронений» (Миняев, 2007. С. 73). Он считал, что они «являются несколько более древними, чем могилы Ильмовой пади и Ноин-Улы» (Сосновский, 1935. С. 173). Однако хронологический разрыв между ними незначителен. Дырестуйский могильник Г. П. Сосновский датировал второй половиной I в. до н. э. (Там же. С. 173). «Погребения в срубках» (вслед за Ю. Д. Талько-Гринцевичем) он отнес к «суджинскому» типу и датировал первой половиной I в. н. э. (Миняев, 2007. С. 73). Выделяя типы хуннских захоронений, Г. П. Сосновский руководствовался не только конструктивными особенностями погребальных сооружений. Он старался отметить своеобразие предметного комплекса каждого из выделенных типов, но при этом признавал типологическую идентичность многих категорий инвентаря «суджинских» и «дырестуйских» комплексов (Сосновский, 1935. С. 173).

Наблюдения, сделанные Г. П. Сосновским, легли в основу периодизации хуннских памятников, которая была предложена Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1969). Несмотря на объективный характер критериев, на которых она основывалась, С. С. Миняев считал эту периодизацию попыткой «придать особенностям конструкций и инвентаря "дырестуйских" и "суджинских" памятников окончательную хронологическую интерпретацию, что прежде всего выразилось в замене понятия "тип памятника" на "этапы"» (Миняев, 2007. С. 73). Учитывая, что до настоящего времени типологии, подчеркиваю-

щей своеобразие какой-либо категории предметного комплекса «дырестуйских» или «суджинских» памятников хунну, не создано, следует признать, что ключевым критерием для соотнесения хуннских могильников с «дырестуйским» или «суджинским» этапом остается тип погребальных конструкций, которые были на них зафиксированы. Насколько такой подход соответствует реалиям, позволяют судить наблюдения, сделанные на могильнике Оргойтон, который на основании результатов раскопок Ю. Д. Талько-Гринцевича следует отнести к «суджинскому этапу».

«Суджинский тип» памятников хунну, а затем и «суджинский этап» были выделены на материалах могильника Ильмовая падь, который насчитывает не менее 200 курганов. Из них в настоящее время исследовано около 60. В абсолютном большинстве случаев захоронения в этих курганах совершены в гробах, установленных в срубы. Вероятно, именно эти погребения Ю. Д. Талько-Гринцевич называл «погребениями в срубках». Этот тип погребальных сооружений подробно был описан П. Б. Коноваловым. Сруб представлял собой бревенчатую раму в несколько венцов, собранную на дне могильной ямы. В него вплотную к южной стенке устанавливали гроб на дощатом полу, который по ширине занимал все внутреннее пространство сруба, но был значительно короче. Благодаря этому в северной части погребальной конструкции образовывалось свободное пространство или «хозяйственный отсек» для сопроводительного инвентаря, полом которому служило дно могильной ямы (Коновалов, 1976. С. 156).

Аналогичные конструкции были зафиксированы в погребениях Оргойтона, где на данный момент (помимо могил, раскопанных Ю. Д. Талько-Гринцевичем) исследованы 1 княжеский курган, 11 рядовых курганов и 3 грунтовых погребения. Зафиксированные в них сооружения можно разделить на несколько типов.

Первый тип представлен погребальным сооружением кургана № 6 (Николаев, Миняев, 2019). В нем было совершено «княжеское» захоронение в просторной погребальной камере, собранной из бруса. В ней, ближе к ее южной стенке, располагался сруб. Между восточной, северной и западной стенками погребальной камеры и сруба было свободное пространство. В юго-восточном углу сруба был установлен гроб. Аналогичная конструкция (сопоставимая в деталях) была выявлена при исследовании «княжеского» кургана (№ 154) в Ильмовой пади (Коновалов, 2008).

Второй тип погребальных сооружений — гробы, установленные в сруб, — представлен на Оргойтоне двумя вариантами. К первому варианту относятся погребаль-

ные сооружения, аналогичные сооружениям Ильмовой пади, которые были описаны П. Б. Коноваловым. В качестве дополнительного элемента их конструкции можно назвать подставки для гроба. Это доски шириной до 8 см и толщиной не более 2 см, длина которых не превышала ширину внутреннего пространства сруба, куда их укладывали параллельно поперечным стенкам. На них настилали доски, на которые устанавливали раму гроба. «Хозяйственный отсек» погребальных конструкций Оргойтона, возможно, застилали корой.

Первый вариант конструкции «гроб в срубе», с учетом объектов, исследованных Ю. Д. Талько-Гринцевичем, зафиксирован на Оргойтоне девять раз (курганы № 1–3, 7, 8, 10, 11, 14, 17). Помимо этого, на памятнике выявлен еще один вариант сооружений этого типа. В кургане № 21 было совершено захоронение в гробу, установленном в сруб. Однако в этой конструкции отсутствовал «хозяйственный отсек», т. к. гроб был установлен практически посередине сруба с очень незначительным смещением к его южной стенке. У сруба в кургане № 21 был дощатый пол, тогда как внутри гроба и под его стенками было зафиксировано только покрытие из коры. Различия двух вариантов одного типа погребальных сооружений весьма существенны. Причину этого предстоит выяснить.

Третий тип погребальных сооружений также представлен двумя вариантами — гробы и гробовища. Правомочность такого разделения сомнения не вызывает. Ключевыми являются два критерия: размер и конструктивные особенности.

Эталонным гробовищем можно считать погребальную конструкцию, встреченную в кургане № 18. Она представляла собой дощатый каркас, установленный на доски, уложенные на дно могильной ямы. Длина гробовища при высоте 0,35–0,40 м составляла 2,35 м. Ширина по северной стенке — 1,17 м, по южной — 1,06 м. Соединение деталей гробовища следует отметить особо. На краях продольных стенок на всю их высоту были сделаны вырезы, куда вставлялись поперечные стенки. Между собой они при этом не крепились. Конструкция фиксировалась весьма оригинальным способом — за счет грунта, который засыпали между рамой гробовища и стенками могильной ямы. Пол и стенки гробовища крепления друг с другом не имели.

Аналогичная конструкция с таким же способом соединения составных элементов была зафиксирована в кургане № 13. Однако при сопоставимой длине с гробовищем из кургана № 18 она была значительно меньше по ширине, что сближает ее с гробами. Они были встречены в кургане № 12 и грунтовом погребении

№ 19³. К сожалению, в обоих случаях могилы настолько сильно пострадали от грабителей, что определить конструктивные особенности гробов не представляется возможным. Вместе с тем, по аналогии с гробами, которые устанавливались в срубы, можно предположить, что у них было жесткое шиповое соединение стенок. Впрочем, нельзя исключить, что при изготовлении гробов, не предназначенных для размещения в срубах, конструктивные детали могли варьироваться.

Четвертый тип погребальных сооружений представлен в кургане № 5 (Николаев, 2010). Захоронение в нем было совершено в монументальной конструкции, возведенной из вертикально установленных и горизонтально уложенных каменных плит. Обилие камней и единственный обломок доски в заполнении могилы позволяют предположить, что у этой конструкции было каменное перекрытие и дощатый пол.

В двух детских грунтовых погребениях Оргойтона (№ 15, 16) погребальных конструкций не зафиксировано.

Обобщая сделанные наблюдения, можно констатировать, что на Оргойтоне фиксируется значительное разнообразие погребальных сооружений. Безусловно, заслуживает внимание тот факт, что в 50 % исследованных захоронений встречен один из вариантов конструкции «гроб в срубе». Показатель безусловно существенный. Особенно если принять в расчет, что этот вариант представлен в погребениях Ильмовой пади. В то же время разнообразие погребальных сооружений Оргойтона, сконцентрированное в очень скромной выборке захоронений, не вписывается в схему погребальных конструкций «суджинских» и «дырестуйских» памятников хунну.

Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 248 с.

Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Кызласов, 1969 — Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы: к 70-летию А. П. Смирнова: материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука, 1969 (МИА; № 169). С. 115–124.

Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 2-е изд., доп. (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.

³ На Оргойтоне используется сквозная нумерация для курганов и грунтовых погребений.

- Николаев, 2010 — Николаев Н. Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. М. Бернштама / Ред. В. А. Алекшин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 186–191.
- Николаев, Миняев, 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2019. № 42. С. 110–123.
- Сосновский, 1935 — Сосновский Г. П. Дырестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1–2. С. 168–176.
- Сосновский, 1946 — Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади // СА. 1946. Т. VIII. С. 51–67.
- Талько-Гринцевич, 1999а — Талько-Гринцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сюнну; Вып. 4). С. 16–62.
- Талько-Гринцевич, 1999б — Талько-Гринцевич Ю. Д. Могилы на Ихерике, в Дюрбенах, Оргойтоне, Шарагольские (Доро и Дэрэ Хара-Тологой и под Хаянами), на Суджи (Убур-Суджи, Ара-Суджи и среднем Суджи), правом берегу реки Селенги на север от Усть-Кяхты (под Черным Камнем, в Сухом ключе и Субуктуевском мысу, Липовском) // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сюнну; Вып. 4). С. 74–92.
- Талько-Гринцевич, 1999в — Талько-Гринцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сюнну; Вып. 4). С. 119–123.

Grave structures of the Orgoyton burial ground

Nikolay N. Nikolaev⁴

Annotation. *The article deals with the funerary structures of the Orgoyton burial ground according to the excavation materials of Yu. D. Talko-Gryntsevich and the author of the article. Four types of funerary structures are identified. It is shown that their diversity does not allow to correlate the burial ground with any stage of the traditional periodisation of Hunnu archaeological monuments.*

Key words: *Xiongnu, Orgoyton, Ilmovaya Pad burial ground, Dyrestuisky burial ground, log houses, coffins, graves, stone structures*

⁴ Nikolay N. Nikolaev — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture RAS, 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9526-3086.

Роковой поход Ли Лина в 99 г. до н. э.: письменные источники, географические реалии и археологические свидетельства

А. А. Ковалев¹

Аннотация. На основании раннекитайских письменных источников, результатов археологической разведки 2011 г., а также данных палеоклиматологии представлена реконструкция пути отступления отряда Ли Лина осенью 99 г. до н. э. Предлагается следующая идентификация географических наименований, упомянутых в связи с этим в «Хань шу»: горы Дун Цзюньцзишань — хребет Богдын-Нуру, река Лунлэ — река Цаган-Гол и река Лэгийн-Гол, «южная гора» — хребет Нэмэгт-Уул, горы Тиханьшань — хребет Тостын-Нуру (Баянговь, Баянлиг, Гурван-Тэс сомоны Монголии).

Ключевые слова: Ли Лин, Хань, сюнну, Цзюйянь, Гобийский Алтай, палеосреда, бронзово-железные арбалетные наконечники

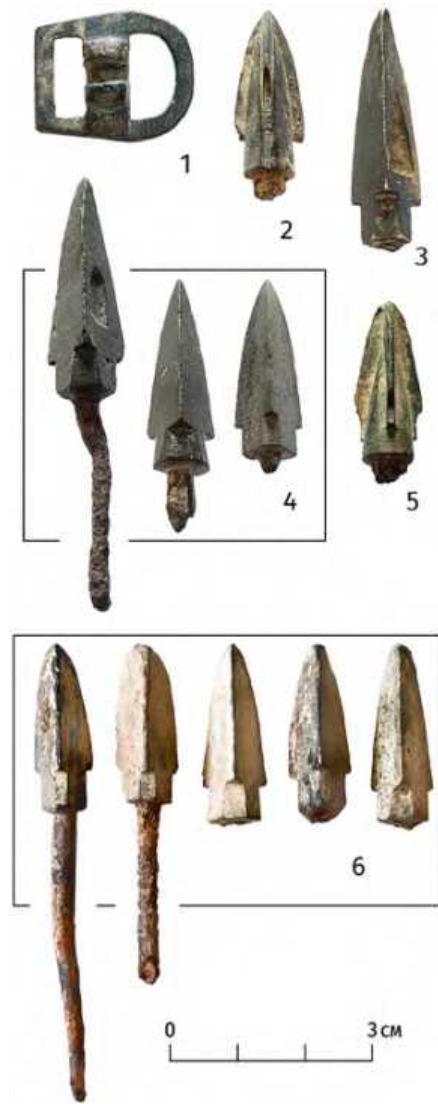
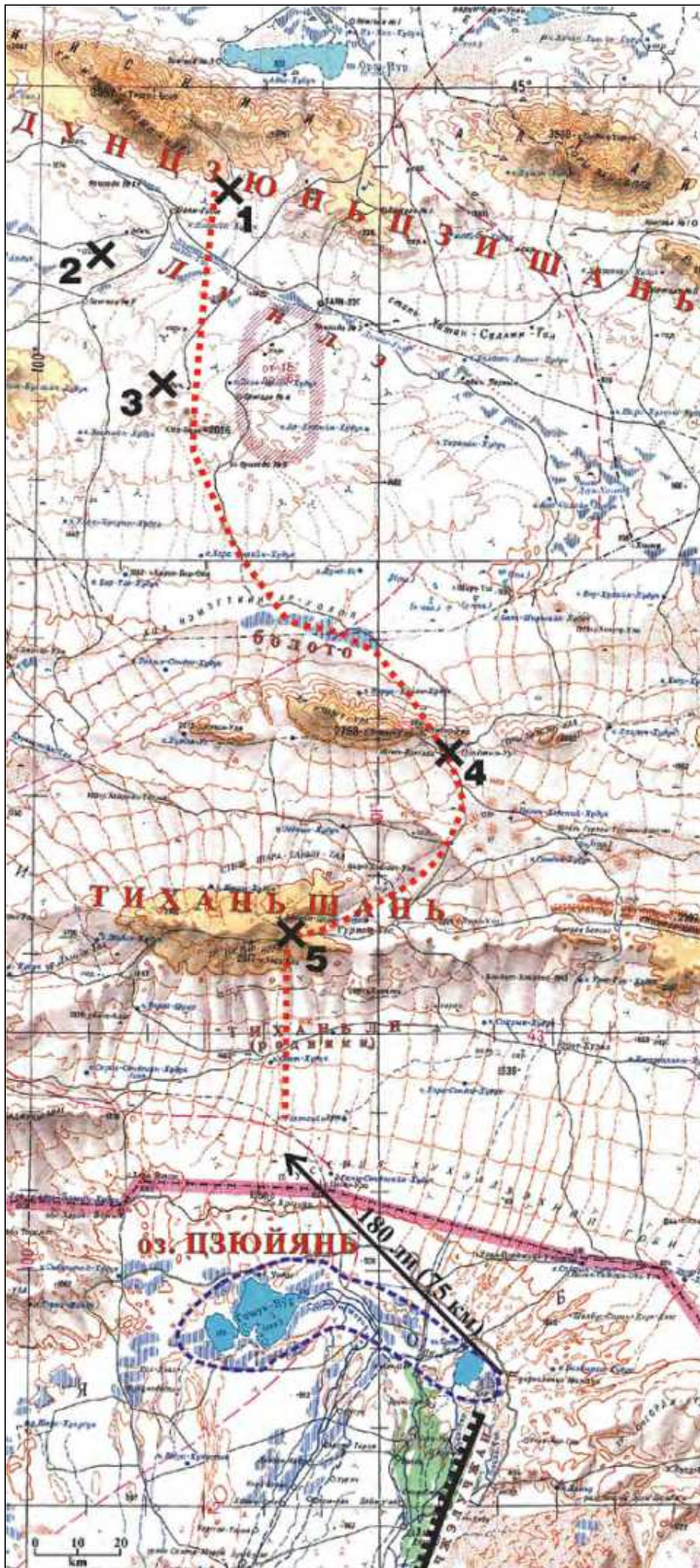
<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.90-95>

Подробности последнего похода Ли Лина в качестве ханьского полководца (осень 99 г. до н. э.) раскрывает повествование, включенное в цзюань 54 «Хань шу» (Хань шу, 1997. С. 2451–2455; далее этот текст из «Хань шу» цитируется в переводе: Таскин, 1973. С. 111–114). Отряд Ли Лина, насчитывавший 5000 человек, получив императорский приказ выступить из укреплений «Чжэлучжан» к «реке Лунлэ, что с юга от гор Восточные Цзюньцзи», начал движение «от озера Цзюйянь», прибыл к горам «Цзюньцзишань», столкнулся здесь с превосходящими силами хунну, в ходе подробно описанного отступления на юг сражался в горной местности, затем перешел некое «болото», горный хребет, дошел до гор «Тиханьшань». Оказавшись тут в окружении без боеприпасов, Ли Лин дал приказ своим воинам, «рассеявшись», пробиваться к Чжэлучжану. Группе воинов, включавшей Ли Лина, не удалось этим маневром уйти от погони, и Ли Лин сдался сюнну. Как показано далее, путь отступления полководца можно восстановить на современной топооснове (рис. 1). В 2011 г. в течение месяца мы проводили детальное обследование этой местности с использованием карт Генштаба М 1:1000 000, включая поиск археологических свидетельств похода Ли Лина (Баянлиг, Баянговь, Гурван-Тэс сомоны; руководители экспедиции — А. А. Ковалев и Т. Идэрхангай).

¹ Ковалев А. А. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

Наиболее ясным представляется вопрос о локализации места последнего сражения полководца. Озером Цзюйянь (居延) назывался обширный водоем, объединявший нынешние озера Гашун-нур и Сого-нур, в которые впадает, разделяясь на отдельные рукава, река Эдзин-гол (Хэйхэ). Чжэлучжан (遮虏障) — наименование линии небольших укреплений (障чжан) в местности «Чжэлу», как называли район южнее озера Цзюйянь. В документах ханьского времени, обнаруженных на фортификациях Эдзин-гола, мы находим не только Чжэлу-чжан, но и другие производные: 鞬汗河水 (р. Чжэлу), 遮虏田 (пашенные угодья Чжэлу), 遮虏城 (крепость Чжэлу), 遮虏候 (глава администрации Чжэлу) (Лю Чжэньган, 2014. С. 91). Это подтверждает сообщение танской географии «Ко ди чжи» о том, что Чжэлучжан — укрепления в ханьском уезде Цзюйянь (Ши цзи, 1996. С. 2916, прим. 4). Ханьские укрепления на Эдзин-голе изучаются археологами с 30-х гг. XX в., к настоящему времени завершено их обследование в рамках национальной программы всемирного наследия. Согласно этим данным, длинные стены с наблюдательными вышками идут с юго-запада на северо-восток по реке Эдзин-гол, затем по ее правому рукаву — реке Их-гол, заканчиваясь примерно в 10 км к югу от озера Сого-нур (Нэймэнгу цзычжицзюй..., 2016. С. 87–125, карта 7).

В тексте «Хань шу» говорится, что «место, где Ли Лин потерпел поражение, отстояло от укрепленной линии всего лишь на сто с небольшим ли». Согласно «Ко ди чжи», «по словам старейшин», место последнего сражения

Рис. 2. Артефакты ханьского времени, найденные в пунктах 1–5, обозначенных на карте (рис. 1): 1 – бронзовая портупейная пряжка; 2–5 – бронзовые наконечники стрел с железным черенком; 6 – бронзовые наконечники стрел с железным черенком из музея сомона Гурван-Тэс

Fig. 2. Artifacts of the Han period, found at points 1–5, indicated on the map (fig. 1): 1 – bronze sword belt buckle; 2–5 – bronze arrowheads with an iron stem; 6 – bronze arrowheads with an iron stem from the museum of the Gurvan-Tes sum

Рис. 1. Реконструкция пути отряда Ли Лина при отступлении (красный пунктир) согласно данным письменных источников на подоснове карт Генштаба, М 1 : 1 000 000, К-47 (1986 г.), Л-47 (1973 г.). Красным шрифтом даны предполагаемые западно-ханьские наименования. 1–5 – места находок артефактов ханьского времени, согласно нумерации рис. 2

Fig. 1. Reconstruction of the Li Ling detachment route during the retreat according to written sources (red dotted line) on basis of Genshtab maps, M 1 : 1 000 000 K-47 (1986), L-47 (1973). Proposed Western Han names are given in red type. 1–5 – finds of artifacts of the Han time, according to the numbering of fig. 2

Ли Лина с шаньюем находится в 180 ли от укреплений (障), на северо-запад от озера Цзюйянь (Ши цзи, 1996. С. 2916, прим. 4). Этот путь в 180 ли должен был пролегать от крайней северной оконечности укрепленной линии по северному берегу озера. С учетом того, что «ли» в ханьское время насчитывал около 420 м, а в танское время — около 460 м, место «последней битвы» находилось в районе сегодняшней монголо-китайской границы к югу от гор Тостын-Нуру.

Пытаясь вырваться из последней ловушки — ущелья в горах Тиханьшань (鞑汗山) — и добраться до Чжэлужана, воины Ли Лина взяли с собой по 400 мл (два шэна) варено-сушеного риса и по «полкуска» льда, что было явно не рассчитано на дальний переход, а судя по изложению хода событий в «Хань шу», сюнну могли настичь Ли Лина в считанные часы после начала прорыва. Поэтому «горы Тиханьшань», несомненно, и есть вышеупомянутый горный массив Тостын-Нуру, от которого, таким образом, Ли Лин сумел отойти лишь на 30–40 км. В одном из цзюйяньских документов «на бамбуковых планках» (Е. Р. Т68), датированном 5 г. эры Цзяньу (29 г.), упомянута 居延鞑汗里 (низовая административная единица в несколько дворов «ли» (里), называемая «Тихань», подведомственная цзюйяньской администрации) (Ло Шичзе, 2015. С. 51). Оттуда родом был упомянутый в документе чиновник, которому, как указывается, в 29 г. исполнилось 49 лет, т. е. родился он в 20 г. до н. э. Учитывая, что с юга от массива Тостын-Нуру и сегодня тянется цепь источников, позволяющих эффективно заниматься огородничеством (включая родник Барун-Тэрэлжтийн-Ус мощностью 5000 л/ч), этот поселок мог здесь и располагаться, что вполне допустимо для ситуации 20 г. до н. э., когда сюнну были встроены в административную структуру империи Хань (Кроль, 2005. С. 206–249).

С большой вероятностью можно локализовать горы Восточные (Дун) Цзюньцзишань 东浚稽山, упомянутые императором, как конечный пункт экспедиции Ли Лина. Рассматриваемый текст «Хань шу» указывает, что его отряд достиг гор Цзюньцзи, двигаясь «на север» 30 дней, а отступать от них он стал «по старой дороге на Лунчэн». Из другого ханьского нарратива известно, что за четыре года до похода Ли Лина отряд Чжао Пону прошел от округа Шофан до гор Цзюньцзи «на северо-запад более двух тысяч ли», назад он возвращался через Шоусянчэн (Ши цзи, 1996. С. 2915; Таскин, 1968. С. 59). Безосновательно отождествляя Лунчэн со ставкой шаньюя и на этом основании почему-то решив, что Ли Лин должен был к ней подойти вплотную, Ван Бэйчэнь соотнес горы Цзюньцзи с Хангаем (Ван Бэйчэнь, 1980. С. 113). Казалось

бы, этому не противоречат и названное расстояние от Шофана (более 840 км), и средняя длина дневного перехода армии (30–50 ли, т. е. за 30 дней отряд должен был продвигаться как минимум на 900 ли, примерно на 400 км) (Чан Юй, 2015. С. 321). Однако такие спекуляции не могут быть приняты во внимание. Скажем, «Хоу Хань шу» помещает гору Яньжаньшань, на которой Доу Сянь и Гэн Бин в 89 г. оставили мемориальную надпись, «в 3000 ли с лишним от укрепленной линии», т. е. более чем в 1200 км (Хоу Хань шу, 1965. С. 814; см.: Таскин, 1973. С. 153, прим. 25), но в 2017 г., когда надпись удалось найти, выяснилось, что она высечена на скале в горах Дэлгэрхангай не далее чем в 500 км (!) от ханьской границы (Чимитдорж, Гао Цзяньго, 2019). Уточнить локализацию гор Цзюньцзи можно с привлечением других источников. Бань Гу пишет, что в 90 г. до н. э. 30-тысячная армия под началом Шанцю Чэна вышла из округа Сихэ (т. е. из Ордоса), углубилась в земли сюнну и, никого не встретив, повернула назад; на обратном пути «у гор Цзюньцзишань» их настигли сюнну; отступая, китайские войска дошли до реки Пули (в Ганьсуском коридоре) (Хань шу, 1997. С. 3779; Таскин, 1973. С. 20). По свидетельству восточноханьского ученого Ин Шао (вторая половина II в.), горы Цзюньцзи располагаются «на север от укрепленной линии в Увэй», сюнну «часто использовали его в качестве укрепления-преграды» (Хань шу, 1997. С. 201, прим. 1). Укрепленная линия ханьского округа Увэй проходила по горам Ябулай (Алашань-Юци хошун) (Нэймэнгу цзычжицю..., 2016. С. 54–75, карта 6), севернее которых за пустыней Алашань простираются отроги Гобийского Тянь-Шаня и Гобийского Алтая. Таким образом, авторы I–II вв. помещают горы Цзюньцзи на южную окраину державы сюнну, недалеко от ханьской границы. То же мы видим в период Южных и Северных династий. В 439 г. император Северной Вэй, стремясь покарать жужаней, вышел из Уюани «по средней дороге» и, дойдя до гор Цзюньцзи, разделил войска: часть армии пошла от «большого озера» к горе Чжоешань, а сам император — на север, к горам «Тяньшань»; в 492 г. жужани во главе с Доулуном преследовали мятежных гаоцзюйцев, продвигаясь на запад вдоль северных склонов гор Цзюньцзи (Вэй шу, 1974. С. 2294, 2296; Таскин, 1984. С. 274, 278). Таким образом, горы Цзюньцзи располагались в южной части жужаньской территории, отождествление их с Хангаем исключено. Более того, сам Хангай в средневековых источниках неоднократно называется горами «Тяньшань». Используя в том числе эти сведения, А. Г. Малавкин счел ошибочной «северную» локализацию гор Цзюньцзи и присоединился к мнению об их отождест-

влении с хребтами Гобийского Алтая (*Малявкин, 1989. С. 134–137*). И так, под названием «Восточные Цзюньцзи» могут подразумеваться горы, именуемые по-монгольски «Богдын нуруу» (Их Богд, Бага Богд и Арц Богд, высотой до 3900 м), с юга от которых как раз находятся крупные озера (в частности, озеро Орог-Нур). Таким образом, путь отряда Ли Лина составил около 300 км (по прямой), а продвигался он со скоростью 10–15 км в день, что вполне правдоподобно.

Ли Лину было приказано дойти «до реки Лунлэ, что с юга от гор Восточные Цзюньцзи». Все попытки ее локализации не соответствуют контексту и являются следствием путаницы в омонимичных названиях (*Малявкин, 1989. С. 135–136*). При этом почему-то считается, что ни одной реки «севернее озера Цзюйянь» и южнее хребта Богдын-нуруу нет и не могло быть в ханьское время (*Малявкин, 1989. С. 135*). Однако в пустынной местности к югу от гор Их Богд протекает единственная настоящая река Гобийского Алтая — конгломерат т. н. рек Цаган-гол и Лэгийн-гол, представляющий поток воды из многочисленных родников, текущий с северо-запада на юго-восток на протяжении не менее 85 км в районе уездных центров Баянговь и Баянлиг Баян-Хонгорского аймака. Во II–I вв. до н. э. при большей влажности (см. ниже) эта река, несомненно, была гораздо более выражена, на юго-восток она могла продолжаться, следуя естественному уклону местности, до нынешнего солончака Дзун-Холой, т. е. достигать длины в 150 км.

Судя по тексту «Хань шу», на первом этапе своего отступления Ли Лин вел сражения в гористой местности, несколько дней сражаясь в «ущелье». При движении к югу от реки Цаган-гол это мог быть район гор Их-Баян и Хотогчин, изобилующий ущельями, тянувшимися с севера на юг. Выйдя из этих теснин, войско Ли Лина повернуло на юго-восток и «через четыре или пять дней достигло большого болота, заросшего тростником». В 55 км на юго-восток от горы Их-Баян (в четырех-пяти днях пути при дневном переходе в 10–15 км) находится солончак Таван-Дзагийн-Холой, протянувшийся с запада на восток более чем на 30 км. Это самая нижняя отметка долины Нэмэгтийн-Холой, вбирающей все сезонные стоки с северного склона хребта Нэмэгт-Уул (перепад высот на протяжении 10 км — от 2768 до 1087 м) и с гористой местности в районе гор Их-Баян и Бага-Баян. Две с лишним тысячи лет назад солончак еще должен был представлять собой озеро или болото. Исследование древних береговых линий и отложений озера Орог-нур показывает, что вплоть до конца II тыс. до н. э. его уровень был на 14–20 м выше, чем сегодня, после чего начинается период постепенного высыхания;

данные микропалеонтологии свидетельствуют о постепенном увеличении солености и понижении уровня озера Улан-Нур (севернее Даланзадгада) начиная примерно с 1200 г. до н. э. (*Zhang Shuai et al., 2022; Mischke et al., 2020. Р. 10–11*). О существенно более высокой увлажненности Ордоса в ханьское время и его постепенной аридизации говорят письменные источники I–II тыс. (*Ши Няньхай, 1988*).

Проход многотысячного войска с повозками через хребет Нэмэгт-Уул возможен только на его восточной оконечности, где его пересекает несколько ущелий. Сюда должен был выйти Ли Лин после прохода по «болоту», это была «южная гора», на которой стоял сам шаньюй, наблюдая за подходом ханьцев. «Хань шу» описывает упорные сражения здесь среди ущелий, а затем переход к вышеописанным горам Тиханьшань (Тостын-Нуру), не доходя до которых «в течение дня» были израсходованы последние 500 тысяч (!) стрел. Этот пассаж только подчеркивает, что поход Ли Лина неминуемо должен был оставить материальные свидетельства. Миллионные запасы стрел для арбалетов — основного и эксклюзивного оружия тогдашней китайской армии — остались на местах сражений ханьского отряда. Естественно, здесь же могли происходить и не отраженные в письменных источниках стычки ханьских войск с кочевниками, но наличие арбалетных наконечников по всему гипотетическому маршруту Ли Лина может служить косвенным подтверждением нашей реконструкции. Место последнего боя Ли Лина уже пытались найти путем подобной «археологической разведки» в период династии Суй (589–619 гг.). Как сообщает в подтверждение локализации «сражения Ли Лина с шаньюем» танское сочинение «Юань хэ цзюнь сянь ту чжи», суйский командир военного поселения (鎮將) Ян Сюань недалеко от укреплений Чжэлучжан обнаружил «бронзовые арбалетные замки и наконечники стрел» (Юань хэ..., 1983. С. 1024).

В ходе полевых работ 2011 г. нам удалось зафиксировать бронзовую ханьскую портупейную пряжку конца II–I вв. до н. э. *in situ* в поверхностном слое почвы на южном склоне хребта Их-Богдын-Нуру (**рис. 2, 1**). Местные жители, большинство из которых активно проводит приборный поиск рассыпного золота, передали нам несколько ханьских арбалетных бронзовых наконечников, насаживавшихся на железный черенок (черенки частично утрачены) (см.: *Бай Юньсян, 2005. С. 243–251*). Три из переданных нам наконечников были найдены у восточной оконечности хребта Нэмэгт-Уул, у горы Цохэтын-Уул (**рис. 2, 4**). Такой же наконечник происходит с территории севернее горы Их-Баян (**рис. 2, 3**). Они трехгранные с шестигранными втулками, полностью

соответствуют наконечникам, собранным нами при раскопках ханьской военной базы Шоусянчэн, основанной в 104 г. до н. э. и заброшенной к концу I в. до н. э. (сюда по плану должен был отходить Ли Лин) (Ковалев и др., 2011. С. 81, рис. 15). Наконечники этого типа обнаружены также в ходе раскопок мемориального комплекса мавзолея Дулин императора Сюань-ди (умер в 59 г. до н. э.) (Чжунго шэхуй..., 1993. С. 57, рис. 23). В музее Гурван-Тэс сомона нами были осмотрены еще пять таких же наконечников (рис. 2, 6). Нам были переданы также трехлопастные наконечники с железным черенком, один из которых был найден в местности Дархан-Суджийн (рис. 2, 2), а другой — недалеко от горы Шугша-Уул (хребет Тостын-Нуру) (рис. 2, 5). Наконечники этого типа найдены в могиле Ганьцюань М14 (вторая половина II в. до н. э.) (Шэньси шэн..., 1995. С. 28), однако могли использоваться и позже, о чем говорят находки трехгранных с шестигранной втулкой и трехлопастных наконечников с железными черенками и в ханьском арсенале в Чаньгани (Чжунго шэхуй..., 2005. С. 112–114), и в крепости Чаолукулунь, построенной не ранее 103 г. до н. э. (Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981. С. 27–28, рис. 6). Настоятельно требуется продолжение полевых исследований, в том числе детальное обследование места битвы (?) у горы Цохётын-Уул, а также поиск ханьского поселения на линии родников с юга от гор Тостын-Нуру (поселок «Тихань ли»).

Ковалев и др., 2011 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С. С., Гребенников И. Ю. Раскопки поселения Баян булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. Вып. 6. С. 58–93.

Кроль, 2005 — Кроль Ю. Л. Отношения империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Вост. лит., 2005. С. 126–361.

Малявкин, 1989 — Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.

Таскин, 1968 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. 177 с.

Таскин, 1973 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам). М.: Наука, 1973. Вып. 2. 169 с.

Таскин, 1984 — Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.

Mischke et al., 2020 — Mischke S., Lee M. K., Lee Y. I. Climate history of Southern Mongolia since 17 ka: The ostracod,

gastropod and charophyte record from lake Ulaan // Frontiers in Earth Science. 2020. Vol. 8. Article 221.

Zhang Shuai et al., 2022 — Zhang Shuai, Zhao Hui, Sheng Yongwei, Chen Shengqian, Li Guoqiang, Chen Fahu. Late quaternary lake level record of Orog Nuur, Southern Mongolia, revealed by optical dating of paleo-shorelines // Quaternary Geochronology. 2022. Vol. 72. Article 101370.

На китайском языке

Бай Юньсян, 2005 — Бай Юньсян. Сянь Цинь лян Хань те ци дэ каогусюэ яньцзю [白云翔. 先秦两汉铁器的考古学研究]. Археологическое исследование железных изделий доциньского [времени, периодов Цинь и] обеих Хань. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. 414 с.

Ван Бэйчэнь, 1980 — Ван Бэйчэнь. Гудай Цзюйянь даолу [王北辰. 古代居延道路]. Древний цзюйяньский путь // Лиши яньцзю. 1980. № 3. С. 107–122.

Вэй шу, 1974 — Вэй шу / Вэй шоу чжуань [魏书. 魏收撰]. Книга [династии] Вэй / Сост. Вэй Шоу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1974. Т. 1–8. 3062 с.

Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981 — Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь. Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн ци ци фуцзиньдэ чанчэн [盖山林, 陆思贤. 潮格旗朝鲁库伦汉代石城及其附近的长城]. Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в хошуне Чаогэ-Ци и длинная стена поблизости от нее // Чжунго чанчэн ичжи дяоча баогао ци [中国长城调查报告集]: Сборник отчетов об обследовании руин длинных стен Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1981. С. 25–33.

Ло Шицзэ, 2015 — Ло Шицзэ. Цзюйянь Хань цзянь Цзяццюйхоугуань лин ши, вэй ши жэнь мин чжэнли ци жэньци фуяоань [罗仕杰. 居延汉简甲渠候官令史、尉史人名整理及任期复原]. Упорядочение имен и восстановление сроков полномочий чиновников «линши», «вэйши» управления Цзяццюйхоугуань, упоминаемых на ханьских бамбуковых планках Цзюйяни // Линдун тунши цзяоюй яньцзю сюэкань. 2015. Т. 6, № 1. С. 45–82.

Лю Чжэньган, 2014 — Лю Чжэньган. Чжэлучжан дэ ван юй Ли Лин чжаньбай чу бьянси [刘振刚. 遮虏障地望与李陵战败处辨析]. Локализация Чжэлучжана и места, где был разбит Ли Лин // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю. 2014. № 1. С. 90–95.

Нэймэнгу цзычжицзюй..., 2016 — Нэймэнгу цзычжицзюй вэньхуа тин (вэньу цзюй), Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо. Нэймэнгу цзычжицзюй чанчэн цзюань дяоча баогао. Алашань цзюань [内蒙古自治区文化厅 (文物局)、内蒙古自治区文物考古研究所. 内蒙古自治区长城资源调查报告. 阿拉善卷]. Департамент культуры Автономного района Внутренняя Монголия (бюро культурных реликвий), Институт культурных реликвий и археологии Автономного района Внутренняя Монголия. Отчеты о ресурсном обследовании длинных стен в Автономном районе Внутренняя Монголия. Алашань; Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. 496 с.

Хань шу, 1997 — Хань шу / Бань Гу чжуань, Янь Шигу чжу [汉书. 班固撰, 颜师古注]. Книга [о династии] Хань /

- Сост. Бань Гу; ком. Янь Шигу. 10-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. Т. 1–12. 4273 с.
- Хоу Хань шу, 1965 — Хоу Хань шу [后汉书]. Книга [о династии] Поздняя Хань / Сост. Е. Фань, Ли Сян и др. [范晔撰, 李贤等注]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1965. Т. 1–12. 3684 с.
- Чан Юй, 2015 — Чан Юй. Ли Лин Цзюньцишань чжи чжань юй Хань дай дэ чжаньшу хоуцинъ [常或. 李陵浚稽山之战与汉代的战术后勤]. Битва Ли Лина при горах Цзюньцишань и тактическая логистика ханьского времени // Чжунхуа вэньши луньцун. 2015. № 4. С. 315–338.
- Чжунго шэхуй..., 1993 — Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо. Хань Дулин линъюань ичжи [中国社会科学院考古研究所. 汉杜陵陵园遗址]. Институт археологии Академии общественных наук Китая. Руины парка при ханьском мавзолее Дулин. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1993. 240 с. (Чжунго тянье каогу баогао цзи. Каогусюэ чжауанкань. Дин чжун ди сы ши и хао [中国田野考古报告集. 考古学专刊. 丁种第四十一号]. Собрание отчетов по полевой археологии Китая. Монографии по археологии. Серия D; № 41).
- Чжунго шэхуй..., 2005 — Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо. Хань Чанъань уку [中国社会科学院考古研究所. 汉长安武库]. Институт археологии Академии общественных наук Китая. Арсенал ханьской Чанъани. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2005. 184 с., 83 табл. (Чжунго тянье каогу баогао цзи. Каогусюэ чжауанкань. Дин чжун ди сы ши и хао [中国田野考古报告集. 考古学专刊. 丁种第四十一号]. Собрание отчетов по полевой археологии Китая. Монографии по археологии. Серия D; № 67).
- Чимитдорж, Гао Цзяньго, 2019 — Чимудэдаоэрци (Чимитдорж), Гао Цзяньго. Югуань «Фэн Яньжэньшань мин» моя дэ сань гэ вэньти [齐木德道尔吉、高建国. 有关《封燕然山铭》摩崖的三个问题]. Три вопроса об утесе с «Надписью, опечатавшей Яньжэньшань» // Сибэй миньцзю яньцзю. 2019. № 1. С. 108–118.
- Ши Няньхай, 1988 — Ши Няньхай. Хэ шань цзи Лян цянь сань бай нянь лай Эрдосы гаоюань хэ Хэтао пинъюань нун линь му дицзюй дэ фэнбу цзи бяньцянь [史念海. 河山集. 两千三百年来鄂尔多斯高原和河套平原农林牧地区的分布及变迁]. Распределение и изменение сельскохозяйственных, лесных и пастбищных угодий на плато Ордос и равнине Хэтао за последние 2300 лет. Собрание сведений о горах и реках. Сб. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 83–107.
- Ши цзи, 1996 — Ши цзи [史记]. Записи историографа / Сост. Сыма Цянь; ком. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ [司马迁撰. 裴駰、司马贞、张守节注]. 14-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1996. Т. 1–10. 3322 с., 56 с. прил.
- Шэньси шэн..., 1995 — Шэньси шэн каогу яньцзюсо, Яньбань дицзюй вэнь гуаньхуй, Ганьцюань сянь вэнь гуаньсо. Си Янь телу Ганьцюань дуань Хань Тан му цинли цзяньбао [陕西省考古研究所、延安地区文管会、甘泉县文管所. 西延铁路甘泉段汉唐墓清理简报]. Институт археологии провинции Шэньси, Комитет управления культурой района Яньбань, Управление культуры уезда Ганьцюань. Краткий отчет о зачистке могил периодов Хань и Тан на участке Ганьцюань железной дороги Си Янь // Каогу юй вэньбу. 1995. № 3. С. 19–35.
- Юань хэ..., 1983 — Юань хэ цзюнь сянь ту чжи [元和郡县图志]. Описание карты округов и уездов эры правления Юаньхэ / Сост. Ли Цзифу [李吉甫撰]. Пекин: Шуцзюй чубаньшэ, 1983. Т. 1–2. 1110 с., 126 с. прил.

Fateful campaign of Li Ling in 99 BC: written sources, geographical realities and archaeological evidence

Alexey A. Kovalev²

Annotation. *Based on early Chinese written sources, on results of 2011 archaeological exploration, as well as paleoclimatological data, a reconstruction of the retreat route of Li Ling's detachment in the autumn of 99 BC is presented. The following identification of geographical names mentioned in this regard in "Han shu" is proposed: Dong Junjishan mountains — the Bogdyn-Nuru ridge, the Longle river — both Tsagan-Gol and Legiin-Gol rivers, the "southern mountain" — the Nemeqt-Uul ridge, the Tihanshan mountains — the Tostyn-Nuru ridge (Bayangov', Bayanlig, Gurvan-Tes sums of Mongolia).*

Key words: *Li Ling, Western Han, Xiongnu, Juyan territory, Gobi Altai mountains, palaeoenvironment, bronze-iron crossbow arrowheads*

² Alexey A. Kovalev — Institute of Archaeology of the RAS; 19 Dm. Ulianova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

Один эпизод из истории контактов южных хунну с империей Хань в отражении средневековой китайской живописи эпохи Сун

А. В. Варенов¹

Аннотация. В работе кратко описана биография ханьской поэтессы Цай Янь (Цай Вэньци). После захвата столицы Лояна войсками генерала Дун Чжо в 192 г. н. э. она попала в плен к южным хунну и была выкуплена спустя 12 лет полководцем Цао Цао. Цай Вэньци часто изображали художники разных эпох. Южносунская картина «Вэньци возвращается в Хань» написана художником Чэнь Цзюйчжун в начале XIII в. Полотно аллегорически передает надежду автора на возвращение захваченных чжурчжэнями земель Северного Китая.

Ключевые слова: Восточная Хань, южные хунну, Цай Янь (Цай Вэньци), Южная Сун, живопись, аллегория, Чэнь Цзюйчжун

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.96-99>

Введение

Племенной союз (держава) хунну еще в 48 г. н. э. раскололся на две части — северную и южную, развитие которых пошло разными путями. Южные хунну на протяжении последующих 250 с лишним лет выступали как вассалы и верноподданные империи Хань и ее преемниц. Какие-то сложности в отношениях с южными хунну возникали только тогда, когда в Китае начиналась внутренняя смута (Борисов, Варенов, 2016. С. 131). Яркий пример этому — история ханьской поэтессы Цай Янь (Цай Вэньци).

История Цай Вэньци

Цай Янь (蔡琰, ок. 172 — ок. 220 гг.), второе имя Вэньци (文姬) или Вэньчао (文昭), дочь Цай Юна (蔡邕/雍, 132–192 гг.) — сановника, мыслителя, литератора, одного из ведущих поэтов конца Поздней Хань. Она хорошо разбиралась в литературе, музыке и каллиграфии. Совсем молодой Цай Вэньци вышла замуж за Вэй Чжундао (卫仲道), который вскоре умер, после чего она вернулась домой к отцу. В результате захвата и разграбления Лояна войсками генерала Дун

Чжо² (董卓) в 192 г., Цай Янь попала в плен к южным хунну и прожила у них 12 лет, родив двоих детей.

Полководец Цао Цао (曹操, 155–220 гг.), объединивший Север страны, за большие деньги выкупил Цай Янь у хунну, так как надеялся получить от нее сведения о библиотеке Цай Юна, которая бесследно исчезла во время событий 192 г. Он же выдал Цай Вэньци замуж за Дун Сы (董祀)³. Цай Янь оставила несколько великолепных поэтических произведений, в которых поведала о своей трагической судьбе. Согласно этим произведениям, ей пришлось оставить сыновей у хунну. В наши дни о Цай Вэньци снимают телесериалы, а до этого часто изображали художники разных эпох, включая Мин и Цин (Цай Вэньци).

Нередко в такие полотна вкладывался символический смысл. Авторы статьи в Открытой китайской электронной энциклопедии (аналог «Википедии») «Байкэ байду» отмечают, что тема была весьма популярна в первые годы после гибели империи Северная Сун и в начале становления Южной Сун, когда при захвате в 1127 г. северосунской столицы (на месте современного г. Кайфэн) император Хуэй-цзун (徽宗, даты правления 1100–1126 гг.; личное имя — Чжао Цзи, 赵佶) и его сын Цинь-цзун (欽宗, личное имя — Чжао Хуань, 赵桓) были

¹ Варенов А. В. — Новосибирский государственный университет; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

² Подробнее о Дун Чжо и захвате им Лояна см.: Борисов, 2015; 2016.

³ Существует официальное жизнеописание Цай Янь в «Хоу Хань шу» (后汉书 «Книга о Поздней Хань», цзюань 84, «Дун Сы ци» 董祀妻 — «Жена Дун Сы»).

взяты в плен чжурчжэнями⁴. По их мнению, история о возвращении Цай Вэньци в Китай соответствовала настроениям жителей Южной Сун, молившихся о возвращении императоров (*Чэнь Цзюйчжун*). Впрочем, сюжет оставался весьма популярным и много лет спустя после их смерти⁵.

Свиток художника Чэнь Цзюйчжуна «Вэньци возвращается в Хань»

Весьма показательна в этом плане картина Чэнь Цзюйчжуна «Вэньци возвращается в Хань». Художник Чэнь Цзюйчжун (陈居中) жил в Южной Сун в XII — начале XIII в. Даты его рождения и смерти неизвестны, но есть сведения, что в годы правления южносунского императора Нин-цзун (宁宗, 1194/95–1224 гг.) под девизом Цзя-тай (嘉泰, 1201–1204 гг.) Чэнь Цзюйчжун занимал должность дайчжао (待詔) в Академии живописи Южной Сун (БКРС, 1983. С. 151). Считается, что Чэнь Цзюйчжун специализировался на изображениях степных всадников и их кочевой жизни (*Чэнь Цзюйчжун*). Ему приписывают вертикальный свиток «Вэньци возвращается в Хань» (文姬归汉图 — Вэньци гуй Хань ту, 147,4 × 107,7 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй)⁶. На картине нет подписи или печати автора, но долгое время она считалась, да и сейчас продолжает считаться созданной Чэнь Цзюйчжуном (*Чэнь Цзюйчжун*).

Свиток «Вэньци возвращается в Хань» изображает передачу поэтессы послу Цао Цао на границе владений империи Хань и хунну, обставленную как своеобразный «пикник на обочине». Сцена показана как бы «со стороны Китая». Цай Янь сидит на прямоугольном ковре напротив провожающего ее предводителя левого крыла хунну Цзо Сянь-вана (左賢王)⁷. Близ ковра четверо слуг подают им напитки и угощения. Сзади Цай Вэньци на ковре стоят двое ее детей. Младший крепко ухватил-

ся за мать. В отдалении, меж холмов на заднем плане, — еще несколько слуг (возможно, конюхов), лошадь и верблюд с навьюченной поклажей (видимо, пожитками Цай Вэньци). Китайский посол в красном облачении сидит на особой циновке. Перед ним — пара охранников, вооруженных луками, а за спиной — свита с угощениями, опахалами, сложенными зонтами и пара лошадей. Еще несколько лошадей, видимо, для членов свиты посла, привязаны поодаль близ кустов на переднем плане картины (**рис. 1**).

Хуннуская делегация, доставившая к пункту передачи Цай Вэньци, выглядит весьма скромно. Мы видим всего четырех слуг близ ковра в центре, нескольких конюхов, пару лошадей и вьючного верблюда в верхней части картины на заднем плане. Цзо Сянь-ван почти не отличается одеждой от своих слуг, и поза у него какая-то согбенно-заискивающая, чуть ли не просительная. Напротив, яркая красная одежда ханьского посла моментально бросается в глаза, он сидит с прямой спиной, гордо выпятив живот, так что сразу заметно, кто здесь главный. Свита китайского посла включает 15 человек. На полотне показано не менее 12 принадлежащих им лошадей.

Заключение

Возможно, обращаясь к теме «возвращения Вэньци» в начале XIII в., художники Южной Сун выражали надежду, что занятый чжурчжэнями север страны тоже рано или поздно «вернется в родную гавань» (Чжунго лидай, 1995. С. 102). Основания для таких надежд могли дать им неудачи чжурчжэней в войне с монголами Чингисхана, которая как раз и развернулась в начале XIII в. Южная Сун, следуя давней традиции китайской дипломатии «заключать союз с дальним соседом против ближнего», приняла участие в этом конфликте на стороне монголов, правда, особых лавров не снискала.

Картина Чэнь Цзюйчжуна дает прекрасную возможность проверить высказанное нами предположение, что оформление хвостов верховых коней в виде туго завязанного узла с двумя свисающими прядями во второй половине XII — начале XIII в. было одинаково характерно и для Цзинь, и для Южной Сун (Варенов, Пан, 2022). Хвосты у всех «ханьских» лошадей посольской свиты на картине Чэнь Цзюйчжуна завязаны тугим узлом с двумя свисающими прядями. Как именно оформлены хвосты коней у «хуннуской» делегации, доставившей Цай Вэньци к пункту передачи, не видно. Но это демонстрируют как иные картины того же Чэнь Цзюйчжуна, так и полотна, написанные цзиньскими художниками и изображающие чжурчжэньских всадников (Варенов, 2022).

4 Во время нашествия чжурчжэней Хуэй-цзун отрекся от трона в пользу сына, правление которого продолжалось менее года.

5 Более-менее прочный мир с чжурчжэнями был подписан только в 1141 г., когда пленные монархи уже умерли на чужбине и на родину возвратили лишь гробы с их телами. Подробнее о сунско-цзиньских отношениях см.: Гончаров, 1986.

6 В монографии Т. А. Постреловой работа названа «Монгольский лагерь; Вэнь Чжи возвращается в Китай», в качестве места ее хранения указан пекинский музей Гугун, а автора — Чэнь Цзюйчжун (Пострелова, 1976. С. 200).

7 Цзо Сянь-ван — не личное имя, а должность (титул) у хунну, вторая по значению после шаньюя. Споры о том, была Цай Вэньци законной женой или наложницей Цзо Сянь-вана, продолжаются до сих пор (Цзо Сянь-ван).

Рис. 1. Картина Чэнь Цзюйчжун «Вэньцзи возвращается в Хань» (по: Чэнь Цзюйчжун «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу)
Fig. 1. Chen Juzhong's painting "Wenji returns to Han" (after Чэнь Цзюйчжун «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу)

- БКРС, 1983 — Большой китайско-русский словарь. Т. 1. М.: ГРВЛ, 1983. 552 с.
- Борисов, 2015 — Борисов Д. Э. Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10: Востоковедение. С. 54–61.
- Борисов, 2016 — Борисов Д. Э. Биография Цао Цао: переменна участия. Восстание лоялистов и развал лагеря повстанцев (190–192 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 137–146.
- Борисов, Варенов, 2016 — Борисов Д. Э., Варенов А. В. Политика Поздней Хань в отношении северных соседей и ее последствия для экономики империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 129–136.
- Варенов, 2022 — Варенов А. В. Две цзиньские картины рубежа XII–XIII веков и специфика формирования в КНР коллекций средневековой живописи // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Материалы V междунар. науч. конф. 7–8 окт. 2022 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. С. 49–55.
- Варенов, Пан, 2022 — Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 21–41.
- Гончаров, 1986 — Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: ГРВЛ, 1986. 296 с.
- Пострелова, 1976 — Пострелова Т. А. Академия живописи в Китае в X–XIII вв. М.: ГРВЛ, 1976. 240 с., 22 л. ил.
- На китайском языке**
- Цай Вэньци — Цай Вэньци [Электронный ресурс] // Байкэ байдун: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%94%A1%E6%96%87%E5%A7%AC/6785> (дата обращения: 21.01.2023).
- Цзо Сянь-ван — Цзо Сянь-ван [Электронный ресурс] // Байкэ байдун: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B7%A6%E8%B3%A2%E7%8E%8B/1164749> (дата обращения: 21.01.2023).
- Чжунго лидай, 1995 — Чжунго лидай хуйхуа цзинпин 100 фу шанси [中国历代绘画精品100幅赏析. 周卫明, 徐建融编著]. Собрание 100 шедевров китайской живописи прошлых лет / Под ред. Чжоу Вэймина, Сюй Цзяньжуна. Цзинань: Шаньдун кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1995. 205 с.
- Чэнь Цзюйчжун — Чэнь Цзюйчжун [Электронный ресурс] // Байкэ байдун: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD/2304724> (дата обращения: 21.01.2023).
- Чэнь Цзюйчжун «Вэньци гуй Хань ту» чжоу — Чэнь Цзюйчжун «Вэньци гуй Хань ту» чжоу [Электронный ресурс] // Байкэ байдун: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%BB%B8/14766032> (дата обращения: 21.01.2023).

An episode from the history of Southern Xiongnu and Han Empire contacts as reflected in the Medieval Chinese painting of Song Period

Andrey V. Varenov⁸

Annotation. *This paper briefly describes the biography of Han poetess Cai Yan (Cai Wenji). After the capture of Luoyang capital by general Dong Zhuo's troops in 192 AD she became a prisoner of Southern Xiongnu and 12 years later was redeemed by Cao Cao general. Cai Wenji was often a subject for artists of different periods. Southern Song painting "Wenji returns to Han" by Chen Juzhong was finished at the beginning of the XIII century. It expresses allegorically the hope of the author that Chinese territories captured by Jurchen will return to Song.*

Key words: *Early Han, Southern Xiongnu, Cai Yan (Cai Wenji), Southern Song, paintings, allegory, Chen Juzhong*

⁸ Andrey V. Varenov — Novosibirsk State University; 1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

The “Qin Shu” excavated in terracotta warriors’ and horses’ pit of the Mausoleum Complex of Emperor Qin Shihuang and northern nomads

Shen Maosheng¹

Annotation. Based on research of historical literature and excavated materials, the author suggests that the supposed “Qin Shu 秦𦏧” found in the terracotta warrior and horse pit of Emperor Qin Shihuang’s mausoleum complex are not ritual weapons, but rather bronze Jue used to attach ropes for erecting tents. The Qin learned how to use bronze Jue (铜𦏧) from the northern nomads, which is why they appear in the terracotta warriors and horse pit, reflecting the close communication between the Qin and the northern nomads.

Key words: “Qin Shu”, bronze Jue, northern nomads

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.100-103>

There are 31 cylindrical bronze artifacts unearthed from the No. 1 and No. 3 terracotta warrior and horse pit of the mausoleum complex of Emperor Qin Shihuang with 10.5–10.6 cm length, 8.9 cm depth hole for installing a handle and 2.2–2.3 cm for cross-section diameter (**fig. 1**). The excavate person named them as bronze Shu (𦏧) (Qinyong..., 1975; Yuan Zhongyi, 1990; Wang Xueli, 1994). But is this truly a weapon? What purpose does it serve? We will address this topic in the following sections.

According to the historical texts, Shu (𦏧) is one of the Five Kinds of Weapon, it falls under the category of stick weapons. Shu (𦏧) is made from wood or combined bamboo. They were commonly used as ceremonial weapons to keep pedestrians away during surveillance.

During West Zhou and East Zhou periods (13th–3rd centuries BC), bronze Shu (𦏧) took on a spherical shape. Additionally, Shu (𦏧) made of bronze were produced with three stabs, five stabs, and six stabs (**fig. 2**) (Liu Zhancheng, 1995). Most Shu artefacts, featuring five or six blades, were uncovered in the Inner Mongolia region. They are classified as belonging to the Erduosi cultural series and were highly regarded by the nomadic tribes of the northern steppe.

In the northern steppe, Bronze Shu (𦏧) featured a round addressing hole in its center, or a round tube for installing a handle on its button. In this region, Shu functioned both as a crash tool and as a striking weapon when combined

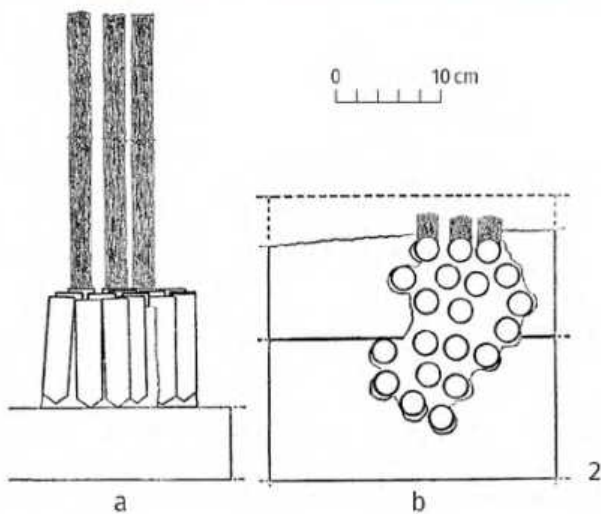
with a handle. This made Bronze Shu useful as a weapon during hunting, and it was consequently referred to as “Gudu (骨都)” or “Guduo (骨朵)” in the literature (**fig. 3**) (Cheng Dong, Zhong Shaoyi, 1990. P. 12, 65).

During the Warring States Period (476–221 BC), three shapes of bronze Shu were present. These were staff-type Shu, spike-shaped with edge Shu, and flower ball-shaped with edge Shu. (**fig. 4**) (*Ibid.* P. 79). During the Han Dynasty, the main shape of bronze Shu is stick type Shu (**fig. 5**) (Sun Ji, 1991. P. 129, 130). We can find out that the “Qin Shu (秦𦏧)”, namely, bronze Shu of Qin Dynasty (221–206 BC), were vert different from other Shu.

First of all, “Qin Shu (秦𦏧)” are too short. According to the brief report on the excavation of No. 3 terracotta warrior and horses pit, there were wood handle of 100 cm long assembling on the “Qin Shu”. On the other hand, the length of wood handles of long weapons unearthed from No. 1 terracotta warriors and horses pit were nearly 300 cm. Among the unearthed out bronze Shu materials, the handle of bronze Shu of Zhenghou Yi (曾侯乙) tomb is 321–340 cm long, the iron handle of iron Shu in Mancheng Han tomb (满城汉墓) is 204 cm. The length of Shu picture of Yinan stone relief tomb of East Han Dynasty as well as on the Yan-shi East Han wall painting tomb, are near 200 cm which longer than the high of human. The overall lengths of above mentioned Shu are much longer (**fig. 5**) than “Qin Shu” unearthed in No. 1 terracotta warriors and horses pit, therefore, it’s doubtful if we see the latter as long weapon.

Secondly, the Qin Shu are too thin. The diameter of the palm of the fist of the terracotta figure holding the long

¹ Shen Maosheng — Emperor Qin Shihuang’s Mausoleum Site Museum; Xi’an, 710612, People’s Republic of China; e-mail: Xianshen2005@163.com; ORCID: 0000-0003-4357-594X.

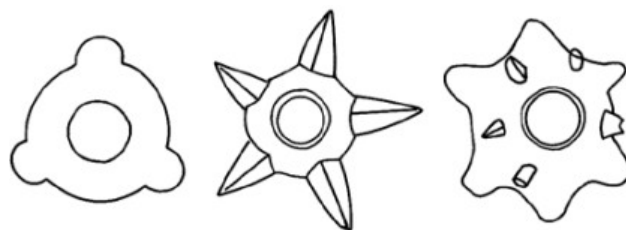

Fig. 1. Bronze “Qin Shu” unearthed from terracotta warriors and horses pit of the Mausoleum complex of emperor Qin Shihuang: 1 – photo; 2 – the front (a) or the sectional view (b)

Рис. 1. Бронзовые «цин шу», обнаруженные в захоронении терракотовых воинов и лошадей комплекса вокруг гробницы императора Цинь Шихуанди: 1 – фото; 2 – вид спереди (а) и в разрезе (б)

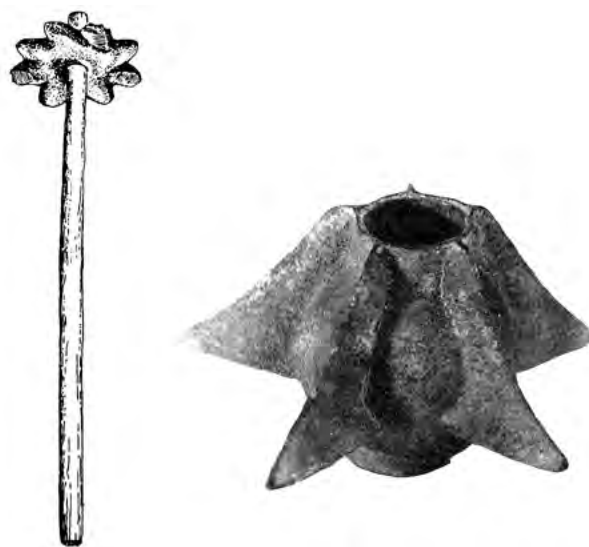
weapon is more than 4.5–6 cm. However, the inner diameter of the grip of the “Qin Shu” is only 2.2–2.3 cm. The large palm of the terracotta figurine cannot grip the thin wooden handle of the Qin Shu, which is less than 3 cm in diameter. Therefore, I believe that the diameter of the handle cross diameter of “Qin Shu” is not suitable for holding terracotta figurines.

Thirdly, the Qin Shu were placed in a bundle before being excavated. If the “Qin Shu” were used as long weapon No. 3 terracotta warriors and horse pit, then they should be scattered in the silted soil near terracotta figurines or in the collapsed soil of the partition wall, similarly with the weapons from the other two terracotta warriors and horse pits. But it is strange that there are a bunch of 20 “Qin Shu” were

Fig. 2. Shu of West Zhou period. Material – bronze

Рис. 2. Шу периода Западного Чжоу. Материал – бронза

Fig. 3. Shu unearthed in Inner Mongolia area. Material – bronze

Рис. 3. Шу из Внутренней Монголии. Материал – бронза

placed under the northern wall of the third unit of No. 3 Terracotta Warriors and Horse Pit. This placement is much more beyond comprehension.

Fourthly, if Qin Shu was a long weapon, why were they not taken by the robbers? According to the study, the terracotta warriors and horse pit of Emperor Qin Shihuang had been destroyed, and some people entered the pit before it was destroyed by fire and took out all the bronze weapons that were visible on the surface. Not only the bronze weapons, but also many of the chariots and horse accessories were removed in the same way. It can be seen that the importance of “Qin Shu” was inferior to that of the carriage and horse accessories. “Qin Shu” were reserved simply because they were not important artefacts and were not in the interest of the robbers.

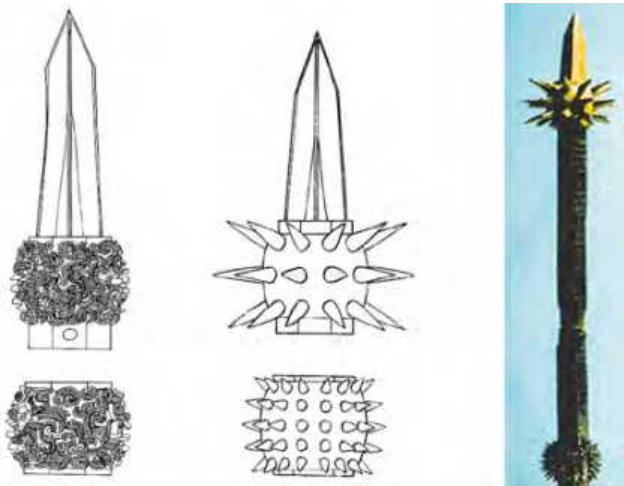

Fig. 4. Shu of the Warring States period. Material – bronze

Рис. 4. Шу периода Сражающихся царств. Материал – бронза

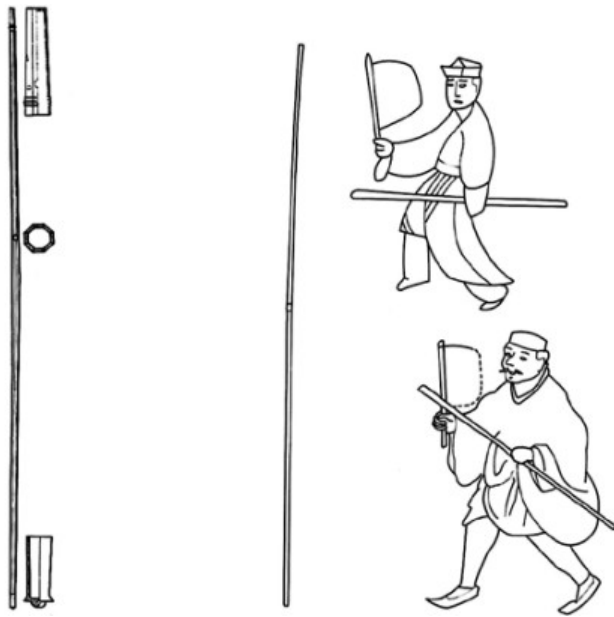

Fig. 5. The structure of the Shu can be seen in the picture depicting its use during the Han Dynasty. Material – bronze

Рис. 5. Конструкция Шу и применение в эпоху династии Хань. Материал – бронза

Then it is what kind of weapon being held in the fist of the terracotta figurines of No. 3 terracotta warriors and horses pit? A bronze spear was unearthed in the silted soil of the No. 3 terracotta warrior and horse pit, this indicates that in the No. 3 pit, the terracotta figurines are holding actual combat weapons similar to those in the other two terracotta warrior and horse pits, such as Ge (戈), spears and halberds, not the ritual weapons speculated in the past.

What is the function of “Qin Shu (秦戈)”? The answer to this question lies in the structure and character of the No. 3 Terracotta Warriors and Horse Pit. Researchers believe that No. 3 pit was a Junmu (军幕), namely an army office of the commanding officer, then there must have been a tent for the generals and marshals. Therefore, the “Qin Shu (秦戈)” are most likely artefacts for erecting a tent, the function of which is most similar to a short wooden stake or a large iron nail used for fastening cords. The same kind of artefacts had been unearthed in the mausoleum of Emperor Cuo of Zhongshan State, which were called bronze Jue (铜钺) (Qin Shihuang..., 2017. P. 119) (fig. 6).

According to the record of Shi Ji (Historical Records), one of the main ideas of Emperor Zhao of Qin State in building the Great Wall is to defend Hu (胡), the northern nomads of the Warring States period, as well as the ancestors of Xiongnu Emperor Qin Shihuang sent General Meng Tian (蒙恬) to drive the Xiongnu out of Henandi (the southern side of the Huohe River) and extend the Great Wall further north (Shi Maqian, 1991. P. 2885, 2886). In the terracotta warrior and horse pit of the mausoleum complex of Emperor Qin Shihuang, cavalry figures dressed in short and compact garments were clearly Hu clothes (fig. 7). The above indicates that there was a close connection between the Qin people and the Rong Di people, so it is a very normal phenomenon that the bronze Jue for pitching tents were unearthed in the terracotta warrior and horse pits of Emperor Qin Shihuang.

In particular, the bronze “Qin Shu (秦戈)” unearthed in the terracotta warriors and horse pits of Emperor Qin Shihuang should be bronze Jue (铜钺), which was related to northern nomads. This point of view should be considered by specialists.

Fig. 6. Bronze Jue was unearthed from the mausoleum of Emperor Cuo of Zhongshan State during the Warring States period. Material – bronze

Рис. 6. Цзюэ из гробницы императора Куо (Чжуншань, период Сражающихся царств). Материал – бронза

Fig. 7. Terracotta figurine of a cavalry was discovered from the pit of terracotta warriors and horses in the mausoleum of Qin Shihuang

Рис. 7. Терракотовая фигурка воина и лошади из захоронения рядом с гробницей Цинь Шихуанди

Cheng Dong, Zhong Shaoyi, 1990 — Cheng Dong, Zhong Shaoyi. Zhongguo gudai bingqi tuji [成東、鍾少異。中國古代兵器圖集]. Atlas of ancient Chinese weapons. Beijing: Jiefangjun chubanshe, 1990. 303 p. (in Chinese).

Liu Zhancheng, 1995 — Liu Zhancheng. Zhongguo gudai bingqi [中國古代兵器]. Ancient Chinese weapons. Xi'an: Shaanxi renmin chubanshe, 1995 (in Chinese).

Qin Shihuang..., 2017 — Qin Shihuang ling bowuguan. Shenmi wangguo — gu zhongshan guo lishi wenhua zhan [神秘王国:古中山国历史文化展]. Mysterious kingdom: Ancient Zhongshan Kingdom history and culture exhibition. Xi'an: Xibei daxue chubanshe, 2017 (in Chinese).

Qinyong..., 1975 — Qinyong keng kaogu fajue dui. Lintong xian Qinyong keng shijue diyi hao jianbao [秦俑坑考古发掘队. 临潼县秦俑坑试掘第一号简报]. Briefing No. 1 on the trial excavation of the Qin Terracotta Warriors Pit in Lintong County // Wenwu. 1975. No. 11. P. 1–18, 96–104 (in Chinese).

Qinyong..., 1979 — Qinyong keng kaogu dui. Qin Shihuang ling dongche di san hao bingmayong keng qingli jianbao [秦俑坑考古发掘队. 临潼县秦俑坑试掘第一号简报]. Briefing on cleaning up the No. 3 Terracotta Warriors and Horses Pit on the east side of Qin Shihuang's Mausoleum // Wenwu. 1979. No. 12. P. 1–12, 98 (in Chinese).

Shi Maqian, 1991 — Shi Maqian. Xiongnu liezhuan [匈奴列傳]. Biography of Xiongnu // Shiji. Beijing: Zhonghua shuju, 1959 (in Chinese).

Sun Ji, 1991 — Sun Ji. Handai wuzhi wenhua tusuo [孙机. 汉代物质文化资料图说]. Illustration on the data of material culture in the Han Dynasty. Beijing: Wenwu chubanshe, 1991. 520 p. (in Chinese).

Wang Xueli, 1994 — Wang Xueli. Qinling zhuanti yanjiu [王学理. 秦俑专题研究]. Special study on Qin Terracotta Warriors. Xi'an: Sanqin chubanshe, 1994. 696 p. (in Chinese).

Yuan Zhongyi, 1990 — Yuan Zhongyi. Qin Shihuang Bingmayong yanjiu [袁仲一. 秦始皇陵兵马俑研究]. A study of terracotta warriors and horses of Qin Shihuang mausoleum. Beijing: Wenwu chubanshe, 1990. 385 p. (in Chinese).

«Цинь шу» из комплекса мавзолея императора Цинь Шихуанди и их связь с северными кочевниками

Шэнь Маошэн²

Аннотация. Автор изучил опубликованные материалы раскопок и пришел к выводу, что «цинь шу 秦受», раскопанные в захоронении полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в Сиане, не являются ритуальным оружием. Он ассоциирует их с бронзовыми цзюэ (铜镞), используемыми в период Цинь для установки палатки. Люди научились использовать их, подсмотрев технологию у кочевников севера (хунну), эти находки отражают тесную связь между двумя разными культурами.

Ключевые слова: «цинь шу», бронзовый цзюэ, северные кочевники

² Шэнь Маошэн — Музей мавзолея императора Цинь Шихуаня; Сиань, 710612, Китайская Народная Республика; e-mail: Xianshen2005@163.com; ORCID: 0000-0003-4357-594X.

ИСКУССТВО И ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ХУННУ

A study of animal figures from the Bronze Age to the Early Iron Age in Northern China: Take the master of animals and the tree of life as examples

Wang Hui¹, Wang Yifei²

Annotation. *The animal style plastic arts from the Bronze Age to the Early Iron Age in northern China have a complex origin. This article discusses the objects excavated in Northern China and the links to the master of animals and the tree of life motifs in the Eurasian steppe. Master of animals in the Luristan bronze was divided into three types in order to compare with figures in the Eurasian steppe. Two plaques unearthed in China with the tree of life motifs could be the reproduction of Peter the Great's Siberian Collection.*

Key words: *animal style, plastic arts, Eurasian steppe, Luristan*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.104-107>

The northern region of China, on the south-eastern edge of the Eurasian steppe, was an important area linking Chinese civilization with others. A large number of artifacts with similar forms and decorative art have been excavated in this region, showing a close link with the extraterritorial world.

The earliest animal figures in northern Chinese bronzes are from weapons, represented by the sword with two birds' heads on the handle. The latter is widespread throughout the eastern part of the Eurasian steppe, and in China it is mainly found in Gansu, Ningxia, and the Ordos and Daihai regions of Inner Mongolia. The further east the sword is, the simpler and more abstract the birds' heads on the handle, and the later the date, indicating that the meaning of the birds' heads is moving further away from its origin, showing a trend of spreading from west to east (*Shao Huiqiu, Yang Jianhua, 2022. P. 10*). Liu Yang believes that if the bird is a griffin, this type of short sword can only be born in the place where this belief exists, the Eurasian steppe (*Liu Yang, 2021. P. 38*).

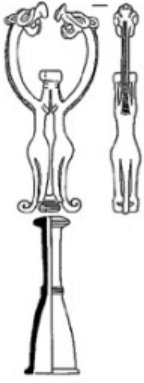

¹ Wang Hui — Fudan University; 220 Handan Rd., Shanghai, 200437, People's Republic of China; e-mail: whkobe@aliyun.com; ORCID: 0000-0003-3933-8714.

² Wang Yifei — Fudan University; 220 Handan Rd., Shanghai, 200437, People's Republic of China; e-mail: tiffywong@foxmail.com; ORCID: 0000-0001-8976-0169.

The master of animals

In addition to the griffin, there are other figures that show the influence of the Eurasian steppe. In M1 of Dao-dunzi, Tongxin County, Ningxia Province, a horse-shoe-shaped buckle was unearthed, described in the archaeological report as a translucent carved buckle with a bull's head and two dragon heads (**fig. 1, 9**). The burial objects in the tomb show the influence of Xiongnu culture, and judging by the Han Dynasty coins found with it, it is a Western Han Dynasty Xiongnu tomb. In the center of the buckle is a bull-headed man, with two dragon-shaped animals on either side of the man, and the man's two broad palms are raised, each hand holding a rope connected to the dragon's head. The style of this buckle shows the animal style and is supposed to express the master of animals.

Masters of animals or mistress of animals is a common artistic motif in animal style — the composition mostly consists of two animals (ranging from domestic animals to snakes, lions, tigers, etc.) facing a central figure, usually a human or deity. The rise of steppe art is related to the flourishing of nomadic peoples in the Eurasian steppes. In the 7th century BC, the Scythians entered the Caucasus, Asia Minor, Armenia, the Midi, and the Assyrian Empire. The Caucasus and the countries of the Midi (in this case Luristan) came into contact with the Scythians. The Early

Type Area	A	B			C
		Ba	Bb	Bc	
Luristan	 1	 2	 3	 4 5	 6
Other areas	 7 8	 9 10			

Fig. 1. Image of “master of animals” in metal plastic from Luristan and other areas: 1–6 — after *Overlaet*, 2003. P. 188, fig. 155; P. 37, fig. 24, 6; P. 37, fig. 24, 7; P. 37, fig. 24, 5; P. 191, fig. 158; P. 48, fig. 32; 7, 8 — after *Rostovtzeff*, 1929. P. PLXI, 10, 8; 9 — after *Zhong Kan et al.*, 1987. P. 38; 10 — after *Rostovtzeff*, 1929. P. PLXXXIII, 3. Material: 1–9 — bronze, 10 — jade. Scale different

Рис. 1. Сюжет «хозяин животных» в металлопластике из Луристана и других районов: 1–6 — по: *Overlaet*, 2003. P. 188, fig. 155; P. 37, fig. 24, 6; P. 37, fig. 24, 7; P. 37, fig. 24, 5; P. 191, fig. 158; P. 48, fig. 32; 7, 8 — по: *Rostovtzeff*, 1929. P. PLXI, 10, 8; 9 — по: *Zhong Kan et al.*, 1987. P. 38; 10 — по: *Rostovtzeff*, 1929. P. PLXXXIII, 3. Материал: 1–9 — бронза, 10 — нефрит. Масштаб разный

Iron Age (Iron Age I–II) cemeteries of Luristan were excavated by the Belgian Archaeological Expedition between 1965 and 1979. In the cemeteries, series of bronzes were excavated, which gives more space to discuss the animal style in Luristan. The bronze objects from the archaeological sites from Surkh-i Dum sanctuary and Pusht-I Kuh include pins, standards and decorative objects (**fig. 1, 1–6**), which can be tentatively classified into three types.

Type A is the standard with a person in the center, a beast on each side, the man has three heads, a head on the chest and abdomen of the body (sometimes omitted), animal legs, and decorative pieces on each side.

Type B can be divided into three subtypes, *type Ba* is a person with two animals, another two serpentine animals are composed of the outer circle, forming a ring around; *type Bb* is more detailed on the figure of the person and animals, and a frame was set around the figure of the master of animals, which is similar to the later generation. *Type Bc* has a person in the center, with a serpentine body of two animals distributed to the left and right, the central figure sometimes replaced by other objects.

Type C is a standard with two animals in a left-right symmetrical shape; the figure in the center is sometimes omitted.

The master of animals in Luristan Bronze decoration tends towards programmatic compositions when compared with the later animal style. A number of bronze ornaments were excavated from the burial mounds of the Elizavetinskaja stanitza near Kuban, the Scythian graves of the 5th century. Two piercings show the connection with the Luristan bronzes, the upper one is like a head, the middle one like a pair of lions standing upright on/with their hind legs, the heads turned to the right and left accordingly; from their mouths come two palmettes (fig. 1, 7). Another is in the same heraldic position, below two heads of indistinct animals biting into the dragons' bodies, similar to the Luristan bronzes (fig. 1, 8). A decoration from the Sirén collection shows two dragons in a heraldic position facing each other, their bodies transformed into a symphony of quasi-vegetal scrolls (fig. 1, 10). It is more an expression of the master of animals than the charming figure of a butterfly with outstretched wings described by Rostovtzeff.

The tree of life

A gold-bronze alloy casting, with a gold content of 40%, was unearthed from the tomb 2 of the imperial burial site of Zhao in the Warring States period, Hebei County, China. The obverse of the coin shows a dragon motif, and the in-

scription “thirty-one years” is engraved on the reverse (fig. 2, 1a, 1b). It was thought that the tomb belonged to the king named Hui Wen of Zhao (赵惠文帝), so the object was made around 268 BC (*Zhao Jianchao et al.*, 2009).

The design of this plaque was called the “kui” pattern (夔龙纹), it is very similar in composition to a plaque from the M1 of Daodunzi (fig. 2, 3), and a collection from Peter the Great (fig. 2, 2). The Daodunzi plaque is decorated with double dragons in relief, with circular and diamond-shaped ornaments between the two dragons; the border is decorated with floral motifs. A plaque from Peter the Great's Siberian collection (fig. 2, 2) is also similar to the two plaques. Although there is no excavation information on the collection, the configuration shows that the plaque from the Daodunzi tomb was made after Peter the Great's plaque, or it had a similar sample of imitation. Peter the Great's plaque has a tree-like center, with branches rising from the bottom, the two beasts entwined with the olive-shaped branches, showing the image of the tree of life. In the Daodunzi plaque, the branches have been simplified and deformed, the upper part of the branch being retained, while the lower part of the branch has been replaced by the front claws of the two beasts, so that the beasts' bodies form a complete S-shape without being disturbed by the intertwining.

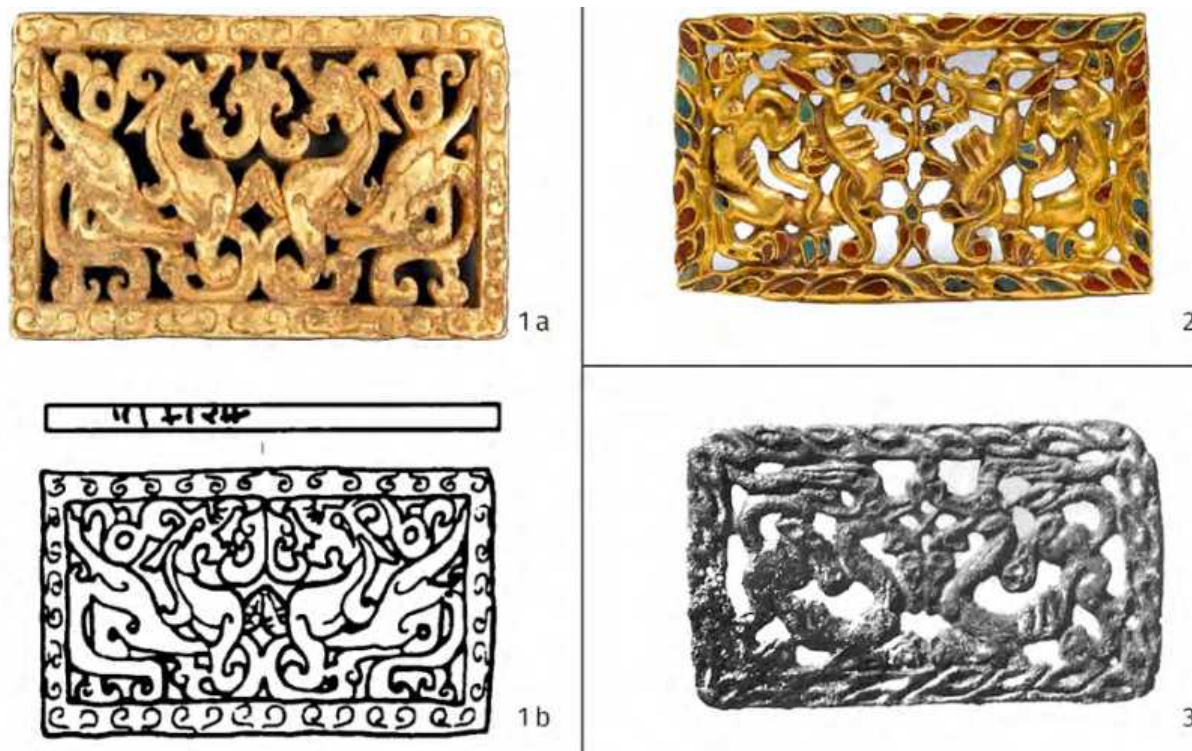

Fig. 2. Image of “tree of life” in metal plastic: 1a, 1b — after *Zhao Jianchao et al.*, 2009. P. 90, fig. 2, 3; 2 — Collection of Peter the Great; 3 — after *Zhong Kan et al.*, 1987. P. 38. Material: 1a, 1b, 2 — gold, 3 — bronze. Scale different

Рис. 2. Сюжет «древо жизни» в металлопластике: 1a, 1b — по: *Zhao Jianchao et al.*, 2009. P. 90, fig. 2, 3; 2 — Сибирская коллекция Петра I; 3 — по: *Zhong Kan et al.*, 1987. P. 38. Материал: 1a, 1b, 2 — золото, 3 — бронза. Масштаб разный

In addition, **fig. 2, 2** is surrounded by a circle of branches and leaves, with the leaves connected to the branches by thin stems, and the central plant connected to the branches of the border, which seems to express the lush vitality of the plant. In contrast, the border of **fig. 2, 3** has been somewhat simplified and deformed. It is more like a simple decoration, and the meaning of branches and leaves is not obvious. The decoration in the middle of the two dragons of the imperial tomb of Zhao is more abstract, the distribution of the images is more symmetrical and flatter overall, and the pattern of the surrounding borders is the curling cloud pattern that is more familiar to the northern Chinese. However, compared to the common Chinese dragon motif, this motif from the Imperial Tomb of Zhao is more similar in arrangement and detail to the plaque of Peter the Great, and is more of a steppe style imitation of the historical context of King Wu Ling of Zhao's horsemanship.

The massive spread of animal art is linked to its stylised tendency. In terms of the number of finds, the theme of tearing animals is the most common. The master of animals and the tree of life is more complex than the theme of wild beasts tearing up animals, which has somewhat affected its widespread distribution and popularity in the Eurasian steppe. However, this compositional mode still has some vitality and appears in various ways, implicitly or explicitly, in the Eurasian steppe and surrounding areas.

Liu Yang, 2021 — Liu Yang. Majiayuan chutu jin yin tong shi dongwu zaoxing de ou ya caoyuan youmu wenhua yinsu [柳扬. 马家塬出土金银铜饰动物造型的欧亚草原游牧文化因素]. Eurasian steppe nomadic cultural factors of animal decorations in gold, silver and bronze excavated from

Majiayuan Plateau // Qin yu rong — qin wenhua yu xirong wenhua shi nian kaogu chengguo zhan [柳扬. 秦与戎——秦文化与西戎文化十年考古成果展]. The Qin and Rong: Exhibition of ten years of archaeological achievements of Qin culture and Xirong culture. Beijing: Wenwu chubanshe, 2021. P. 147–185 (in Chinese).

Overlaet, 2003 — Overlaet B. The Early Iron Age in the Pusht-i Kuh. Lovanii: Ii aedibus Peeters, 2003 (Acta Iranica. 40; 3me série: Textes et mémoires. Vol. XXVI; Luristan Excavation Documents. Vol. IV). X, 670 p.

Rostovtzeff, 1929 — Rostovtzeff M. I. The animal style in South Russia and China. Princeton: Princeton University Press, 1929. 32 p.

Shao Huiqiu, Yang Jianhua, 2022 — Shao Huiqiu, Yang Jianhua. Qian Sichou zhi lu yazhou caoyuan de wenhua jiaowang — yi jinshu qi wei shijiao de kaogu xue yanjiu [邵会秋、杨建华. 前丝绸之路亚洲草原的文化交往——以金属器为视角的考古学研究]. The cross-cultural contacts in Asian Steppe preceding the Silk Road reviewed from archaeologically excavated metal artifacts // Gugong bowuyuan yuan kan. 2022. No. 6 (242). P. 4–19, 147 (in Chinese).

Zhao Jianchao et al., 2009 — Zhao Jianchao, Li Haxiang, Li Fushan et al. Hebei Handan Zhao Wangling er hao ling chutu de zhanguo wenwu [赵建朝、李海祥、李付山、等. 河北邯郸赵王陵二号陵出土的战国文物]. Relics excavated from the tomb 2 of Imperial Zhao in Warring States in Handan, Hebei // Wenwu. 2009. No. 3. P. 89–92, 94, 97 (in Chinese).

Zhong Kan et al., 1987 — Zhong Kan, Wu En, Li Jinzheng. Ningxia Tongxin xian Daodunzi handai xiongnu mudi fajue jianbao [钟侃、乌恩、李进增. 宁夏同心县倒墩子汉代匈奴墓地发掘简报]. Brief excavation report on the Han Dynasty tombs of Xiongnu in Daodunzi, Tongxin county, Ningxia province // Kaogu. 1987. No. 1. P. 33–37, 99 (in Chinese).

Звериный стиль в Северном Китае от бронзового до раннего железного века: на примере сюжета о древе жизни и хозяине зверей

Ван Хуэй³, Ван Ифэй⁴

Аннотация. Пластическое искусство звериного стиля эпохи бронзы — раннего железного века в Северном Китае имеет сложное происхождение. В данной статье рассматриваются предметы с сюжетами «хозяин зверей» и «древо жизни», обнаруженные в Северном Китае. Выделено три типа изображений «хозяина зверей» в луристанских бронзах, и проведено сравнение с находками со схожими образами в евразийской степи. Две найденные в Китае бляшки с мотивами «древо жизни» имеют сходство с рядом предметов из Сибирской коллекции Петра I.

Ключевые слова: звериный стиль, пластическое искусство, Евразийская степь, Луристан

³ Ван Хуэй — Университет Фудань, 220 Handan Rd., Шанхай, 200437, Китайская Народная Республика; e-mail: whkobe@aliyun.com; ORCID: 0000-0003-3933-8714.

⁴ Ван Ифэй — Университет Фудань; Handan Rd., 220, Шанхай, 200437, Китайская Народная Республика; e-mail: tiffywong@foxmail.com; ORCID: 0000-0001-8976-0169.

Костюм в памятниках искусства хунну

С. А. Яценко¹

Аннотация. Костюм в памятниках искусства хунну выглядит весьма единообразным. Однако приходится учесть, что он представлен в эпических и культовых сценах. Анализируются 16 изображений с детализированным костюмом. Характерны короткие одежды, украшение подола каймой из меха, широкие штаны, заправленные в полусапожки, прическа с волосами до плеч, зачесанными назад. Важными атрибутами статуса были парадные наколенники, гривны, наличие двух разнотипных поясов. Более ранние изображения всадников на верблюдах имеют детали, характерные для саков и скифов VI–III вв. до н. э.

Ключевые слова: костюм хунну на изображениях, трудности изучения, системное описание, престижные атрибуты

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.108-114>

При попытке изучить костюм в искусстве хунну, сделанный в их традиции, мы сталкиваемся с рядом трудностей:

- многие из них обнаружены случайно, вне археологического контекста, и могут датироваться более ранним временем;
- антропоморфные образы малочисленны и при этом зачастую схематичны;
- в силу особенностей композиции (позы персонажей в действии, личины) и повреждений поверхности мы можем увидеть лишь некоторые из важных костюмных элементов;
- мастер рассчитывал на знающего тогдашний культурный контекст зрителя: позы персонажей и поворот лица зависят от характера сюжета; так, в сценах путешествия с повозкой и со всадниками (**рис. 1**) люди показаны всегда в профиль; в сюжетах охоты/поединка одиночного персонажа с хищником фигура всегда дана анфас, а поворот лица зависит от характера борьбы (**рис. 2**); у парных изображений борцов и «стражей» фигуры всегда даны в профиль, а на одиночной фигуре или личине — анфас (**рис. 3**).

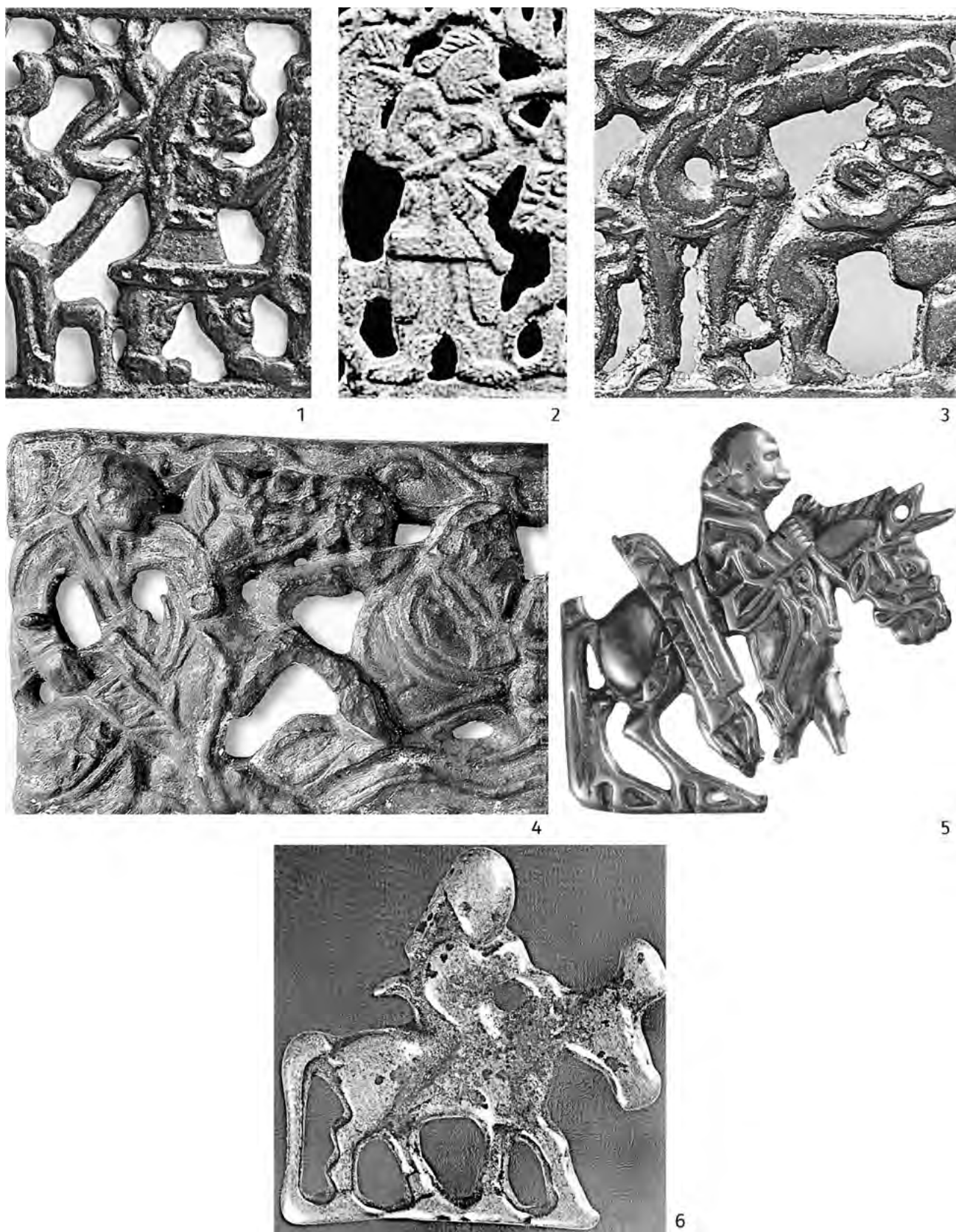
Композиции с детализированным костюмом чаще всего (10 из 16 используемых композиций) связаны

¹ Яценко С. А. — Российский государственный гуманитарный университет; Миусская пл., 6, Москва, 125993, Российская Федерация; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

с парными пластинами мужских поясов (см., например: Boardman, 2010; Brosseder, 2011; Kost, 2011. Taf. 85–93), на которых, видимо, были представлены сюжеты героического эпоса и генеалогических легенд (см., например: Грязнов, 1961; Ермоленко, 2008). Соответственно мы нередко видим на таких пластинах особую, «эпическую реальность» (Яценко, 2021. С. 178–182). В ней герой или пара героев (обычно полубожественного происхождения) легко выходит невредимым из смертельной для других ситуации (борьба почти голыми руками с кошачьим хищником², неожиданное нападение противников), в одиночку побеждает вражеское войско, пренебрегает бытовыми неудобствами (может в суровых полевых условиях Центральной Азии носить лишь рубаху, странствовать без обязательного вне дома головного убора, ходить босым³). Он может участвовать в «волшебной охоте», когда «стреляет» в бегущее копытное из лука,

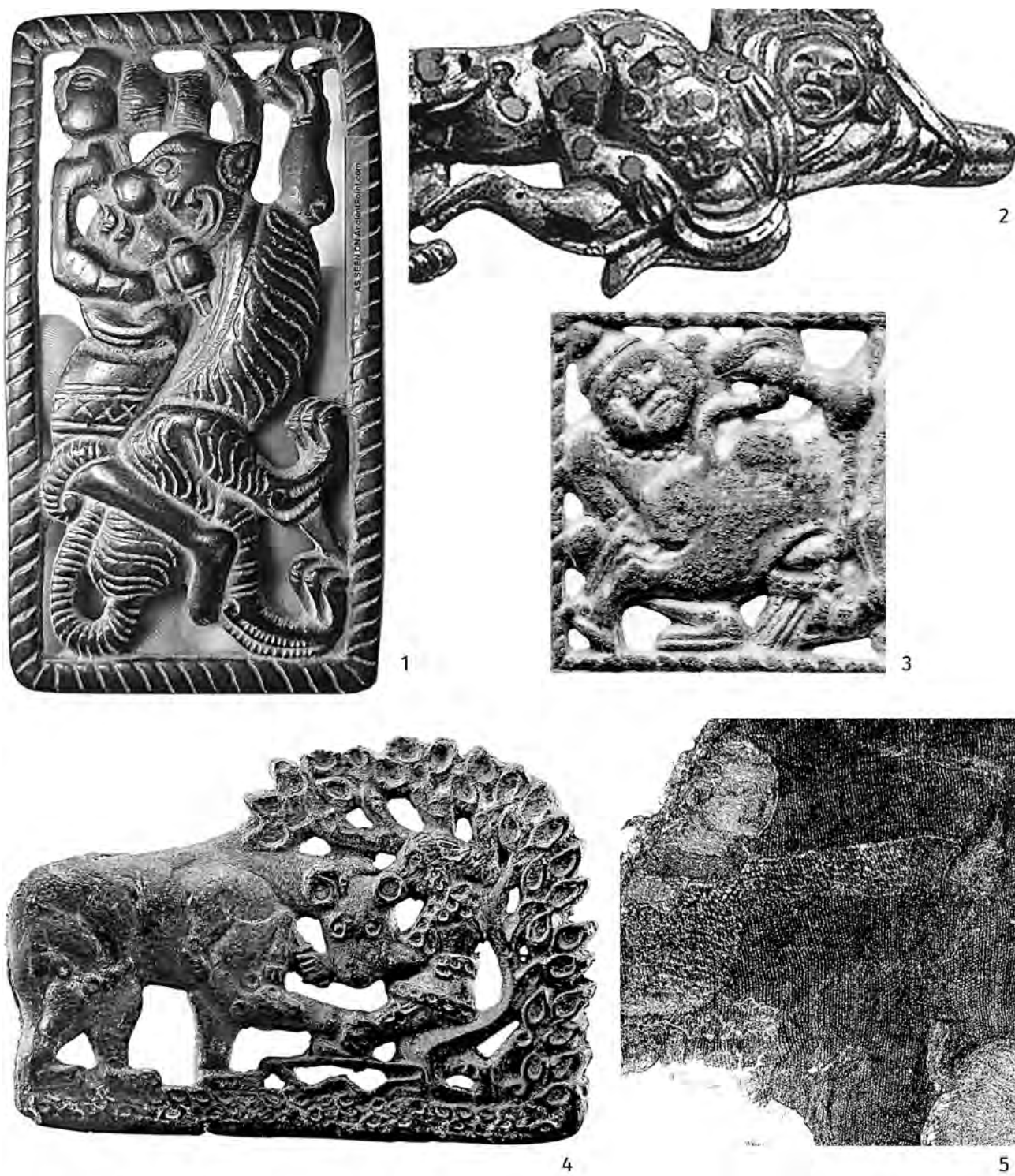
² Герой выходит на поединок с тигром, барсом или медведицей с одним кинжалом и не обращает внимания на нанесенные раны (**рис. 2, 1, 2, 4**), легко хватает за ноги взбешенного быка (Kost, 2011. Taf. 91) (**рис. 2, 3**).

³ Характерно, что если на ханьских изображениях хунну носят головной убор, то на подавляющем большинстве изображений нашей серии детализированных образов его нет (**рис. 2, 3**); герой босым борется с тигром (**рис. 2, 1**), и мы нередко видим его без распашного кафтана (**рис. 2, 1, 3, 5**).

Рис. 1. Сцены путешествия с повозкой (1–3) и всадники на лошадях (4–6): 1 — по: Kost, 2011. Taf. 87, 3; 2, 3 — по: Prior, 2016. Fig. 1; 4; 4 — по: The treasures..., 2011. Fig. 166; 5, 6 — по: Алтан цогцос. Материал — бронза

Fig. 1. Travel scenes with a vehicle (1–3) and riders on horseback (4–6): 1 — after Kost, 2011. Taf. 87, 3; 2, 3 — after Prior, 2016. Fig. 1; 4; 4 — after The treasures..., 2011. Fig. 166; 5, 6 — after Алтан цогцос. Material — bronze

Рис. 2. Сцены пешей охоты одного человека: 1 — по: *Antique...*; 2 — по: *Nomadic art...*; 3 — по: *Kost, 2011. Taf. 91*; 4 — по: *A glimpse...*; 5 — по: *The treasures...*, 2011. Fig. 388. Материал: 1-4 — бронза; 5 — текстиль

Fig. 2. Scenes of the foot hunting of one person: 1 — after *Antique...*; 2 — after *Nomadic art...*; 3 — after *Kost, 2011. Taf. 91*; 4 — after *A glimpse...*; 5 — after *The treasures...*, 2011. Fig. 388. Material: 1-4 — bronze; 5 — textile

1

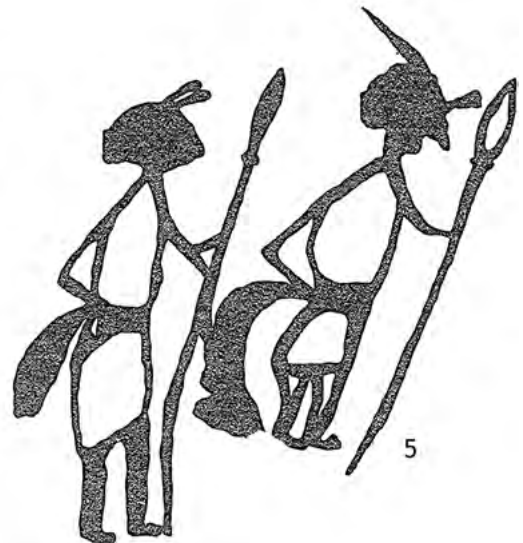
2

3

4

5

Рис. 3. Парные и одиночные воины: 1 — по: Belt plaque...; 2 — по: Prior, 2016. Fig. 2; 3 — по: Qph.fs.quoracdn.net; 4 — по: Алтан цогцос; 5 — по: Nowgorodowa, 1980. S. 186. Материал: 1–4 — бронза; 5 — наскальное искусство
Fig. 3. The double and single warriors: 1 — after Belt plaque...; 2 — after Prior, 2016. Fig. 2; 3 — after Qph.fs.quoracdn.net; 4 — after Алтан цогцос; 5 — after Nowgorodowa, 1980. S. 186. Material: 1–4 — bronze; 5 — rock art

но без стрел (подобно кангюйцам на поясе из Орлата) (рис. 2, 5)⁴ и т.п.

Ряд сюжетов, видимо, отражает ритуальные ситуации: на пластине из Хайрхандулана (рис. 1, 4) два всадника останавливаются перед сидящими беседующими мужчинами, правый всадник поднимает руку в жесте адорации (The treasures..., 2011. Fig. 166); у подъехавших друг к другу впритык всадников правый поднимает рукой нечто вроде опахала (см., например: Hunters; Алтан цогцос). Стоящий мужчина в необычном костюме на пластинке из Британского Музея (No. 1922.6–1.20) держит в правой руке опущенный меч — возможно, для жертвоприношения (рис. 3, 3).

Можно ожидать, что в описанных ситуациях костюм специфичен в деталях и неполон. Однако и на схематичных изображениях мастер подчеркивал социально значимые элементы одежды и прически.

Распашные кафтаны на изображениях всегда короткие (до низа таза, изредка — чуть ниже). Обычно они имели, видимо, глубокий запах налево (рис. 1, 4; 2, 2; 3, 2), хотя во многих случаях положение тела в профиль или спиной не позволяет это уточнить. Лишь в одной из версий путешествия с повозкой кафтан наглухо застегнут (Prior, 2016. Fig. 1) (рис. 1, 2). Полы могут иметь три полосы декора, как в сцене борьбы с барсом (Nomadic art...) (рис. 2, 2) и у всадников, подъезжающих к сидящим мужчинам (рис. 1, 4), или серию поперечных полос, как у одного в паре стоящих воинов (Prior, 2016. Fig. 2) (рис. 3, 2). В сцене поединка с медведицей кафтан декорирован рядом бляшек по краям ворота, подола и на «погонах» рукавов (рис. 2, 4). У персонажа, ведущего на поводу лошадей с повозкой, кайма декора подола заметно выступает и, видимо, является опушкой из меха (Kost, 2011. Taf. 87, 3) (рис. 1, 1). Определенно *нераспашная рубаха* встречается обычно в сценах охоты/поединка одного мужчины с хищником, и в таких случаях она богато декорирована. У победителя тигра видим тройную полосу декора сверху отрезного (?) подола и объемно выступающую по его краю меховую опушку (?) (рис. 2, 1); у охотника на оленя подчеркнута широкая темная кайма ворота и обшлагов, а основная ткань имеет сплошной узор из точек (рис. 2, 2); у укрощающего быка широкий ворот украшает ряд бляшек в форме полуовала (рис. 2, 3). В прочих сюжетах рубаха не имеет декора (рис. 3, 3).

Штаны разнообразны по ширине, манере ношения и орнаментации, за одним исключением — они всегда

заправлены в обувь (рис. 1, 5; 3, 1, 2). Они могли иметь прямоугольную широкую вставку от колена и выше, выделение (другим материалом) подошвы (рис. 1, 2; 2, 2). Более интересны широкие штаны, имеющие наколенники в виде двух концентрических кругов (рис. 1, 1). Как известно, наколенники, отличающиеся цветом, были важным знаком высокого ранга в соседнем Китае еще при поздней Чжоу (Шицзин, 1987. С. 328, прим. 3). Лишь у стоящего воина с опущенным мечом в руке (рис. 3, 3) штаны не заправлены; они довольно узкие и декорированы по краю.

Как уже отмечалось, *головные уборы* редки. Это невысокий конусовидный убор из ткани со свисающим верхом (рис. 2, 3), кусок ткани, несколько раз оборачивающий лицо (Дундговь аймак) (рис. 3, 4) и «береты», украшенные парой воткнутых перьев (рис. 3, 5).

Обувь персонажей однотипна — невысокие полусапожки. Однако носки у них оформлены различно: обычно округлые, но также заостренные (рис. 3, 3) и массивные прямоугольные (рис. 3, 2). Они могли обвязываться не только у щиколоток, но и вокруг центра стопы (рис. 1, 1).

Пояса разнообразны: простая полоса, видимо, из кожи (рис. 1, 4; 3, 1), наборные (рис. 1, 1; 2, 4), тканые в два оборота (рис. 2, 1, 2) и сочетание наборного с тканым (рис. 3, 3). У двух стоящих на фоне группы животных воинов на петроглифах с реки Цаган-гол (Nowgorodowa, 1980. P. 186) видим свисающие сзади длинные концы тканых поясов (рис. 3, 5).

Прически обычно однотипны: волосы на прямой пробор аккуратно зачесаны назад и достигают плеч, бороды и усов нет. Однако в ряде случаев волосы собраны в узел на темени, перевязанный шнурком (рис. 1, 5; 2, 1). На одной фигурке из Дундговь аймака они образуют короткую косу (рис. 1, 6). Усы изображены лишь на отдельных стоящих фигурках и личинах (рис. 3, 3, 4). Гривны редки (рис. 1, 5; 3, 3).

Заметно выделяется среди остальных одна фигурка (рис. 3, 3): у этого мужчины два разных пояса, подчеркнуты гривна и серьги, он имеет усы, а штаны не заправлены в обувь.

Приведенные изображения отражают эстетический идеал мужчины хунну: лицо, близкое к кругу, короткая и массивная шея, в ряде случаев — узкая талия (рис. 1, 4; 2, 1; 3, 2)⁵, нос как крупный и прямой (рис. 1, 1; 3, 3, 4), так и укороченный (рис. 2, 1–3).

4 Хуннская ткань с преследованием оленя всадником, курган 20 в Ноин-Уле (The treasures..., 2011. P. 261, figs. 387, 388).

5 Наоборот, хохлатый демон, с которым борется герой, пuzат и неуклюж (Prior, 2016. Fig. 4) (рис. 1, 3).

Рис. 4. Персонажи на верблюдах в сако-скифском костюме: 1 — по: Алтан цогцос; 2 — по: Kost, 2011. Taf. 89, 4. Материал — бронза
Fig. 4. Men on camels in Saka-Scythian costume: 1 — after Алтан цогцос; 2 — after Kost, 2011. Taf. 89, 4. Material — bronze

Специфика костюма позволяет иногда определить более ранние изображения (до доминирования хунну в регионе), так как ряд деталей связан с кочевым миром VI–III вв. до н.э. от Алтая и Юго-Западной Сибири до Украины. Особенно показательны фигурки всадников на верблюдах — одиночные (Kost, 2011. Taf. 89, 4) и в сцене поединка двоих (Алтан цогцос). Характерная деталь их облика — вставка сверху спинки кафтана в форме фигурной скобки «{» (рис. 4, 2) или полуовала (рис. 4, 1). Первая — хорошо известна у архаических и «классических» скифов, саков Семиречья и Юго-Западной Сибири, а также «пазырыкцев» (Яценко, 2006. Рис. 23, 30; 24; 49, 2), вторая — у скифов IV в. до н.э. (Там же. Рис. 27, 36–37).

Алтан цогцос — Алтан цогцос [Электронный ресурс] // Rai-ly. 2018. November 15 [сайт] // URL: <http://www.mgl19.com/post/1363.html> (дата обращения 14.02.2023).

Грязнов, 1961 — Грязнов М. П. Древние памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.

Ермоленко, 2008 — Ермоленко Л. Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам древних и средневековых кочевников Евразии). Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 288 с.

Шицзин, 1987 — Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.

Яценко, 2006 — Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.

Яценко, 2021 — Яценко С. А. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи // Новый Гермес. 2021. Вып. 13.4. С. 176–212.

A glimpse... — A glimpse of Ordos style bronze wares [Электронный ресурс] // China Services Info. 2022. November 4 [сайт]. URL: <https://www.chinaservicesinfo.com/s/202211/04/WS6364c368498ea274927a784b/a-glimpse-of-ordos-style-bronze-wares.html> (дата обращения: 02.03.2023).

Antique... — Antique old chinese bronze beauty belle wild beast hollow out statue // Ebay.com [сайт]. URL: https://www.ebay.com/itm/185856186632?nma=true&si=zB-Bq9reZ4DL21ZdPGe2VKZ1aSII%253D&orig_cvip=true&ordt=true&rt=nc&_trksid=p2047675.12557 (дата обращения: 14.03.2023).

Belt plaque... — Belt plaque with design of wrestling men // En.wikipedia.org [сайт]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Xiongnu#/media/File:Belt_plaque_with_design_of_wrestling_men,_Ordos_region_and_western_part_of_North_China,_2nd_century_BC,_bronze_-_Ethnological_Museum,_Berlin_\(cropped\).jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/Xiongnu#/media/File:Belt_plaque_with_design_of_wrestling_men,_Ordos_region_and_western_part_of_North_China,_2nd_century_BC,_bronze_-_Ethnological_Museum,_Berlin_(cropped).jpg) (дата обращения: 10.03.2023).

Boardman, 2010 — Boardman J. The relief plaques of Eastern Eurasia and China: the “Ordos Bronzes”, Peter the Great’s Treasure and Their Kin (BAR International Series, 2146). Oxford: British Archaeological Reports Oxford Ltd., 2010. 248 p.

Brosseder, 2011 — Brosseder U. Belt plaques as an indicator of East-West relations in the Eurasian Steppe at the turn of the millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Ed. by U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Reinische Friedrich-Wilhelm Univesität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 349–424.

Hunters... — Hunters? Warriors? Nomadic Art of North China [Электронный ресурс] // Indra and Harry Banga Gallery [сайт]. URL: <https://www.cityu.edu.hk/bg/exhibitions/hunters-warriors-spirits/early-nomads-china> (дата обращения: 12.03.2023).

- Kost, 2011 — Kost C. Studien zur Bildpraxis im Nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende. Abbildungen, Diagramme, Karten, Tabellen: PhD Dissertation. München: vorgelegt von C. Kost, 2011. 455 S.
- Nomadic art... — Nomadic art of the Eastern Eurasian steppes: The Eugene V. Thaw and other New York collections // The Metropolitan Museum of Art [сайт] // URL: <https://www.metmuseum.org/exhibitions/listings/2002/nomadic-art/photo-gallery#> (дата обращения: 04.03.2023).
- Nowgorodowa, 1980 — Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980. 280 S.
- Prior, 2016 — Prior D. Fastening the buckle: A strand of Xiongnu-Era narrative in a recent Kirghiz epic poem // The Silk Road. 2016. Vol. 18. P. 186–195.
- Qph.fs.quoracdn.net — Qph.fs.quoracdn.net [сайт] // URL: <https://qph.fs.quoracdn.net/main-qimg-6a70f66f16a3e3f92952d283d7b9f78f-c> (дата обращения: 26.02.2023).
- The treasures..., 2011 — The treasures of Xiongnu. culture of Xiongu, the first nomadic empire in Mongolia. Ed. G. Eregzen. Ulanbaatar: Institute of Archaeology, 2011. 296 p.

Costume in the art objects of Xiongnu

Sergey A. Yatsenko⁶

Annotation. *The costume in Xiongnu artistic artifacts looks epy uniform in many aspects. However, one has to take into account that he is presented in epic and cult scenes. 16 compositions with the detailed costume are analyzed. The short clothes, decoration of the hem border with the strip of fur, wide trousers tucked into half boots, hairstyle with shoulder-length hair combed back are characteristic. The important attributes of status were the specific knee pads, torques, and the presence of two different types of belts. The earlier depictions of camel riders have details typical of the Saka and Scythians of the 6th–3rd centuries BC.*

Key words: *Xiongnu costume in art, problems of study, systematic description, prestige attributes*

---

⁶ Sergey A. Yatsenko — Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

Gourd-shaped trappings and its relevant issues

Zhao Deyun¹

Annotation. *A considerable proportion of the gourd-shaped objects excavated from Xiongnu tombs in Russia, Mongolia and China are details of horse harnesses (the whole set may consist of 10 or 12 pieces), some of which may also have been used as horse frontlets. In the author's opinion, they should be regarded as a reward or gift of the Han dynasty to vassal kings and the upper elite of neighbouring political entities.*

Key words: *gourd-shaped trappings, horse trappings, horse frontlet, Xiongnu*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.115-118>

In the large tombs excavated in Russia, Mongolia, Korea and China, a certain class of ornaments is often found. These objects vary in material, their length ranges from 10 to 15 cm. They are slightly gourd-shaped, narrow at the top and wide at the bottom, with images of various animals or mythological beasts cast or hammered on the surface.

At present, about 100 gourd-shaped horse traps have been found in different regions (**table 1**). They were either commonly called horse ornaments or plaques, or classified as horse frontlets (Danglu 当卢) or trappings (Ma 马珂). Sun Ji believes that they are trappings, decorations on the swinging band that runs from the horse's tailbone to the saddle (Sun Ji, 2001. P. 102–103). This view has had a significant impact in academic circles and is shared by Mongolian scholars. (Henan sheng..., 2022. P. 214). There are also other opinions which suggest that this type of artefact is a horse frontlet (An Wei, Xi Zhifang, 2009).

12 pieces excavated from tomb 10 of Gol Mod-2 cemetery in Mongolia were decorated with unicorns, six facing left and the other six facing right (**fig. 1**). Similar ornaments can also be seen in tomb 1 of the same cemetery, tomb 20 of Gol Mod cemetery, and tomb 20 of Noin Ula cemetery. These findings suggest that some of the gourd-shaped ornaments were symmetrically decorated on the bodies of horses and were used in sets that were intended to be horse trappings. As most of the tombs were robbed, the number of pieces used for single horse decoration is unknown, but

12 pieces each were recovered from tomb 7 in Shizhaishan cemetery, Jinning, tomb 10 in Gol Mod-2 cemetery, and Wanggen's tomb in Lelang. In addition, 10 pieces were recovered from tomb 85 in Lijiashan cemetery, Jiangchuan, and 30 pieces from tomb 1 of Gol Mod-2 cemetery (there should be 3 sets). It is very likely that the full set used as a horse trap should consist of 10 or 12 pieces. Many of these items have perforations around the edges, probably to embellish the swing bands. But some of them are not perforated and have two rings in the middle on the back, such as those from tomb 1 in Lanjiapo cemetery, Ziyang, Sichuan, whose shape is close to that of horse frontlets of the same period. At the very least, the current finds can show that some of the gourd-shaped ornaments may also have been used as horse frontlets.

Pan Ling and others conducted a typological study of specimens from the great Xiongnu tombs in Russia and Mongolia and concluded that their evolutionary pattern is that the overall profile changes from wide to narrow, the degree of central inversion from large to small, the shape of the upper part from wide to narrow, and the angle of the protruding tip at the bottom becomes smaller and smaller (Pan Ling, Zhang Jieyu, 2022). If we add the specimens found in China and North Korea and study them together, this opinion would be in line with the actual situation.

The earliest finds to date to are from the early Western Han Dynasty (**fig. 2**), while the rest of the objects excavated in Chinese territory date from the Western Han period. However, finds from the great Xiongnu tombs in Mongolia and Russia date mainly from the Xin Dynasty (9–23 AD) and the Eastern Han. Although they were previously considered products of the steppe (Psarras, 1996), chronologically they

¹ Zhao Deyun — School of Archaeology and Museology, Sichuan University; 29 Wangjiang St., Chengdu, 610064, People's Republic of China; e-mail: zhaodeyun@sina.com; ORCID: 0000-0002-2750-1441.

Table 1. List of gourd-shaped trappings discoveries**Таблица 1.** Перечень находок деталей конской сбруи в форме тыквы-горлянки

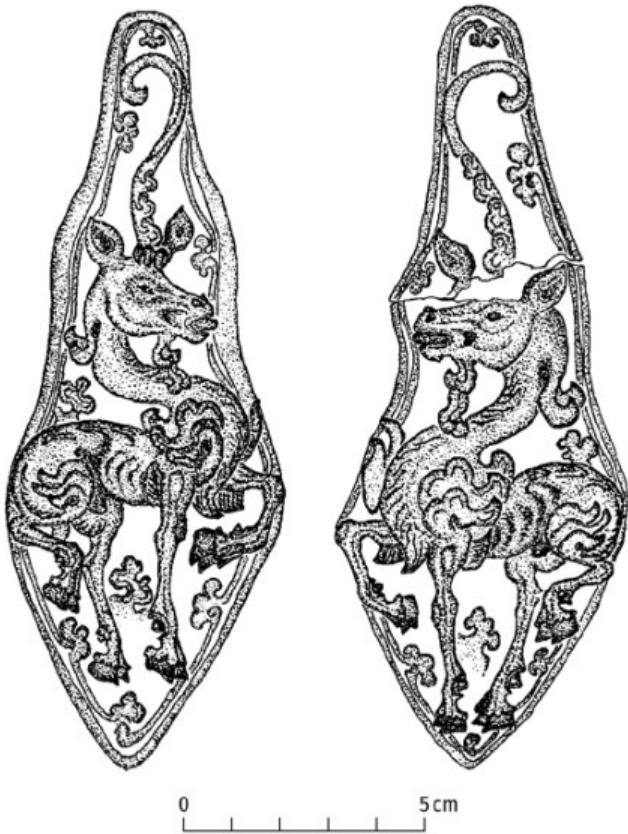
Site		Age	Qty	Material	Decoration	Ref.
Tonggu tomb. Xilin, Guangxi, China		Early Western Han Dynasty	5	Gilded bronze	Uni-horned goat	<i>Wang Kerong, Jiang Tingyu, 1978</i>
Tomb in Luozhuang, Zhangqiu, Shandong, China		Early Western Han Dynasty	1	Iron with gold and silver inlaid	Deer	<i>Wang Haotian, Zhang Hongyan, 2019</i>
Tomb 7 in Shizhaishan, Jinning, Yunnan, China		Middle Western Han Dynasty	12	Gilded bronze	Phoenix	<i>Yunnan..., 1959. Pl. IX, 1</i>
Tomb 1 of Shuangdun Lu'an Anhui, China		Middle or Late Western Han Dynasty	2	Bronze (1), wood (1)	Phoenix	<i>Anhui..., 2010</i>
Tomb 1 of Xucungang, Qi County, Henan, China		Late Western Han Dynasty	2	Lead-tin alloy	Winged deer	<i>Qiu Gang et al., 2000</i>
Lijiashan, Jiangchuan, Yunnan, China	Tomb 50	Late Western Han to Early Eastern Han	8	Bronze	Dragon	<i>Yunnan..., 2007. Fig. 101, 13; color pl. 121, 14</i>
	Tomb 85		10		Dragon (6) other unknown	
Wanggen Tomb in Lelan, Democratic People's Republic of Korea		1 st century BC	12	Silver with jade inlaid	Winged animal	<i>Lelang..., 1975. Pl. 38, 52</i>
Tomb 1 of Lanjiapo Ziyang, China		Xin Dynasty	1	Bronze	Dragon	<i>Sichuan..., 2019</i>
Tomb 6 of Noin Ula, Mongolia		Around the beginning of the CE	3	Silver and gold	Deer, yak	<i>Trever, 1932</i>
Tomb 7 of Tsaram, Russia		The 1 st half of the 1 st century	1	Bronze	Uni-horned goat	<i>Minyaev, 2009</i>
Tomb 1 of Gol Mod-2, Mongolia		20–50 AD	30	Gold (10), silver (20)	Snow leopard (10), uni-horned antelope (20)	<i>Erdene, Erdenebaatar, 2019</i>
Tomb 20 of Gol Mod-1, Mongolia		1 st century AD	6	Iron with gold and silver plated	Unicorn	<i>Erdene, Erdenebaatar, 2019</i>
Tomb 20 of Noin Ula, Mongolia		Early Eastern Han Dynasty	3	Silver	Uni-horned antelope	<i>Erdene, Erdenebaatar, 2019</i>
Tomb 23 of Noin Ula, Mongolia		Early Eastern Han Dynasty	2	Gold	Dragon?	<i>Trever, 1932</i>
Tomb 10 of Gol Mod-2, Mongolia		66–130 AD	12	Iron with silver plated	Unicorn	<i>Henan sheng..., 2022</i>

first became popular in China. The animal images on them are reminiscent of steppe art, but with the exception of the yak, the rest of the motifs are common to Chinese art. A large number of artefacts in the steppe art style have been found in the tombs of Chinese high rulers during the Qin and Western Han dynasties, and are considered to be a new creation of the Han dynasty, based on learning from the northern neighbour and feeding back to the northern regions (*Wei Zheng et al., 1998*). 25 ceramic moulds for casting plaques and other Steppe Art artefacts found in the Late Warring States Period “artisan” tomb in the northern suburbs of Xi'an (*Yue Lianjian, 2003*) indicate that this activity began at least in the Late Warring States Period.

The tombs in China where gourd-shaped trappings have been found are all very high-ranking, scattered across east-

ern and southern China. These artefacts, which share common features, would have been made by the central government of the Han dynasty to reward and retain the vassal kings and upper elites of neighbouring political entities. Patterns of horse carriages show that dragons and phoenixes are more common in the south, while unicorns, goats and deer are popular in the north, suggesting some deliberate selection.

With the victory of the Western Han over the Xiongnu and the internal division of the Xiongnu, the admiration of the Central Plain culture became a trend among the high-ranking Xiongnu aristocrats. From the point of view of the Han dynasty regime, it was also necessary to win over the Xiongnu upper class (*Lu Yi, 2019*). The Xiongnu tombs of this period contain an extremely large number of various

Fig. 1. Silver plated iron gourd-shaped trappings from tomb 10 of Gol Mod-2 cemetery, Mongolia

Рис. 1. Железные детали конской сбруи в форме тыквы-горлянки с серебряным покрытием из погребения 10 могильника Гол Мод-2, Монголия

artefacts from the Central Plains, including gourd-shaped horse ornaments, carriages, bronze mirrors, lacquerware and jade vessels. All are thought to be products of this social context.

An Wei, Xi Zhifang, 2009 — An Wei, Xi Zhifang. Menggu xiongnu guizu mudi chubu yanjiu [安伟、奚芷芳. 蒙古匈奴贵族墓地初步研究]. A preliminary study of Xiongnu aristocratic graveyard in Mongolia // *Acta Archaeologica Sinica*. 2009. No. 1. P. 69–88, 155–158 (in Chinese).

Anhui..., 2010 — Anhui Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology; Cultural Heritage Bureau of Lu'an City, Anhui Province. Anhui Liuan Shuangdun yi hao han mu fajue jianbao [安徽省文物考古研究所、安徽省六安市文物局. 安徽六安双墩一号汉墓发掘简报]. The Excavation of No. 1 Han Tomb at Shuangdun in Lu'an, Anhui. Beijing: Kexue chubanshe, 2010. 111 p. (Cultural Relics Research; Ser. 17) (in Chinese).

Erdene, Erdenebaatar, 2019 — Erdene J., Erdenebaatar D. Menggu guo jingnei xiongnu shidai du jiao shou xingxiang [蒙古国境内匈奴时代独角兽形象]. The unicorns decoration

Fig. 2. Gold and silver inlaid iron gourd-shaped trappings from the tomb in Luozhuang, Zhangqiu, Shandong, early Western Han period

Рис. 2. Железная деталь конской сбруи в форме тыквы-горлянки, инкрустированная золотом и серебром, из погребения в Лочжуане, Чжанцю, Шандун, ранняя Западная Хань

of Xiongnu tombs in Mongolia // *Popular Archaeology*. 2019. No. 10. P. 54–60 (in Chinese).

Henan sheng..., 2022 — Henan sheng wenwu kaogu yanjiu yuan deng. Gaolei Maodou 2 hao mudi: 2017–2019 zhong meng lianhe kaogu baogao [河南省文物考古研究院等. 高勒毛都2号墓地: 2017–2019中蒙联合考古报告]. Gol Mod-2 Cemetery: China–Mongolia Joint Archaeological Report 2017–2019. Beijing: Wenwu chubanshe, 2022. 276 p. (in Chinese).

Lelang..., 1975 — Lelang Han mu kan ang hui. Shiyanni di er yi jiu hao mu fajue diaocha baogao [乐浪汉墓刊行会. 石巖里第二一九号墓发掘调查报告]. Publication meeting of Lelang Han Tomb. Excavation and investigation report on No. 219 tomb in Shiyanni. Vol. 2. Lelang Han mu [乐浪汉墓]. Han Tombs in Lelang. Beijing: Wenwu chubanshe, 1975 (in Chinese).

Li Yi, 2019 — Li Yi. Jiamian yu longluo — lun chaoxian, Menggu ji Eluosi jingnei chutu handai “cheng yu” ming qi qi qi xingzhi [卢一. 嘉勉与笼络——论朝鲜、蒙古及俄罗斯境内出土汉代“乘舆”铭漆器及其性质]. Encouragement and win-over — On the lacquerware with “Chengyu” inscriptions of the Han Dynasty unearthed in Korea, Mongolia

- and Russia and their properties // *Beifang minzu kaogu*. 2019. No. 7. P. 123–137 (in Chinese).
- Minyaev*, 2009 — *Minyaev S. S.* Tsaram: A burial ground of the Hsiung-Nu elite in Transbaikalia // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2009. No. 37 (2). P. 49–58.
- Pan Ling, Zhang Jieyu*, 2022 — *Pan Ling, Zhang Jieyu*. Menggu guo Gaolei Maodou 2 hao mudi 10 hao mu niandai he mu zhu shenfen de tantao [潘玲、张婕妤. 蒙古国高勒毛都2号墓地10号墓年代和墓主身份的探讨]. A study on the adate and occupant of tomb 10 of Gol Mod-2 cemetery in Mongolia // *Journal of National Museum of China*. 2022. No. 12. P. 51–65 (in Chinese).
- Psarras*, 1996 — *Psarras S.-K.* Pieces of Xiongnu Art // *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40. No. 2. P. 234–259.
- Qiu Gang et al.*, 2000 — *Qiu Gang, Liu Shunan, Li Hequn et al.* Henan Qixian Xucungang yi hao Han mu fajue jianbao [丘刚、刘顺安、李合群、江. 河南杞县许村岗一号汉墓发掘简报]. Excavation of the No. 1 Han Tomb at Xucungang, Qixian County, Henan // *Kaogu*. 2000. No. 1. P. 38–44 (in Chinese).
- Sichuan..., 2019 — Sichuan Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology; Yanjiang District Cultural Relics Management Office. Sichuan ziyang shi yan jiang qu lan jia po han mu fajue jianbao [四川省文物考古研究院、资阳市雁江区文物管理所. 四川资阳市雁江区兰家坡汉墓发掘简报]. Brief report on the excavation of A Han Tomb in Lanjiapo, Yanjiang District, Ziyang city, Sichuan Province // *Sichuan wenwu*. 2019. No. 1. P. 5–31+2+97 (in Chinese).
- Sun Ji*, 2001 — *Sun Ji*. Zhongguo gu yu fu lun cong (zengding ben) [孙机. 中国古舆服论丛 (增订本)]. Thesis series on carriages and attires of ancient China (revised edition). Beijing: Wenwu chubanshe, 2001 (in Chinese).
- Trever*, 1932 — *Trever C.* Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: J. Fedorov Printing House, 1932. (MAHMC; Vol. III). 76 p., 33 pl.
- Wang Haotian, Zhang Hongyan*, 2019 — *Wang Haotian, Zhang Hongyan*. Shandong sheng Jinan shi Luozhuang han mu chutu de liang jian cuo jin yin tie zhi ma ju baohu xiufu yanjiu [王浩天、张红燕. 山东省济南市洛庄汉墓出土的两件错金银铁质马具保护修复研究]. A Study on the protection and restoration of two gold and silver inlaid iron horse gear from Han Tomb in Luozhuang, Jinan, Shandong // *Nanfang wenwu*. 2019. No. 2. P. 283–289 (in Chinese).
- Wang Kerong, Jiang Tingyu*, 1978 — *Wang Kerong, Jiang Tingyu*. Guangxi Xilin xian Putuo Tonggu muzang [王克荣、蒋廷瑜. 广西西林县普驮铜鼓墓葬]. Guangxi Zhuang Autonomous Region Archaeological Team: Tonggu Tomb in Putuo, Xilin, Guangxi // *Wenwu*. 1978. No. 9. P. 43–51 (in Chinese).
- Wei Zheng et al.*, 1998 — *Wei Zheng, Li Huren, Zou Houben*. Jiangsu Xuzhou shi Shizishan xi han mu de fa jue yu shouhuo [韦正、李虎仁、邹厚本. 江苏徐州市狮子山西汉墓的发掘与收获]. Excavation and finds of a Western Han tomb at Shizishan, Xuzhou, Jiangsu // *Kaogu*. 1998. No. 8. P. 1–20 (in Chinese).
- Yue Lianjian*, 2003 — *Yue Lianjian*. Xian bei jiao zhanguo zhu tong gongjiang mu fajue jianbao [岳连建. 西安北郊战国铸铜工匠墓发掘简报]. Excavation of a copper-smith's tomb in the northern suburbs of Xi'an // *Wenwu*. 2003. No. 9. P. 1–14 (in Chinese).
- Yunnan..., 1959 — Yunnan sheng bowuguan. Yunnan Jinning Shizhaishan gu mu qun fajue baogao [云南省博物馆. 云南晋宁石寨山古墓群发掘报告]. Yunnan Provincial Museum. Excavation report of the ancient cemeteries in Shizhaishan, Jining, Yunnan. Beijing: Wenwu chubanshe, 1959. 98 p. (in Chinese).
- Yunnan..., 2007 — Yunnan sheng wenwu kaogu yanjiu suo; Yuxi shi wenwu guanli ju; Jiangchuan xian wenhua ju. Ji-angchuan Lijiashan — di er ci fajue baogao [云南省文物考古研究所、玉溪市文物管理局、江川县文化局. 江川李家山 — 第二次发掘报告]. Yunnan Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology; Yuxi Municipal Cultural Heritage Administration; Jiangchuan County Cultural Bureau: Report of the second excavation at Lijiashan in Jiangchuan. Beijing: Wenwu chubanshe, 2007. 152 p. (in Chinese).

Деталь конской сбруи в форме тыквы-горлянки и связанные с ней вопросы

Чжао Дэюнь²

Аннотация. Значительная часть металлических предметов в форме тыквы-горлянки, обнаруженных в хуннских погребениях России, Монголии и Китая, является деталями конской сбруи (полный комплект — 10 или 12 предметов), некоторые предметы могли также использоваться в качестве конского налобника. По мнению автора, их следует считать наградой или даром со стороны империи Хань вассальным правителям и высшей элите соседних политических образований.

Ключевые слова: деталь конской сбруи в форме тыквы-горлянки, конская сбруя, конский налобник, хунну

² Чжао Дэюнь — Школа археологии и музеологии, Сычуаньский университет; Wangjiang St., 29, Чэнду, 610064, Китайская Народная Республика; e-mail: zhaodeyun@sina.com; ORCID: 0000-0002-2750-1441.

Study of the beasts pattern on the golden plaques of Gol Mod-2

Liang Yun¹, Zheng Yusong²

Annotation. *In the tomb 1 of Gol Mod-2 a collection of golden plaques featuring a winged dragon depicted as a single-horned beast was discovered. This creature is believed to be a fusion of the dragon and the bird (龙雀) which might be a mythological creature called “Feilian (飞廉)” during Wei and Jin Dynasties. In Chinese mythology, “Feilian” is the god of the wind, responsible for guiding souls to heaven and being the mount of the gods. It is believed that being depicted on a chariot can symbolize speed. Furthermore, these particular golden plaques are thought to have been gifted by the Han Dynasty.*

Key words: *Gol Mod-2, golden plaques, mythological creatures, longque, Feilian, the god of wind*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.119-122>

The Gol Mod-2 cemetery was discovered in Undur-Ul-aan sum, Arkhangai province, in 2001. It is located in the east bank of Khanui valley, and has totally 190 tombs. The tomb No. 1, which is located in the cemetery’s northwest section, is a rectangular chamber burial. It is positioned south to north and features a sole entryway passage situated in the southern part of the tomb. Measuring 86 m in length and 21 m in depth, it is also the largest Xiongnu tomb that has ever been discovered. Prof. Pan Ling contends that the tomb dates back to the early Eastern Han Dynasty, and that Yu, the Xiongnu Chanyu, was buried in it (舆) (Pan Ling, Zhang Jieyu, 2022).

The tomb contains an inner coffin and a wooden sarcophagus. Stones and wood charcoal have been placed outside the sarcophagus as a preventive measure against corrosion. Regrettably, it was ravaged by looters prior to excavation, resulting in the destruction of most of the grave goods, except for one chariot in relatively good condition. In the eastern passageway between the coffin and sarcophagus, there are horse gears constructed of gold, silver, and copper, including saddles, harnesses, and their decorations. Among all the animal and plant patterns adorning the golden plaques, a distinct pattern depicting a single-horned mythological creature with wings on its shoulders has

caught the attention of researchers. This unique pattern has never been found before and the golden plaques featuring it can be classified into four distinct types.

Type A: a pair of circular items with a 13 cm diameter are presented. The items possess a symmetrical pattern whereby the heads face opposite directions (**fig. 1, 1**). In the centre stands an upright beast, with staring eyes and a roaring mouth. It boasts a single horn with nine ridges on its head, bent backward. Droopy ears resembling those of an ox and three whiskers extending from the cheeks are also present. The creature has a long, curly neck and two wings that are open behind it. It stands firmly on two front legs that are similar to those of birds, each with three toes. The body conceals both hind legs, while the right foot appears tucked under the right wing and the left foot rests between the tail and belly. A feathered tail extends forward through the right wing, wrapping around the body and terminating near the feet. Floral patterns, comprised of slender stems, small oval-shaped leaves and flowers, encircle the beasts to fill the space. The pattern recurs every two motifs and cycles around. The golden plaques feature turquoise and carnelian details on the horns, ears, tail, neck, chest, and wings of the creatures, as well as the centerpiece of the flowers. In sum, these plaques are impressive and awe-inspiring.

Type B: a set of 10 items; distorted ovoid-shaped; with the length of 17.5 cm and the width of 6.5 cm. They share the same but symmetric pattern (**fig. 1, 2**), and each is presented by 5 pieces. Two creatures are portrayed in the plaque, both exhibiting a gesture similar to type A. The creature without horns situated below occupies around two-thirds of the plaque. The creature above is smaller,

¹ Liang Yun — Northwest University; 1 Xuefu Rd., Xi’an, 710127, People’s Republic of China; e-mail: yunL2002@126.com; ORCID: 0000-0002-8024-8422.

² Zheng Yusong — Northwest University; 1 Xuefu Rd., Xi’an, 710127, People’s Republic of China; e-mail: zys5825994@163.com; ORCID: 0009-0007-0817-1196.

Fig. 1. Gol Mod-2, tomb 1. Golden plaques: 1 – type A; 2 – type B; 3 – type C; 4 – type D. Scale different

Рис. 1. Гол Мод-2, могила 1. Золотые пластины: 1 – тип А; 2 – тип В; 3 – тип С; 4 – тип D. Масштаб разный

occupying approximately one-third of the plaque, and has been simplified to feature a slender frame, a solitary horn, wings and two feet. The blank space is adorned with floral scrolls. Turquoise and carnelian are also embedded in the creatures and floral patterns.

Type C: one piece, in the form of a strip, measures 28.2 cm in length and has a width of approximately 2.5 to 3.5 cm. On the surface of this plaque lies a sleek creature, wriggling and contorting with its head turned back (**fig. 1, 3**). It is evident that this creature is identical to the one in Type A, and the

surrounding embellishments are of the matching style, adorned with turquoise and carnelian.

Type D: one object, resembling a slim oval tube measuring 3.2 cm in length and 1.3 cm in width, exhibits a design and decorative style similar to type A (**fig. 1, 4**).

The image of the beast on all types of gold plates is the same creature. It has a single horn, the head of a Chinese dragon, a pair of wings, four legs and a long tail. The whole image of this beast is depicted on four square cooper tubes, also found in tomb No. 1. They were mounted on the pillars

of a chariot. The tubes have reliefs on the four sides showing the beasts sitting on a platform or walking through the clouds.

Excavators argue that this divine beast, based on the image of Mongolian snow leopards, is known in the local language as “bers”. However, some of its features differ from those of the leopard. Firstly, the horn, ox-like ear and long neck couldn’t belong to a leopard. Second, the beast’s legs are more like those of a bird, and its feet have no pads. Otherwise, the beast resembles the image of Chinese dragons of the Han period: it has the body of a snake, the head of a crocodile, the curved horn of an ox, the legs of an animal, and the feet with three claws (*Luo Erhu*, 1986). The image of this divine beast also coincides with the dragon described in post-Han dynasty historical documents, especially in *Lun Heng* and *Er Ya Yi*: the ox’s ears, the eagle’s claws and the snake’s tail. In addition, the divine beast differs from the Chinese dragon in that it has bird-like wings. Therefore, the divine beast could be interpreted as a combination of the dragon and the bird: based on the Chinese dragon and with the characteristics of birds.

What we argue in this paper is that the divine beast on the golden tablets is “Feilian” of the Han and Jin dynasty documents. Feilian is believed to be the god of wind, master of wind and clouds, and responsible for guiding the dead to heaven. His image is a combination of animal and bird. In later generations, Feilian became the rider of the gods. In the royal Shanglin Garden, Emperor Wu of the Han Dynasty (reigned 141–87 BC) built a temple to Feilian and cast his bronze statue. During the early East Han Dynasty, the statue of Feilian and another bronze statue of a horse were moved from Weiyang Palace to the capital city of Luoyang. A scholar living at this time named Zhang Heng described the bronze statues in one of his articles: “Longque is spiraling (龙雀蜿蜒), and a heavenly horse galloping (天马半汉)”.

Li Shan noted: “ ‘Longque’ (龙雀) is what named Feilian, while the ‘heavenly horse’ (天马) is the bronze horse. ‘Panwan’ (蟠蜿) and ‘Banhan’ (半汉) are describing words”. Some ancient scholars speculate on the image of Feilian in their articles. Guo Pu of the West Jin Dynasty said: “Feilian is Longque. It has the head of a deer and the body of a bird”. While another scholar at that time named Jin Zhuo said: “Its body is like a deer and its head like a bird; leopard pattern on its fur.” Whether it is a bird body and a deer head or a deer body and a bird head, it has nothing to do with the dragon. In Chinese, “Longque” literally means the dragon and the bird, so the name is more in accordance with the beasts on the golden plaques than with ancient scholars. From this perspective, the crawling and circling beasts in the type C coincide with the records.

The image of Longque has the only visual representation in archaeological material. In 1973, a 238-character stone inscription was found in a Han Dynasty tomb in Chengqian Village, Cangshan City, Shandong Province, and the content of the inscription may correspond to the carved images in the same tomb (**fig. 2**). An independent image above the upper lintel of the front room could be divided into three parts. On the left is a tiger and two dragons, in the centre is a mythical beast with a phoenix head, and on the right are two cranes pecking at fish. A line of the stone inscription describing the image mentions Longque: “Longque is wiping out the misfortune while the cranes peck at the fishes (龙雀除央鹤啄鱼).” The two dragons on the left open their mouths to bite the wings of a bird. This scene is the visual representation of that inscription line. The bird should be a “mandarin duck (鸳鸯)”, which in Chinese is the homonym of “misfortune”. This part should be corresponding to the text “Longque is wiping out the misfortune”. The dragon, the longque, resembles the beasts on the golden tablets.

Fig. 2. The carved stone image in the Han Dynasty tomb in Chengqian village, Cangshan city, Shandong province

Рис. 2. Изображение, вырезанное на камне (гробница ханьского времени в деревне Чэнцзянь, город Цаншань, провинция Шаньдун)

A descendant of the royal family of the Qin Dynasty, Feilian was said to be good at running and riding. In later mythology, he became the god of wind and an auspicious animal. According to the restoration, excavators believe that type C gold plaques are decorations on the horse's brow-band, type A are embedded in the top of the yoke, type B hang from the breast collar under the neck, and type D are part of the headstall. The Feilian patterns are decorated in the centre and above the head and neck of the horse, giving the viewer a strong visual impact, symbolising that Feilian leads the way as swift as the wind and will protect the chariot from ghosts. These gold plaques were made by the craftsmen of the Han Dynasty court. As a special custom, they were presented to the Xiongnu Chanyu by the Emperor of the Han Dynasty as a gift along with the chariot.

Luo Erhu, 1986 — Luo Erhu. Shi lun gydai muzang zhong long xingxiang de yanbian [罗二虎。试论古代墓葬中龙形象的演变]. The evolution of the dragon image in ancient tombs // Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition). 1986. No. 1. P. 103–113 (in Chinese).

Pan Ling, Zhang Jieyu, 2022 — Pan Ling, Zhang Jieyu. Mengguguo Gaolei Maodou 2 hao mudi 10 hao mu niandai he mu zhu shenfen de tantao [潘玲、张婕妤。蒙古国高勒毛都2号墓地10号墓年代和墓主身份的探讨]. A study on the date and occupant of tomb M10 of Gol Mod-2 cemetery in Mongolia // Zhongguo guojia bowuguan guan kan. 2022. No. 12. P. 51–65 (in Chinese).

Образы зооморфных существ на золотых пластинах из Гол Мод-2

Лян Юнь³, Чжэн Юйсун⁴

Аннотация. В могиле 1 могильника Гол Мод-2 была обнаружена серия золотых пластин с изображением существа с одним рогом, описываемого как крылатый дракон и совмещающего черты дракона и птицы (龙雀 — лунцяо). Изображение можно трактовать как мифологическое существо Фэйлянь (飞廉), упоминаемое в письменных источниках династий Вэй и Цзинь как бог ветра китайской мифологии, возникший богов, отводящий также душу умершего на небеса. Вероятно, его изображение на колеснице должно было обеспечить ей быстроту. Эти золотые пластины, видимо, являлись дарами империи Хань.

Ключевые слова: Гол Мод-2, золотые пластины, мифологические существа, лунцяо, Фэйлянь, бог ветра

³ Лян Юнь — Северо-Западный университет; Xuefu Rd., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: yunL2002@126.com; ORCID: 0000-0002-8024-8422.

⁴ Чжэн Юйсун — Северо-Западный университет; Xuefu Rd., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: zys5825994@163.com; ORCID: 0009-0007-0817-1196.

Han Dynasty Gongguan (工官) lacquerwares unearthed in Mongolia and Russia

Hong Shi¹

Annotation. *The lacquerwares of the Han Dynasty unearthed in Russia and Mongolia include cups, plates and boxes — the production of state workshops such as Kaogong (考工), Gonggong (供工) and the Xigong of Shu Prefecture (蜀郡西工) of the late Western Han period. These lacquerwares are made of wood, painted with red lacquer on the inside and black lacquer on the outside, the edges of the ears or mouth are decorated with gilded bronze. On the outside of the lacquered cups bird pattern is painted in vermilion. The tombs belonged to the Xiongnu elite, and these Gongguan (工官) lacquerwares are the important material evidence of the communication between Han and Xiongnu.*

Key words: Xiongnu, Han Dynasty, Gongguan (工官) lacquerwares

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.123-128>

Han Dynasty Gongguan (工官) lacquerwares unearthed in Russia

Tsaraam cemetery in Tsaraam valley in the Republic of Buryatia, Russia, is a cemetery of Xiongnu elite. A piece of engraved lacquer box fragments was unearthed at the barrow No. 7 (Miniaev, Sakharovskaia, 2007; Pirazzoli-t'Serstevens, 2007). The lacquer box was poorly preserved, with only 26 words remaining on the inscription: “...年考工工赏造, 嗇夫臣康, 掾臣安主, 右丞臣 ... 令臣 ... 护工卒史臣尊省” (fig. 1). According to the inscription, the lacquer box was made by Kaogong (考工). Although the inscription is missing, it can be inferred from other inscriptions on lacquerwares made by Kaogong that the inscription on this lacquer box should also have the word “Chengyu (乘輿)” at the beginning of the sentence.

Han Dynasty Gongguan lacquerware unearthed in Mongolia

A lacquer plate from the first year of Yongshi (16 BC) was unearthed from the tomb 20, Gol Mod I Site, Mongolia, another famous Xiongnu cemetery. There are three large noble tombs with tomb passage, a lacquer plate was unearthed from the tomb 20 (Eregzen, 2011. P. 184; Yeruul-Erdene, Otani, 2015). It is poorly preserved, with only 31 words remaining on the inscription: “...黄釳尺五寸旋, 永始

元年供工工武造, 护臣敬 ... 掾臣昌主右丞臣口守令臣并省” (fig. 2). According to the inscription, this lacquer plate was made by Gonggong in the first year of Yongshi reign of Emperor Cheng of the Han Dynasty. Judging from other engraved lacquerwares found in the past, the inscription sentence should start with the word “Chengyu”.

In 2006, the “Yuan Yan Fourth Year” (9 BC) a lacquer cup was unearthed at Noin Ula mound 20 (Chistyakova, 2009). The wooden body is painted with vermilion lacquer on the inside and brown lacquer on the outside, with bird patterns painted in vermilion on it and inlaid with Gilded bronze edging on both ears. The two ears have separated from the body, and part of the body is broken (fig. 3–5). At the foot of the vessel, there are 46 words inscribed: “乘輿髹丹画木黄耳一升十六籥楮, 元延四年考工工通繕, 丹工宪, 守佐臣文, 嗇夫臣勋, 掾臣文臣(‘臣’ should be ‘主’), 右丞臣光, 令臣谭省”. According to the inscription, this lacquer cup was made for the emperor by Kaogong in the fourth year of Yuan Yan of Emperor Cheng of Han Dynasty.

In 2009, the “Yuan Yan Fourth Year” (9 BC) a lacquer cup was unearthed from Noin Ula burial mound 31 (Chistyakova, 2011). The wooden body is painted inside with red lacquer and outside with black lacquer, painted with bird patterns, and inlaid with gilded bronze edging on both ears. The artifact is already damaged (fig. 6). Near the bottom of the foot of the circle 54 words are engraved: “乘輿髹丹画木黄耳一升十六籥楮, 元延四年考工工相造, 丹工宪画, 护臣隆, 守佐臣文, 嗇夫臣勋, 令史臣口, 掾臣文主, 右丞臣光, 令臣口省”. According to the inscription, this lacquerware was the imperial lacquerware of “Chengyu”, which was

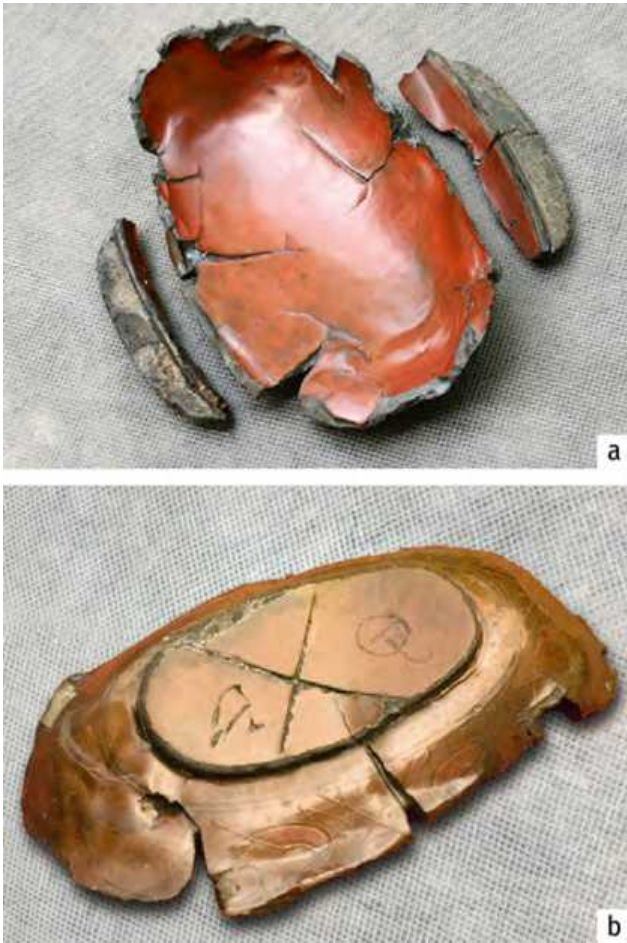
¹ Hong Shi — Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, 27 Wangfujing St., Beijing, 100006, People's Republic of China; e-mail: hongstone@126.com; ORCID: 0000-0002-5469-8083.

Fig. 1. Lacquer box fragments from Tsaraam cemetery barrow No. 7
Рис. 1. Фрагменты лаковой шкатулки из могильника Царам, курган № 7

Fig. 2. Lacquer plate from Gol Mod I site tomb No. 20
Рис. 2. Лаковое блюдо из могильника Гол Мод I, погребение № 20

Fig. 3. Lacquer cup from Noin Ula mound No. 20:
a — before restoration; b — after restoration

Рис. 3. Лаковая чашечка из Ноин-Улы, курган № 20:
a — до реставрации; b — после реставрации

made by Kaogong in the fourth year of Yuan Yan of Emperor Cheng of the Han Dynasty. This lacquer cup and Noin Ula mound No. 20 unearthed lacquer cup was made in the same Gongguan in the same year, and the “Dangong (丹工)” is all “Xian (宪)”. The officials responsible for supervision at all levels are basically the same.

In 1927, the “fifth year of Jianping” (2 BC) lacquer cup was unearthed from burial mound No. 1 in the Tsurumte valley which is also located in the Noin Ula mountains (Ergenzen, 2011. P. 185; Chistyakova, 2011). The wooden body is painted with red lacquer on the inside and black lacquer on the outside. The bird pattern is painted with red on it, and there are inlaid with gilded bronze edging on both ears. The body of the vessel is broken (fig. 7). On the circle foot, there are 69 inscriptions engraved: “建平五年，蜀郡西工造乘與髹丹画木黄耳椀，容一升十六籥，素工尊，髹工褒，上工寿，铜耳黄涂工宗，画工口，丹工丰，清工白，造工口造，护工卒史巡，守长克，丞骏，掾丰，守令史严主”. From the in-

Fig. 4. Fragment of the “opposing phoenixes” picture on the cup from Noin Ula mound No. 20

Рис. 4. Фрагмент изображения «противостоящих фениксов» на чашечке из Ноин-Улы, курган № 20

scription, it can be seen that this lacquerware was made by the Xigong of Shu Prefecture (蜀郡西工) in the fifth year of Jianping reign of Emperor Ai of Han, and was used as an imperial lacquerware. Both the Xigong of Shu Prefecture and the Gongguan of Guanghan Prefecture (广汉郡工官) are centrally located in Sichuan, mainly producing lacquerware, especially those lacquerwares which edges of the ears or mouth are decorated with gilded bronze. It is worth noting that the “Jianping (建平)” reign title of Emperor Ai of the Han Dynasty is only four years old, and the fifth year has been changed to “Yuanshou (元寿)”. The chronology of this lacquerware is incorrect, and the reason may be that the completion time of the lacquer cup made by the Xigong of Shu Prefecture was slightly earlier than the time when the emperor changed the chronology to the Xigong of Shu Prefecture.

Characteristics of Han Dynasty Gongguan lacquerwares unearthed in Russia and Mongolia

At present, a total of 5 Han Dynasty Gongguan inscription lacquerwares have been unearthed in Russia and Mongolia, from which we can see their characteristics.

1. Types of artifacts. There are 5 pieces of Gongguan inscription lacquerware, including cups, plates, and boxes. Among them, there are 3 cups, with the largest quantity, 1 plate and 1 box. This is consistent with the development of lacquerware in the Han Dynasty. The lacquer cup is the most common type of lacquerware in this period, which can be used as both a kind of wine vessel or dining vessel. It is also the main type of Gongguan inscription lacquerware (Hong Shi, 2006).

Fig. 5. Characters of the inscription fragments on the cup from Noin Ula mound No. 20

Рис. 5. Знаки надписи на фрагментах чашечки из Ноин-Улы, курган № 20

Fig. 6. Cup from Noin Ula burial mound No. 31

Рис. 6. Чашечка из Ноин-Улы, курган № 31

2. Name and era of Gongguan. There are three types of Gongguan inscription lacquerwares: Kaogong, Gonggong and the Xigong of Shu Prefecture. Among them, Kaogong products are the most common, with Kaogong inscriptions were found on 3 lacquerwares, while Gonggong and the Xigong of Shu were found only once each.

The era of Gongguan lacquerwares date from the “first year of Yongshi” (16 BC) to the “fifth year of Jianping” (2 BC), during the late period of Emperor Cheng (33–7 BC) and Emperor Ai (7–1 BC) in the late Western Han Dynasty.

3. The craft of lacquerwares. These lacquerwares are all wooden. Judging by the three well preserved cups, they were painted with red lacquer on the inside and black lacquer on the outside, with bird patterns painted in red and inlaid with gilded bronze edging on both ears. These characteristics are consistent with lacquer cups with the Gongguan inscription unearthed from other locations.

From the inscription on the lacquer plate, it can be seen that the mouth edge should also have a gilded bronze edging.

These well preserved lacquerwares which the edges of the ears or mouth are decorated with gilded bronze. Is also one of the characteristics of Gongguan lacquerwares.

4. The identity of the buried person. Noin Ula burial mound, Gol Mod-1 site and Tsaraam cemetery are late Xiongnu royal tomb complex, especially Noin Ula mound 20 and Tsaraam cemetery barrow No. 7. According to the car-

riage with red wheels buried in their tombs, it is speculated that a very high status Xiongnu nobleman should be buried there, probably a member of the royal family — Xiongnu Chanyu or high status king. These Gongguan lacquerwares unearthed in the tombs of the Xiongnu elites correspond to their status.

Conclusions

At the end of the Western Han period, the Han dynasty restored the friendly relationship with the Xiongnu, enhancing the economic and cultural exchanges between the two sides, and promoting ethnic integration. These Gongguan lacquerwares unearthed in Russia and Mongolia are of high specifications, and the tombs belonged to the Xiongnu elites. Some researchers believe that these Gongguan lacquerwares were the Han Dynasty’s reward to the Xiongnu (Li Yi, 2019). The author believes that its source may be diverse. In any case, these Gongguan lacquerwares are important material evidence of the communication between the Han dynasty and Xiongnu.

Chistyakova, 2009 — Chistyakova A. N. Chinese inscriptions on the lacquer cup from Noin Ula mound 20 (Mongolia) // AEAE. 2009. Vol. 37. No. 3. P. 59–68.

Chistyakova, 2011 — Chistyakova A. N. Lacquer cups of the Western Han Dynasty (Noin Ula, Mongolia): An analysis of inscriptions // AEAE. 2011. Vol. 39. No. 4. P. 83–89.

Fig. 7. Lacquered cup from mound No. 1 in the Tzurumte valley

Рис. 7. Лаковая чашечка из кургана № 1, падь Цзурумтэ

Лакированная посуда из мастерских эпохи Хань (гунгуань, 工官), обнаруженная на территории Монголии и России

Хун Ши²

Аннотация. Лакированная посуда ханьского времени из археологических памятников Монголии и России включает чашки, блюда и короба — продукцию мастерских Каогун (考工), Гунгун (供工) и Сигун из префектуры Шу (蜀郡西工) времен поздней Западной Хань. Эта посуда изготовлена из дерева, расписана красным лаком изнутри и черным снаружи, по краям декорирована позолоченной бронзой. Снаружи киноварью были нанесены изображения птиц. Могилы с лакированной посудой являлись элитными памятниками хунну, такая посуда гунгуань (工官) была важным материальным свидетельством контактов между хунну и империей Хань.

Ключевые слова: хунну, Хань, лакированная посуда гунгуань (工官)

Eregzen, 2011 — Eregzen G. Хүннүгийн өв: [нүүдэлчийн анхны тер-Хүннү гүрний соёл]. (Treasures of the Xiongnu: this catalog is being published in commemoration of the 2220th anniversary of the establishment of the Xiongnu Empire, Mongolia's first Great Empire). Ulaanbaatar: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн; Монголын Унзсний музей, 2011. 296 p. (in Mong., Eng.).

Hong Shi, 2006 — Hong Shi. Zhanguo qinhan qiqi yanjiu [洪石. 战国秦汉漆器研究]. Research on lacquerware in the Warring States, Qin and Han Dynasties. Beijing: Wenwu chubanshe, 2006. 271 p. (Kaogu xin shiye congshu [考古新视野丛书]. Series: New Horizons in Archaeology) (in Chinese).

Li Yi, 2019 — Li Yi. Jiamian yu longluo — lun chaoxian, Menggu ji Eluosi jingnei chutu handai “cheng yu” ming qiqi ji qi xingzhi [卢一. 嘉勉与笼络—论朝鲜、蒙古及俄罗斯境内出土汉代“乘舆”铭漆器及其性质]. Encouragement and win-over — On the lacquerware with “Chengyu” inscriptions of the Han Dynasty unearthed in Korea, Mongolia and Russia and their properties // Beifang minzu kaogu. 2019. No. 7. P. 123–137 (in Chinese).

Miniaev, Sakharovskaya, 2007 — Miniaev S. S., Sakharovskaya L. M. Investigation of a Xiongnu royal tomb complex in the Tsaraam Valley. Pt. 2: The inventory of barrow No. 7 and the chronology of the site // The Silk Road. 2007. Vol. 5, No. 1. P. 44–56.

Pirazzoli-t'Serstevens, 2007 — Pirazzoli-t'Serstevens M. A Chinese inscription from a Xiongnu elite barrow in the Tsaraam cemetery // The Silk Road. 2007. Vol. 5, No. 1. P. 56–58.

Yeruul-Erdene, Otani, 2015 — Yeruul-Erdene Ch., Otani I. The chinese inscription on the lacquerware unearthed from tomb 20, Gol Mod I site, Mongolia // The Silk Road. 2015. Vol. 13. P. 104–108.

² Хун Ши — Институт археологии Китайской академии общественных наук; Wangfujing St., 27, Пекин, 100006, Китайская Народная Республика; e-mail: hongstone@126.com; ORCID: 0000-0002-5469-8083.

A reexamination of the Chinese inscription carved on four ear-cups (Noyon Uul, Mongolia)¹

Ikue Otani²

Annotation. *There are four ear-cups with Chinese characters originated from the tomb No. 20 and 31 of Noyon Uul (Noin-Ula). All of them are assumed to be manufactured by central factories (Kao Gong workshop: cup No. 2006-76, 2009-12-1, and 2006-75-1,2; the anonymous workshop: No. 2006-67-1). After the reexamination of the inscriptions, it is revealed that the ear-cup No. 2006-75-1,2 has been inspected by the same officials who inspected the ear-cup from the Han tomb at Mozuzi. It is dated to be manufactured in the year 8 BC. Other two ear-cups have been recorded to be manufactured in 9 BC. Chinese goods can indicate the lower limit year. Therefore, these relics point out that the tomb No. 20 and 31 were constructed after 8 BC and after 9 BC, respectively.*

Key words: *Noyon Uul, Noin-Ula, lacquered ear-cup, Chinese inscription, dating*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.129-138>

I. Introduction. The National Museum of Mongolia and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences (MAS) co-organized a special exhibition titled “Xiongnu: New Archaeological Discoveries” (November 2021 — August 2022). In this exhibition, about 400 objects from the elite kurgan complex at Noyon Uul excavated by the Mongolian-Russian joint expeditions were displayed. Among exhibits there were also ear-cups from the tomb No. 20 and 31 of Noyon Uul, so I had the chance of reexamining the Chinese inscriptions.

II. The reading of inscriptions. The Mongolian-Russian expedition, which was organized by the South Altai team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (RAS) and the Institute of Archaeology of the MAS, carried out the excavation at Noyon Uul from 2006 to 2015. Four T-shaped barrows (this form indicates is a special burial construction for the Xiongnu elite) were excavated in this project term (**fig. 1**)³. Various kinds of goods were unearthed, including

Chinese lacquerware. According to the report, three ear-cups have a Chinese inscription, which was read by A. N. Chistyakova (Чистякова, 2009; 2011; *Polos'mak et al.*, 2011).

As I had pointed out a misidentification of a single character before (*Yeruul-Erdene, Otani*, 2015. P. 108), I was hoping to check the reading from real objects. When I researched ear-cups in 2022, I found that one more lacquer fragment from tomb No. 20 had characters. While I have not checked all the lacquered objects from tomb No. 20 and 31, there are four ear-cups that carry inscriptions (the photo and drawing of each character: **fig. 2–5**, the result of the identification of the modern Chinese font: **fig. 6**). The translation of each inscription is provided below⁴.

satellite tombs were excavated at the Zuram am group in 2007 and 2015 (satellite tomb No. 1, 2, 3, and 9 of barrow 1) (*Эрдэнэ-Очир нар*, 2021) (**fig. 1**).

4 The object number in this paper obeys the excavation report published in Mongolia (*Ibid.*). If I write the number depending on the photo which was carried on the reports of Russian excavation, the cup No. 1 from the tomb No. 20 (*Polos'mak et al.*, 2011. P. 121, fig. 5, 6) is 2006-66-2, 2006-67-2, and 2006-76 (part of the cup is 2006-76, and the other both are ear-handle). Second, the cup No. 2 from the tomb No. 20 (*Ibid.* P. 122, fig. 5, 8) is 2006-65-1, 2006-65-2, and 2006-75. In the picture on the Mongolian version (*Эрдэнэ-Очир нар*, 2021. Т. 288, fig. 44), the cup's part has three fragments. And the biggest one can be shown in the picture of Russian version, but the other two are absent in it. The ear handles are 2006-65-1 and 2006-65-2. With the former split into two, half of it has not existed in the photo of the Russian version. Third, object 2006-67-1 is not carried on the Russian version. At last, cup No. 2 from the tomb No. 31 (*Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 69, рис. 3.31) is 2009-12-1.

¹ I appreciate Dr. N. Erdene-Ochir (Institute of Archaeology, MAS) for providing me the chance to do this research. This work was supported by the KAKENHI grant of the Japan Society for the Promotion of Sciences, 20K13230.

² Ikue Otani — Kyoto University, Institute for Research in Humanities; Yoshida-honmachi, Sakyo-ku, Kyoto, 606-8501, Japan; e-mail: iotani@zinbun.kyoto-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-3738-0989.

³ Four T-shaped barrows were excavated: tomb No. 20 — in 2006, tomb No. 31 — in 2009, tomb No. 11 — in 2011, and tomb No. 22 — in 2012. All the barrows belong to the Suzhigt am group at Noin-Ula. Besides the excavation of these four barrows, four

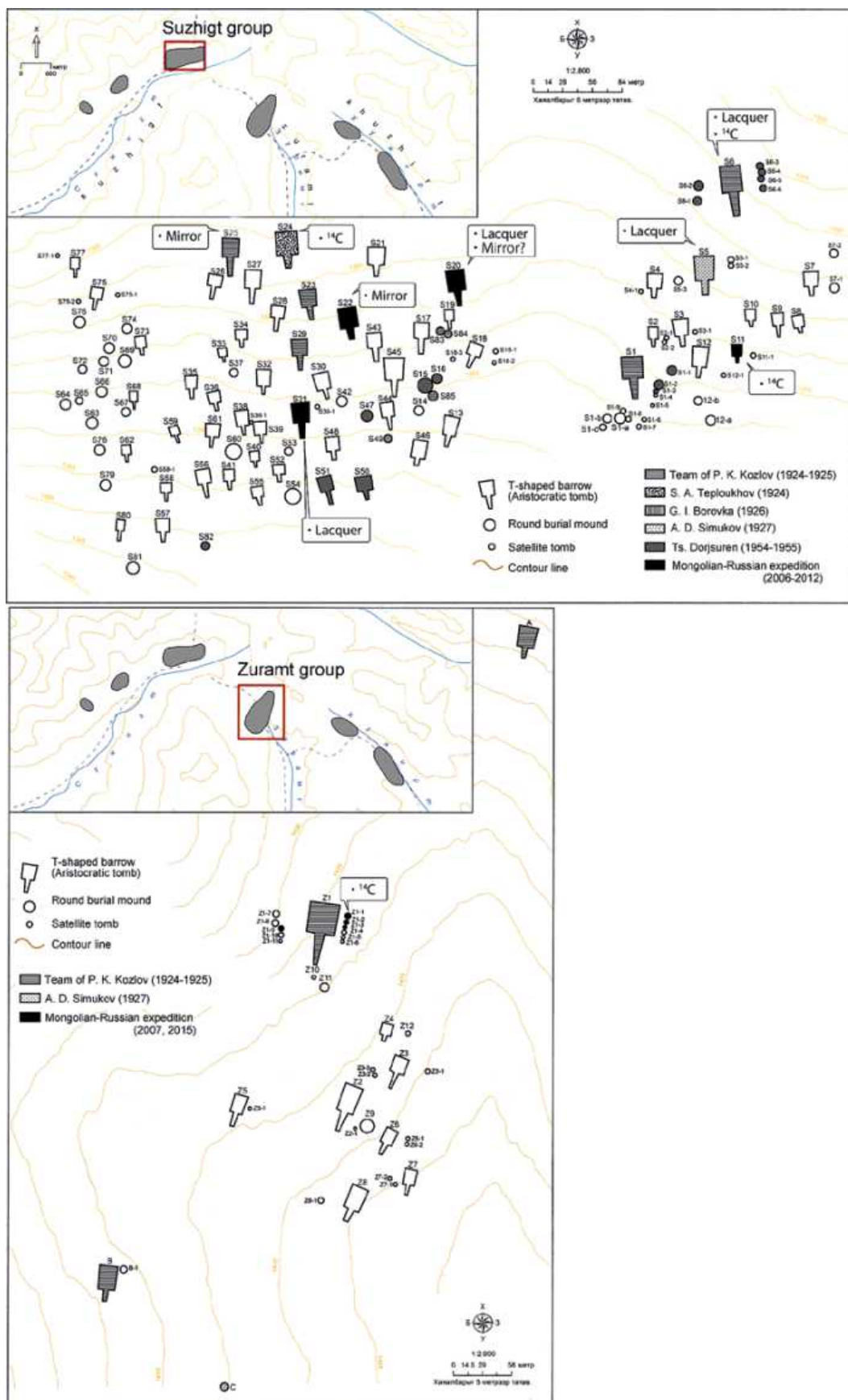
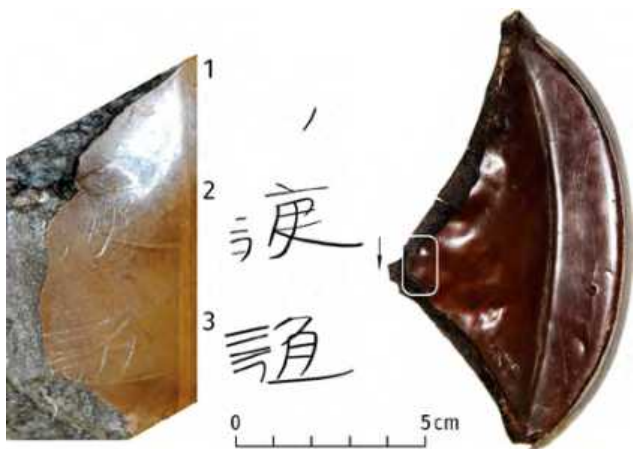

Fig. 1. Distribution map of the tombs of Noyon Uul: Suzhigt group, Zuramt group

Рис. 1. Карта расположения погребений в Ноин-Уле: пади Суцзуктэ и Дзурумтэ

1. Ear-cup No. 2006-67-1 from the tomb No. 20 (fig. 2)

...(name?), the Inspector *Hu* 護 was *Yi* 誼...

Fig. 2. Ear-cup No. 2006-67-1 (Noyon Uul, tomb No. 20)

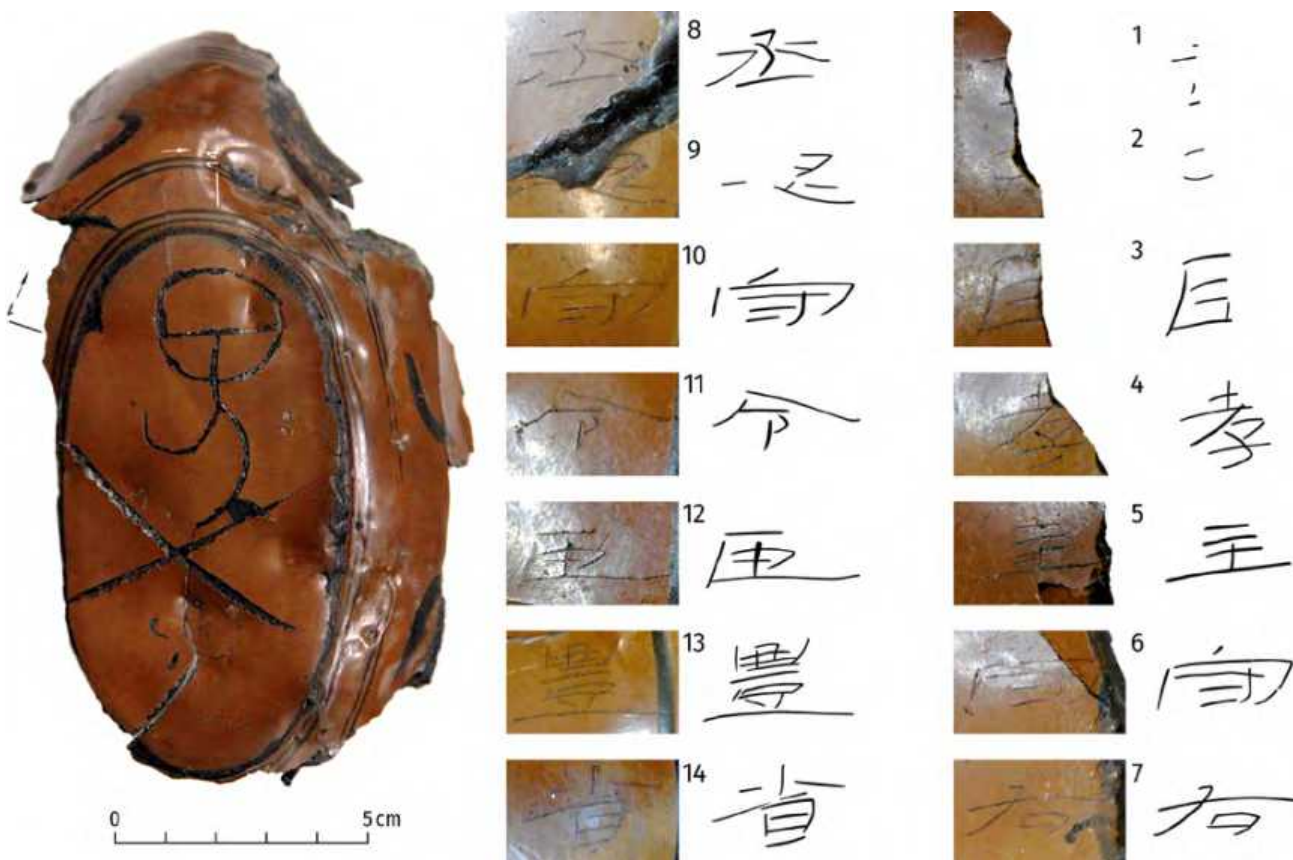
Рис. 2. Чашечка № 2006-67-1 (Ноин-Ула, погребение № 20)

2. Ear-cup No. 2006-75-1 from the tomb No. 20 (fig. 3)

...Your servant *Xiao* 孝 who was the Workshop official *Sefu* 齋夫 managed. The inspector was following two: the Provisional assistant director of the right *You Cheng* 右丞 was *Zhong* 忠 and the Provisional director *ling* 令 was your servant *Feng* 豐.

3. Ear-cup No. 2006-76 from the tomb No. 20 (fig. 4)

This utensil is for the use of the emperor. This utensil is a cup that has the capacity of 1 *sheng* 16 *yue* (= 232 ml.). The cup is lacquered on a wooden base; the surface has drawings and the ear parts are covered with gold-gilded bronze plates. In the fourth year of *Yuan Yan* (9 BC), the craftsman *Tong* 通 of the *Kao Gong* workshop had repaired. The *Mao Gong* I craftsman who brought out the luster was *Xuan* 憲. The supervisors were the following individuals: the Provisional assistant clerk *Zuo* 佐 was your servant *Li* 立, the Workshop official *Sefu* 齋夫 was your servant *Xun* 勳, and the Executive officer *Yuan* 掾 was your servant *Li* 立. The inspectors were the following two: the Assistant director of the right *You Cheng* 右丞 was your servant *Guang* 光, and the Director *Ling* 令 was your servant *Tan* 譚.

Fig. 3. Ear-cup No. 2006-75-1,2 (Noyon Uul, tomb No. 20)

Рис. 3. Чашечка № 2006-75-1,2 (Ноин-Ула, погребение № 20)

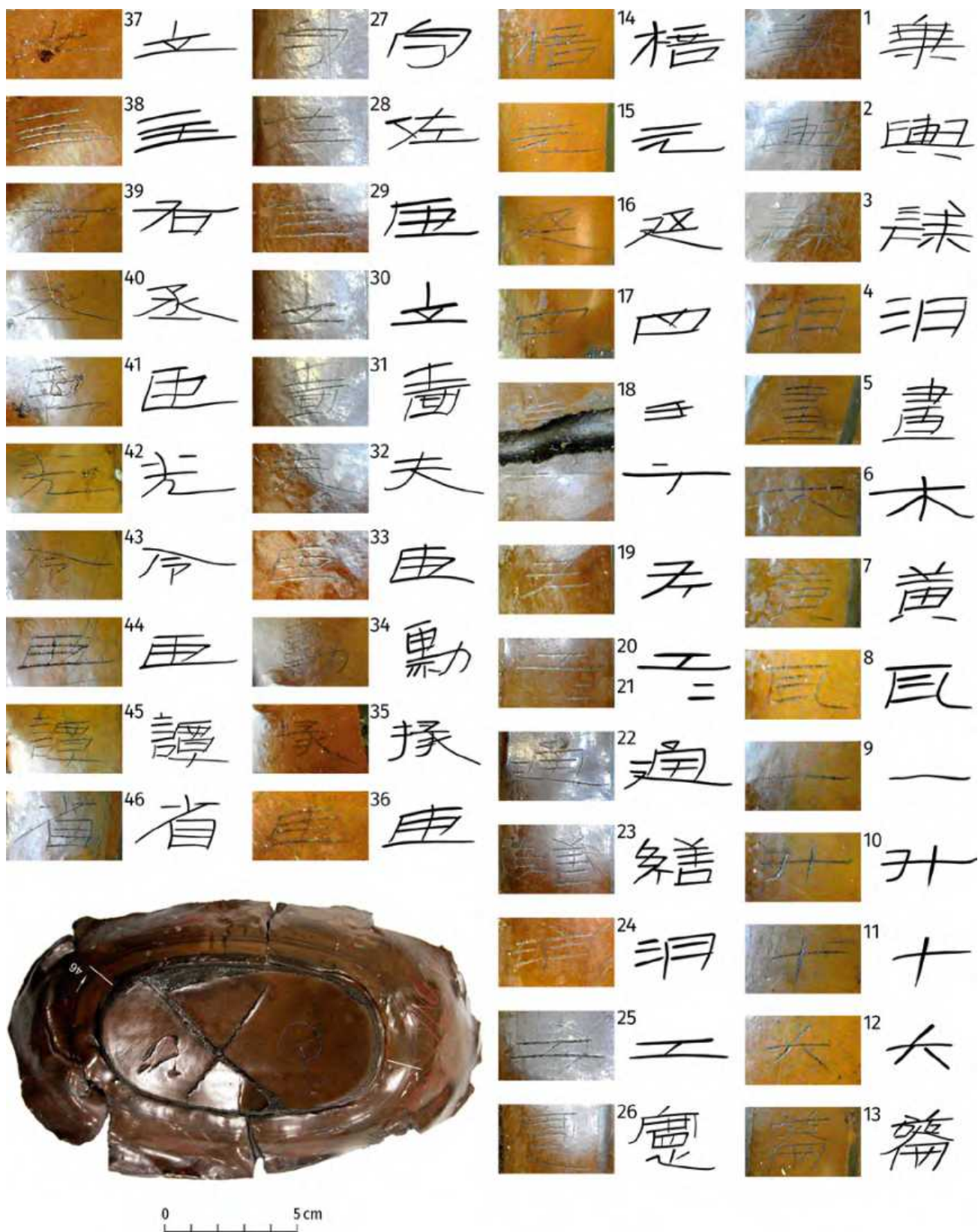

Fig. 4. Ear-cup No. 2006-76 (Noyon Uul, tomb No. 20)

Рис. 4. Чашечка № 2006-76 (Ноин-Ула, погребение № 20)

4. Ear-cup No. 2009-12-1 from the tomb No. 31 (fig. 5)

This utensil is the use of the emperor. This utensil is a cup that has the capacity of 1 *sheng* 16 *yue*. The cup is lacquered on a wooden base; the surface has drawings and the ear parts are covered with gold-gilded bronze plates. In the fourth year of *Yuan Yan* (9 BC), the craftsman *Xiang* 相 of the *Kao Gong* workshop had made. The *Mao Gong* 工 craftsman who brought out the luster was *Feng* 豐. The supervisors were as the following individuals: the Inspector *Hu* 護 was your servant *Long* 隆, the Provisional assistant clerk was your servant (name), the Workshop official *Sefu* 嗇夫 was your servant *Xun* 勳, the Head secretary *Ling Shi* 令史 was *Peng* 彭, and the Executive officer *Yuan* 掾 was your servant *Li* 立. The inspectors were the following two: the Assistant director of the right *You Cheng* 右丞 was your servant *Guang* 光, and the Director *Ling* 令 was your servant (name).

III. Consideration of the reading. As I corrected some characters, I would like to add supplementary explanations to the reading.

1. Ear-cup No. 2006-67-1 from the tomb No. 20

I was only able to identify two characters (fig. 7, 1, 2). If we understand that character 2 (fig. 7, 1) is the title of his function, character 3 (fig. 7, 2) becomes his name. Previous studies of the Chinese lacquer inscriptions reveal that the lacquerware was made in either central factories or district factories (Otani, 2019), and the writing format of the inscription was different, as it's shown below.

Central factories (*Kao Gong* 考工, *Gong Gong* 供工 etc.).

Three stages according to the inscription: production – management – inspection (造 – 主 – 省)

The first stage: one or two craftsmen are recorded.

The second stage: officials are recorded from lower rank to upper rank. 護 *Hu* → 佐 *Zuo* → 嗇夫 *SeFu* → 令史 *Ling-Shi* → 掾 *Yuan*

The third stage: officers are recorded from lower rank to upper rank. 右丞 *YouCheng* → 令 *Ling*

District factories (the west workshop of *Shu* commandery 蜀郡西工 etc.).

Two stages according to the inscription: production – management (造 – 主)

The first stage: all craftsmen who are related to production are recorded.

The second stage: the writing order of officials and officers change by period. If I pick up the case after 16 BC to the end of the Former Han, they are recorded from upper rank to lower rank after *Hu Gong Zu Shi*. 護工卒史 *Hu Gong Zu Shi* → 長 *Chang* → 丞 *Cheng* → 掾 *Yuan* → 令史 *Ling Shi*.

If characters 2 and 3 are the title of his function and name, it means that this ware is produced at the central factories because Inspector *Hu* only appears in inscriptions of the central factories. And this person doesn't state "your servant" in the inscription, so this ware probably was not aimed for the emperor's use.

2. Ear-cup No. 2006-75-1 from the tomb No. 20

At first, character 13 is not 畫 *Hua* but 豐 *Feng*⁵ (fig. 7, 4). If this character is corrected, we can find out one more example that has been inspected by the same two people, i. e., *Zhong* and *Feng* (Gansu sheng..., 1972⁶) (fig. 6, comparative table 1). As a result of this comparison, it is possible to deduce that *Xiao*'s function is *Se Fu* and that this ware was made in the first year of *Sui He* 綏和元年, that is 8 AD, for the emperor's use of the Han dynasty.

But my question exists between characters 8 and 9. Although the upper part is lost by a crack, character 9 can be identified as 忠 *Zhong* (fig. 7, 3). But if it is so, there is no space to write a single character, 臣 *chen* (fig. 3, 8, 9). The previous reading added *chen* in it, and that consideration is correct because this ware is for the use of the emperor; that is, all officials and officers have to state his name by the format "his function + 臣 *Chen* (your servant) + name". It needs a character *chen* between characters 8 and 9 logically, but I could not find it on the object.

3. Ear-cup No. 2006-76 from the tomb No. 20

We already corrected character 38 as *Zhu*. This is because a verb is needed here as the writing format of the central factories' inscription (*Yeruul-Erdene*, Otani, 2015. P. 108). The names of both, that is character 30 and 37, are not 文 *Wen* but 立 *Li* (fig. 6, 7). While these two characters are sometimes difficult to distinguish, the bottom of characters 30 and 37 is a horizontal stroke; thus, they are *Li* (*Wen* is two crossing strokes).

4. Ear-cup No. 2009-12-1 from the tomb No. 31

I corrected the identification of character 1-26 and 2-4 (fig. 7, 4, 5), and newly identified character 2-1 (fig. 7, 8). This ear-cup was made in the same year at the same workshop as that of the cup No. 2006-76⁷, and the same officials and officers were charged with product control (fig. 6, comparative table 2). Therefore, it is assumed that the director was

5 The character *hua* appears in fig. 4, 5 and fig. 5, 5, and the character *feng* appears in fig. 5, 26.

6 This tomb is reported by the name of 磨咀子 or 磨嘴子, and they are the same archaeological sites. (Pronunciation is the same.)

7 While the ear-cup No. 2009-12-1 was newly made in 9 BC, the cup No. 2006-76 was repaired in 9 BC.

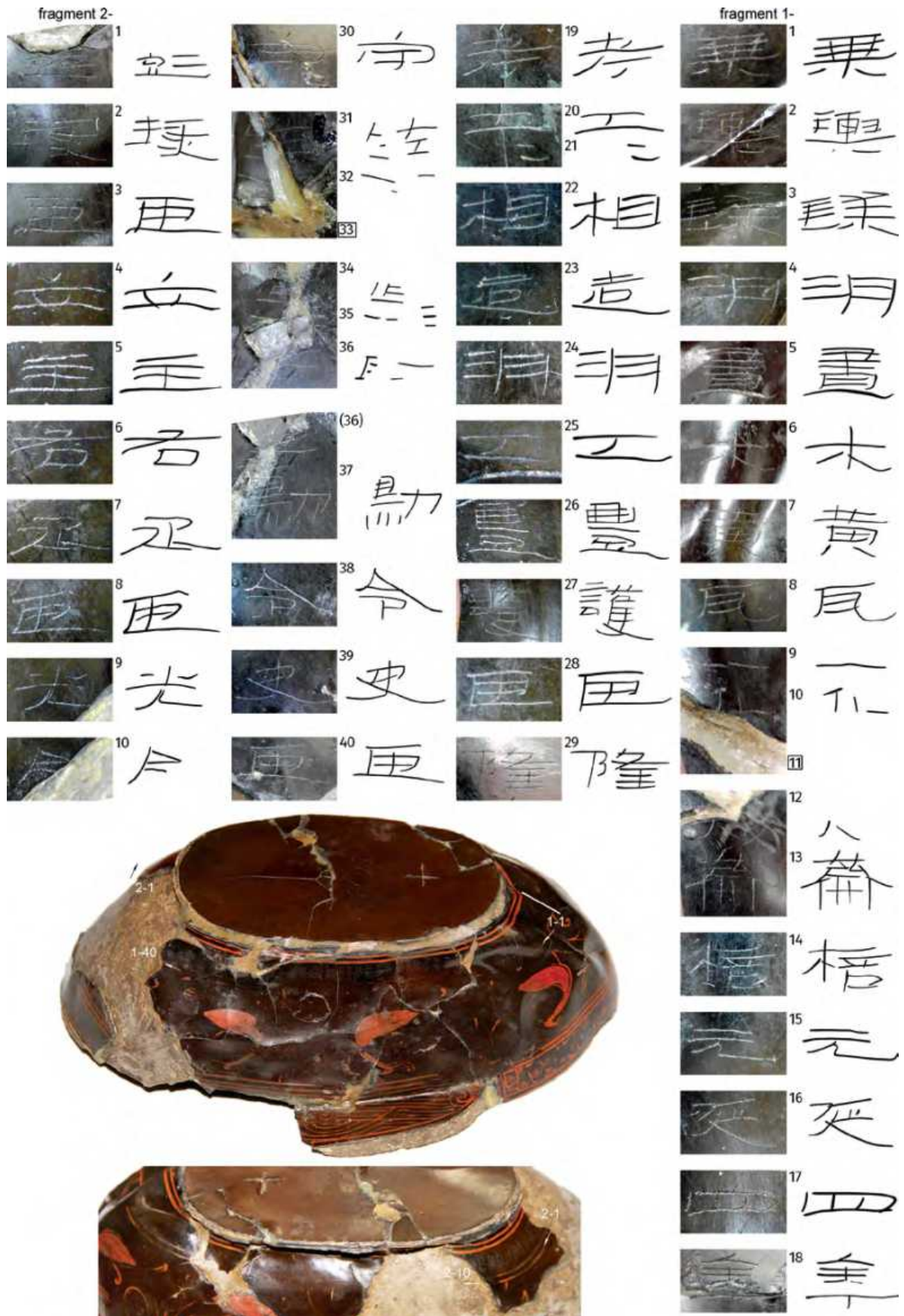

Fig. 5. Ear-cup No. 2009-12-1 (Noyon Uul, tomb No. 31)

Рис. 5. Чашечка № 2009-12-1 (Ноин-Ула, погребение № 31)

1. Noyon uul, tomb 20 № 2006-67-1

	1	2	3
Otani	-	hu	yi
	□	護	誼

Corrected character
 Lost character (But prediction is possible)
 An unidentified character
  [ ] Partially remained character (prediction)

2. Noyon uul, tomb 20 № 2006-75-1,2 (cup №2)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Otani	se	fu	chen	xiao	zhu	shou	you	cheng		zhong	shou	ling	chen	feng	sheng
	[齋]	[夫]	臣	孝	主	守	右	丞		忠	守	令	臣	豐	省
Chistyakova (2011) Polon'mak et al. (2011)		[掾]	臣	孝	主	守	右	丞	臣	忠	守	令	臣	畫	省

3. Noyon uul, tomb 20 № 2006-76 (cup №1)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Otani	sheng	yu	xiu	mao	hua	mu	huang	er	yi	sheng	shi	liu	yue	bei
	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	十	六	籥	楛
Chistyakova (2009)	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	十	六	籥	楛

	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
	yuan	yan	si	nian	kao	gong	(iteration mark)	tong	shan	mao	gong	xian	shou	zuo	chen	li
	元	延	四	年	考	工	二	通	繕	涓	工	憲	守	佐	臣	立
	元	延	四	年	考	工	二	通	繕	涓	工	憲	守	佐	臣	文

	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
	se	fu	chen	xun	yuan	chen	li	zhu	you	cheng	chen	guang	ling	chen	tan	sheng
	齋	夫	臣	勳	掾	臣	立	主	右	丞	臣	光	令	臣	譚	省
	齋	夫	臣	勳	掾	臣	文	臣	右	丞	臣	光	令	臣	譚	省

4. Noyon uul, tomb 31 № 2009-12-1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Otani	sheng	yu	xiu	mao	hua	mu	huang	er	yi	sheng	shi	liu	yue	bei
	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	[升]	十	[六]	籥	楛
Chistyakova (2011)	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	十	六	籥	楛

	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
	yuan	yan	si	nian	kao	gong	(iteration mark)	xiang	zao	mao	gong	feng	hu	chen	long	
	元	延	四	年	考	工	二	相	造	涓	工	豐	護	臣	隆	
	元	延	四	年	考	工	二	相	造	涓	工	畫	憲	護	臣	隆

	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
	shou	zuo	chen	(name)	se	fu	chen	xun	ling	shi	chen
	守	[佐]	[臣]		[齋]	[夫]	[臣]	[勳]	令	史	臣
	守	佐	臣	文	齋	夫	臣	勳	令	史	臣

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
fragment 2	peng	yuan	chen	li	zhu	you	cheng	chen	guang	ling	chen	(name)	sheng
	[彭]	掾	臣	立	主	右	丞	臣	光	[令]	臣		省
	□	掾	臣	文	主	右	丞	臣	光	令	臣	□	省

Comparative table 1. The inspectors were 忠 zhong and 豐 feng (8 BCE)

Utensils for emperor	Information about this product (features such as appearance, size, etc.)										Year	Workshop	craftsman	v.										
MoZuiZi 磨嘴子, tomb 62	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	十	六	籥	楛	緩	和	元	年	考	工	二	並	造	
Noyon uul, tomb 20, 2006-75-1,2																								

craftsman	Lower-1 涓/fo	Lower-2 佐/Zuo	Lower-3 齋/SeFu	v.	Upper-1 右丞/YouCheng	Upper-2 令/Ling	v.															
涓	工	豐	護	臣	彭	佐	臣	諱	齋	夫	臣	孝	主	守	右	丞	臣	忠	守	令	豐	省
									[齋]	[夫]	臣	孝	主	守	右	丞	臣	忠	守	令	豐	省

Comparative table 2. The inspectors were 光 guang and 譚 tan (9 BCE)

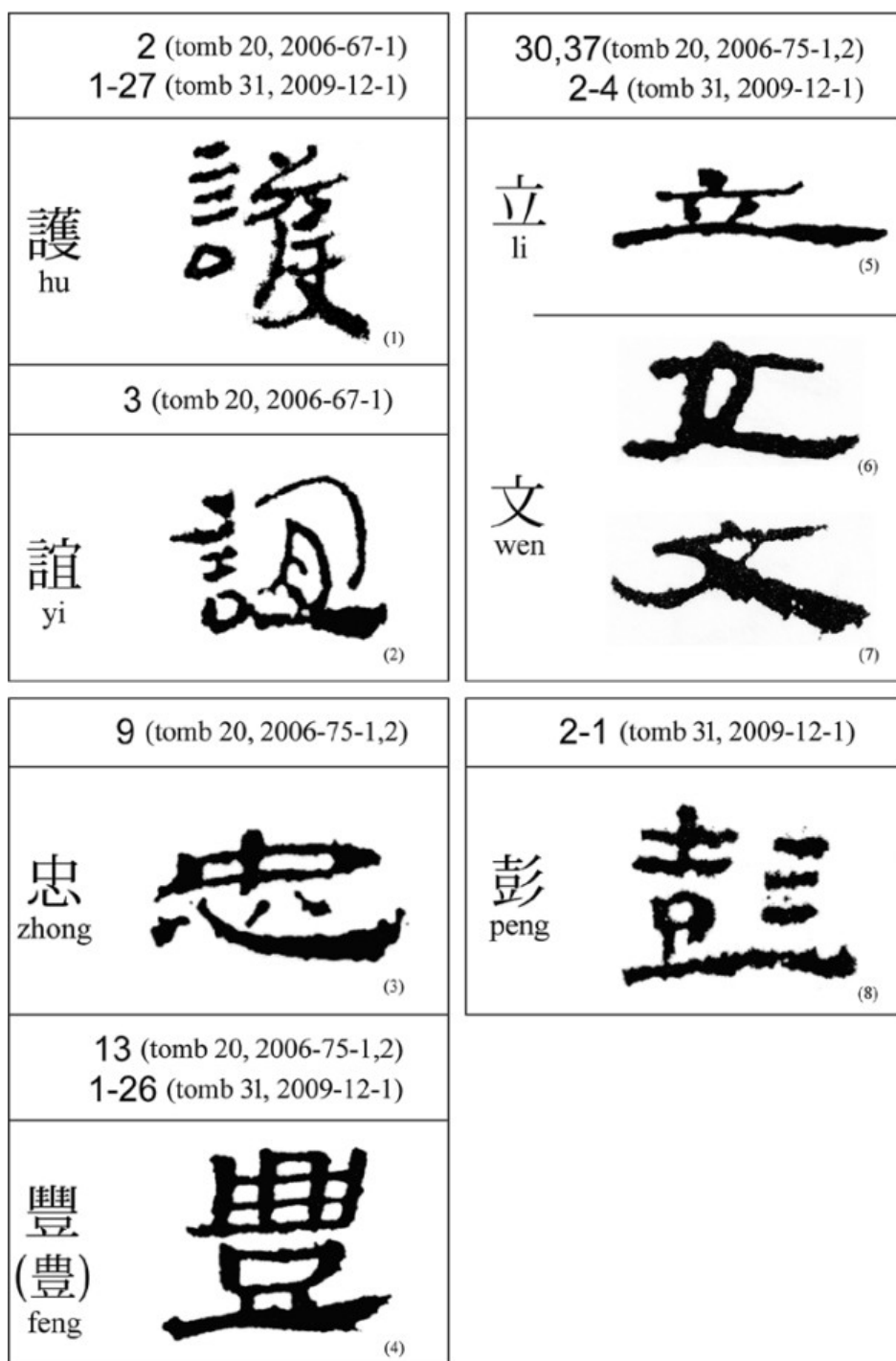
Utensils for emperor	Information about this product (features such as appearance, size, etc.)										Year	Workshop	craftsman	v.									
Noyon uul, tomb 20, 2006-76	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	十	六	籥	楛	元	延	四	年	考	工	二	通	繕
Noyon uul, tomb 31, 2009-12-1	乘	輿	掾	涓	畫	木	黃	耳	一	升	六	籥	楛	元	延	四	年	考	工	二	相	造	

craftsman	Lower-1 涓/fo	Lower-2 佐/Zuo	Lower-3 齋/SeFu	Lower-4 令史/LingShi	Lower-5 掾/Juan	v.	Upper-1 右丞/YouCheng	Upper-2 令/Ling	v.																
涓	工	憲	守	佐	臣	立	齋	夫	臣	勳	掾	臣	立	主	右	丞	臣	光	令	臣	譚	省			
涓	工	豐	護	臣	隆	守	[佐]	[臣]	[齋]	[夫]	[臣]	[勳]	令	史	臣	[彭]	掾	臣	立	主	右	丞	臣	光	[令]

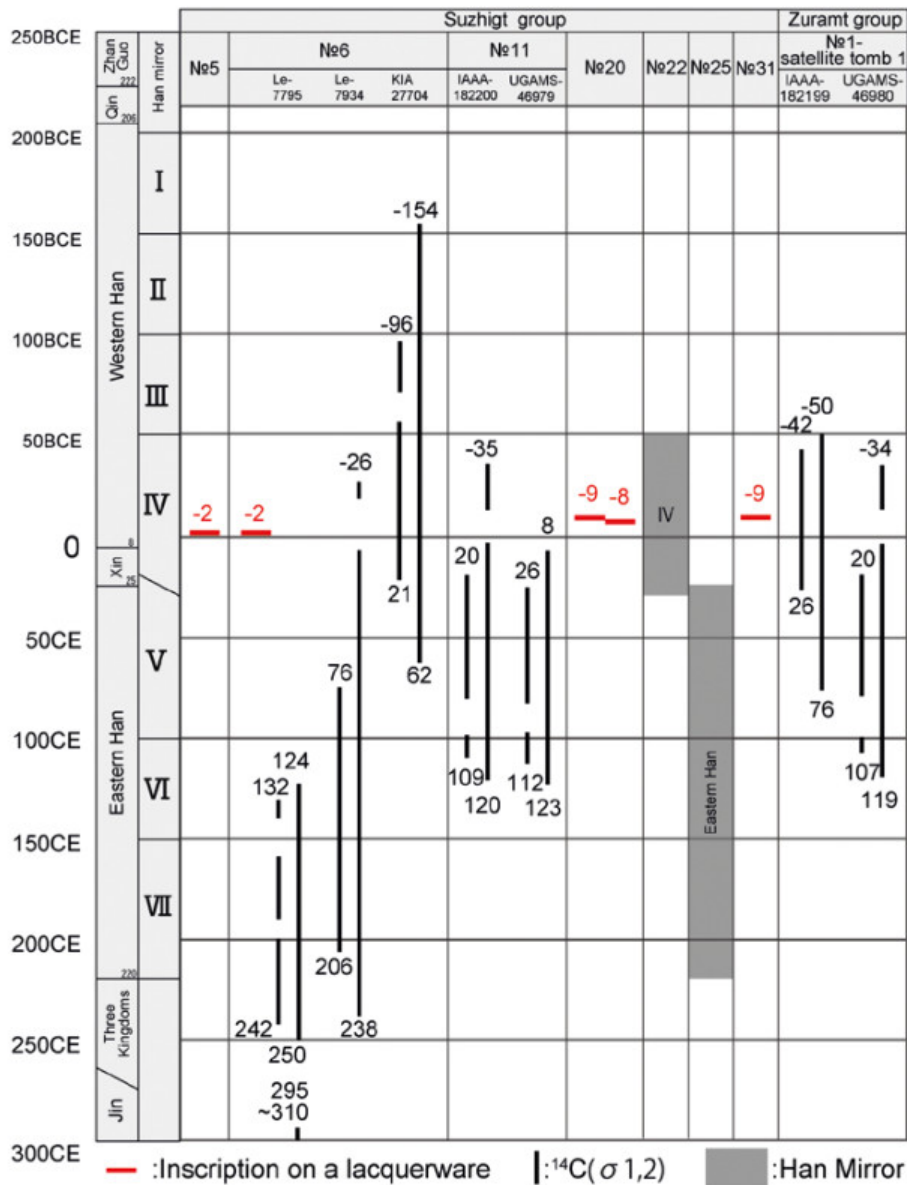
Fig. 6. Result of the identification of all Chinese characters from the inscriptions: 1 – Noyon Uul, tomb 20, No. 2006-67-1; 2 – Noyon Uul, tomb 20, No. 2006-75-1,2 (cup No. 2); 3 – Noyon Uul, tomb 20, No. 2006-76 (cup No. 1); 4 – Noyon Uul, tomb 31, No. 2009-12-1; comparative table 1 – inspectors were 忠 zhong and 豐 feng (8 BC); comparative table 2 – inspectors were 光 guang and 譚 tan (9 BC)
Рис. 6. Результат идентификации всех китайских иероглифов надписей: 1 – Ноин-Ула, м. 20, № 2006-67-1; 2 – Ноин-Ула, м. 20, № 2006-75-1,2 (чашечка № 2); 3 – Ноин-Ула, м. 20, № 2006-76 (чашечка № 1); 4 – Ноин-Ула, м. 31, № 2009-12-1 (чашечка № 2); сравнительная таблица 1 – чиновник – 忠 zhong и 豐 feng (8 г. до н. э.); сравнительная таблица 2 – чиновник – 光 guang и 譚 tan (9 г. до н. э.)

Fig. 7. Example of the six characters from the different inscriptions: 1 — character 2 (tomb 20, No. 2006-67-1) and characters 1-27 (tomb 31, No. 2009-12-1) (after Juyan Han jian. P. 304, slip No. 16.2); 2 — character 3 (tomb 20, No. 2006-67-1) (after *Ibid.* P. 238, slip No. 142.35); 3 — character 9 (tomb 20, No. 2006-75-1,2) (after *Ibid.* P. 365, slip No. 73.29); 4 — character 13 (tomb 20, No. 2006-75-1,2) and characters 1-26 (tomb 31, No. 2009-12-1) (after *Ibid.* P. 72, slip No. 505.5); 5-7 — characters 30, 37 (tomb 20, No. 2006-75-1,2) and characters 2-4 (tomb 31, No. 2009-12-1) (5 — after *Ibid.* P. 72, slip No. 505.4); 6 — after Wuwei han jian. Yanli 53; 7 — after Juyan Han jian. P. 590, slip No. 58.17; 8 — characters 2-1 (tomb 31, No. 2009-12-1) (after *Ibid.* P. 293, slip No. 210.3)

Рис. 7. Образец шести иероглифов разных надписей: 1 — иероглиф 2 (м. 20, № 2006-67-1) и иероглифы 1-27 (м. 31, № 2009-12-1) (по: Juyan Han jian. P. 304, slip № 16.2); 2 — иероглиф 3 (м. 20, № 2006-67-1) (по: Там же. P. 238, slip № 142.35); 3 — иероглиф 9 (м. 20, № 2006-75-1,2) (по: Там же. P. 365, slip № 73.29); 4 — иероглиф 13 (м. 20, № 2006-75-1,2) и иероглифы 1-26 (м. 31, № 2009-12-1) (по: Там же. P. 72, slip № 505.5); 5-7 — иероглифы 30, 37 (м. 20, № 2006-75-1,2) и иероглифы 2-4 (м. 31, № 2009-12-1) (5 — по: Там же. P. 72, slip № 505.4); 6 — по: Wuwei han jian. Yanli 53; 7 — по: Juyan Han jian. P. 590, slip № 58.17; 8 — иероглифы 2-1 (м. 31, № 2009-12-1) (по: Там же. P. 293, slip № 210.3)

Table 1. Table of dating of toms, Nouon Uul according to ¹⁴C, Han mirrors and inscriptions on lacquered ear-cup

Таблица 1. Таблица датировок погребений, Ноин-Ула по ¹⁴C, ханьским зеркалам и надписям на лакированных чашечках

譚 *Tan* (character 2-12), and the provisional assistant clerk was 立 *Li* (character 1-33). And this comparison of the two inscriptions also tells us that the reconstruction of lacquer fragments is wrong. Now, this reconstructed cup has a vast space after the character 1-40, but this arrangement is wrong because character 2-1 must be the next character after 1-40.

IV. Conclusion. The inscription on the lacquerware is important as one of the key objects needed for dating. Needless to say, the date in an inscription is the year in which the object was manufactured, and there is a gap between this year and the year of the burial. However, it is possible to use this date paradoxically, that is, the master of the tomb had not been buried until the respective date. Now, radio-

carbon dating is widely used in excavation research. But it is important to compare both dates, which are indicated by radiocarbon dating or Chinese goods. Sometimes, Chinese goods can be of help in narrowing the probable range of radiocarbon dating (*Otani*, 2022).

In the case of the Noyon Uul, it is possible to conclude the dating evidence (as shown in **table 1**). The eight barrows at Suzhigt am group have dating evidence⁸, and they are

⁸ Barrow 24 has undergone a radiocarbon measurement with the use of charcoal (Le-8191). However, the date is out of the Xiongnu period. Therefore, I did not include the calibrated year in **table 1** (1σ: 250–295 AD (28,9 %), 310–375 AD (39,4 %); 2σ: 240–406 AD (95,4 %)).

dated after the second half of the 1st century BC. According to S. S. Miniaev, the entire material and cultural complex of the Xiongnu sites in Mongolia and Transbaikalia were built no earlier than the 1st century BC (*Miniaev, Elikhina*, 2009. P. 28), and this his view is still correct today. On the other hand, it is generally assumed that the Xiongnu period extended from the end of the 3rd century BC to the 1st century AD, depending on the Chinese historical records. This gap is the next problem to be solved.

Gansu sheng..., 1972 — Gansu sheng bowuguan. Wuwei Mojuzi san zuo han mu fajue jianbao [甘肅省博物館. 武威磨咀子三座漢墓發掘簡報]. Gansu Provincial Museum. Preliminary excavation report for three Han tombs at Mozuzi in Wuwei (Gansu) // *Wenwu*. 1972. No. 12. P. 9–23, 79–80 (in Chinese).

Juyan Han jian — Juyan Han jian. Tu ban zhi bu [居延漢簡版之部]. Documents of the Han dynasty on wooden slips from Edsin Gol (in Chinese).

Miniaev, Elikhina, 2009 — *Miniaev S. S., Elikhina Yu. I.* On the chronology of the Noyon uul barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 21–35.

Otani, 2019 — *Otani I.* A reconsideration of a Chinese inscription carved on lacquerware unearthed from barrow No. 7 of the Tsaram Xiongnu cemetery (Buryatia, Russia): new reflections on the organization of the central workshops of the Han // *Asian Archaeology*. 2019. Vol. 3, No. 1–2. P. 59–70.

Otani, 2022 — *Otani I.* Chinese artifacts as a time scale: In the case of Xiongnu // *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. 2022. No. 2. P. 37–50.

Polos'mak et al., 2011 — *Polos'mak N. V., Bogdanov E. S., Chistiakova A. N., Kundo L. P.* Lacquer ear-cups from burial mound 20 in Noyon Uul // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 327–332.

Wuwei han jian — Wuwei han jian. Yili, yanli [武威漢簡. 儀禮, 燕禮]. Wooden slips at Wuwei. The book of etiquette and ceremonial (in Chinese).

Yeruul-Erdene, Otani, 2015 — *Yeruul-Erdene Ch., Otani I.* The Chinese inscription on the lacquerware unearthed from Tomb 20, Gol Mod I Site, Mongolia // *The Silk Road*. 2015. Vol. 13. P. 104–108.

Полосьмак, Богданов, 2015 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: Инфолио, 2015. 136 с.

Чистякова, 2009 — *Чистякова А. Н.* Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // *АЭАЕ*. 2009. № 3 (39). С. 59–68.

Чистякова, 2011 — *Чистякова А. Н.* Анализ лаковых чашек эпохи Западная Хань по иероглифическим надписям (Ноин-Ула, Монголия) // *АЭАЕ*. 2011. № 4 (48). С. 83–89.

Эрдэнэ-Очир нар, 2021 — *Эрдэнэ-Очир Н., Цэвээндорж Д., Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Ноён уулын дурсгалын археологийн шинэ судалгаа (Монгол-Оросын хамтарсан “Ноён уулын булшны археологийн судалгаа” төслийн 2006–2015 оны малтлага судалгааны ажлын үр дүн). Улаанбаатар: Соёмбо, 2021. 348 тал.

Еще раз о китайских надписях, вырезанных на четырех лаковых чашечках из Ноин-Улы (Монголия)

Икуэ Отани⁹

Аннотация. В могилах № 20 и 31 Ноин-Улы обнаружены четыре лаковые чашечки. Все они, как предполагается, были изготовлены в центральных мастерских (мастерская Као Гун: чаша № 2006-76, 2009-12-1 и 2006-75-1,2; мастерская с неустановленным названием: № 2006-67-1). Повторное исследование надписей на этих чашечках, принятое автором, показало, что чашечка № 2006-75-1,2 была изготовлена под контролем тех же должностных лиц, что и чашечка из ханьской гробницы в Моцзюйцзы. Ее производство датируется 8 г. до н. э. Две другие чашечки обозначены как произведенные в 9 г. до н. э. Отталкиваясь от этих датировок, можно заключить, что погребения № 20 и 31 были сооружены после 8 и 9 г. до н. э. соответственно.

Ключевые слова: Ноин-Ула, лаковые чашечки, китайская надпись, датировка

⁹ Икуэ Отани — Киотский университет, Институт гуманитарных исследований; Йошида Хонмачи, Сакио-ку, Киото, 606-8501, Япония; e-mail: iotani@zinbun.kyoto-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-3738-0989.

Технология изготовления трехлопастных наконечников стрел¹

Р. В. Давыдов², О. А. Митько³, И. С. Половников⁴

Аннотация. В работе представлены результаты анализа техники формообразования трехлопастных наконечников стрел с территории Минусинской котловины. В качестве метода исследования выбрано изучение внутренней макроструктуры на поверхности физического сечения предметов. Всего изучено пять наконечников из случайных находок, отнесенных по типологическим признакам к первой и второй половине I тыс. н. э. Установлено, что для изготовления наконечников применялась техника кузнечнойковки из цельной заготовки. Сварочные швы не обнаружены.

Ключевые слова: Минусинская котловина, тюркское время, наконечники стрел, технология, макроструктура

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.139-142>

Одним из косвенных свидетельств эффективности военного дела хунну является широкое распространение по территории степной и лесостепной части Евразии железных черешковых трехлопастных наконечников стрел, появившихся вместе с луком, усиленным длинными роговыми накладками. Несмотря на появление луков других типов, практика применения трехлопастных наконечников сохранилась вплоть до развитого Средневековья. С историко-технологической точки зрения их появление генетически может быть связано с бронзовыми трехлопастными наконечниками (иногда используют термин трехперые). Однако типологическое разнообразие (размеры и специфическая форма, геометрия бойка и лопастей с декоративными прорезями) (*Ведерников и др.*, 1995. С. 64) предполагает возможность появления не связанной с предшествующим временем самостоятельной линии развития на основе применения железа.

Априори принято считать, что морфологические изменения дистанционного оружия были направлены на поиск более совершенной аэродинамики и баллистики в конечной точке. Однако изготовление кузнечным способом любых изделий сложных форм всегда приводит к увеличению технологической цепочки и повышению трудозатрат на единицу продукции.

Подсчет данных, приведенных в публикациях и хранящихся в музейных коллекциях, позволил проанализировать 654 экз. трехлопастных наконечников стрел трех типов: ярусных, шестиугольных и пятиугольных. На наш взгляд, данная выборка достаточно репрезентативна, чтобы прийти к выводу: в южносибирском и забайкальском регионах изготовление трудоемких и высокотехнологичных стрел не привело к нарушению баланса между качеством продукции и необходимостью ее массового производства. Данное наблюдение позволяет актуализировать проблему реконструкции технологии изготовления трехлопастных наконечников.

На основе изучения внутренней макроструктуры нами был проведен анализ формообразования железных трехлопастных наконечников стрел. В качестве рабочих были рассмотрены две гипотезы: применение кузнечной сварки (одной из лопастей к двум другим, согнутым под углом 120°) и возможностьковки из цельной заготовки.

Исследование внутренней структуры металлического изделия обычно осуществляется при помощи рентгенограммы (рентгенодефектоскопия) или визуального и микроскопического наблюдения за шлифами

¹ Исследование проведено в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Давыдов Р. В. — Новосибирский государственный университет; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: puer-viro@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6580-2811.

³ Митько О. А. — Новосибирский государственный университет; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

⁴ Половников И. С. — Новосибирский государственный университет; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

и сечениями предмета (Буравлев и др., 2018. С. 36). Наблюдения за шлифами и сечениями могут включать металлографическое исследование с полировкой и химическим травлением шлифа, что позволяет изучить микроструктуру образца и определить тип материала и характер термической обработки (Колчин, 1953). Полноценный анализ макроструктуры (швов, каверн и т. д.) требует подготовки отшлифованного разреза.

Рентгенограмма не всегда показывает достоверные результаты. Поскольку сварные швы могут располагаться в месте стыка лопасти и черешка и будут фиксироваться на снимке не четко. Потому нами для исследования был выбран метод формирования разрезов с их последующими визуальным и микроскопическим осмотрами. Ввиду деструктивности метода, использование которого приводит к повреждению артефакта, объектами макроструктурного исследования стали пять трехлопастных наконечников стрел из комплекса случайных находок, обнаруженных в разных местах Среднего Енисея (рис. 1, А). Их культурно-хронологическая атрибуция проведена на основе типологии Ю. С. Худякова, разработанной для наконечников стрел Южной Сибири и Центральной Азии (Худяков, 1986). Три из них (экз. 1, 3, 5) относятся к таштыкскому времени (I–V вв. н. э.). При этом два (экз. 1 и 5) — ярусной формы (тип 3), один (экз. 3) — удлинненно-ромбический (тип 2) (Там же. С. 96). Два наконечника (экз. 2, 4) датируются тюркским временем и, судя по сохранности, относятся к культуре енисейских кыргызов (VI–XII вв. н. э.). Один — удлинненно-шестиугольный (тип 5). Второй (экз. 4) относится к типу 4 — удлинненно-пятиугольные (Там же. С. 145).

Для макроскопического обследования внутренней структуры наконечники были распилены при помощи портативного роторного инструмента PROXXON IBS с использованием отрезного диска толщиной 0,5 мм. На каждом наконечнике сделано два или три сечения, в зависимости от размеров бойка. Затем полученные сечения профилей подверглись полировке на полировочном станке PRECI (скорость вращения 300 об/мин, зернистость круга P1200). Химическое травление не производилось, поскольку определение типа стали не являлось задачей исследования.

Сечения исследовались с использованием цифрового микроскопа МИКРОМЕД 5.0 (увеличение 10х–300х) и металлографического микроскопа Altami Raztek MRX9 (увеличение до 2000х). Внимание обращалось на поиск аномалий внутренней структуры, в первую очередь — сварных швов.

Экз. 1 — выполнены три сечения (рис. 1, Б, 1): а — перед острием, б — в середине переднего яруса, в — в месте завершения заднего яруса. Во всех сечениях в центральной части выявлена широкая трещина, которая вызвана давлением на одно из перьев в процессе археологизации. Сварочные швы не обнаружены.

Экз. 2 — выполнены два сечения (рис. 1, Б, 2): а — в начале острия, б — в широкой части. В профилях перьев выявлены продольные микротрещины, из-за старения материала после археологизации, и каверны, вызванные проникающей коррозией. Сварочные швы не обнаружены.

Экз. 3 — выполнены три сечения а–в (рис. 1, Б, 3). Все три — по переднему ярусу. В профилях перьев выявлены продольные и поперечные микротрещины из-за старения материала, каверны, появившиеся в результате коррозии. Сварочные швы не обнаружены.

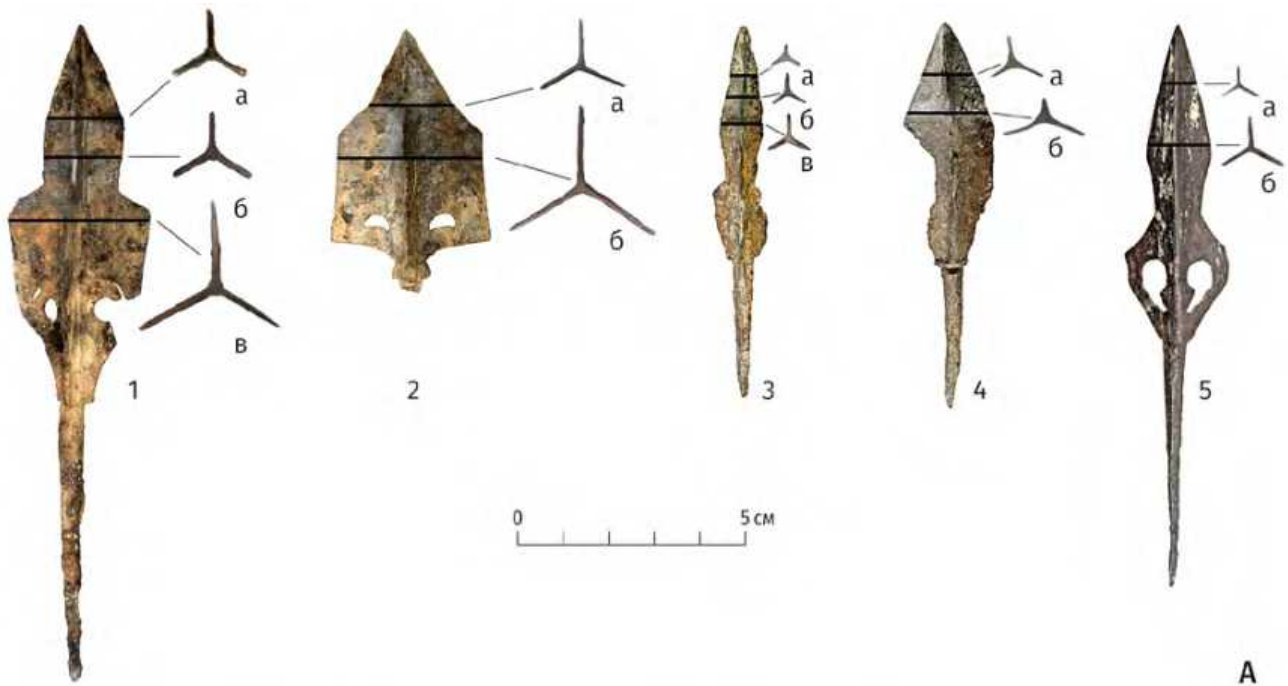
Экз. 4 — выполнены два сечения а и б (рис. 1, Б, 3). Оба — по острию. В сечении а в центральной части выявлена тонкая трещина, которая была вызвана давлением на одно из перьев в процессе археологизации. В профилях перьев выявлены продольные микротрещины из-за старения материала, каверны от коррозии. Сварочные швы не обнаружены.

Экз. 5 — выполнены два сечения а и б (рис. 1, Б, 4). Оба — по переднему ярусу, на лезвии. В сечении а на одном из перьев выявлена широкая диагональная трещина. В профилях перьев фиксируются каверны и микротрещины. Сварочные швы не обнаружены.

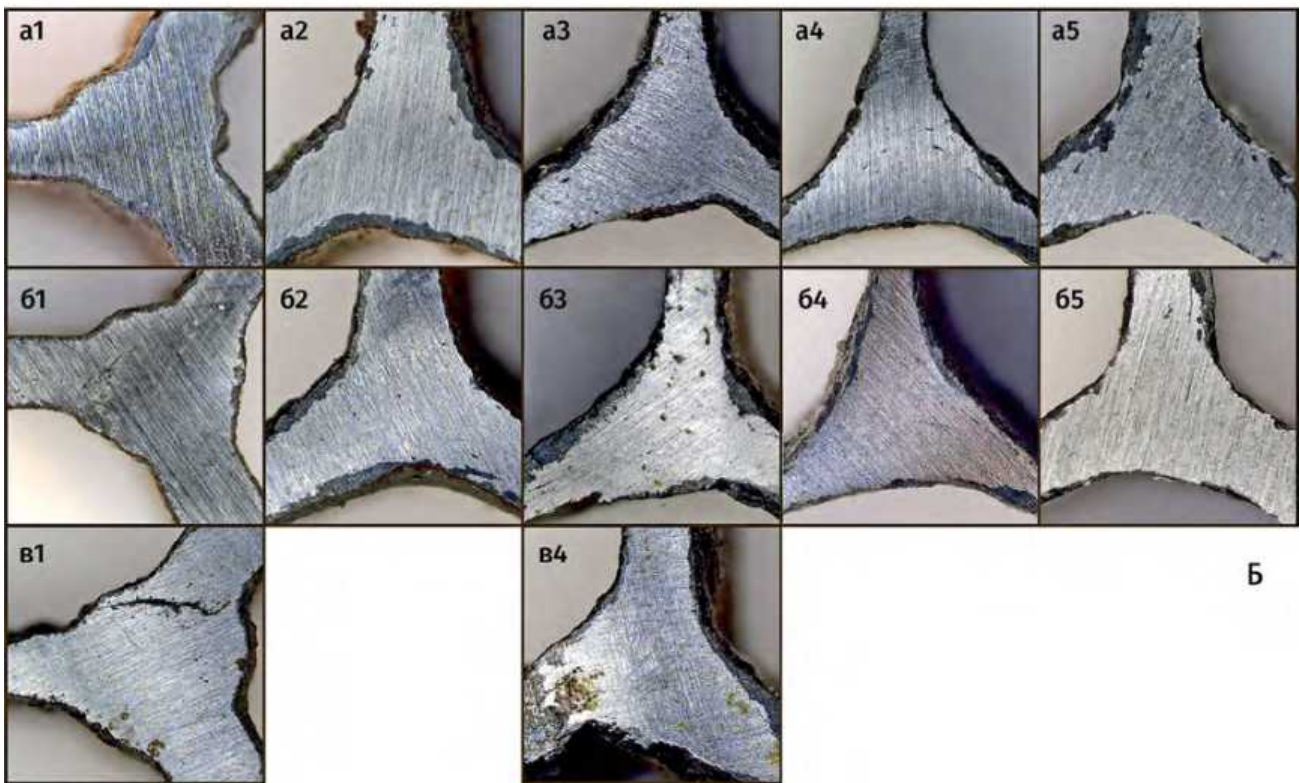
Таким образом, на 12 сечениях профилей пяти трехлопастных наконечников стрел не выявлено следов сварных швов, которые могли бы указывать на сборку бойка из двух и более частей. Обнаружены лишь трещины и каверны, возникшие из-за износа материала и коррозионных процессов после археологизации предметов. Подобные результаты позволяют предположить, что все рассматриваемые наконечники изготавливались методом кузнечнойковки из цельной заготовки.

На основе морфологического анализа формы бойков Ю. С. Худяков отмечал, что железные трехлопастные наконечники стрел у хунну возникли как копия бронзовых трехлопастных наконечников. В качестве техники их изготовления он предположил кузнечнуюковку. Данная новая техника привела к укрупнению наконечников и унификации способа насада (черешок) (Худяков, 1986. С. 38–39).

Металлографический анализ семи средневековых трехлопастных наконечников с территории Горного Алтая был проведен Н. М. Зиняковым. Исследователь на основе изучения материала лопастей заключил, что

А

Б

Рис. 1. Трехлопастные наконечники стрел и их сечения: А — общий вид наконечников и места сечений (1, 3, 5 — таштыкская культура; 2, 4 — тюркская эпоха); Б — сечения (увеличение 30х)

Fig. 1. Three-bladed arrowheads and their cross-sections: А — general view of arrowheads and cross-sections (1, 3, 5 — Tashtyk culture; 2, 4 — Turkic era); Б — sections (30x magnification)

предметы изготовлялись из стали с различным содержанием углерода. Им также выдвинуто предположение об изготовлении бойков из цельного куска металла ковкой с использованием штампов и обжимок (Зиняков, 1988. С. 84–85). Полученные в результате данной работы результаты подтверждают сделанное Н. М. Зиняковым предположение. Следует добавить, что согласно данным металлографического анализа, технология кузнечной сварки в течение первой половины — середины I тыс. н. э. встречается лишь в единичных случаях (Хоанг, 1974).

Вывод об использовании кузнечнойковки из цельной заготовки как основной формообразующей техники позволяет поставить вопрос о трудозатратности изготовления трехлопастных наконечников и использованием для их производства инструментари.

Ведерников и др., 1995 — *Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И.* Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.

Буравлев и др., 2018 — *Буравлев И. Ю., Цыбульская О. Н., Юдаков А. А., Никитин Ю. Г., Чириков А. Ю., Гельман Е. И., Ярусова С. Б.* Консервация железных археологических предметов. М.: ИНФРА-М, 2018. 138 с.

Зиняков, 1988 — *Зиняков Н. М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 276 с.

Колчин, 1953 — *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 257 с.

Хоанг, 1974 — *Хоанг В. К.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. — XII в. н. э.) // СА. 1974. № 4. С. 110–125.

Худяков, 1986 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

The technology of three-blade arrowheads' making

Roman V. Davydov⁵, Oleg A. Mitko⁶, Ivan S. Polovnikov⁷

Annotation. *The paper presents the results of the analysis of the technique of shaping three-bladed arrowheads from the territory of the Minusinsk Basin. As a research method, the study of the internal macrostructure on the surface of the physical section of objects was chosen. In total, 5 arrowheads from random finds were studied, typologically attributed to the first and second half of the 1st millennium AD. It has been established that for the manufacture of tips, the technique of forging from a single piece was used. Welds were not found.*

Key words: *Southern Siberia, Xiongnu-Xianbei period, arrow heads, technology, macrostructure*

⁵ Roman V. Davydov — Novosibirsk State University; Pirogova St., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: puer-viro@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6580-2811.

⁶ Oleg A. Mitko — Novosibirsk State University; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

⁷ Ivan S. Polovnikov — Novosibirsk State University; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

Оценка функциональной эффективности трехлопастных наконечников стрел (по результатам экспериментов)¹

О. А. Митько², А. И. Поселянин³, Р. В. Давыдов⁴, И. С. Половников⁵, А. Л. Петренко⁶

Аннотация. В 2018 г. сотрудниками ЛГИ НГУ была проведена серия экспериментов по оценке функциональности трехлопастных наконечников по таким показателям, как дальность и баллистика в конечной точке. Стрельба осуществлялась из моделей луков, имевших силу натяжения 27 кг и 25 кг. При стрельбе на дальность у стрел с трехлопастными, трехгранным-трехлопастным и плоскими наконечниками зафиксированы близкие показатели. В эксперименте по баллистике в конечной точке стрельбы проводились по части туши свиньи, которая в ходе испытаний последовательно перекрывалась защитой из войлока, панцирных пластин и кольчугой. Во всех сериях экспериментов высокую эффективность продемонстрировали трехлопастные ярусные наконечники.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Средневековье, трехлопастные наконечники стрел, лук, эксперимент, эффективность

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.143-146>

Изучение древнего и средневекового вооружения с применением методов физического моделирования является одним из быстро развивающихся направлений исторических знаний, позволяющим дать объективную оценку эффективности оружия. В 2018 г. авторами статьи была проведена серия пробных экспериментов для определения уровня функциональности трехлопастных наконечников по таким показателям, как дальность и баллистика в конечной точке.

Выбор в качестве предмета исследования именно трехлопастных наконечников связан с их особым значением в эволюции ручного стрелкового оружия Евразии. Трехлопастные наконечники отличаются необычайно широким ареалом территориального распространения, массовым производством, не входящим в противоречие с технологически сложным кузнечным изготовлением и разнообразными семантическими вариациями, связанными с трактовкой разнофигурных отверстий на лопастях. Интерес к ним добавляет парадоксально продолжительный хронологический диапазон бытования.

Судя по публикациям археологических коллекций, интерес к наконечникам стрел сложных форм проявился во второй половине XIX в. (Ланкова, 2015. С. 447). К этому же времени относится и начало научного дискурса по вопросам их практического применения и оценке эффективности (Клеменц, 1886. С. 162). Позднее, уже в советское время, В. Г. Карцов, обсуждая гипотезы венгерского исследователя Й. Хампеля, писал, что в Европе при массовом распространении панцирей трехлопастные наконечники «оказались неудобными благодаря своей величине и ширине поражающей части, в Сибири же ничто не препятствовало их дальнейшему существованию» (Карцов, 1929. С. 48). В. П. Левашова, давая их описание, предположила, что отверстия на лопастях способствовали вращению стрелы и, поражая цель, лопасти

¹ Исследование проведено в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Митько О. А. — Новосибирский государственный университет; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

³ Поселянин А. И. — Хакасский государственный университет, пр. Ленина, 90, Абакан, 655017, Российская Федерация; e-mail: arograv@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9746-9291.

⁴ Давыдов Р. В. — Новосибирский государственный университет; e-mail: ruer-viro@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6580-2811.

⁵ Половников И. С. — Новосибирский государственный университет; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

⁶ Петренко А. Л. — АНО «Археологическое исследование Сибири», ул. Горького, 34, Красноярск, 660099, Российская Федерация; e-mail: alaket@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-3700-2792.

«разрывали тело во всех направлениях» (Левашова, 1939. С. 52). Ее гипотезу поддержал А. Ф. Медведев, отметивший, что трехлопастные наконечники стрел могли наносить «очень крупные рваные раны», и в войне того времени имели «значение современных разрывных пуль» (Медведев, 1966. С. 52).

Начиная с 60-х годов отмечается рост интереса сибирских археологов к вопросам распространения и типологического развития трехлопастных наконечников стрел с территории Саяно-Алтая, Забайкалья и Притомья. Была разработана методика изучения ярусных наконечников стрел (Николаев, 1989), выделены «хуннская» («центральноазиатская») и «южносибирская» линии формирования (Неверов, Мамадаков, 1991), проведен сравнительный анализ с изображением стрел на плакетках и наскальных гравировках (Панкова, 2015), рассмотрены наборы воинских кладов (Ширин, 2017). Большая аналитическая работа по составлению типологических схем наконечников стрел из археологических памятников разных этнических групп кочевников Южной Сибири и Центральной Азии была произведена Ю. С. Худяковым (Худяков, 1986). Помимо этого, совместно со специалистами в области динамики, он провел серию экспериментов по изучению общей баллистики наконечников и оценке их проникающих свойств. Было установлено, что экземпляры с многолопастным сечением пера обладают более совершенными аэродинамическими и баллистическими характеристиками, по сравнению с плоскими и бронебойными типами (Ведерников и др., 1995). Однако в последующем результаты этих экспериментов получили неоднозначную оценку (Коробейников, Митюков, 2007. С. 105–110; Денисов и др., 2009; 2018; Ганзий, 2015; Нифонтова и др., 2016).

Ряд теоретических и опытно-экспериментальных разработок по оценке эффективности луков и стрел с наконечниками из различных материалов были проведены зарубежными исследователями, использовавшими специализированное оборудование и привлекавшими специалистов в области баллистики, аэродинамики и математического моделирования.

Полевые эксперименты 2018 г. проводились сотрудниками ЛГИ НГУ на берегу р. Енисей летом в ясную солнечную погоду при температуре воздуха +28° С и скорости бокового ветра от 1–2 до 4–6 м/с. Описания экспериментов и полученные результаты вносились в протоколы. Контроль за их ходом осуществлялся оптико-визуальными методами, измерение дистанций производилось с помощью тахеометра.

В экспериментах были использованы изготовленные из натуральных материалов композитные модели луков:

«Турок» (натяжение 27 кг, вытяжка 71 см) и «Венгр» (натяжение 25 кг, вытяжка 71 см). Стрельбу выполняли два опытных стрелка, участники военно-исторических состязаний. Всего было задействовано 17 наконечников разного типа. Из них 13 трехлопастных: 7 экз. — ярусных (№ 4, 5, 6, 8, 14, 16, 17); 5 экз. — с пятиугольной формой пера (№ 1, 9, 10, 11, 13); 1 экз. — с шестиугольной формой пера (№ 2). Все экземпляры из собрания случайных находок с территории Минусинской котловины, со следами вторичного термического воздействия, сохранность хорошая; датируются III–VIII вв. н. э. Еще 4 наконечника IX–XIV вв. представлены полноразмерными копиями: 1 экз. — трехгранно-трехлопастной (№ 7); 3 экз. — плоские, асимметрично-ромбические с остроугольным, тупоугольным и полукруглым острием пера (№ 3, 12, 15). Перед началом экспериментов проводились фотофиксация (в трех плоскостях) и взвешивание наконечников стрел без древков и с тисовыми древками, оснащенными трехперыми стабилизаторами из гусиных перьев.

В ходе внешнебаллистического эксперимента на определение дистанции полета было проведено 90 выстрелов 15 стрелами (15 ст. × 3 выс. × 2 лука). При стрельбе из лука модели «Турок» максимальные показатели стрел с наконечниками: трехлопастными — 178 м (№ 6, 16), трехгранно-трехлопастным — 169 м (№ 7) и плоскими — 180 м (№ 3). При стрельбе из лука модели «Венгр»: трехлопастными — 148 м (№ 6), трехгранно-трехлопастным — 144 м (№ 7) и плоскими — 146,8 м (№ 3). Можно отметить, что наконечники всех трех групп имеют близкие показатели. На наш взгляд, при практическом применении, каковой является навесная стрельба по площадям, разница в 2–10 м не имеет особого значения. Среди трехлопастных выделяются стрелы с ярусными наконечниками, имеющие лучшие аэродинамические качества по сравнению с наконечниками с пятиугольной и шестиугольной формой пера. Возможно, это связано с их небольшим весом — от 7 до 12 г, в то время как трехлопастные наконечники тюркского времени имеют вес около 40 г.

В эксперименте по баллистике в конечной точке (раневой) использовалась закрепленная на опоре мягкая мишень, которая в ходе испытаний последовательно перекрывалась защитой из войлока, кольчугой и панцирными пластинами. Из каждой модели луков («Турок» и «Венгр») было произведено четыре серии по 13 выстрелов стрелами с наконечниками разных типов. Мягкой мишенью послужила часть свиной туши (ококор с поясничным отделом) весом 20 кг, размером 44,5 × 36 см, толщиной 11 см). Стрельба производилась с расстояния 20 м, позволяющего поражать цель с достаточной точ-

ностью. Выбор расстояния обусловлен тем, что эффективность стрелы как поражающего элемента, в большей степени определяется не дальностью полета, а действием по цели (*Иноземцев, Коробейников, 2008*). Оценивались глубина проникновения и площадь поражения, анализировались особенности раневого канала и переломы костей, сопровождающиеся образованием мелких обломков и смещений. Также фиксировались повреждения наконечников стрел.

Наконечники всех типов пробивали мягкую мишень навывлет, максимальная глубина проникновения до 20 см. Проникновение стрел с трехлопастными наконечниками в ткани мягкой мишени привело к образованию колото-резаных ран за счет прокола кожного покрова острием и последующего разрезания кромками лопастей. Края ран ровные, «разрывов вращающейся стрелой» не отмечено, фиксируется лишь широкое расхождение краев. Диаметр раневого отверстия соответствует диаметру круга, в который вписываются три лопасти наконечника. Уменьшение проникающей способности связано с попаданием в костную ткань. При этом наконечники с широкими лопастями достаточно легко ломают кости ребер, а с узкими лопастями (ярусные) глубоко входят в кости, что делает их извлечение очень сложным. Стрельба по части туши животного с войлочной защитой (толщиной до 1 см) дала результат аналогичный при стрельбе по незащищенной цели. Однако отмечена высокая степень загрязнения раневого канала инородными частицами, что неизбежно повлекло бы гнойное воспаление тканей даже при неглубоком проникновении наконечника. Плоские, асимметрично-ромбические с остроугольным, тупоугольным и полукруглым острием пера войлочную защиту не пробивали.

Стрельба по части туши животного с железной кольчужной защитой упрощенного варианта показала, что наибольшая эффективность у трехгранно-трехлопастного наконечника, поразившего мишень на большую глубину. Ярусные наконечники, попадая между колец, «раздвигали» их, что, с точки зрения раневой баллистики, также можно оценить как результативное оружие против защищенного кольчужой воина. Что касается трехлопастных наконечников с пятиугольной и шестиугольной формой пера, то они, рассекая кольчугу, углублялись в мягкую защиту лишь на 2–3 см.

Стрельба по части туши животного с защитой из копии железного пластинчатого панциря в виде войлока и фрагмента показала, что ни один из использованных типов наконечников стрел, включая трехлопастные, не привел к существенным повреждениям металлической поверхности.

Ведерников и др., 1995 — Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.

Ганзий, 2015 — Ганзий Ю. В. Математические модели для исторической реконструкции аэробаллистических параметров средневековых поражающих элементов // Новый университет: «Технические науки». 2015. № 1–2 (35–36). С. 48–63.

Денисов и др., 2009 — Денисов С. А., Коробейников А. В., Митюков Н. В. Баллистические эксперименты с репликой лука народа ханты // Вестник ТГУ. (Сер. История). 2009. № 1 (5). С. 36–42.

Денисов и др., 2018 — Денисов А. В., Анисин А. В., Логаткин С. М., Демченко К. Н., Озерцовский Л. Б. Экспериментальное моделирование в современной раневой баллистике // Вестник Российской военно-медицинской академии: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова. 2018. № 2. С. 144–149.

Иноземцев, Коробейников, 2008 — Иноземцев А. Ю., Коробейников А. В. «Перечень увечий и травм» в деятельности историка вооружений // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2008. № 4. С. 93–106.

Карцов, 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск: Краснояр. гостипо-лит., 1929. 67 с.

Клеменц, 1886 — Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Издание Ин. Кузнецова, 1886. 185 с.

Коробейников, Митюков, 2007 — Коробейников А. В., Митюков Н. В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ Камский институт технологий, 2007. 140 с.

Левашова, 1939 — Левашова В. П. Из далёкого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое государственное издательство, 1939. С. 67.

Медведев, 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 128 с.

Неверов, Мамадаков, 1991 — Неверов С. В., Мамадаков К. Т. Проблемы хронологии и типологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 121–135.

Николаев, 1989 — Николаев Н. Н. К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 89–91.

Нифонтова и др., 2016 — Нифонтова Л. С., Чавриков И. Е., Кальницкий П. В. Методы аэродинамического эксперимента // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). Ч. 3. С. 153–156.

Панкова, 2015 — Панкова С. В. Ярусные наконечники стрел в таштыкских гравировках // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура. ЗВОРАО. Новая серия. Т. III (XXVIII). СПб: «Контраст», 2015. (Тр. ИИМК РАН; Т. XLV). С. 439–455.

Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Шурин, 2017 — Шурин Ю. В. Комплексность Елыкаевской коллекции // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 133–152.

Assessment of the functional efficiency of three-blade arrowheads (according to the results of experiments)

Oleg A. Mitko⁷, Alexander I. Poselyanin⁸, Roman V. Davydov⁹, Ivan S. Polovnikov¹⁰, Andrey L. Petrenko¹¹

Annotation. *In 2018, a series of experiments was carried out by the staff of the laboratory of Novosibirsk University to evaluate the functionality of three-bladed tips in terms of such indicators as range and ballistics at the end point. Shooting was carried out on their models of bows, which had a pull force of 27 kg and 25 kg. When shooting at a distance, arrows with three-bladed, trihedral-three-bladed and flat arrowheads had close indicators. In the experiment on ballistics at the end point, firing was carried out on a part of the carcass of a pig, which, during the tests, was successively blocked by protection from felt, armor plates and chain mail. In all series of experiments, three-blade tiered tips demonstrated high efficiency.*

Key words: *Southern Siberia, Xiongnu-Xianbei period, arrow heads, technology, macrostructure*

⁷ Oleg A. Mitko — Novosibirsk State University; 1 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

⁸ Alexander I. Poselyanin — Khakass State University; 90 Lenin Ave., Russian Federation; e-mail: apograv@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9746-9291.

⁹ Roman V. Davydov — Novosibirsk State University; e-mail: puer-viro@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6580-2811.

¹⁰ Ivan S. Polovnikov — Novosibirsk State University; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

¹¹ Andrey L. Petrenko — ANO Archaeological research of Siberia; 34 Gorky St., Krasnoyarsk, 660099, Russian Federation; e-mail: alaket@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-3700-2792.

«Поют» ли «поющие стрелы»?¹

О. А. Митько², И. С. Половников³

Аннотация. В историческом источнике упоминается об использовании «свистящих стрел» с самого начала хуннского времени. В различных модификациях эти стрелы просуществовали вплоть до этнографического времени и имели самый различный контекст использования. При этом их основная функция — издавать свистящий звук, оставалась неизменной. Эксперименты по стрельбе из лука со стрелами, имеющими различные варианты моделей свистунок, показали, что появление звукового эффекта основано на тех же принципах аэрофизики, что и у других сигнально-музыкальных устройств. В зависимости от расположения и формы отверстий издаваемый ими звук имеет различную громкость и тональность.

Ключевые слова: Южная Сибирь, хунны, монголы, свистящие стрелы, эксперимент, звуковой эффект

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.147-151>

Практически никто из исследователей, изучавших историю хунну, не обошел вниманием события, произошедшие в 209 г. до н. э. к северу от Великой Китайской стены. Будущий основатель империи Модэ (Маодунь) «сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конной стрельбе из лука». В комментарии к этому сюжету отмечено, что «свистункой называется стрела, на полете производящая свист» (Бичурин, 1950. С. 46–47). Упоминание об изменении в конструкции стрелы вряд ли попало бы в исторические анналы, если бы результатом «упражнений» подданных Модэ не стала смерть его отца, шаньюя Тоуманя.

По мнению сибирских оружейников, свистящие стрелы могут считаться изобретением хуннских мастеров-оружейников (Никоноров, Худяков, 2004. С. 45, 55). Однако стоит отметить, что самое раннее свидетельство их появления обнаружено в Туве в саглыном кургане середины IV в. до н. э. (Семенов, 2019. С. 175). Самые позд-

ние археологические находки относятся к XVIII–XIX вв. (Харинский, 2003. С. 119–120, рис. 3, 1, 2, 4), а в «живой» культуре XX в. они использовались в традиционных спортивных состязаниях (Требуховский, 1927. Рис. 4). Также любопытны упоминания о рыбной ловле при помощи свистящих стрел (Идес, Бранд, 1967. С. 154–155).

Название «свистунка» во многих языках относится к числу объясняющих понятий. В современной археологической литературе оно стало научным термином, которым принято обозначать изделие овально-удлиненной по линии насада формы, со сквозным проемом для древка стрелы и полостью внутри, имеющее не более трех округлых, овальных или прямоугольных отверстий на сферическо-выпуклой стороне (Худяков, 1980. С. 110–111). Форма отверстий служит хронологическим индикатором. Костяные свистунки также служили «муфтами, предотвращающими раскалывание древка стрелы, в которое забивался железный черешок наконечника» (Никоноров, Худяков, 2004. С. 55).

Это же название закрепилось и за стрелами «с железными или бронзовыми наконечниками, на древки которых надевались полые костяные шарики с тремя отверстиями» (Там же. С. 55). В маньчжурской хронике «стрела с костяным острием» названа «свистуном» (Маньчжурские хроники, 2013. С. 25–26). Венгерская исследовательница К. Кёхальми сопоставила названия на китайском, монгольском и тибетском языках и определила, что в средневековье существовало три разновидности свистящих стрел (Köhalmi, 1953).

¹ Исследование проведено в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Митько О. А. — Новосибирский государственный университет; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

³ Половников И. С. — Новосибирский государственный университет; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

Возможно, исходной формой для «свистящих стрел» послужили роговые втульчатые наконечники со втулкой-свистункой и вытянутым трехгранным или четырехгранным пером. Их находки на территории Горного Алтая датируются концом I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. (Тетерин, 2004. Рис. 7, 7, 8; Серегин и др., 2020. С. 91, рис. 2, 6–13). Роговые «луки со свистящими стрелами» были у тюрков тугю (Бичурин, 1950. С. 229). В Южной Сибири свистунки на трехлопастных железных наконечниках чаще всего встречаются в древнетюркских погребениях. Их изображения также можно обнаружить на граффити со сценами охоты (Евтюхова, 1947. С. 162; Кубарев, 2014. С. 200, рис. 2). В захоронениях монгольского времени свистунки фиксируются преимущественно на стрелах с плоскими наконечниками. Считается, что в Восточную Европу они могли попасть вместе с монголами (Поветкин, 1997).

В научной литературе в качестве материала постоянно упоминается кость, хотя практически все свистунки делали из рога парнокопытных диких животных. Возможно, использовалось дерево. Также известно несколько железных наконечников, откованных вместе со свистунками (Скобелев, 2015. Рис. 1, 2). Изготовление свистунок из рога основано на архаических технических приемах выделки внешней поверхности и внутренней полости (Бородовский, 1997. Табл. 47, 6–14). К числу нетипичных можно отнести изделия с «нестандартным» способом крепления и вертикально расположенными овальными отверстиями. Что касается «свистунок без отверстий», то их относят к охотничьему снаряжению (томары на пушных зверей и стрельбы по мишеням) и к муфтам для крепления наконечников в древках (Овчинникова, 2003. Рис. 1, 8, 9; 2, 5–7).

Первоначально источником звука считались фигурные отверстия в лопастях наконечников стрел, которые при полете могли издавать свист, вызывающий «смятение и страх» (Анучин, 1887. С. 381). В начале прошлого века Н. И. Веселовский пришел к выводу, что для свиста применялись «костяные шарики с отверстиями» (Веселовский, 1909. С. 160). В последующем звуковой эффект стрел рассматривался с самых различных позиций (Плотников, 2001). Так В. Г. Карцов, отметив находки «свистулек», провел «опыты» для определения звука, образуемого прорезными отверстиями на лопастях. Он установил, что рассматривать их «как сделанные для свиста нельзя»; отверстия служили скорее украшениями, а не для закрепления горючего материала (Карцов, 1929. С. 48). Последнее утверждение спорно, поскольку из источников известно, что монгольские воины использовали свистящие стрелы не только для шумового

эффекта, но и для крепления пакли, чтобы поджечь строения (Немеров, 1987. С. 218–219). На японских островах при осаде крепостей свистунки применяли как запалы (хи-я) (Уэстбрук, Ратти, 2000. С. 266).

Практически все современные исследователи связывали свистунки с военным делом. Считается, что определяющую роль в достижении боевых успехов хуннов сыграли роговой лук и «бьющие точно в цель свистящие железные стрелы». В полете они вращались и издавали пронзительный воющий свист, который пугал лошадей вражеских воинов и угнетающе воздействовал на противника (Никоноров, Худяков, 2004. С. 55). Однако свистунками с округлыми отверстиями снабжались только трехлопастные с различной формой лопастей наконечники, которые, кстати, при полете не вращаются, а также плоские: на насаженных на них свистунках отверстия имеют прямоугольную форму. Ни одного археологически зафиксированного факта находки свистунок с броневойными наконечниками мы не знаем.

На наш взгляд, свистунки первоначально появились не в военной среде, а у горно-таежных охотников, от которых их переняли степняки. В танское время «наводящие ужас стрелы» со свистящими наконечниками изготавливали в городе у монгольской границы и посылали в столицу в качестве дани (Шефер, 1981. С. 347). Модифицированные китайцами стрелы кочевников попали на Японские острова. В письменных источниках сохранились не только названия, но и отмечено их звучание. Свистящие стрелы (хао-ши, миньти), снабженные перфорированными наконечниками в форме луковиц (кабура-я, хиники-я), «в полете, пропуская через себя воздух, издавали свистящий звук». Иногда на них могли надевать и стальные наконечники. Звук (хяго), издаваемый такими свистящими стрелами (хакиме, меитеки), был удивительно звонким и чистым благодаря чему они часто использовались в сигнальных целях (Уэстбрук, Ратти, 2000. С. 266). Сигнальные стрелы с наконечником в виде конусовидной призмы с несколькими отверстиями на конце известны в этнографических коллекциях казахов. Считается, что такие стрелы издавали громкий свистящий звук (Ахметжан, 2007. Рис. 66).

Завершая краткий обзор исторических сведений, отметим, что обилие различных мнений о функциональности стрел со свистунками свидетельствует об отсутствии прочной методологической основы, при определении их атрибуции и характеристики звучака. Это связано с тем, что выводы строятся не на основе анализа трудноуловимого звукового эффекта археологических артефактов, а на лапидарных сведениях письменных источников. В настоящее время основными

критериями для определения артефакта в качестве свистунок являются общие морфологические признаки, не связанные с их возможностью звукообразования.

Одним выходом в сложившейся ситуации являются экспериментальные исследования. Первые описания физического процесса возникновения акустического эффекта были представлены членами международного общества лучников (The Society of Archer-Antiquaries) еще в 70-х гг. прошлого века. Было отмечено, что стрельба аутентичными стрелами со свистунками сопровождалась звуком, близким к звуку флейты. Однако некоторые экземпляры «хранили молчание», «не сработали» и копии свистунок (McEwen, Elmy, 1970). В то же время опыты венгерских реконструкторов подтвердили сопровождение полета сигнальных стрел без железных наконечников свистящим звуком.

При обращении к сибирскому археологическому материалу мы имеем дело с иной культурной традицией и другими исходными данными. Серия стендовых опытов по определению звукового эффекта была проведена с втульчатым наконечником гунно-сарматского времени (1 экз.); с аутентичными роговыми свистунками из тюркских погребений, разных диаметров и разных размеров отверстий (2 экз.), их репликами из рога животного (2 экз.); моделями, изготовленными из мячиков для пинг-понга и имеющими отверстия различной формы (5 экз.). Запись видео и звука производилась на видеокамеру Sony FDR-AX33, имеющую микрофон направленного действия. Поток сжатого воздуха подавался компрессором (Atlas Copco. SF 4 ff) через трубку диаметром 0,5 см и воронку. По показаниям анемометра (модель PCE-HVAC 2) скорость потока достигала 76 м/с, что сопоставимо со скоростью полета стрелы (50–70 м/с), выпущенной из лука. При введении в воздушную струю моделей свистунки звуковой эффект не зафиксирован. Аутентичные свистунки и реплика из рога издавали похожий на шипение звук, который в реальной исторической ситуации не мог служить сигналом.

В экспериментах по стрельбе была использована изготовленная из натуральных материалов композитная модель лука с натяжением 27 кг и вытяжкой 71 см. Стреляли, за исключением втульчатого наконечника, теми же свистунками, насаженными на древки вместе со стрелами. Обобщая результаты, можно отметить: одна из двух роговых реплик издавала слабо слышимый шипящий звук. Вторая реплика и две аутентичные свистунки производили высокий однотонный звук, отличающийся у разных экземпляров лишь интонацией и громкостью. Было установлено, что на звукообразование влияет точное расположение отверстий на сви-

стунке между трех лопастей наконечника, разделяющих и направляющих поток воздуха, или на одной линии с широкой плоскостью двухлопастного наконечника. Несмотря на то, что воспроизводимый звук отчетливо слышен, его громкость, на наш взгляд, не достаточна для того, чтобы использовать трехлопастные и плоские стрелы со свистунками в качестве сигнальных. Их применение могло воздействовать лишь на психологически слабо подготовленного, «необстрелянного» противника, но даже в этом случае эффективность данного способа передачи информации была, на наш взгляд, не высокой. При стрельбе моделями, изготовленными из мячиков для пинг-понга (диаметр 3,9 см), также фиксировался высокий однотонный звук, сравнительно более громкий, чем у аутентичных свистунок. Было отмечено, что высота, тембр и громкость звучания связаны с отношением между формой свистунки, размерами ее внутренней камеры и диаметром отверстий. Наиболее отчетливое свистящее звучание показали модели с двумя трапециевидными отверстиями (1,9 × 0,4 см).

Появление звукового эффекта основано на тех же аэрофизических принципах, что и у других сигнально-музыкальных устройств, например, таких как свисток. Воздушный поток, взаимодействуя с краями отверстий на поверхности свистунки, генерирует звуковые колебания, которые усиливаются резонатором (внутренней камерой). Что касается моделей с тремя округлыми и овальными отверстиями, то их звуковой порог начинается с диаметра отверстий 0,8 см. Для археологических находок отмечается другое соотношение параметров. Большинство из них имеет длину 2–3 см, диаметр от 1,5 до 2 см, диаметр отверстий 0,2–0,4 см.

В зависимости от метрических показателей диапазон их звучания от высокого тонкого свиста до слабо уловимого шелеста. При этом точное определение характера звука, его тональности и тембра во многом субъективно и ответить на вопрос «поют ли поющие стрелы» мы не можем.

«Поющие стрелы» — это своеобразный поэтический образ, такой же как «глазастые стрелы» или «играющий лук», один из синонимов «свистящих стрел». Полифункциональные и чрезвычайно полисемантические, они являются частью особой сферы архаичной интонационно-акустической культуры народов Сибири и Центральной Азии. К фоноинструментам относятся самые различные производственные приспособления и детские игрушки (*свистящий прут*, хлопающий бич, вихревые «жужжалки» и вращаемые «гуделки») (Шейкин, 1996. С. 3). Также к ним можно причислить несколько форм свободных аэрофонов, включающих промысловые

звукоподражания (манки, «шумелки») и скотоводческие, использовавшиеся для управления большим поголовьем скота (Вайнштейн, 1991. С. 155). С полным основанием к этой же группе можно отнести стрелы со свистунками. Якуты, например, воспринимали «көндөй ох — свистящую стрелу» как музыкальный инструмент (Васильева, Ховрова, 2022. С. 49).

Высокий свистящий звук — явление архитипичное, с отчетливо выраженной амбивалентностью. В этой связи интерес представляют «свистящие» коновязи «исирэр сэргэ» и надмогильные сооружения якутов XIX в., навершия которых повторяют конструкцию насадки-свистунки стрелы (История..., 2020. Рис. II.13, а, б). В фольклоре славянских народов в таком аграрном обряде, как «вождение и похороны стрелы» прослеживаются сигнальные функции. С обрядами перехода связаны поверья в то, что свистом можно как призвать нечистую силу, так и отпугнуть ее (Плотникова, 1999. С. 295).

На наш взгляд, встречающиеся в средневековых погребальных памятниках стрелы с небольшими роговыми свистунками могли быть предназначены для использования в «стране вечной охоты», нежели для поражения противника. Для боевого управления использовались крупные свистунки чаще всего без наконечников стрел, применявшиеся в военном деле наряду с горнами, барабанами, литаврами и другими сигнальными инструментами. В сопроводительном инвентаре воинских захоронений они не зафиксированы. Их немногочисленные образцы встречаются только в этнографических коллекциях. Это позволяет поставить вопрос о своеобразной «инвентаризации» стрелковых наборов, акцентируя внимание на их применении в охотничье-промысловой и ритуальной практике.

Анучин, 1887 — Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического Съезда в Тифлисе 1881. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1887. С. 337–411.

Ахметжан, 2007 — Ахметжан К. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Бородовский, 1997 — Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Васильева, Ховрова, 2022 — Васильева А. А., Ховрова С. А. Народные термины музыкального искусства якутов в научных текстах на русском языке // Вестник СВФУ. 2022. № 1 (87). С. 44–55.

Вайнштейн, 1991 — Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Веселовский, 1909 — Веселовский Н. И. Свистящие стрелы // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 161.

Евтюхова, 1947 — Евтюхова Л. А. Кыргызское поселение у с. Малые Копёны // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 158–164.

Идес, Бранд, 1967 — Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. 404 с.

История..., 2020 — История Якутии: в 3-х т. Т. I. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.

Карцов, 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск: Краснояр. гостипо-лит., 1929. 67 с.

Кубарев, 2014 — Кубарев Г. В. Граффити местонахождения петроглифов Калбак-Таш II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 198–201.

Маньвэнь..., 2013 — Маньвэнь лао дан. Старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 276 с.

Немеров, 1987 — Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. 1987. № 2. С. 218.

Никоноров, Худяков, 2004 — Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филомэтис, 2004. 320 с.

Овчинникова, 2003 — Овчинникова Б. Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 267–270.

Плотников, 2001 — Плотников Ю. А. О назначении отверстий в лопасть стрел // Вопросы военного дела и демография Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 79–95.

Плотникова, 1999 — Плотникова А. А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Изд-во Индрик, 1999. С. 295–304.

Поветкин, 1997 — Поветкин В. И. Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1997. Вып. 11. С. 64–76.

Семенов, 2019 — Семенов А. В. В преддверии Саянского каньона: могильник Чирик-Даш и окружающие памятники // Бюллетень ИИМК РАН. 2019. № 9. С. 170–176.

Серегин и др., 2020 — Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобу-

- рак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 88–99.
- Скобелев, 2015 — Скобелев С. Г. Наконечники стрел крылатой формы с железными свистунками крылатой формы // Кыргызский и Караханидский каганаты: Благодарное знание и государство. Бишкек: Махprint, 2015. С. 307–311.
- Тетерин, 2004 — Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 2004. (Тр. гуманитарного ф-та [НГУ]. Сер. II. Сборники научных трудов). С. 37–82.
- Требуховский, 1927 — Требуховский П. Ф. Сур-харбан балаганских бурят в прошлом и настоящем // Бурятоведческий сборник. 1927. Вып. 3–4. С. 74–79.
- Уэстбрук, Ратти, 2003 — Уэстбрук А., Ратти О. Секреты самураев. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 544 с.
- Харинский, 2003 — Харинский А. В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в XVIII–XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2003. С. 113–122.
- Худяков, 1980 — Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Шейкин, 1996 — Шейкин Ю. Н. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РЛИТ, 1996. 123 с.
- Шефер, 1981 — Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Köhalmi, 1953 — Köhalmi K. U. Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // Acta Orientalia. 1953. Vol. III. P. 45–71.
- McEwen, Elmy, 1970 — McEwen E., Elmy D. Whistling Arrows // Journal of the Society of Archer-Antiquaries. 1970. Vol. 13. P. 23–26.

Do the "singing arrows" "sing"?

Oleg A. Mitko⁴, Ivan S. Polovnikov⁵

Annotation. *The historical source mentions the use of "whistling arrows" from the very beginning of the Xiongnu time. In various modifications, these arrows existed until ethnographic time and had the most varied context of use. At the same time, their main function is to make a whistling sound, remained unchanged. Archery experiments with arrows having various versions of whistle models have shown that the appearance of the sound effect is based on the same aerophysical principles as other signal-musical devices. Such as a whistle. Depending on the location and shape of the holes, the sound they emit has a different volume and tone.*

Key words: *Southern Siberia, Huns, Mongols, whistling arrows experiment, sound effect*

⁴ Oleg A. Mitko — Novosibirsk State University; 1 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

⁵ Ivan S. Polovnikov — Novosibirsk State University; e-mail: polis.sib@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2654-9283.

Новая находка печати с хуннской тамгой¹

Е. С. Богданов², С. В. Федоров³

Аннотация. В статье анализируется бронзовая печать — случайная находка с территории Бурятии из частной коллекции. На ее щитке вырезано изображение всадника, тамга в виде круга с «пламевидным отростком», стреловидный и П-образный знаки. Изображение идентифицировано как «небесный конь» («даваньский скакун») с хуннской тамгой. Сделано предположение, что печать могла принадлежать поставщику коней из Ферганы в Поднебесную в период, когда основные торговые пути контролировались хунну. Вероятно, хуннская тамга одного из родов на печати давала возможность безопасного прохода через земли, не контролируемые Хань. Печать можно датировать не ранее I в. до н. э.

Ключевые слова: Бурятия, империя Хань, хунну, печать, тамга, «небесный конь»

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.152-157>

Введение. Несмотря на тысячи разнообразных элитарных артефактов, полученных в ходе исследований поселенческих и погребальных комплексов хунну, существует категория вещей, встречающихся чрезвычайно редко. К ним относятся личные печати. Данный факт объясняется кочевым образом жизни хунну, основными занятиями которых были охота и война. Однако именно в хуннскую эпоху окончательно сложилась система Великого шелкового пути. Кочевники контролировали караванные пути и получали доступ к новым технологиям, оружию, предметам роскоши. В этом процессе существенную роль играли поселенческие комплексы (городища) на территории хуннской империи. Весьма вероятно, что они были заселены в основном иммигрантами или пленниками из оседло-земледельческих обществ, обязанных, помимо торговых операций, поставлятьномадам определенное количество съестной и ремесленной продукции. Поэтому совершенно неудивительно, что первая хуннская

печать была найдена на поселении Дурёны в Бурятии (Давыдова, 1992. Рис. 1), которая долгое время считалась единственной в своем роде. Формой она походила на китайские печати, подвешивалась к поясу на шнурке, но не имела иероглифических знаков. В настоящей статье вводится в научный оборот еще одна случайная находка с территории Бурятии из частной коллекции с изображением всадника и тамгообразных знаков.

Описание находки. Бронзовая печать, отлитая по восковой модели, представляет собой четырехугольный щиток размерами 2,1 × 2,2 см, с закругленными углами и сглаженной кромкой, с петлей для подвешивания на обратной стороне (рис. 1). Высота печати — 1,5 см, вес — 21 гр. Все изображения вырезались на щитке по уже отлитой заготовке. Центральное место лицевой части щитка занимает изображение всадника на лошади (рис. 1, 2). Всадник изображен схематично: обе руки на узде, нога без стремена свисает свободно. На голове акцентированно выделен шлем или прическа с закрученным пучком волос, одежда в виде короткой «куртки» и половина торчащего за спиной лука, без колчана. Сам всадник расположен за идущей лошадью. У лошади удлиненная морда, четыре тонкие ноги с выделенными копытами, поджатый живот, уши намечены лишь слегка. Грива лошади выделена небольшой выемкой, длинный хвост свисает буквой «Г». На лбу шишковидный высокий начальник, от нижней челюсти вниз свисает каплевидное украшение.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

² Богданов Е. С. — Институт археологии и этнографии СО РАН; пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru; ORCID 0000-0001-7073-8914.

³ Федоров С. В. — независимый исследователь; Улан-Удэ, Российская Федерация; e-mail: 23698n@gmail.com.

Рис. 1. Китайская печать с тамгой хунну, Бурятия (случайная находка): 1 — фотография; 2 — прорисовка изображения на щитке; 3 — оттиск печати. Материал — бронза. Фото авторов, рисунок — О. Л. Шагалова

Fig. 1. Chinese seal with Xiongnu tamga, Buryatia (accidental find): 1 — photo; 2 — drawing the image on the shield; 3 — print impression. Material: bronze. Photo by the authors, drawing by O. L. Shagalova

Под всадником вырезан стреловидный знак с накопечником в виде лежащей буквы «V», указывающим в направлении движения лошади. Его загнутая вверх под прямым углом линия «пересекает» одну ногу и хвост животного. Под мордой лошади находится тамгообразный знак в виде круга с «пламевидным» отростком в верхней части. Часть «рисунка» попала на самый край печати и стерта. В самом верхнем правом углу помещен П-образный знак (или две параллельные прямые), верхняя часть которого заходит на кромку печати.

Анализ и обсуждение результатов. В отличие печати из Дурён, где изображение козла довольно «грубо вырезано на щитке» (Давыдова, Миняев, 2003. С. 36), рассматриваемая печать была выполнена более тщательно, что может опровергать доводы о ее кустарном производстве. В Отделе научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа на спектрометре ArtTAX (Brüker) методом рентгено-флуоресцентного анализа выполнен анализ металла. Выяснилось, что основным типом сплава является медь, олово — 20–23 %, свинец — 7–9 %, мышьяк — 0,4–0,8 %, серебро — менее 0,5 %, сурьма — менее 0,6 %, железо — менее 0,4 %.⁴

мышьяк — 0,4–0,8 %, серебро — менее 0,5 %, сурьма — менее 0,6 %, железо — менее 0,4 %.⁴

Исследования бронзовых изделий хунну, которые были проведены С. С. Миняевым еще в 80-е гг. XX в., позволили сделать вывод, что не существовало единого центра их производства: в каждом регионе существовали свои мастерские (Миняев, 1980. С. 30–34; 1983. С. 47–84). Если для производственных центров Саяно-Алтая больше характерно использование мышьяковистой бронзы (Миняев, 1980. Табл. 24–38; Хаврин, 2016. С. 105–107), то свинцово-оловянный сплав был характерен в основном для предметов из Китая. Причем состав особо не менялся, начиная с эпохи Воюющих царств (475 г. до н. э. — 221 г. до н. э.) и вплоть до династии Тан (619–907 гг. н. э.) (Тишкин, Хаврин, 2006. С. 150–152; Хаврин, 2009. С. 342; Равич, Трейстер, 2021. С. 413–419). Предметы, состоящие из трех главных компонентов — меди (тун 銅), олова (си 錫) и свинца (цянь 鉛), —

⁴ Авторы благодарят С. В. Хаврина за помощь в определении состава металла.

отличались прекрасной коррозионной стойкостью (Chase, 1977. P. 96, fig. 6), большой твердостью и легко полировались. Также в пользу предположения о китайском производстве печати может свидетельствовать ее форма и размеры. Однако большая часть печатей ханьского времени (за редким исключением) имеет иероглифические знаки — надписи. Это довольно объяснимо, поскольку такие предметы являлись одним из основных знаков власти и высокого статуса, наряду с нефритовыми. О том, что подобные печати выдавались шаньюем китайской администрацией в знак вассальной зависимости от Поднебесной, свидетельствуют как вещественные доказательства (Psarras, 2015. P. 19), так и письменные источники (Материалы по истории..., 1973. С. 35). Поэтому предположения некоторых исследований о том, что «все сюннуские печати оформлялись в «зооморфном» стиле, поскольку сюнну не знали письменности» (Давыдова, 1992. С. 233), а «роль надписи играло изображение, символизирующее ранг владельца» (Николаев, 2022. С. 47), на сегодняшний момент имеет мало доказательств.

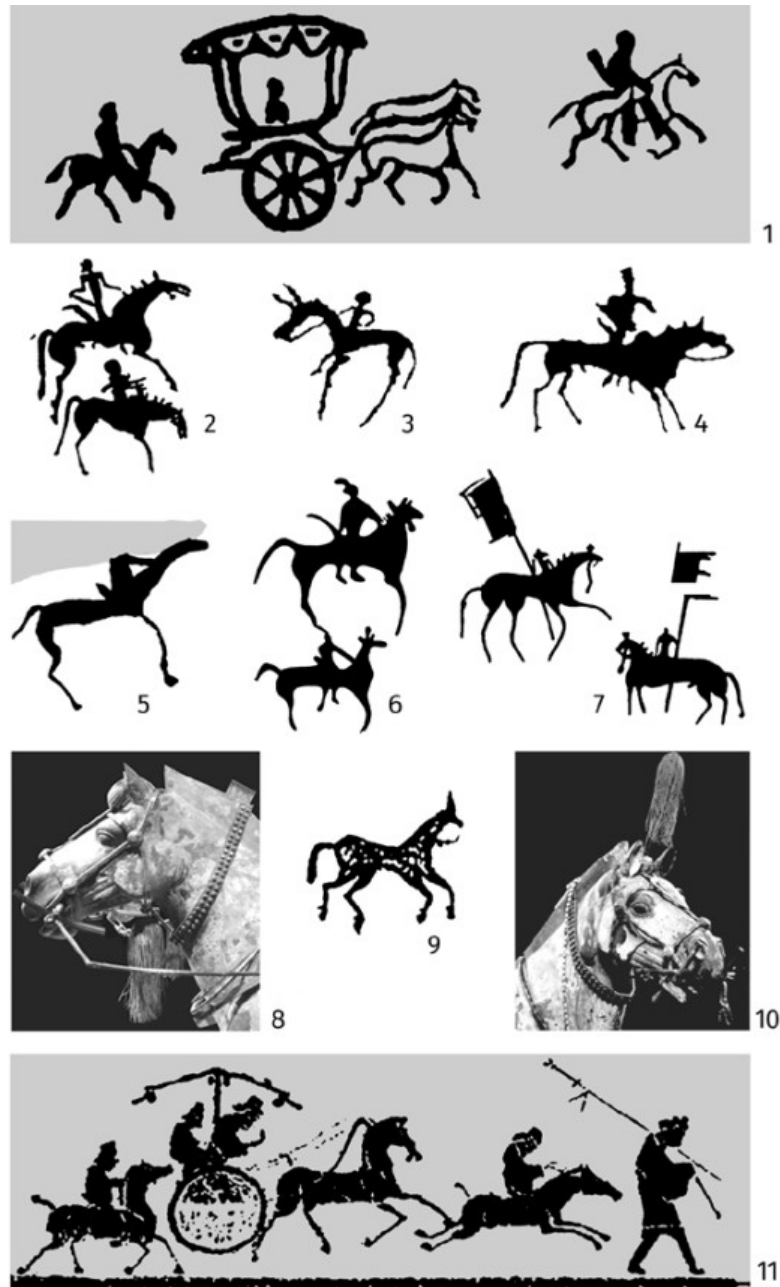
Как нам представляется, появление подобных печатей без иероглифических надписей (о легитимации императорской властью положения в обществе их носителей) связано с существованием Великого шелкового пути и активной торговли. Об этом свидетельствуют изображения на публикуемой нами печати. Центральное место на ней занимает всадник. Сразу обращает на себя внимание облик лошади, которая сильно отличается от приземистых, крупных животных, которые изображены, например, на многих поясных хуннских бляхах. Изображение можно трактовать как «небесный конь»: один из даваньских скакунов, т. н. кони «с кровавым потом», которых долгое время мечтали заполучить китайские правители (подробнее об этом см.: Боровкова, 1989. С. 21–22). Их изображения часто встречаются среди петроглифов Монголии — массивы Цагаан Сала, Бага Ойгор и др. (рис. 2, 1–4); Шишкинской писаницы (совр. Иркут. обл.) (рис. 2, 6–7); Ферганы (совр. Киргизия) — гора Сулайман-Тоо, скалы Айрымач-Тоо и среди настенных росписей и на рельефах ханьских гробниц (рис. 2, 11). Единичные рисунки таких скакунов встречаются на скальных плоскостях в Хакасии (рис. 2, 5, 9). Это «горбоносые» кони с высоко поднятой головой, длинной шеей, поджарым изящным телом и тонкими ногами в различных вариантах (стоящие, скачущие, с всадником, запряженные в колесницы) (рис. 2). Несколько выбивается из общего исторического фона специфическая форма шлема у всадника на печати. Он не характерен для известных изображений хунну и хань-

цев. Однако если предположить, что так показана прическа мужчины, то аналогии можно увидеть среди образцов глиняной скульптуры из гробницы Цинь Шихуанди. А у многих глиняных лошадей есть похожие начельники и свисающие украшения в виде кистей (рис. 2, 8, 10). Есть определенные параллели и в металлопластике, к примеру, т. н. «чикойский» всадник (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 116). Позже этот образ в виде подвесных бляшек стал чрезвычайно популярен в тюркское время (Король, 2020. Рис. 1, 2).

Однако то, что перед мордой лошади на печати изображена именно хуннская тамга, не вызывает сомнения. Почти полные аналогии кругу с пламевидным отростком и его вариации известны в Монголии, среди петроглифов Цагаан-гола, Яманы-ус (Новгородова, 1984. Рис. 53, 56; Богданов, 2017. Рис. 3, 10–15, 20, 21; Turbat et al., 2012. Fig. 9a, 13), на донышках лаковых чашек и берестяных изделий из погребений хуннской знати (Богданов, 2017. Рис. 3, 5, 8, 14). Монгольские исследователи считают такие знаки — тамгами клана шаньюя Луанди (Turbat et al., 2012. P. 146–148). Не вдаваясь в дискуссию, стоит отметить, что в данном случае мы имеем дело с *идеографом*, выражающим основную идею, связанную с солярной символикой, подчеркивающей изначальную связь кочевых родов с Небом (о зарождении тамг хунну см. подробнее: Богданов, 2017). Появление «пламевидных отростков» также объяснимо популярностью облачного орнамента. Как в искусстве ханьцев, так и у варваров (Там же). Хотя в данном случае можно трактовать этот элемент и как символ огня, который именно в таком графическом исполнении встречается во многих культурах Старого и Нового света.

Самыми сложными для интерпретации оказались два пиктографических знака на публикуемой печати. Аналогии отсутствуют как среди известных рунических знаков, так и среди иероглифов и пиктограмм древнего Китая. Стреловидные знаки часто встречаются на скальных поверхностях Монголии, в том числе они встречаются в скоплениях хуннских тамг, к примеру, Цагаан-гола (Turbat et al., 2012. Рис. 13, 1, 5, 7, 14, 30). Но на печати этот знак имеет очень специфическую форму, скорее напоминающую змею.

Рисунок в виде «П» (или две параллельные линии?) также вряд ли можно трактовать как тамгу. Схожие символы встречаются среди сарматских знаков: на камнях Маяцкого городища и в Крыму (Драчук, 1975. Табл. XXIX, 27; XXX, 73). Наблюдается сходство символа с так называемыми «П-образными знаками» на оленных камнях Монголии (Вайнберг, Новгородова, 1976. Рис. 6) и скалах Кочкорской долины (Киргизия) (Самашев и др., 2010.

Рис. 2. Аналогии изображению всадника (лошади) на печати (без масштаба): 1 — фрагмент наскальной композиции, гора Ханын-хад, ущелье Яманы-ус, Монголия (по: Новгородова, 1984. Рис. 52); 2 — фрагмент наскальной композиции, гора Туре, Монголия (по: Цэвээндорж, 2009. Рис. 10); 3, 4 — фрагменты наскальных композиций, Цагаан Сала, Монголия (по: Там же. Рис. 11); 5 — фрагмент наскальной композиции, Бояры I А, плоскость 15, Хакасия (по: Русакова, 2016. Рис. 6, 3); 6, 7 — фрагменты наскальных композиций, Шишкинская писаница, Прибайкалье (по: Мельникова и др., 2011. Рис. 155; Мельникова, Николаев, 2006. Рис. 7, 1); 8, 10 — фрагменты украшения конской сбруи, погребальный комплекс Цинь Шихуанди, Китай (фото авторов); 9 — фрагмент наскальной композиции, Куня, Хакасия (по: Миклашевич, 2004. Рис. 1, 14); 11 — фрагмент украшения ханьской гробницы, рельеф, музей г. Чэнду, Китай (фото авторов). Материал: 1–7, 9 — камень; 8, 10, 11 — глина

Fig. 2. Analogies to the image of a rider (horse) on a print (not to scale): 1 — fragment of a rock composition, Khanyn-had mountain, Yamany-us gorge, Mongolia (after Новгородова, 1984. Рис. 52); 2 — fragment of rock composition, Mount Ture, Mongolia (after Цэвээндорж, 2009. Рис. 10); 3, 4 — fragments of rock compositions, Tsagaan Sala, Mongolia (after Ibid. Рис. 11); 5 — fragment of a rock composition, Boyary I A, plane 15, Khakassia (after Русакова, 2016. Рис. 6, 3); 6, 7 — fragments of rock compositions, Shishkinskaya Pisanitsa, Baikal region (after Мельникова и др., 2011. Рис. 155; Мельникова, Николаев, 2006. Рис. 7, 1); 8, 10 — fragments of horse harness decoration, Qin Shi Huangdi burial complex, China (photo by authors); 9 — a fragment of a rock composition, Kunya, Khakassia (after Миклашевич, 2004. Рис. 1, 14); 11 — fragment of decoration of a Han tomb, relief, Chengdu Museum, China (photo by authors). Material: 1–7, 9 — stone; 8, 10, 11 — clay

Рис. 92, 94). Возможно, несколько трактовок символа. Во-первых, знак мог изображать важную деталь — распределитель вожжей на колеснице. Во-вторых, он мог изображать П-образную переднюю луку седла, характерную для ханьского времени. Т. е. этот знак на печати можно интерпретировать как символ «небесной колесницы» или «небесного всадника». В данном случае нам представляется, что второй вариант исходит из самой формы этого простого знака, и его можно рассматривать через призму универсальности человеческого мышления. Еще одно предположение, что «в тюркской среде встречается тамгоформа П qaqra > какпа (ворота)» (Кузеев, 1974. С. 313, табл. 1). То есть можно вполне допустить, что данный символ на печати мог означать «проход», «ворота» и т. д.

Заключение. Изложенные в статье факты позволяют предположить, что найденная в Бурятии печать могла принадлежать купцу (или главе каравана, или китайскому чиновнику), который доставлял в Поднебесную даваньских коней в то время, когда основные торговые пути контролировались хунну. Хуннская тамга одного из кочевнических родов, нанесенная на печать, по всей видимости, давала возможность безопасного прохода через земли, неконтролируемые Хань. Учитывая данные письменных и археологических источников, печать можно датировать не ранее I в. до н. э. Находки подобных печатей (без иероглифических надписей, которые строго регламентировались) чрезвычайно редки, поскольку изготавливались в исключительных случаях.

Богданов, 2017 — Богданов Е. С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5–32.

Богданов, 2021 — Богданов Е. С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5–32.

Боровкова, 1989 — Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (Историографический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989. 181 с. карт.

Вайнберг, Новгородова, 1976 — Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 66–74, 176–179.

Давыдова, 1992 — Давыдова А. В. Бронзовая печать сюнну // СА. 1992. № 1. С. 231–234.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у с. Дурёны. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008. (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.

Драчук, 1975 — Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка. 1975. 224 с.

Король, 2020 — Король Г. Г. Новые находки блях в виде всадников «тюркской» традиции (раннесредневековая металлическая пластика Центральной Азии) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2020. Вып. 2. С. 151–167.

Кузеев, 1974 — Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.

Материалы по истории..., 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1973. 168 с.

Мельникова, Николаев, 2006 — Мельникова Л. В., Николаев В. С. Периодизация петроглифов Предбайкалья // Известия лаборатории древних технологий ИРГТУ. 2006. Вып. 4. С. 259–283.

Мельникова и др., 2011 — Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Т. 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2011. 426 с.

Миклашевич, 2004 — Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2004. С. 320–325.

Миняев, 1980 — Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1980. С. 29–34.

Миняев, 1983 — Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 47–84.

Николаев, 2022 — Николаев Н. Н. Бронзовая печать из поселения Дурёны и элитный комплекс сюнну могильника Царам // Camera praehistorica. 2022. № 2 (9). С. 45–51.

Новгородова, 1984 — Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: ГРВЛ, 1984. 168 с.

Равич, Трейстер, 2021 — Равич И. Г., Трейстер М. Ю. Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н. э. — первых веков н. э.: типология, хронология, распределение и технология их изготовления // Материалы по археоло-

- логии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 404–452.
- Русакова, 2016 — *Русакова И. Д.* К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 173–181.
- Самашев и др., 2010 — *Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алма-Аты: Изд-во ТОО «Археология», 2010. 168 с.
- Тишкин, Хаврин, 2006 — *Тишкин А. А., Хаврин С. В.* Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Вып. 2. С. 74–86.
- Хаврин, 2009 — *Хаврин С. В.* Китайские импорты в материалах могильника Догээ-Баары II (по материалам рентгенофлюоресцентного анализа) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 342–344.
- Хаврин, 2016 — *Хаврин С. В.* Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) // АВ. 2016. Вып. 22. С. 105–107.
- Цэвээндорж, 2009 — *Цэвээндорж Д.* Сборник научных трудов и докладов (2003–2007). Улан-Батор, 2009. 632 с. (на монг. яз.).
- Chase, 2077 — *Chase W. T.* Structural questions. Corrosion and metal artefacts: A dialogue between conservators and archaeologists and corrosion scientists / Eds. by B. F. Brown, H. C. Burnett, W. T. Chase et al. Washington: US Department of Commerce, 1977. С. 191–240.
- Psarras, 2015 — *Psarras S.-K.* Han material culture. An archaeological analysis and vessel typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 337 p.
- Turbat et al., 2012 — *Turbat Ts., Batsukh D., Bayarkhuu N.* Xiongnu archaeological tamga(s) are as the Luanti clan property signs // *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. 2012. T. XXXII, fasc. 1–20. P. 136–161 (на монг. яз.).

The newfound seal bearing a Xiongnu tamga

Evgeniy S. Bogdanov⁵, Sergey V. Fedorov⁶

Annotation. *The article analyzes a bronze seal. It is a random find from Buryatia (private collection). A rider, a tamga in the form of a circle with a “flame-like process”, arrow-shaped and U-shaped signs are carved on its surface. The image is identified as a “heavenly horse” (“Davan horse”) with a Xiongnu tamga. It has been suggested that the seal could have belonged to a supplier of horses from Fergana to the China at a time when the main trade routes were controlled by the Xiongnu. Probably, the Xiongnu tamga of one of the clans on the seal made it possible to safely pass through the lands that were not controlled by the Han. The seal can be dated no earlier than the 1st century BC.*

Key words: *Buryatia, Han Empire, Xiongnu, seal, tamga, “heavenly horse”*

⁵ Evgeniy S. Bogdanov — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS; 17 Ak. Lavrentieva Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-7073-8914.

⁶ Sergey V. Fedorov — independent researcher. Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: 23698n@gmail.com.

ХУННСКОЕ ВЛИЯНИЕ В КУЛЬТУРАХ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Проблемы выделения комплексов хуннского времени в южной тайге Средней Сибири¹

П. В. Мандрыка², П. О. Сенотрусова³,

Аннотация. В археологии Средней Сибири хуннское время до сих пор не наполнено содержанием. В долине среднего течения Енисея к этому периоду отнесены материалы шилкинской археологической культуры, представленные селищами, городищами, погребениями. В бассейне нижнего течения Ангары не разработана хронология поздних комплексов цэпаньской культуры, которые могли сосуществовать здесь с носителями шилкинской культурной традиции. Дискуссионными остаются вопросы появления в регионе тонковаликовой керамики и черной металлургии.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Приангарье, хуннское время, южная тайга, шилкинская культура, цэпаньская культура, хронология

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.158-161>

Хуннское время — особая эпоха в истории Евразии. Первая кочевая империя навсегда изменила степной мир. Хронологические рамки хуннского времени определены политической историей Хуннской державы и укладываются в диапазон конца III в. до н. э. — середины II в. н. э. Хунну оставили после себя монументальные элитарные погребальные памятники и многочисленные могильники рядовых воинов, известны и их поселения (Давыдова, 1995; Миняев, 1998; и др.). Влияние хуннской культуры выплеснулось далеко за пределы степного пояса. Предметы хуннского облика встречаются и в северных регионах, являясь важным маркером при построении локальных культурно-хронологических схем.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Мандрыка П. В. — Сибирский федеральный университет; пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация; e-mail: pmandryka@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8647-3823.

³ Сенотрусова П. О. — Алтайский государственный университет; пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: polllina1987@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3969-9907.

Процесс выделения комплексов хуннского времени в южнотаежной подзоне Средней Сибири и наполнение их содержанием далек от своего завершения. До 1990-х гг. материалы хуннского времени в южнотаежной подзоне Средней Сибири были не известны. Для Нижнего Приангарья хуннский период долгое время выделялся формально. В диссертационном исследовании В. И. Привалихина рассматривалась цэпаньская археологическая культура раннего железного века. Ее хронологические рамки были ограничены VIII–II вв. до н. э., при этом подчеркивалась роль степного компонента в ее формировании (Привалихин, 1993; 2011). Автором без обсуждения оставлен вопрос хуннского влияния на местные племена.

В кандидатской диссертации В. П. Леонтьева, посвященной железнному веку Северного Приангарья, хуннское время фактически включено в хронологический интервал «первого этапа второго периода железного века» (I в. до н. э. — IV–V вв. н. э.). Для этого периода характерно использование керамики с оттисками различных штампов и появление сосудов с тонкими наклепными валиками, распространение черной металлургии, изготовление железных ножей с кольцевым

навершием и листовидных наконечников стрел (*Леонтьев*, 1999. С. 18).

С увеличением числа средневековых материалов в Нижнем Приангарье стала актуальна проблема выделения комплексов предшествующего времени. Это обусловлено тем, что в погребениях начала II тыс. н. э. прослеживается ряд признаков, формирование которых связано с культурами «хуннского круга» (*Сенотрсова*, 2016).

В южнотаежных районах среднего течения Енисея культурное наполнение хуннского времени стало очерчиваться после изучения нескольких многослойных поселений (Бобровка, Шилка IX), двух городищ (Шилка II и Усть-Шилка II) и погребений (Усть-Шилка II), содержащих материалы II в. до н. э. — I в. н. э. По ряду эпонимных памятников выделена шилкинская археологическая культура. В ее комплексах встречаются железные изделия, в том числе ножи с пластинчатой рукоятью и петельчатым навершием, шилья, изделия из рога. Наиболее узнаваемы сосуды, украшенные в верхней трети формы налепными жгутиковыми валиками и рядом ямок. Преобладает круглодонная посуда закрытой формы, встречаются емкости на поддонах. На памятниках в значительном количестве присутствуют кости домашних животных, известна одна металлургическая площадка (Шилка-6) по выплавке железа, отмечаются орудия для обработки изделий из черного и цветного металла. Ареал культуры широк, но его границы на востоке и севере не определены. В бассейне нижнего течения Ангары шилкинская керамика присутствует на многих памятниках в компрессионных культурных отложениях раннего железного века.

В южной тайге Ангары и Енисея к периоду II в. до н. э. — I в. н. э. первоначально были отнесены и комплексы с тонковаликовой керамикой, которая встречалась в культурных слоях поселений с хронологически неоднородными материалами. Датировка этой посуды основывалась на стратиграфических и планиграфических наблюдениях (*Мандрыка*, 1997; 2018. С. 381), но на могильнике Пинчуга-6 аналогичная керамика зафиксирована в погребениях III–IV вв. н. э. (*Mandryka et al.*, 2021). Это горшки с профилированной шейкой, круглым или плоским дном, орнаментированные в верхней трети формы тонкими волнистыми налепными валиками. Посуда заметно отличается от других групп тонковаликовой керамики, что позволило выделить ее в отдельный керамический тип, получивший название язаевского. Хронологические рамки бытования этой керамики укладываются во вторую четверть I тыс. н. э.

Нельзя исключать того, что шилкинская культура на Енисее непосредственно предшествовала или

на поздней стадии контактировала с носителями язаевского типа керамики. В материалах городища Усть-Шилка II найдены два сосуда, в орнаменте которых сочетаются жгутиковые и обмазочные налепные валики. В третьем культурном слое многослойного поселения Язаевка отмечены археологически целые сосуды с шилкинской, язаевской и каменско-маковской орнаментацией. Последний тип керамики характеризует енисейский вариант цэпаньской культуры, и здесь возникает проблема выделения комплексов хуннского времени в Нижнем Приангарье.

Если опираться на материалы известных могильников, то для периода со II в. до н. э. — I в. н. э. погребальные комплексы на Ангаре пока не известны. Можно предположить, что материалы этого времени пока просто не найдены, но, учитывая масштабные археологические исследования последних лет, это маловероятно. Скорее всего, датировка какой-то части известных на сегодня материалов, относимых к цэпаньской культуре, оказалась удревнена. Предложенная В. И. Привалихиным хронология культуры выглядит как прямой перенос датировки тагарских комплексов Хакасско-Минусинской котловины, сформировавшейся в науке к началу 1990-х гг. Фактически к цэпаньской культуре были отнесены все погребения, где отмечались хоть какие-нибудь изделия из бронзы (а иногда и без них), без учета других особенностей погребального обряда.

По мере расширения источниковой базы стало понятно, что часть цэпаньских комплексов относится к периоду поздней бронзы (*Герман, Леонтьев*, 2022. С. 108); другая, основная, часть связана со скифским временем, а третья — с более поздним периодом. Среди черт поздних цэпаньских захоронений изначально отмечались следующие черты: кремация на стороне, увеличение размеров кельтов и наконечников стрел, усложнение орнаментации на посуде (*Привалихин*, 2011. С. 168). С новыми открытиями стали известны поздние цэпаньские комплексы, выполненные по обряду труположения (*Герман, Казакова*, 2014. С. 87). На наш взгляд, одним из признаков, отличающим поздние комплексы от более ранних, может выступать присутствие железных изделий. Такие погребения выявлены на могильниках Пропсихинская Шивера-IV, Сергушкин-3, Усть-Зелинда-2 (*Виноградов*, 2011; *Герман, Казакова*, 2014; *Марченко и др.*, 2012). В двух случаях железные изделия представлены плоскими треугольными наконечниками стрел; аналогичные изделия известны среди материалов и Усть-Тасеевского культового комплекса. Проникновение железа в среду носителей цэпаньской культуры также

маркируют находки бабочковидных бляшек с изображением грифонов (*Гревцов, Лысенко, 2013. С. 189, 193*).

В целом, сейчас актуальна задача пересмотра и уточнения внутренней хронологии цэпаньской культуры, выделения маркеров не только ранних, но и поздних комплексов. Вероятно, датировка части из них может доходить до рубежа эр.

Таким образом, проблема выделения комплексов хуннского времени в южнотаежной зоне Средней Сибири далека от своего решения. Если в енисейской долине к этому периоду достаточно уверенно относятся памятники шилкинской археологической культуры, то для бассейна Ангары ситуация более сложная. С одной стороны, здесь присутствуют находки шилкинской керамики, но нет погребений и стационарных поселений, а с другой — верхняя хронологическая граница цэпаньской культуры четко не определена, и она могла сохраняться в регионе до рубежа эр. Все это усложняется появлением в южной тайге Средней Сибири традиции изготовления тонковаликовой керамики и распространением черной металлургии.

Виноградов, 2011 — Виноградов Д. А. Погребение раннего железного века из комплекса Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: Материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г. Красноярск, 22–25 марта 2011 г. Красноярск, 2011. С. 149–150.

Герман, Казакова, 2014 — Герман П. В., Казакова Е. А. Новые материалы Цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 80–89.

Герман, Леонтьев, 2022 — Герман П. В., Леонтьев С. Н. Материалы погребений грунтового могильника Сергушкин-3 в Северном Приангарье: к проблеме хронологии и генезиса цэпаньской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 101–114.

Гревцов, Лысенко, 2013 — Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве

в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Отв. ред. Л. Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 186–196.

Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА». 1995. 97 с.

Марченко и др., 2012 — Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Казакова Е. А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 453–458.

Леонтьев, 1999 — Леонтьев В. П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 1999. 25 с.

Мандрыка, 1997 — Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири / Отв. ред. А. И. Боброва. Томск: ТУСУР, 1997. С. 209–217.

Мандрыка, 2018 — Мандрыка П. В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул: АлтГУ, 2018. 711 с.

Миняев, 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1998. 233 с.

Привалихин, 1993 — Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 25 с.

Привалихин, 2011 — Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества / Отв. ред. В. Я. Ярошевская. Красноярск: КККМ, 2011. С. 161–183.

Сенотрусова, 2016 — Сенотрусова П. О. «Хуннский» компонент в культуре средневекового населения Нижнего Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2 / Отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2016. С. 78–86.

Mandryka et al., 2021 — Mandryka P. V., Senotrusova P. O., Dedik A. V. Pinchuga-6 Burial Ground a New Site of the Finale of the Iron Age in the Lower Angara Region // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 3. С. 110–126.

The Xiongnu period complexes in the southern taiga of Central Siberia: The problems of identifying

Pavel V. Mandryka⁴, Polina O. Senotrusova⁵

Annotation. *The Xiongnu period is still not filled with content in the archeology of Central Siberia. Of the middle reaches of the Yenisei, the materials of the Shilka archaeological culture are attributed to this period. There are Shilka settlements, hill-forts, burials. In the basin of the Lower Angara, the chronology of the late complexes of the Tsepan' culture, which could coexist with the bearers of the Shilka cultural tradition, has not been developed. The distribution of thin-rolled ceramics with thin raised borders and ferrous metallurgy in Central Siberia remains controversial.*

Key words: *Central Siberia, Angara region, Xiongnu time, southern taiga, Shilka culture, Tsepan' culture, chronology*

---

⁴ Pavel V. Mandryka — Siberian Federal University; 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: pmandryka@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8647-3823.

⁵ Polina O. Senotrusova — Altay State University; 61 Lenin St., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: pollina1987@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3969-9907.

Кудинская долина (Западная часть Байкальской Сибири) в хуннское время

Г. Л. Иванов¹

Аннотация. В публикации анализируются материалы, происходящие с археологических памятников, датируемых эпохой хунну, расположенных в Кудинской долине, — степном регионе к западу от озера Байкал. Основной массив данных относится к стояночным комплексам, а наиболее многочисленной категорией артефактов являются фрагменты керамических сосудов ручной лепки. Археологические источники показывают культурные связи Кудинской долины с остальными регионами Байкальской Сибири.

Ключевые слова: Кудинская долина, елгинский этап, стоянка, фрагменты керамических сосудов

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.162-165>

На территории Байкальской Сибири (историко-культурной области, примыкающей к озеру Байкал) на протяжении периода голоцена наблюдается сходное течение культурно-хронологических процессов и облик археологических явлений. Западная часть Байкальской Сибири традиционно рассматривается как северная периферия Евразийского степного пояса, достаточно удаленная от центров номадических сообществ, но тесно с ней связанная в плане культурных отношений.

В системе археологии Предбайкалья материалы Кудинской долины имеют большое значение, так как данную территорию следует рассматривать в качестве коридора, связывающего между собой основные регионы к западу от Байкала. Это верховья реки Лены и долина реки Ангары, а также Приольхонье. Для объективного анализа археологических источников Кудинской долины эпохи хунну необходимо рассмотреть культурную ситуацию, фиксируемую в обозначенный период на других территориях к западу от озера Байкал.

На настоящий момент основными археологическими маркерами эпохи хунну на территориях к западу от оз. Байкал выступают погребения елгинского типа, названного так по одноименному могильнику (Горюнова, Пудовкина, 1995). Они представляют собой захоронение человека в неглубокой яме, под кладкой овальной формы, при отсутствии внутримогильных сооружений.

¹ Иванов Г. Л. — ГАУК Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского; ул. К. Маркса, 11, Иркутск, 664003, Российская Федерация; e-mail: ivanov85@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4316-7372.

Погребенный располагается в скорченном положении (поза эмбриона), головой на юго-восток (Смотрова, 1991; Харинский, 2005. С. 208; 2014).

На сегодняшний день термин «елгинская эпоха» и различные производные от него, такие как елгинская керамика и др., широко используются в археологической литературе Байкальской Сибири для описания памятников, характеризующих период существования империи Хунну (Горюнова, Новиков, 2016. С. 282; Новиков и др., 2017. С. 280, 283; 2021. С. 48; Коростелев, 2022).

Территориально елгинские погребения представлены в верховьях реки Лены, Приольхонье, северо-западном побережье озера Байкал и на островах среднего течения реки Ангары. Необходимо отметить гипотезу о забайкальском происхождении носителей елгинской погребальной традиции, основанную на погребениях, датируемых V в. до н. э., раскопанных в Селенгинской долине в Забайкалье (Харинский, 2001. С. 65–66).

Инвентарь елгинских погребений представлен различными изделиями из металла, кости и фрагментами керамических сосудов. Значительная часть находит аналогии в культурном облике номадических сообществ периода существования державы хунну. Это костяные наконечники с расщепленным насадом, концевые и (редко) срединные накладки на луки, бронзовые литые изделия с зооморфным и геометрическим декором (Смотрова, 1991; Харинский, Коростелев, 2011). Аналогичные артефакты фиксируются на многих территориях, маркируя как сферу непосредственной хуннской экспансии, так и зону их культурного влияния

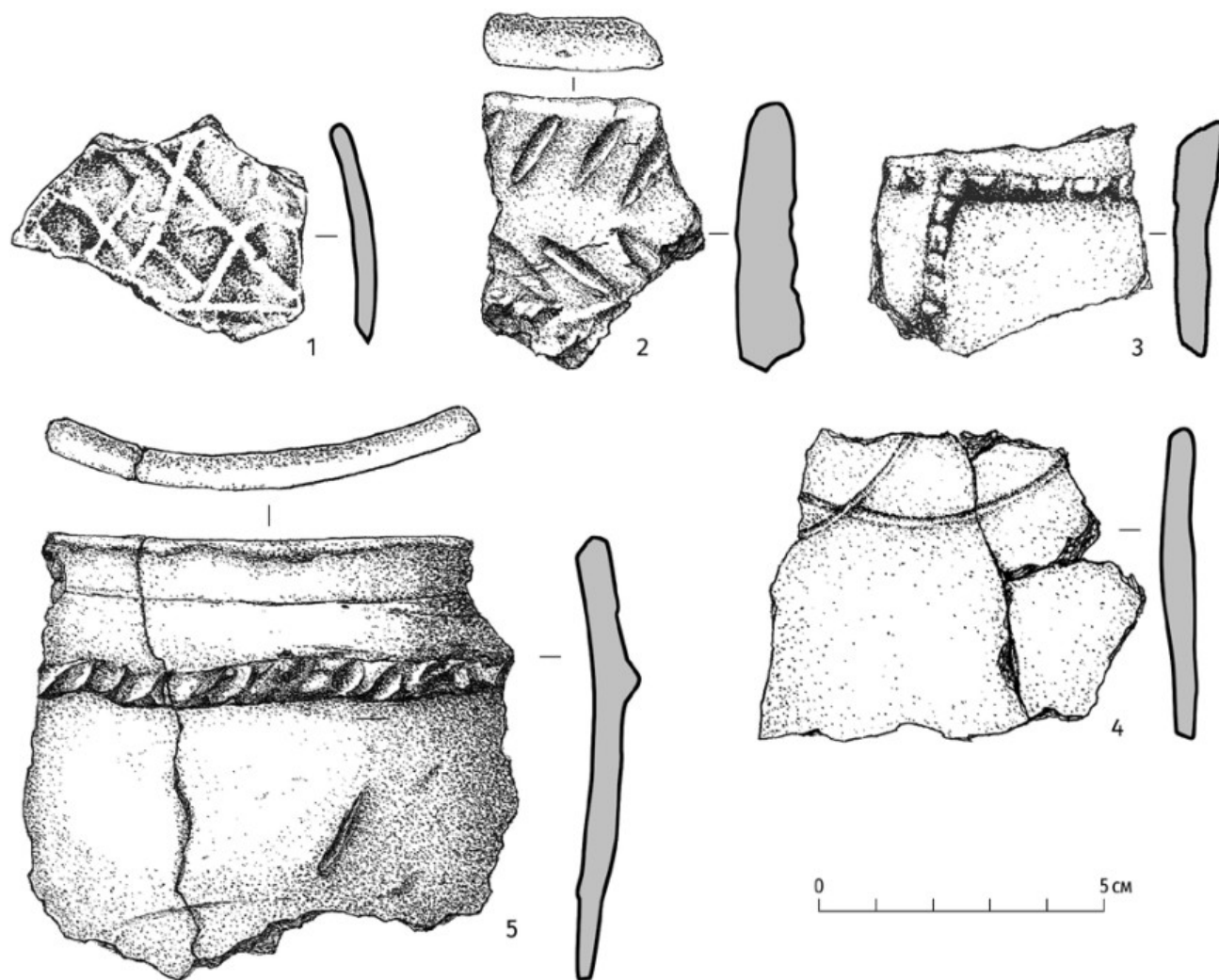
(Савинов, 1994. С. 20; Шульга, 2011. С. 391). Кроме того, в Приольхонье зафиксированы фрагменты двух керамических сосудов, внешний облик и технология изготовления которых позволяет относить их к культуре хунну (Горюнова, Черемисин, 2000. С. 149–151). Материалы полевых исследований последних сезонов дополняют картину широких культурных связей западного побережья озера Байкал с Забайкальем и Монголией (Горюнова и др., 2021. С. 49).

Поселенческие материалы елгинской эпохи на территории Западной части Байкальской Сибири представлены в первую очередь артефактами из раскопок на островах верхнего и среднего течения реки Ангары и ряда стоянок в Кудинской долине и на северо-западном побережье озера Байкал. Здесь мы можем наблюдать преобладание керамических материалов, которые как своим количеством, так и информативностью зна-

чительно превалируют над иными категориями археологических источников (Харинский, 2005).

Кудинская долина в этом отношении не является исключением. На сегодняшний день наиболее многочисленными археологическими источниками, датируемые периодом существования империи Хунну, имеются в материалах стоянки Манхай 4, а конкретно в артефактах 3-го горизонта, по которому имеется одна абсолютная калиброванная дата — 2165 ± 150 (СОАН-3585) (Харинский, 2005. С. 208). В комплексе этого горизонта идентифицируется несколько керамических сосудов, среди которых:

- фрагмент сосуда, декорированного налепными валиками (украшенными поперечными вдавлениями), размещенными друг к друг под прямым углом (рис. 1, 3). Схожая керамика имеется в материалах могильника Елга (Горюнова, Пудовкина, 1995. С. 159);

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов из Кудинской долины: 1 — стоянка Усть-Орда (ИОКМ-259/5); 2–5 — стоянка Манхай 4 (третий культурный слой)

Fig. 1. Pottery from valley of Kuda river: 1 — site Ust-Orda (IOKM-259/5); 2–5 — site Manhay 4 (cultural layer 3)

- фрагмент сосуда простой закрытой предположительно шаровидной формы с округлым симметричным венчиком, декорированный горизонтальным наклепным валиком, в свою очередь украшенным поперечными вдавлениями (рис. 1, 5);

- фрагмент венчика сосуда с овальными отпечатками, нанесенными в виде елочки (рис. 1, 2);

- фрагмент сосуда, украшенного дугообразными прочерченными линиями (рис. 1, 4).

Подобные сосуды широко бытовали на всем протяжении железного века в Байкальском регионе (Николаев, Кустов, 2007; Харинский, 2001; 2005).

Наряду со стратифицированными данными, в долине реки Куды в качестве подъемного материала зафиксировано несколько фрагментов сосудов борисовского типа, характерным признаком которых является наличие на внешней стороне отпечатков ромбовидной формы («вафельных отпечатков») в качестве технического декора (рис. 1, 1). Подобную керамику также соотносят с елгинским периодом (Горюнова, Новиков, 2016. С. 182; Харинский, 2005. С. 205–207). Находки фрагментов подобных сосудов имеются как в погребениях, так и в составе стояночных комплексов. Кроме того, необходимо отметить наличие фрагментов сосудов с вафельными отпечатками в Забайкалье среди материалов поселения Дурены II (слой 5), которые гипотетически можно связывать с борисовским типом (Миняев, 1988. С. 230). В археологической литературе уже отмечалось, что керамические материалы памятников в районе с. Дурены обнаруживают многочисленные аналогии среди памятников Предбайкалья (Давыдова, Миняев, 2003. С. 20).

Подводя итог, можно сказать, что на данный момент археологические источники памятников Кудинской долины показывают ее близкие культурные связи с другими регионами Байкальской Сибири. Дальнейшие археологические исследования дополняют и конкретизируют эту картину.

Горюнова и др., 2021 — Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Железный век Приольхонья в I тыс. н. э. (по материалам стоянки Саган-Заба II) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 37. С. 33–55.

Горюнова, Новиков, 2016 — Горюнова О. И., Новиков А. Г. Керамические комплексы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. на побережье озера Байкал (по материалам многослойных поселений) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая / Отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2016. Т. 1. С. 179–185.

Горюнова, Пудовкина, 1995 — Горюнова О. И., Пудовкина Е. А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности / Отв. ред. В. М. Ветров. Иркутск: ИГУ, 1995. С. 154–174.

Горюнова, Черемисин, 2000 — Горюнова О. И., Черемисин С. А. Пещера Тонта — разновременный памятник Приольхонья (оз. Байкал) // Байкальская Сибирь в древности: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 2000. Вып. 2. С. 146–165.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.

Коростелев, 2022 — Коростелев А. М. Бутухейские и елгинские погребально-поминальные комплексы Предбайкалья V в. до н. э. — IV в. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Миняев, 1988 — Миняев С. С. Дурены II — многослойное поселение в Западном Забайкалье // СА. 1988. № 2. С. 228–233.

Новиков и др., 2017 — Новиков А. Г., Абдулов А. Т., Горюнова О. И. Керамические комплексы побережья Чивыркуйского залива озера Байкал в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 279–288.

Николаев, Кустов, 2007 — Николаев В. С., Кустов М. С. Средневековые археологические комплексы в местности Хабсагай (по материалам ангарской экспедиции АН СССР 1957 г.) // Известия лаборатории древних технологий. 2007. Вып. 5. С. 183–195.

Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.

Смотрова, 1991 — Смотрова В. И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1991. С. 136–143.

Харинский, 2001 — Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. — сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: ИрГТУ, 2001. 199 с.

Харинский, 2005 — Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Известия лаборатории древних технологий. 2005. № 1 (3). С. 198–215.

Харинский, 2014 — Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 19–43.

Харинский, Коростелев, 2011 — Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этни-

ческая история / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. С. 173–202.

Шульга, 2011 — Шульга П. И. Об истоках погребального обряда хунну // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Под ред. А. В. Харинского. Вып. 2. Иркутск: ИргТУ, 2011. С. 389–398.

The Kuda river valley (The western part of Baikal Siberia) in the Xiongnu era

Grigoriy L. Ivanov²

Annotation. *This publication analyzes materials from archaeological sites dating back to the Xiongnu era, located in the valley of Kuda river. This is steppe region to the west from Lake Baikal. The main content of article is information about archaeological sites. The most multiple categories of artifacts are handmade pottery. This source indicates cultural links of Kuda river valley with other regions of Baikal Siberia.*

Key words: *Kuda river valley, Elga era, sites, handmade pottery*

---

² Grigory L. Ivanov — Muraviyov-Amurskii Irkutsk Museum of Local History; 11 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: ivanov85@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4316-7372.

Деревянный туесок-шкатулка из могильника Терезин в Туве¹

М. Е. Килуновская², П. М. Леус³, В. С. Бусова⁴, О. В. Андреева⁵

Аннотация. Исследования на могильниках Ала-Тей 1 и Терезин в Центральной Туве дали многочисленные находки эпохи хунну и позволили уточнить датировку этого исторического этапа. В коллекции находок представлены такие характерные предметы как ажурные бронзы, гагатовые пряжки, керамика, украшения и предметы вооружения. При этом органические материалы здесь практически не сохранились из-за воздействия Саяно-Шушенского водохранилища. Тем не менее в одном из погребений могильника Терезин была найдена хорошо сохранившаяся деревянная шкатулка-туесок, в которой находились бронзовое зеркало, деревянный гребень и мешочек-амулетница. Стенки туеска были скреплены ремешками и украшены резным волнообразным и геометрическим орнаментом. Статья посвящена подробному рассмотрению этой редкой находки.

Ключевые слова: Тува, хунну, сюнну, Ала-Тей, Терезин, туесок-шкатулка

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.166-170>

В ходе исследований грунтовых могильников хуннской эпохи Терезин и Ала-Тей 1 в Центральной Туве было получено множество интересных находок. Это большая коллекция ажурных бронзовых пряжек и других деталей поясного набора, различные типы китайских зеркал времен династии Западная Хань и более раннего времени, уникальные инкрустированные и гравированные пластины-пряжки из сибирского гагата (богхэда), классические хуннские вазовидные сосуды и необычные перегородчатые сосуды (светильники) и пр. (Килуновская, Леус, 2018, 2020а, 2020б). Серия радиоуглеродных дат, полученных для этих могильников, укладывается в хронологический диапазон II–I вв. до н. э., что позволяет также датировать эпоху хунну в Туве этим временем (Килуновская, Леус, 2021).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Килуновская М. Е. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

³ Леус П. М. — ИИМК РАН; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

⁴ Бусова В. С. — ИИМК РАН; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8964-3480.

⁵ Андреева О. В. — ИИМК РАН; e-mail: andrelga@mail.ru.

На основании полученных при раскопках материалов также оказалось возможным выделить ряд характерных для эпохи хунну культурных и хронологических признаков⁶.

Находки из органических материалов на памятниках редки. На могильнике Ала-Тей 1 органика не сохранилась в связи с тем, что большую часть года площадь могильника затоплена Саяно-Шушенским водохранилищем. На Терезине значительная часть погребений была разрушена водохранилищем, но некоторые обнаружены на высоких песчаных обрывах непо потревоженными. В 2018 г. здесь были раскопаны два женских погребения с уникальными наборами предметов⁷. Песчаный грунт и стабильный температурно-влажностный режим позволили сохраниться некоторым изделиям из органических материалов, среди находок выделяется деревянный туесок-шкатулка из захоронения Т/21⁸.

Сам объект Т/21 представлял собой грунтовую яму с захоронением молодой женщины в каменном ящике. Погребенная лежала на правом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Под плитами перекры-

⁶ Подробнее см. в статье М. Е. Килуновской, П. М. Леуса в настоящем сборнике.

⁷ Предварительная информация была опубликована: Килуновская и др., 2018.

⁸ Здесь и далее приводятся сокращенные названия памятников: Т — Терезин, далее через косую номер объекта/погребения.

тия в могиле образовалось безвоздушное пространство в районе тазовых костей и ног, что привело к частичной естественной мумификации мягких тканей ног, одежды и обуви. Около головы, перед лицом погребенной (в западном углу каменного ящика), находился прислоненный к стенке деревянный туесок-шкатулка. В процессе расчистки выяснилось, что два «полукружия» его стенок оказались вложенными друг в друга, а фрагментированное круглое донце из дерева было прислонено вертикально к каменной стенке ящика. Внутри лежали бронзовое зеркало, фрагменты гребня и мешочек-амулетница. На поясе найдены прямоугольные пряжки из кости и сибирского гагата (богхэда). Возможно, к поясу относились и многочисленные бусины из различных материалов и бисер. На гагатовой пряжке с обратной стороны имелась небольшая четкая гравировка тамгообразного знака, напоминающего песочные часы или символ «Шу» с китайской монеты у-шу.

Деревянное изделие было интерпретировано как небольшой (высота — 13,5 см) круглый короб или туесок-шкатулка для хранения небольших личных вещей (рис. 1, 1). Его борта состояли из двух стенок и были скреплены между собой внахлест с помощью берестяных или лубяных (льковых) ремешков (рис. 1, 2, 3). Схожая схема соединения встречается на «кружке» из могильника Аймырлыг (Николаев, 2012. Кат. 337), изготовленной из тонких деревянных пластинок (такой материал в строительстве и столярном деле называют дранкой или шпоном). На стенки нанесен резной орнамент (глубиной до 1 мм), «расходящийся» в разные стороны: волнообразный, как на шерстяном ковре из кургана 20 Ноин-Улы, и геометрический с острыми углами, упирающимися в пары треугольников сверху и снизу, соединенных вертикальной тонкой линией. Интересно, что на прямоугольном фрагменте в месте соединения двух краев стенок (4,5 × 7,5 см и толщиной 0,5–0,8 см) с одной стороны использован строчной шов ремешками, а с другой — стебельчатый шов. На фрагмент нанесен орнамент — два треугольника, соединенных вертикальной линией. Под микроскопом с небольшим увеличением (10х) хорошо видно, как был выполнен орнамент: сначала с большим нажатием прорезали треугольники на верхней и нижней части стенки, а затем их соединили между собой линиями, судя по всему, уже по готовому изделию, держа предмет на весу. Верхнюю часть геометрического орнамента сначала намечали с помощью отметок-проколов, по которым затем проводили линию шилом. В нижней части разметки уже не придерживались: расстояние между линиями гораздо шире, чем наверху. В верхней части изделия толщина стенки

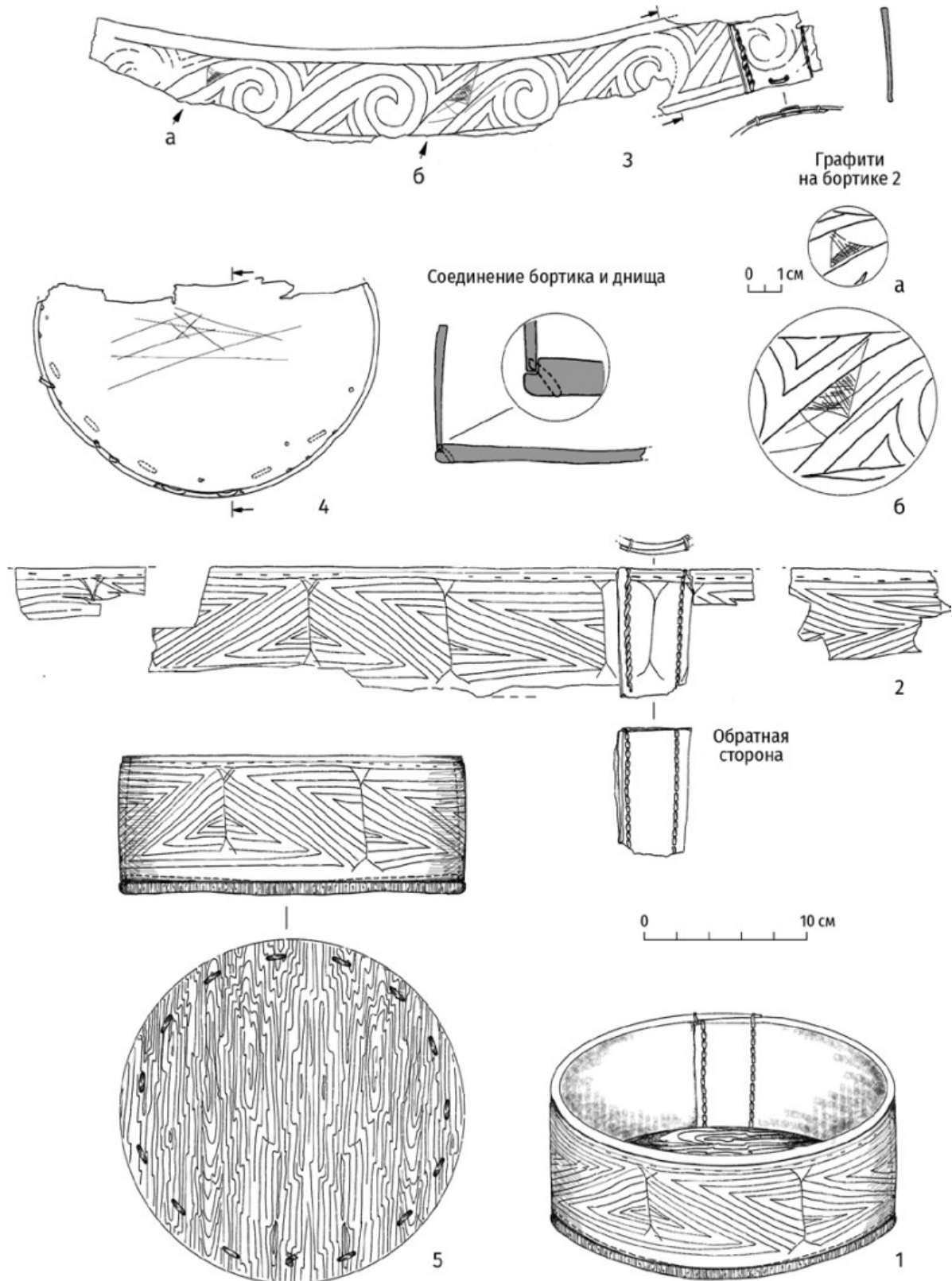
достигает до 0,3 см, а в нижней — 0,6 см. Волнообразный мотив повторяется 6 раз, а предварительная разметка здесь была начата в обратном порядке — снизу вверх. Вдоль нижнего края (рис. 1, 3) находилась вмятина, но следы от отверстий в плоскости, примыкающей к торцу дна, отсутствуют, у другого бортика они были зафиксированы (рис. 1, 2). Это может объясняться плохой сохранностью или использованием другого крепления бортика к днищу. Например, оно могло затягиваться полоской снаружи — в связи с чем могла остаться вмятина.

Крышка изделия не сохранилась. На бортике с треугольным орнаментом верхней части изделия (рис. 1, 2) фиксируется след более темного цвета по всему внешнему периметру около 0,3–0,4 см, который можно интерпретировать как след от крышки. По бортику внутри орнамента тонким инструментом были процарапаны два треугольника — один из которых покрыт сетчатой штриховкой (рис. 1, 3а, 3б).

На деревянном дне (толщиной около 2 см) (рис. 1, 4) фиксируются множественные следы, которые можно отнести к следам бытования предмета. Среди следов выделяются «порезы» от ножа и работы шилом. Вероятно, донце шкатулки использовалось в качестве рабочей поверхности. Со стенками оно скреплялось растительными волокнами.

Похожие, но берестяные туески-шкатулки с «туалетными наборами» известны по материалам могильника Аймырлыг XXXI (Стамбульник, 1983. С. 39–40), расположенного в 7 км от могильника Терезин. Судя по всему, во время исследования могильника Аймырлыг XXXI подобных туесков было встречено много, но целых экземпляров сохранилось лишь несколько. К примеру, в погребении 17 в юго-западном углу гроба была найдена берестяная шкатулка с 4 фрагментами железных ножей, железными пинцетом и шилом, обломком зеркала в шелковом мешочке, деревянной палочкой (веретено?), миниатюрной деревянной ложкой и миниатюрным берестяным туеском (Стамбульник, 1980). Упомянутые туески-шкатулки имели небольшой диаметр (10–12 см) и высоту около 6 см. При раскопках хуннского кургана № 7 в пади Царам С. С. Миняевым за головой куклы 1 были обнаружены следы лакированной деревянной шкатулки, рядом с которой находились 4 берестяных туеска. Под туесками лежал берестяной круг с тамгой, на котором был обнаружен фрагмент бронзового зеркала (Миняев, Сахаровская, 2007. С. 164, рис. 3, 3; 5). Это изделие также можно определить как шкатулку-туесок (Миняев, 2009. Рис. 9).

Рис. 1. Туесок-шкатулка из захоронения Т/21 в Туве: 1 — общий вид; 2 — развертка фрагмента бортика № 1; 3 — развертка фрагмента бортика № 2; 4 — днище (внутренняя сторона); 5 — реконструкция (рисунок и реконструкция — О. В. Андреева). Материал — дерево

Fig. 1. "Birch bark container"-casket from burial T/21 (Terezin burial ground) in Tuva: 1 — general view; 2 — spread of fragment of side No. 1; 3 — spread of fragment of side No. 2; 4 — bottom (inner side); 5 — reconstruction (drawing and reconstruction by Olga V. Andreeva). Material — wood

Внутри туеска-шкатулки из Т/21 было найдено бронзовое зеркало на кожаном ремешке, являющееся местной копией китайских зеркал. У зеркала фиксируется типичный для китайских оригиналов этой эпохи волнообразный орнамент по краю, в то время как центр остался гладким, специально, либо из-за дефекта литья. Зеркало хранилось в войлочном чехле, сшитом с помощью сухожильной нити, таким же образом выполнен геометрический узор — вышивка по поверхности. Вместе с ним был найден фрагмент цельного деревянного гребня, предназначенного, вероятно, для чесания волокна (в два зубца), маленький кожаный мешочек-амулетница (рентгенограмма не позволила зафиксировать каких-либо контрастных предметов внутри), моток частично расщепленных сухожильных нитей и около двух десятков фрагментов тонкой кожи. Эти кожаные заготовки имеют множественные отверстия разных диаметров и, возможно, служили поделочным материалом, так как лежали хаотично и имели четкие срезы по краям.

Подробный анализ изделия позволил сделать его реконструкцию (рис. 1, 1, 5). Можно предположить, что подобные изделия помещались во многие женские захоронения хуннского времени, но не сохранились в силу естественных причин, особенно при отсутствии каких-либо консервирующих материалов, например, крупных бронзовых предметов. Особенностью этого изделия является сплошная орнаментация и использование тонкого дерева вместо бересты. Находки подобных изделий помогают реконструировать быт и культуру древнего населения Центральной Тувы.

Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2020а — Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–125.

Килуновская, Леус, 2020б — Килуновская М. Е., Леус П. М. Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве // АВ. 2020. Вып. 30. С. 223–253.

Килуновская, Леус, 2021 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 79–92.

Килуновская и др., 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М., Бусова В. С. Уникальные наборы предметов из женских погребений эпохи хунну на могильнике Терезин (Центральная Тува) // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 135–138.

Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.

Миняев, 2009 — Миняев С. С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 49–58.

Николаев, 2012 — Николаев Н. Н. Хунну // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2012. С. 118–131.

Стамбульник, 1983 — Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 34–41.

Стамбульник, 1980 — Стамбульник Э. У. Отчет 6 отряда СТАЭ ЛОИА СССР в 1979 году. Ленинград, 1980 г. // НА ИИМК РАН. РО.

Wooden “birch bark container”: Casket from the Terezin cemetery in Tuva

Marina E. Kilunovskaya⁹, Pavel M. Leus¹⁰, Varvara S. Busova¹¹, Olga V. Andreeva¹²

Annotation. *Excavations of the Ala-Tey 1 and Teresin burial sites in Central Tuva yielded numerous findings from the Hunnu era and helped refine the dating of this historical period. The collection of discoveries includes characteristic items such as openwork bronzes, jet buckles, ceramics, ornaments, and weapons. However, organic materials have not been well preserved due to the impact of the Sayano-Shushenskaya Reservoir. Nevertheless, a well-preserved “birch bark container”-casket was found in one of the burials at the Terezin burial site, containing a bronze mirror, a wooden comb, and a pouch-amulet. The casket was made of wood, with walls fastened with overlapping straps and decorated with carved ornamentation, including wavy and geometric patterns. This article is dedicated to a detailed examination of this rare discovery.*

Key words: *Tuva, Xiongnu, Ala-Tei, Terezin, birch bark container*

---

⁹ Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

¹⁰ Pavel M. Leus — Institute for the History of Material Culture of the RAS; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

¹¹ Varvara S. Busova — Institute for the History of Material Culture of the RAS; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8964-3480.

¹² Olga V. Andreeva — Institute for the History of Material Culture of the RAS; e-mail: andrelga@mail.ru.

Основные признаки культуры хунну в Туве¹

М. Е. Килуновская², П. М. Леус³

Аннотация. Благодаря раскопкам могильников Ала-Тей 1 и Терезин стало возможным выделить признаки, характерные для культуры хунну в Туве. Это элементы погребального обряда и вещевого комплекса, появившиеся здесь вместе с хунну и исчезающие после их ухода. Совокупность признаков позволяет датировать эпоху хунну в Туве II–I вв. до н. э.

Ключевые слова: Тува, хуннская эпоха, сюнну, Ала-Тей, Терезин

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.171-172>

Этногенез хунну остается дискуссионным, а их государство представляло собой конфедерацию степных племен. Поэтому, говоря о хунну в Туве, речь прежде всего идет о представителях разных племен и народов, объединенных под властью шаньюя и имеющих схожую материальную культуру хуннского облика. В связи с этим этноним хунну обычно используется в широком смысле слова.

Появление хунну в Туве находит отражение в материальной культуре и погребальном обряде, которые наиболее ярко представлены среди находок на могильниках Ала-Тей 1 и Терезин, исследующихся Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН на дне и по берегам Саяно-Шушенского водохранилища. К настоящему моменту на Ала-Тее 1 уже изучено 120 объектов, на Терезине — 42 объекта. Благодаря этим исследованиям появилась возможность выделить ряд характерных культурных и хронологических признаков, маркирующих эпоху хунну в Туве, то есть относящихся только к рассматриваемому времени (Килуновская, Леус,

2018). Это комплексы предметов и детали погребального обряда, относящиеся только к культуре хунну и датирующиеся II–I вв. до н. э., что хорошо подтверждается серией радиоуглеродных дат (Килуновская, Леус, 2021). В то же время, к культуре хунну можно отнести также целый ряд признаков, являющихся второстепенными. Они обнаруживаются на территории Тувы как в материалах более раннего, так и позднего времени. К культуре хунну их можно отнести лишь в контексте нахождения с другими характерными вещами или деталями погребального обряда.

Культурно-хронологическими индикаторами эпохи хунну в Туве можно считать вытянутые индивидуальные захоронения в прямоугольных каменных ящиках, деревянных гробах и гробовищах. Для элиты характерны курганы трапециевидной формы с имитацией входа-дромоса и глубокой ямой с деревянным гробом в деревянном срубе, как раскопанные на могильнике Бай-Даг II возле г. Шагонар (Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 197–198).

К вещевому комплексу хунну относятся: керамические вазы с вертикальным лощением и квадратным штампом от поворотной подставки на дне и так называемые перегородчатые сосуды, стоящие обычно на краю могильной ямы; крупные костяные наконечники стрел; китайские зеркала эпохи Западной Хань и более раннего времени; некоторые детали поясного набора, такие как большие бронзовые и гагатовые пряжки, ажурные кольца, подвески-колокольчики, когтевидные подвески, ложечковидные наконечники ремней, имитации раковин каури и др. Из украшений выделяются

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Килуновская М. Е. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

³ Леус П. М. — Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

полихромные бусы и подвески, однотипные серьги из бронзы или золота в виде скрученного из проволоки кольца с маленькой петелькой, бронзовые пуговицы. Типичными для мужских погребений являются железные или бронзовые пряжки на обувь. Новые находки смогут скорректировать и дополнить этот список.

Ближе к рубежу эр государство хунну ослабевает, носители хуннской культуры теряют свои позиции и покидают Туву. Перечисленные выше признаки их культуры исчезают вместе с ними. Тем не менее какая-то часть носителей культуры хунну могла так или иначе остаться и сыграть свою роль в формировании последующих археологических культур.

Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2021 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 79–92.

Мандельштам, Стамбульник, 1992 — Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205.

The main marks of the Xiongnu culture in Tuva

Marina E. Kilunovskaya⁴, Pavel M. Leus⁵

Annotation. *Thanks to the excavations of the burial grounds of Ala-Tei 1 and Terezin, it became possible to identify features characteristic of the Xiongnu culture in Tuva. These are elements of the funeral rite and clothing complex that appeared here together with the Xiongnu and disappear after their departure. The combination of features allows us to date the Xiongnu era in Tuva to the 2nd–1st centuries BC.*

Key words: *Tuva, Hunnic era, Xiongnu, Ala-Tei 1, Terezin*

⁴ Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

⁵ Pavel M. Leus — Institute for the History of Material Culture of the RAS; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

Планиграфия и половозрастная структура некрополя сюннского времени Яломан-II (Центральный Алтай)¹

А. А. Тишкин²

Аннотация. Некрополь сюннского времени на памятнике Яломан-II является базовым археологическим объектом для реконструкции одного из этапов истории древнего населения Алтая. Он имеет свои планиграфические особенности и радикально отличается от устройства погребально-поминальных комплексов предшествующей пазырыкской культуры. Благодаря полученным антропологическим определениям появилась возможность рассмотреть половозрастную структуру группы захороненных людей. Указано преобладание детских погребений, а также наличие существенного числа кенотаффов. Лишь по одному индивидууму мужского и женского пола оказались старыми. Отмечены наиболее «богатые» представители среди мужчин и женщин.

Ключевые слова: Центральный Алтай, сюннское время, Яломан-II, планиграфия, половозрастная структура

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.173-177>

Результаты исследования археологического комплекса Яломан-II, обнаруженного в Центральном Алтае, в разном виде уже опубликованы (Тишкин, Горбунов, 2003; Tishkin, 2011; Тишкин, Мыльников, 2016; и др.). Однако особенности планиграфии некрополя сюннского (хуннского) времени и его половозрастная структура еще детально не рассматривались. Возможности для такого освещения обозначенной темы представились благодаря антропологическим определениям, выполненным канд. ист. наук Д. В. Поздняковым (ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск).

Памятник, получивший обозначение Яломан-II, был известен до его специального обследования и документирования. Впервые он осматривался автором в 1986 г., когда археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством С. В. Неверова проводились раскопки на территории Яломанского городища (крепости), находящегося неподалеку, в устье р. Большой Яломан (левый приток Катунь). Однако основное внимание тогда привлекли курганы жузжанского времени, расположенные своеобразным кон-

гломератом (рис. 1). На слабозаметные объекты, находившиеся к юго-западу от них (рис. 1; указаны красной стрелкой), во время кратковременных экскурсионных осмотров особого внимания никто не обращал. Только летом 2001 г. в ходе плановых экспедиционных обследований памятник Яломан-II был зафиксирован и описан, что нашло отражение в соответствующем отчете автора публикации.

Своеобразный комплекс более чем из 80 различных археологических объектов располагается на четвертой надпойменной террасе, высота которой от уровня поймы р. Большой Яломан составляет около 40 м. Каменные сооружения размещены на остепненной площадке, с востока ограниченной горами, а с запада — логом и оврагом. План памятника был получен по результатам теодолитной съемки. От одного из крайних курганов (в южной части некрополя) до моста на Чуйском тракте по прямой — более 400 м. Через площадь памятника проходят две тропинки, ведущие в горы. От Чуйского тракта до зимника, расположенного на левом берегу р. Большой Яломан в конце террасы, проложена полевая дорога. Западная и особенно юго-западная части памятника находятся в аварийном состоянии из-за ежегодного расширения оврага.

Летом 2002 г. в ходе дальнейших обследований был замечен обнажившийся в осыпи оврага каменный ящик кургана № 53. В нем находилась деревянная колода с погребением ребенка. Найдены три золотые бляхи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Тишкин А. А. — Алтайский государственный университет; пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

Рис. 1. Вид на археологический комплекс Яломан-II, Яломанское городище и долину Катуня

Fig. 1. View of the Yaloman-II archaeological complex, Yaloman settlement and the Katun valley

нашивки, украшавшие нижний головной убор, и керамический сосуд, рядом с которым отмечен органический тлен и кость животного. Объект, получивший номер 53 а, тогда же обнаружен юго-западнее предыдущего кургана. Данное сооружение оказалось сильно разрушенным. Внутри сохранившихся стенок от каменного ящика оказались остатки детского скелета (Тишкин, Горбунов, 2002. С. 460, рис. 2, 2–5).

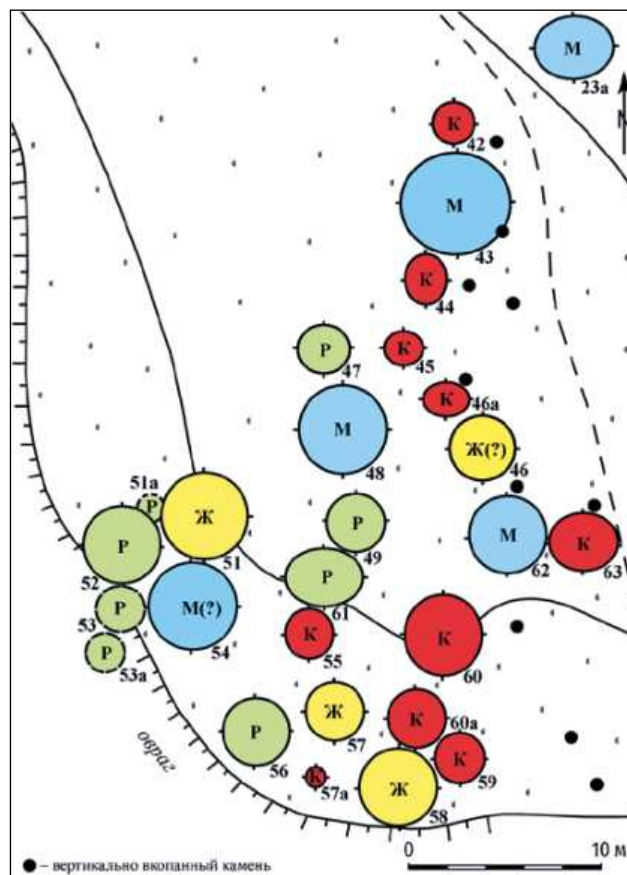
Конфигурация надмогильных сооружений, зафиксированных в юго-западной части памятника Яломан-II, на теодолитном плане отражала лишь их визуальное восприятие на поверхности (Тишкин, 2011. Fig. 3). Реальные формы курганов и их соотношение между собой можно было зафиксировать только в ходе раскопок. Данное обстоятельство определило методику полевых исследований. В 2003 г. вскрытие осуществлялось сплошным раскопом и большой площадью. Все погребения оказались неограбленными; было получено существенное число предметов материальной культуры суннуского времени (Тишкин, Горбунов, 2003. С. 489–490, рис. 1). Однако сложившиеся обстоятельства, вызванные негативным отношением местных жителей к археологическим работам, не позволили полностью охватить предполагаемую территорию некрополя. В 2007 г. удалось вскрыть еще один перспективный уча-

сток (Тишкин, 2007. С. 385–387, рис. 2, 1, 2). В результате всех указанных экспедиционных работ были исследованы 27 объектов (рис. 2). Стоит отметить вероятность того, что несколько погребений суннуского времени все же остались невыявленными и нераскопанными. Данное предположение основано на результатах осуществленных раскопок. Курганы, отмеченные номером, у которого есть еще буква «а», были выявлены только в ходе сплошного вскрытия намеченной площади. Первоначально на современной поверхности они были практически не различимы. Еще одним аргументом является наличие в неисследованной зоне вертикально вкопанных камней, которые маркируют погребения (рис. 2).

Имеющиеся планы раскопок свидетельствуют о том, что небольшие курганы суннуского времени располагались довольно компактно, а их планиграфия похожа на организацию грунтовых могильников. Важно отметить, что такое устройство некрополя радикально отличается от погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры, которых довольно много вблизи памятника Яломан-II на территории длинной террасы. В рассматриваемом контексте комплекс суннуского времени занимает особое положение. Он в определенной мере дистанцирован от погребальных объектов

предшествующего времени и относительно скрыт. Это может указывать на организацию кладбища мигрантами. В пользу данного предположения свидетельствуют не только отличающиеся предметы материальной культуры, но и погребальный обряд. Важно отметить и существенное количество кенотафов. Стоит также обратить внимание еще на одну особенность, которая может рассматриваться в качестве характерной черты для понимания размещения курганных некрополей булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Так, ранние могильники, относимые к усть-эдиганскому этапу (Тишкин, Горбунов, 2006), могут располагаться отдельно или вместе с курганами позднего верх-уймонского этапа, как это зафиксировано на памятнике Яломан-II (Тишкин, Мыльников, 2016. С. 23–30, 39–42). В то же время, некрополи развитого (бело-бомского) этапа указанной культуры всегда формировались обособленно, но относительно неподалеку от указанных ранних и поздних комплексов. Так, в долине Большого Яломана такой памятник располагается практически напротив Яломана-II, но на террасе правого берега; он обозначен как Яломан-XIV (Тишкин и др., 2004. С. 95–96, рис. 1). Серия аналогичных объектов сяньбийского времени находится в Центральном Алтае (Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Степушка, Уркош-I и др.). Причем они, как правило, занимают доминирующие (центральные) места на участке, свободном от курганов других периодов. Пока сложно объяснить данную ситуацию в этнокультурном плане, поэтому ограничимся обозначенной констатацией и некоторыми соображениями. Возможно, такая традиция связана с прибытием нового населения или сменой военно-политической элиты. Может быть, в сяньбийский период «булан-кобинцам» важно было показать свое исключительное доминирование в регионе. Не стоит исключать решения прагматического плана, связанные с природно-климатическими условиями и хозяйственной деятельностью. Важно, что указанное наблюдение может стать рекомендацией для поиска новых памятников разных этапов булан-кобинской культуры, учитывая, что их существенная часть располагается на высоких катунских террасах.

Теперь непосредственно рассмотрим зафиксированные результаты половозрастного анализа исследованных погребений. Сразу нужно отметить, что размеры надмогильных сооружений не позволяют выявить какие-либо закономерности, связанные с социальным статусом умершего человека. Хотя они отличаются друг от друга. Возможно, в данном случае имеет значение существенное число кенотафов. По крайней мере, диаметр и конфигурация курганных насыпей, под которыми

Рис. 2. Яломан-II. План-схема некрополя с данными антропологических определений погребенных людей и кенотафами

Fig. 2. Yaloman-II. Plan-scheme of the necropolis with data of anthropological determinations of buried people and cenotaphs

ми обнаружены дети, особо не отличаются от погребений взрослых. Это же можно сказать по отношению к мужским и женским погребениям. Немного выделяется единственный «элитный» объект № 43, который оказался самым крупным по размерам, имея подовальное кольцо-крепиду (5 × 4 м), с юго-восточной стороны вертикально вкопанный камень и сопровождение кенотафами (рис. 2). В нем был погребен мужчина 35–40 лет с взнузданной лошадью и с набором предметов материальной культуры, среди которых выделялись изделия из золота, остатки китайской лаковой чашечки и оружие (Тишкин, 2007. С. 385). Погребение знатной женщины в кургане № 51 планиграфически и размерами особо не отличалось от других. Этим двум объектам (№ 43 и 51) посвящена отдельная статья, где указаны имеющиеся радиоуглеродные датировки (Tishkin, 2011).

Размещение исследованных объектов по территории некрополя также особой информации не дает.

Можно лишь указать на скопление кенотафов в восточной стороне. Судя по результатам анализа других погребальных памятников булан-кобинской культуры, наблюдается такая особенность: как правило, мужские захоронения располагаются в центральной и восточной части кладбища, а детские и женские доминируют в западной. В качестве примера приведу планиграфию полностью раскопанного в Центральном Алтае памятника сяньбийско-жужанского времени Степушка (Тишкин и др., 2018. Табл. 50, 55).

Что касается других особенностей, то обратимся к небольшой статистике. Из 27 изученных объектов 10 оказались кенотафами (в том числе с сопроводительным захоронением лошади). Антропологические определения выполнены для 17 погребенных людей, среди которых детей (Р) оказалось восемь, женщин (Ж) — четыре и мужчин (М) — пять (рис. 2). Точная идентификация двух умерших оказалась под вопросом, что связано с некоторыми объективными причинами.

Возрастной анализ позволил выделить пять групп (рис. 3):

- 0–5 лет — четыре умерших ребенка;
- 7–12 лет — тоже четыре ребенка;
- 16–25 лет — три молодые женщины;
- 30–40 лет — четверо взрослых мужчин;
- 50–60 лет — два человека (мужчина и женщина).

Несмотря на небольшую серию половозрастных данных, они в целом указывают на семейно-родовой характер кладбища. Данное заключение и другие предположения стоит проверить с помощью палеогенетических исследований. Намеченный анализ станет основой для дальнейшего изучения всех материалов, полученных при раскопках некрополя сюннуского времени на погребально-поминальном комплексе Яломан-II.

Тишкин, 2007 — Тишкин А. А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 456–461.

Тишкин, Горбунов, 2002 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2002. Т. VIII. С. 382–387.

Тишкин, Горбунов, 2003 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин, Горбунов, 2006 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологи-

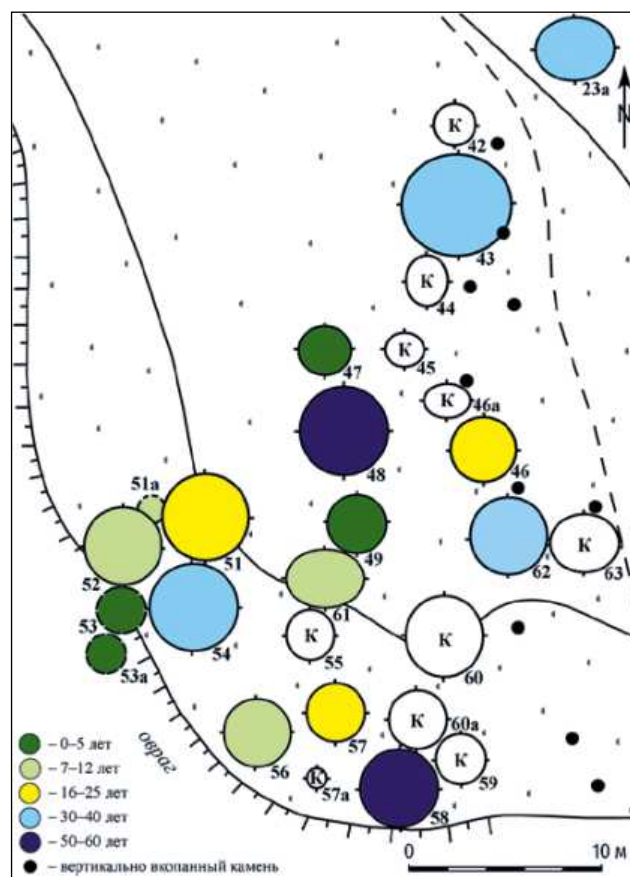

Рис. 3. Яломан-II. План-схема некрополя с указанием возраста погребенных людей и кенотафов

Fig. 3. Yaloman-II. Diagram of the necropolis with the age of buried people and cenotaphs

ческий анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.

Тишкин и др., 2004 — Тишкин А. А., Горбунов В. В., Матренин С. С. Яломанский археологический район в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ГарантПромРесурс, 2004. С. 93–97.

Тишкин, Мьльников, 2016 — Тишкин А. А., Мьльников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. — V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016 (Археологические памятники Алтая; Вып. 2). 192 с.: ил.

Тишкин, и др., 2018 — Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018 (Археологические памятники Алтая; Вып. 3). 368 с.: ил.

Tishkin, 2011 — Tishkin A. A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Jaloman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 539–558.

Planigraphy and gender and age structure of the necropolis of the Xiongnu Time Yaloman-II (Central Altai)

Alexey A. Tishkin³

Annotation. *The necropolis of the Xiongnu time on the Yaloman-II site is a basic archaeological object for the reconstruction of one of the stages of the history of the Altai ancient population. It has its own planigraphic features and radically differs from the arrangement of the funerary complexes of the preceding Pazyryk culture. Thanks to the anthropological definitions obtained, it became possible to consider the sex and age structure of the buried people group. The prevalence of children's burials was indicated, as well as the presence of a significant number of cenotaphs. Only one male and one female individual each turned out to be old. The most "rich" representatives among men and women were noted.*

Key words: *Central Altai, Xiongnu time, Yaloman-II, planigraphy, gender and age structure*

---

³ Alexey A. Tishkin — Altai State University; 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

Основные аспекты хронологической интерпретации предметного комплекса из объектов некрополя Карбан-1 (Северный Алтай)¹

Н. Н. Серегин², М. А. Демин³, С. С. Матренин⁴

Аннотация. В статье представлены результаты изучения предметного комплекса из погребений некрополя Карбан-1 (Северный Алтай). Рассмотрены возможности хронологической интерпретации предметов вооружения, орудий труда, элементов костюма, украшений, обнаруженных в ходе раскопок 22 курганов булан-кобинской культуры. Установлена относительная датировка памятника в рамках второй четверти II — первой половины III в. н. э., чему не противоречат полученные результаты радиоуглеродного анализа.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, хронология, предметный комплекс, погребение

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.178-182>

Одной из важных проблем в археологии Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. остается дискуссионность хронологии как конкретных погребальных памятников, так и этапов булан-кобинской культуры. Возможности решения комплекса вопросов в указанном направлении связаны с детальным анализом имеющихся материалов, а также последующей корреляцией полученных выводов с результатами радиоуглеродного датирования. В настоящей работе кратко представлены возможности хронологической интерпретации находок из погребений некрополя Карбан-1. В составе данного памятника, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай, в 1989–1990 гг. раскопаны 22 кургана булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2022).

В комплексе вооружения информативными являются сложносоставные луки с длинными срединными боковыми накладками сегментовидной формы (рис. 1, 1),

которые воспроизводят хуннские прототипы II в. до н. э. — I в. н. э. (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Худяков, 1986. Рис. 3, 1–7; и др.), а также обнаруживают датированные аналогии в воинских арсеналах кочевников Тувы конца I в. до н. э. — начала III в. н. э. (Николаев, 2001. С. 81–82, табл. 77, 1; 94, 2; 95, 1, 2; и др.). Единственный лук из некрополя Карбан-1 со срединными боковыми накладками дуговидной формы (рис. 1, 2) является местной модификацией метательного оружия II–V вв. н. э. (Горбунов, 2006. С. 16–17; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 42).

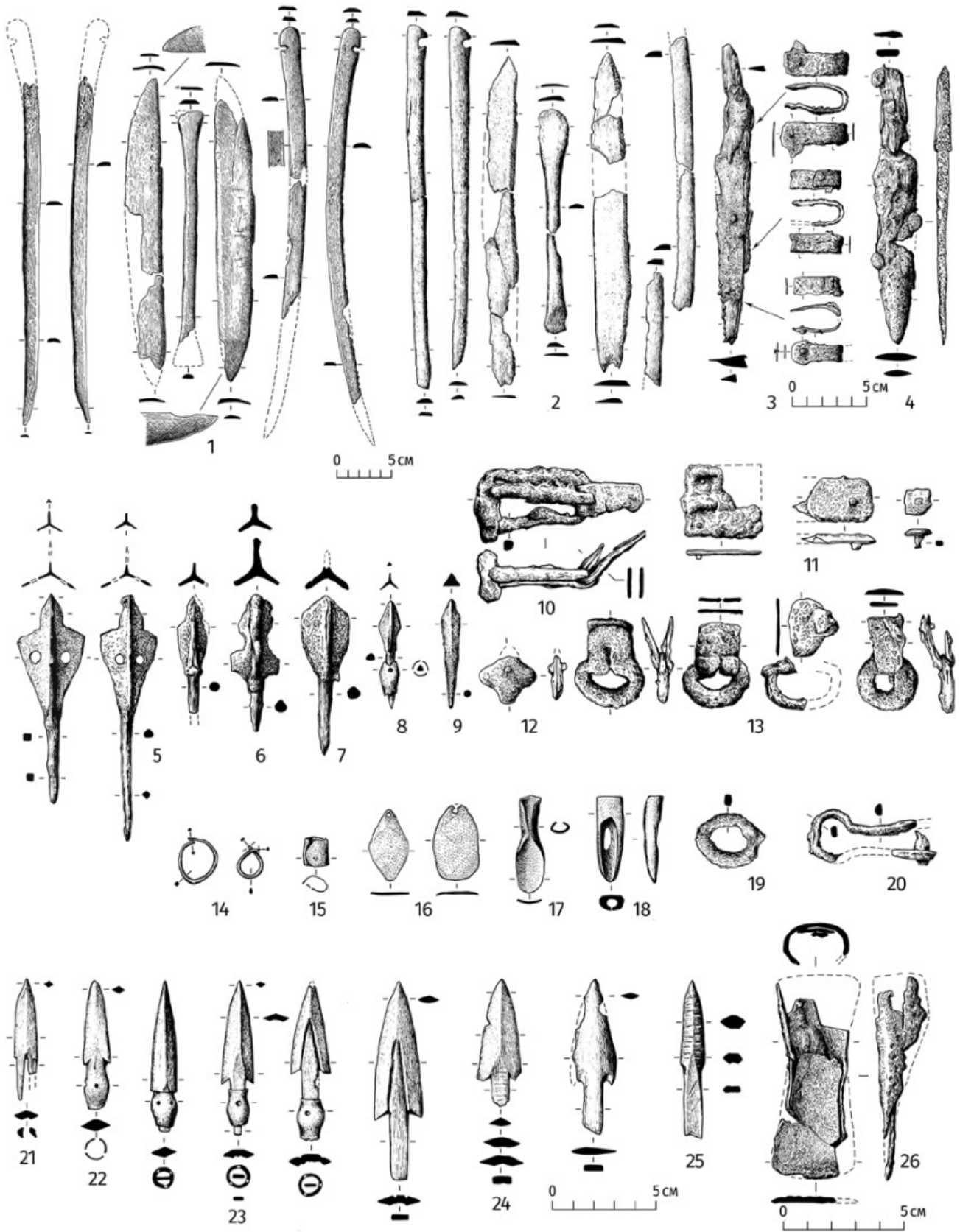
Найденные железные трехлопастные ярусные наконечники с малым верхним ярусом (рис. 1, 5) относятся к хуннской военной традиции и обнаруживают точные аналогии в памятниках Монголии и Забайкалья I в. до н. э. — I в. н. э. (Коновалов, 1976. Табл. II, 17–23; Худяков, 1986. Рис. 5, 7, 15, 24; и др.). На Алтае они известны со II в. н. э. (Горбунов, 2006. С. 29, 38, рис. 23, 4, 24). Обнаруженный ярусный наконечник стрелы с равновеликой верхней и нижней частями пера с широкими лопастями (рис. 1, 6) можно рассматривать в качестве переходного от хуннских (II в. до н. э. — I в. н. э.) к южносибирским (III–V вв. н. э.) образцам. Железные трехлопастные наконечники с ассиметрично-ромбическим и ромбическим пером без упора (рис. 1, 7, 8) использовались населением булан-кобинской культуры на протяжении II–V вв. н. э. (Горбунов, 2006. С. 29–30, 38–39; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 49, 54). Обнаруженный внутри черепа человека из погребения кургана № 14 железный наконечник стрелы с трехгранным пером пятиугольной формы без упора (рис. 1, 9) дати-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00179.

² Серегин Н. Н. — Алтайский государственный университет; пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

³ Демин М. А. — Алтайский государственный педагогический университет; ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Российская Федерация; e-mail: mademin52@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0954-9297.

⁴ Матренин С. С. — Барнаульский юридический институт МВД РФ; ул. Чкалова, 49, Барнаул, 656038, Российская Федерация; e-mail: matrenins@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7752-2470.

Рис. 1. «Хронологические маркеры» предметного комплекса из объектов некрополя Карбан-І. Материал: 1, 2, 18, 21-25 — кость (рог); 3-7, 9-13, 19-20, 26 — железо; 8 — железо, кость; 14-17 — цветной металл

Fig. 1. "Chronological markers" of the finds from the objects of the Karban-I necropolis. Material: 1, 2, 18, 21-25 — bone (horn); 3-7, 9-13, 19-20, 26 — iron; 8 — iron, bone; 14-17 — non-ferrous metal

руется в рамках I–III вв. н. э. и, по-видимому, связан с чужеродным для Алтая населением.

Железные боевые ножи с прямой и наклонной рукоятью (рис. 1, 3) выступали основным средством ведения рукопашного боя у «булан-кобинцев» во II–V вв. н. э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 58–59). Показательным является «ранний» способ их ношения вдоль бедра, в ножнах без железных цепочек и других крепежных элементов для подвешивания к поясу (Матренин, 2017. С. 17–25). Железный кинжал с рукоятью без перекрестия и деревянным навершием овальной формы (рис. 1, 4) имеет вероятным прототипом клинки кушано-юэцжийской военной традиции I в. до н. э. — I в. н. э. с цельнометаллическим навершием (Обельченко, 1978. С. 121–122, рис. 3, 5). Исходя из полученных материалов, рассматриваемый предмет можно датировать не ранее конца I в. н. э.

В составе снаряжения информативной является поясная пряжка с подвижным язычком, вытянуто-прямоугольной рамкой и щитком в виде пластины-полубоймы (рис. 1, 10), имеющая аналогию в сяньбийском некрополе конца I — начала III в. н. э. Зоргол-I (Восточное Забайкалье) (Яремчук, 2005. Рис. 101, 8).

Обнаруженные в могильнике Карбан-I железные поясные бляхи-накладки подквадратной и прямоугольной формы разного размера, с шпильковым креплением (рис. 1, 11) можно интерпретировать как подражание элементам ременных гарнитур северных сяньби конца I — начала III в. н. э. (Яремчук, 2005. Рис. 96, 6; 97, 4, 7 и др.). На Алтае они широко использовались «булан-кобинцами» во II–V вв. н. э. (Матренин, 2017. С. 72). Железная розетковидная бляха-накладка с шпильковым креплением (рис. 1, 12) своей формой напоминает полихромные бляхи хунну Монголии и Забайкалья конца I в. до н. э. — I в. н. э. (Коновалов, 1976. Табл. XIX, 19). Железные бляхи-накладки в виде пластин-полубойм с подвижным кольцом (рис. 1, 13) имеют ранние аналогии, актуальные для определения относительной хронологии в снаряжении сяньби Восточного Забайкалья (конец I — начало III в. н. э.) и кочевников Тувы (II–IV вв. н. э.) (Николаев, 2000. Рис. 1, 4, 6, 10; 3, 4, 12; Яремчук, 2005. Рис. 96, 5).

Весьма необычными являются бронзовый и костяной «наконечники-подвески» в виде трубочки-пластины со срезанным ложечковидным передним краем (рис. 1, 17, 18), которые демонстрируют заключительный период использования таких изделий на Алтае во II — начале III в. н. э. (Матренин, 2017. С. 84, 90–91).

Среди зафиксированных ременных гарнитур железные «блоки» в виде кольца (рис. 1, 19) массово представ-

лены у «булан-кобинцев» на протяжении II–V вв. н. э., а экземпляр округло-трапециевидной формы (рис. 1, 20) демонстрирует сходство с «т-образными» пряжками и распределителями ремней, известными в снаряжении населения Алтая III–V вв. н. э. (Матренин, 2017. С. 44–45, 50, 53, 54, 93–95; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 79–80, 94, 96).

В комплексе украшений из некрополя Карбан-I показательными являются кольчатые серьги (рис. 1, 14), массово встречающиеся в Центральной Азии у сяньби (конец I — начало III в. н. э.), а также известные у населения Тувы (конец I — IV в. н. э.) и Среднего Енисея (II–III вв. н. э.) (Вадецкая, 1999. Рис. 16, 26–28; 65; табл. 8, 4; Яремчук, 2005. С. 101, рис. 114, 6–7, 14–15, 25; и др.). Появление данных изделий на Алтае относится, по-видимому, ко времени не ранее II в. н. э. и, вероятно, отражает влияние культурных традиций одной из этнических групп северных сяньби.

Декоративные бронзовые предметы в виде наконечников (рис. 1, 15) и подвесок (рис. 1, 16) являлись элементом костюма населения булан-кобинской культуры Северного и Центрального Алтая во II–V вв. н. э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 142, табл. 47, 6–9; 48, 4–6, 10–17; Трифанова, Соенов, 2019. С. 49–52, 74, рис. 23–24; 27, 15–17).

В некрополе Карбан-I зафиксирована серия важных для хронологической атрибуции костяных наконечников стрел. Среди них черешковые модификации с ромбовидным в сечении пером листовидной формы (рис. 1, 25), а также многогранные и линзовидные изделия треугольной формы с шипами (рис. 1, 24) датируются периодом не ранее II в. н. э. (Тишкин и др., 2018. С. 122). Уникальными являются «экспериментальные» экземпляры с отдельно изготовленными костяными свистунками (рис. 1, 23). Костяной наконечник стрелы с ромбовидным в сечении пером и выступающей цельной бочонковидной втулкой-свистункой (рис. 1, 22) обнаруживает сходство с трехгранными изделиями из Восточного Забайкалья, обнаруженными в дуройской (III–IV вв. н. э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н. э.) культурах (Ковычев, 2006. Рис. 6, 10). Судя по имеющимся материалам, «карбанцы» могли познакомиться с наконечниками данной конструкции в первой половине III в. н. э. Костяной наконечник с зажимным насадом (рис. 1, 21) является характерным элементом материальной культуры «булан-кобинцев» III–V вв. н. э. (Тишкин и др., 2018. С. 125).

Показательным можно считать железное тесло с несомкнутой втулкой (рис. 1, 26). В Северной Азии наиболее ранние подобные предметы происходят из па-

мятников Среднего Приобья рубежа эр (Чиндина, 1984. С. 28, рис. 26, 8). Карбанский экземпляр не имеет местных прототипов в орудийном наборе кочевников предшествующего периода (скифо-сакского времени) и относится к типологически ранним образцам II — начала III в. н. э.

Остальной погребальный инвентарь из некрополя Карбан-I представлен функциональными и декоративными категориями изделий, имеющими более широкий период бытования, а также вещами, хронологическая атрибуция которых пока не может быть однозначно установлена с учетом типологии доступного археологического материала (рис. 2). Датировка данных предметов свидетельствует о том, что рассматриваемый некрополь был сооружен позже I в. н. э.

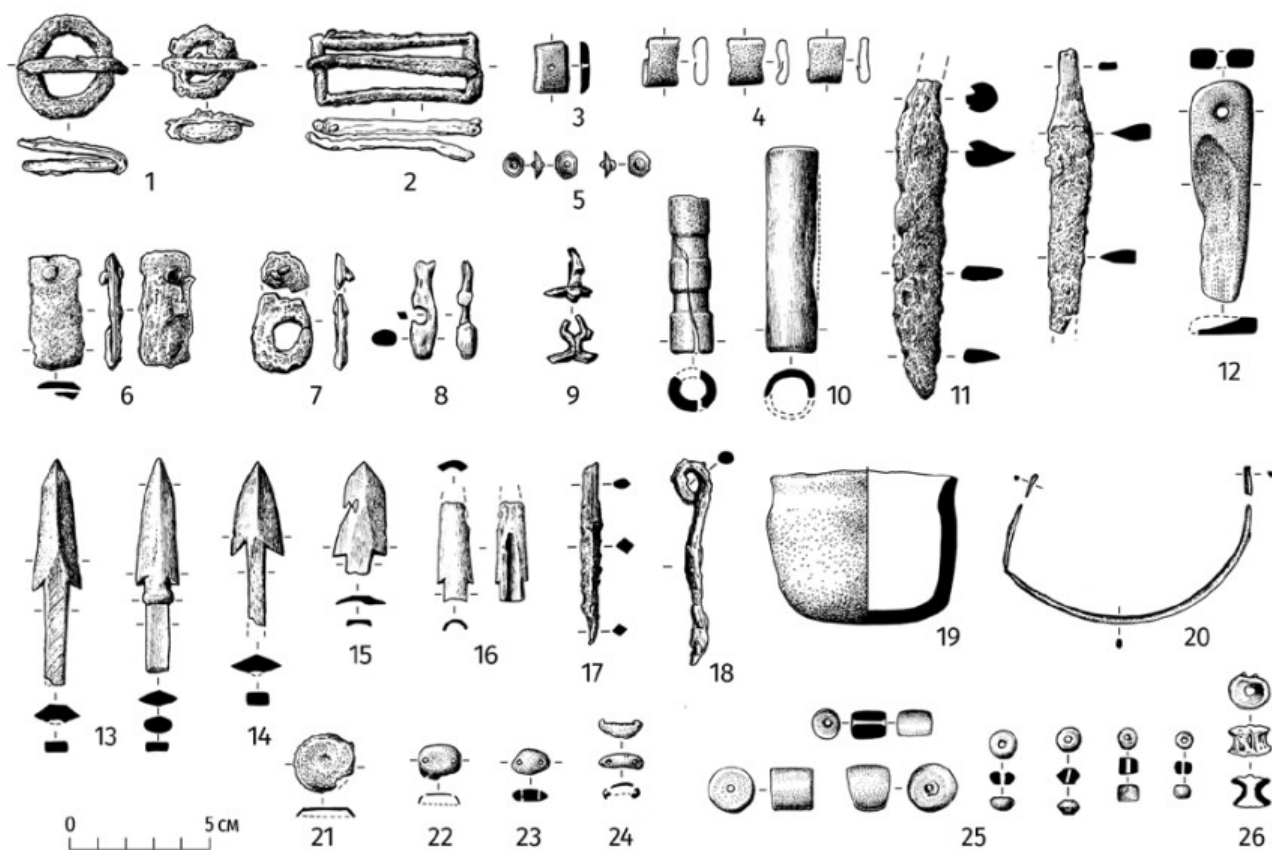
Таким образом, анализ предметов инвентаря из погребений рассматриваемого некрополя с учетом актуальных аналогий дает основания для установления времени функционирования могильника в рамках второй четверти II — первой половины III в. н. э. Учитывая

полученную серию радиоуглеродных дат, в целом подтверждающих сделанные заключения, памятник Карбан-I является одним из базовых комплексов раннесаяньбийского времени Северного Алтая, материалы которого могут привлекаться для дальнейшего уточнения периодизации булан-кобинской культуры Алтая и хронологической интерпретации археологических памятников начала эпохи Великого переселения народов других регионов Азии.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Горбунов, 2006 — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.

Ковычев, 2006 — Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Рис. 2. Категории изделий из объектов некрополя Карбан-I с широкой датировкой. Материал: 1, 2, 5–7, 9, 11, 17, 18, 21 — железо; 3, 4, 20, 22, 23 — цветной металл; 8, 10, 13–16, 24, 26 — кость; 12 — камень; 19 — керамика; 25 — стекло, паста

Fig. 2. Categories of artifacts from objects of the Karban-I necropolis with broad dating. Material: 1, 2, 5–7, 9, 11, 17, 18, 21 — iron; 3, 4, 20, 22, 23 — non-ferrous metal; 8, 10, 13–16, 24, 26 — bone; 12 — stone; 19 — ceramics; 25 — glass, paste

- Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Матренин, 2017 — Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. — V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Николаев, 2000 — Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.
- Николаев, 2001 — Николаев Н. Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.
- Омельченко, 1978 — Омельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.
- Серегин и др., 2022 — Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан–I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 276 с.
- Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018 — Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 368 с.
- Трифанова, Соенов, 2019 — Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: б. и., 2019. 160 с.
- Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Чиндина, 1984 — Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.
- Яремчук, 2005 — Яремчук О. А. Могильник Зоргол–I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

The main aspects of the chronological interpretation of the Karban-I necropolis' artifacts (Northern Altai)

Nikolay N. Seregin⁵, Mikhail A. Demin⁶, Sergey S. Matrenin⁷

Annotation. *The article presents the results of the study of the finds from the burials of the Karban–I necropolis (Northern Altai). The possibilities of chronological interpretation of weapons, tools, costume elements, jewelry, discovered during excavations of 22 burial mounds of the Bulan-Koby culture are considered. The relative dating of the site has been established within the framework of the second quarter of the 2nd — the first half of the 3rd centuries AD, which is not contradicted by the results of radiocarbon analysis.*

Key words: *Altai, Bulan-Koby culture, chronology, finds, burial*

⁵ Nikolay N. Seregin — Altai State University; 61 Lenin Ave, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

⁶ Mikhail A. Demin — Altai State Pedagogical University; 55 Molodezhnaya St., Barnaul, 656031, Russian Federation; e-mail: mademin52@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0954-9297.

⁷ Sergey S. Matrenin — Barnaul Low Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 49 Chkalova St., Barnaul, 656038, Russian Federation; e-mail: matrenins@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7752-2470.

Хуннские бронзы в тесинских комплексах по материалам раскопок Саянской археологической экспедиции 2020–2022 гг.¹

В. М. Лурье², В. Б. Трубникова³

Аннотация. В 2020–2022 гг. Саянской археологической экспедицией было исследовано несколько тесинских памятников в Минусинских котловинах: могильник Смирновка-4, курган 1 на поселении Хызыл Салда 9, курган 10 могильника Усть-Камышта-1, из которых была получена коллекция хуннских бронз. В статье предлагается объяснение набора найденных бронз, их хронологическая и культурная атрибуция, а также предложена схема распространения хуннских бронз в тесинских памятниках.

Ключевые слова: тесинская культура, хуннские бронзы, Минусинские котловины, рубеж эр

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.183-187>

В последние годы в Минусинских котловинах проводятся активные полевые исследования, связанные со спасательными работами, значительно пополнившие наши знания о разных хронологических эпохах. В частности, в 2020–2022 гг. Саянской археологической экспедицией было исследовано несколько тесинских памятников: в Бейском районе был полностью изучен могильник Смирновка-4 (могильник состоял из 9 тагарских курганов, в 8 из которых были впущены многочисленные грунтовые погребения тесинского времени, а в кургане 9 устроен тесинский склеп); на расстоянии 19 км на СВ от него, в Алтайском районе, на средневековом поселении Хызыл Салда 9 был раскопан одиночный курган, также относящийся к тесинской культуре (курган-кладбище, составленный из подквадратных оград, пристроенных друг к другу, с грунтовыми могилами на периферии). В Аскизском районе,

в 40 км на З от могильника Смирновка-4, на разновременном могильнике Усть-Камышта-1 был изучен курган 10 (курган-кладбище с пристроенными друг к другу круглыми и подквадратными оградами-«сотами»).

Несмотря на вариабельность погребального обряда, материальный комплекс исследованных памятников является однотипным. При этом традиционно особое внимание привлекают хуннские бронзы⁴ сразу по нескольким причинам. Во-первых, они являются хронологическими реперами, привязывающими памятники к периоду рубежа эр. Во-вторых, их обнаружение позволяет вписать памятники в контекст исторических процессов, связанных с экспансией хунну и распространением их культурного влияния на широкие территории (Савинов, 2009; 2015. С. 148).

Во всех трех исследованных памятниках тесинской культуры были обнаружены бронзовые изделия в хуннском стиле. Хуннские бронзы в этих памятниках можно разделить на четыре типа: пряжки/пластины с зооморфными сюжетами (рис. 1, 1–3), ажурные кольца (рис. 1, 4–8), ажурные пряжки (рис. 1, 9–16), ложечковидные наконечники ремня (рис. 1, 18–30). Также была обнаружена одна нашивка (рис. 1, 17). Те же типы хуннских бронз, встречающихся в тесинских памятниках, были отмечены и ранее на примере других комплексов (Кузьмин, 2011. С. 200, рис. 43, II-2).

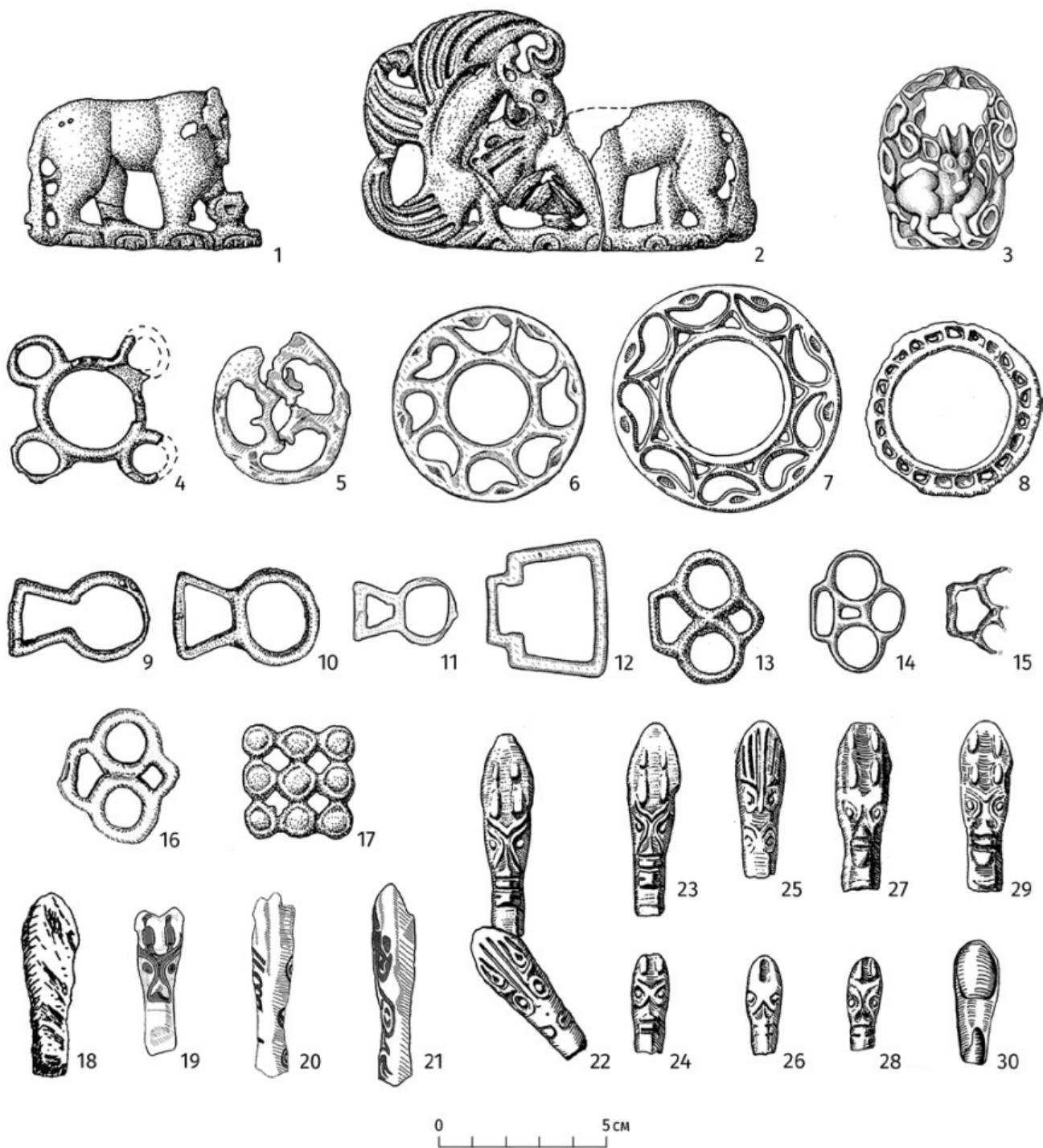
¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Лурье В. М. — Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: verqa@list.ru; ORCID: 0000-0003-0400-1396.

³ Трубникова В. Б. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: barbarera@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6584-5563.

⁴ Здесь и далее понятие «хуннские бронзы» отражает только принадлежность к определенному художественному стилю, появившемуся и распространившемуся в эпоху хунну.

Рис. 1. Хуннские бронзы в тесинской культуре: 1-3 — пряжки/пластины с зооморфными сюжетами; 4-8 — ажурные кольца; 9-17 — ажурные пряжки; 18-30 — ложечковидные наконечники ремня. 1, 2, 4-6, 9-14, 17 — Хызыл Салда 9, к. 1 (1, 2, 14 — м. 2; 4, 10 — м. 9; 6 — м. 24; 9 — м. 28; 11 — м. 13; 12 — м. 8; 5, 13 — м. 15; 17 — м. 16); 3, 7, 8, 16, 18-30 — Смирновка-4 (3, 16, 18-21 — к. 9, м. 1; 7 — к. 5, об. 15; 8 — к. 5, насыпь; 22-26 — к. 8, об. 20; 27, 28 — к. 5, об. 24; 29 — к. 5, об. 21; 30 — к. 3, об. 5); 15 — Усть-Камышта-1, к. 10 (об. 6)

Fig. 1. Xiongnu bronzes items in Tes culture: 1-3 — buckles/plates with zoomorphic scenes; 4-8 — openwork rings; 9-17 — openwork buckles; 18-30 — spoon-shaped tips of the belt. 1, 2, 4-6, 9-14, 17 — Khyzyl Salda 9, kurgan 1 (1, 2, 14 — grave 2; 4, 10 — grave 9; 6 — grave 24; 9 — grave 28; 11 — grave 13; 12 — grave 8; 5, 13 — grave 15; 17 — grave 16); 3, 7, 8, 16, 18-30 — Smirnovka-4 (3, 16, 18-21 — kurgan 9, grave 1; 7 — kurgan 5, object. 15; 8 — kurgan 5, mound; 22-26 — kurgan 8, object 20; 27, 28 — kurgan 5, object 24; 29 — kurgan 5, object 21; 30 — kurgan 3, object 5); 15 — Ust-Kamyshta-1, kurgan 10 (object 6)

В связи с выделением в тесинских памятниках только отдельных категорий хуннских бронз возникает ряд вопросов. Во-первых, почему именно эти типы получили распространение в тесинской культуре? Во-вторых, являются ли эти предметы хронологическими маркерами? В-третьих, с чем может быть связано наличие или отсутствие хуннских бронз в тесинских памятниках?

Все предметы хуннского типа, обнаруженные в тесинских памятниках, относятся к поясному набору. Это позволяет предположить, что распространение определенных категорий этих предметов связано со стандартной системой тесинского пояса, возможно, заимствованной у хунну. Важно отметить, что бронзовые хуннские предметы имели в тесинском поясе функциональные аналогии из других материалов — кости и железа. К примеру, ложечковидные бронзовые наконечники ремня могли быть заменены костяными или железными, сделанными по аналогии с бронзовыми; ажурные бронзовые кольца и пряжки — железными пряжками/кольцами разных форм и типов.

В каждой из четырех выделенных категорий хуннских бронз можно проследить изменения формы и орнамента. Помимо ажурных колец, имеющих прямые аналогии в хуннских памятниках Забайкалья (*Давыдова, Миняев, 2008*), в тесинских комплексах встречаются изделия, вероятно являющиеся репликами: техника их исполнения более грубая, упрощается художественная композиция, что может свидетельствовать о ее длительном бытовании (к примеру, подробнее о вариантах ажурных колец см.: *Тетерин, 2015*). Подобных «упрощенных» изделий непосредственно в хуннских памятниках встречено не было, что может говорить о том, что они были изготовлены местными мастерами. Ажурные бронзовые кольца, происходящие из могил 13 и 24 кургана 1 Хызыл Салда 9 (**рис. 1, 5, 6**) и объекта 15 кургана 5 (**рис. 1, 7**) Смирновки-4, аналогичны хуннским «эталонам», тогда как подобные предметы из могилы 9 кургана 1 Хызыл Салда 9 (**рис. 1, 4**) и из насыпи кургана 5 Смирновки-4 (**рис. 1, 8**), вероятно, являются более поздними репликами. Бронзовые ложечковидные наконечники ремня также претерпевают изменения — исчезает или деформируется зооморфное изображение (**рис. 1, 30**). Трансформации происходят и в исполнении сложных хуннских пластин с зооморфными изображениями. Так, в могиле 2 кургана 1 Хызыл Салда 9 была обнаружена парная пластина со сценой борьбы грифона с кошачьим хищником (**рис. 1, 1, 2**), которая является распространенным иконографическим образом хунну на широких территориях Ордоса и Северного Китая. Ближайшая аналогия была обнаружена в могильнике Урбюн III (Тува) (*Савинов, 1969*.

рис. 51; Килуновская, Леус, 2018. С. 138, рис. 11, 4). В могиле 1 кургана 9 Смирновки-4 (тесинский склеп) была обнаружена фигурная пряжка с оленем (**рис. 1, 3**), изображение на которой не является репродукцией хуннских образов и может считаться развитием хуннских зооморфных сюжетов в новой манере. Фигура оленя более тяжеловесная, в отличие от хуннских сюжетов, а исполнение — более грубое. Аналогичная пряжка была обнаружена в Косогольском кладе (*Нащёткин, 1967. С. 164*).

На основании анализа трансформации хуннских бронз в тесинских памятниках можно представить следующую хронологическую схему распространения/развития этих вещей: 1) непосредственно хуннские бронзы (импорты?), попавшие в Минусинские котловины с волной миграции (культурный импульс?); 2) копии хуннских изделий, близкие по форме к оригиналу; 3) упрощенные реплики (подражания хуннскому стилю); 4) спад распространения хуннских бронз. Такую хронологическую схему подтверждает исследование состава бронзы, выполненное С. С. Миняевым, согласно которому, сплавы, из которых были изготовлены бронзовые изделия хуннского типа, обнаруженные в памятниках Минусинских котловин, отличались от забайкальских аналогов и были произведены местными мастерами (*Миняев, 1983а; 1983б*).

Предложенная хронологическая схема не является строгой, но позволяет уточнять внутреннюю хронологию каждого отдельного памятника. Это особенно актуально в связи с тем, что как тесинские курганы-кладбища, так и грунтовые могильники могли функционировать на протяжении длительного времени. Показательным в этом отношении является памятник Хызыл Салда 9. В могиле 2 были обнаружены пластины с зооморфным сюжетом (**рис. 1, 1, 2**), которые можно считать оригинальными хуннскими импортами, несмотря на то, что металлографический анализ еще не был сделан: пластины были сломаны в древности и сохранились с утратами, однако продолжали являться ценностью для строителей погребения; также в могиле были обнаружены роговые накладки на лук хуннского типа, что является редкостью для тесинских материалов и тоже может свидетельствовать о факте импорта. Могила находилась в центре кургана и, вероятно, была одной из самых ранних, остальные хуннские бронзы в этом кургане, вероятно местного производства были обнаружены в могилах, пристроенных в более позднее время. Видимо, важным показателем для определения хронологии тесинских памятников является и факт уменьшения количества или даже отсутствия в них хуннских бронз. Так, в кургане 10 могильника Усть-Камышта-1

была обнаружена только одна бронзовая ажурная бляшка (рис. 1, 15), а сам памятник по различным признакам может быть отнесен к поздним этапам существования тесинской культуры.

Суммируя все вышесказанное, становится возможным определить относительную хронологию трех исследованных памятников тесинской культуры. Более ранним следует считать Хызыл Салда 9 с возможными оригинальными хуннскими бронзами (?). Всего в кургане в 33 могилах было обнаружено 13 таких предметов. В Смирновке-4 количество хуннских бронз в соотношении с исследованными могилами уменьшается: в 151 погребении было обнаружено 18 предметов. А сами предметы в основном, вероятно, являлись поздними репликами. Третьим по хронологии можно считать курган 10 Усть-Камышты-1, в котором на 29 могил приходился лишь 1 предмет-реплика.

Отметим еще одно любопытное наблюдение, которое требует подтверждения. Хуннские бронзы могли являться также показателем социальной стратификации (к примеру, в кургане 1 Хызыл Салда 9 могилы с хуннскими бронзами более богатые). Ранее уже отмечалось, что тесинские могилы с бронзами более богатые по набору инвентаря и часто отличаются по типу погребального сооружения (Пишеницына, 1979. С. 85).

Для дальнейшего изучения контекста бытования и типологии хуннских бронз в тесинской культуре следует привлекать материалы большего количества памятников, в том числе синхронных или более ранних комплексов с сопредельных территорий. Это особенно важно, так как изменение облика хуннских бронз могло произойти не на территории Минусинских котловин. Вероятно, процесс адаптации и смешения хуннских традиций с местным субстратом начался еще в Туве, откуда на Средний Енисей поступал приток хуннских импортов. К примеру, аналогии кольцу с центральным более крупным кругом и четырьмя отходящими от него кругами меньше («пятикольчатые ажурные бляшки») (рис. 1, 4) встречаются на памятниках озен-ала-белигского этапа (Семенов, 2003. С. 76–77). Яркими примерами переходных памятников между непосредственно хунну и «местным населением» можно считать грунтовые могильники Ала-Тей 1 и Терезин улуг-хемской культуры, в которых также получил распространение богатый инвентар-

ный набор, связанный с хунну. Среди предметов, обнаруженных в этих памятниках, имелись реплики хуннских бронз, получивших в дальнейшем распространение в тесинской культуре (Килуновская, Леус, 2018).

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008. 120 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 6).

Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. № 24. С. 125–152.

Кузьмин, 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг. 2011. 456 с.

Миняев, 1983а — Миняев С. С. Спектроаналитические исследования бронзовых изделий сюнну // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 33–35.

Миняев, 1983б — Миняев С. С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983. С. 101–103.

Нацёкин, 1967 — Нацёкин Н. В. Косогольский клад // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 163–165.

Пишеницына, 1979 — Пишеницына М. Н. Тесинский этап / М. П. Грязнов и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–88.

Савинов, 1969 — Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.

Савинов, 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Савинов, 2015 — Савинов Д. Г. Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (6). Т. 65. С. 145–150.

Семенов, 2003 — Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

Тетерин, 2015 — Тетерин Ю. В. Поясные подвески хуннской эпохи Южной Сибири // Вестник НГУ. 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 117–124 (Серия: История. Филология).

Xiongnu bronzes in the Tes complexes based on the excavations of the Sayan archaeological expedition 2020–2022

Vera M. Lurie⁵, Varvara B. Trubnikova⁶

Annotation. *In 2020–2022 Sayan archaeological expedition explored several Tes sites in the Minusinsk basins: Smirnovka-4 burial ground, kurgan 1 at the Khyzyl Salda 9 settlement, kurgan 10 at the Ust-Kamyshka-1 burial ground, from which a collection of Xiongnu bronzes was obtained. The article proposes an explanation of the composition of the subject set, their chronological and cultural attribution, and also proposes a chronological scheme for the distribution of Xiongnu bronzes in the Tes sites.*

Key words: *Tes culture, Xiongnu bronzes, Minusinsk basins, turn of the era*

---

⁵ Vera M. Lurie — South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: verqa@list.ru; ORCID: 0000-0003-0400-1396.

⁶ Varvara B. Trubnikova — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: barbarera@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6584-5563.

Новые петроглифы тесинского времени на камнях одного из тагарских курганов под горой Тепсей¹

О. С. Советова², Н. Н. Моор³, О. О. Шишкина⁴

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты работ Тепсейского отряда кафедры археологии КемГУ по выявлению и документированию рисунков на камнях тагарских курганов под горой Тепсей. Среди конструкции одного из курганов на четырех плитах были обнаружены выбитые изображения: всадник, антропоморфный персонаж с выраженными пальцами рук, тесинские «путаницы», противостоящие друг другу «великаны» с оружием в руках. Выявленные петроглифы по ряду признаков (наличие палимпсестов, стиль, техника выбивки) могут быть отнесены к тесинскому времени. Перспективен анализ тесинских антропоморфных изображений в различных головных уборах, в т. ч. «рогатых» персонажей.

Ключевые слова: петроглифы, Тепсей, рисунки на курганных камнях, тагарские курганы, Минусинская котловина, тесинское время

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.188-191>

Петроглифы на курганных плитах погребальных комплексов, расположенных на высокой надпойменной террасе у горы Тепсей эпизодически попадали в поле зрения ученых. Упоминания о рисунках встречаются в отчетах участников Красноярской экспедиции ЛОИА СССР, проводивших здесь раскопки в 1960–1970 гг. для подготовки ложа будущего водохранилища. Некоторые из них опубликованы в разные годы Д. Г. Савиновым, Т. В. Николаевой и Б. Н. Пяткиным, Н. А. Боковенко. С 2013 г. их документирование является одной из задач полевых работ Тепсейского петроглифического отряда КемГУ, в ходе которых были обнаружены изображения более чем на 60 курганных плитах у подножия горы Тепсей и в Малиновом логу. В результате выявлены пе-

троглифы не только тагарского, но и последующих периодов вплоть до «этнографического» времени.

В 2022 г. в наше поле зрения попал могильник, расположенный примерно в 1 км от основного скопления курганов у подножия горы. Он был открыт в 2014 г. красноярскими и минусинскими археологами В. Е. Матвеевым, Т. А. Ключниковым, А. И. Заикой во время совместной экспедиции с сотрудниками КемГУ и индексирован как «Могильник курганный Тепсей 5». Могильник состоит из двух курганов, расположенных на расстоянии около 25 м друг от друга. На четырех камнях-стелах одного из них зафиксированы петроглифы. По особенностям надмогильной конструкции курган относится к тагарской культуре.

На северо-восточном угловом камне конструкции нанесено несколько фигур. Сохранность камня и рисунков в настоящее время плохая, местами скальная корка отслоилась и разрушилась. Тем не менее удалось выявить некоторые изображения. На небольшой несколько выступающей «площадке» в правой части камня выбита фигура всадника. Ее контуры прослеживаются лишь при хорошем освещении (возможно, она была слегка шлифована). В левой приподнятой руке всадника расположен чекан. За его спиной находится какой-то листовидный предмет, напоминающий по форме наконечник копья, и неопределенный предмет. Поверх нижних частей ног всадника выбита средневековая тамга из двух дуг (?). Подобные фигуры всадников ха-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>.

² Советова О. С. — Кемеровский государственный университет; ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

³ Моор Н. Н. — Кемеровский государственный университет; ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: murr.09@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9957-9574.

⁴ Шишкина О. О. — Кемеровский государственный университет; ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: olgashishkina145@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4956-1293.

рактурны для данного региона и датируются в пределах тесинской эпохи. Выше и левее фигуры всадника в иной технике нанесена выбивка, при микалентном копировании которой определилась массивная фигура антропоморфного персонажа. У него узкие острые плечи, опущенные руки с выраженными пальцами и расставленные ступни ног. Антропоморфные персонажи с пальцами нередко встречаются на камнях тагарских курганов, например, на Большом Салбыкском (Савинов, 2013. Рис. 1), в Барсучьем логоу (Ковалева, 2013. Рис. 2) и пр. Как правило, они датируются специалистами синхронно времени сооружения курганов, т. е. сарагашенским этапом тагарской культуры. В нашем случае по аналогиям с изображениями, зафиксированными на камнях могильника Тепсей, рисунок может быть отнесен к тесинскому времени. На Тепсее есть несколько подобных фигур с акцентированными пальцами на руках и острыми плечами на камнях конструкции тесинского кургана-склепа Тепсей XVI: на камне-контрфорсе (Советова и др., 2021. Рис. 84), а также на большой плите, некогда маркировавшей вход в склеп. В том и другом случаях у персонажей показаны довольно массивные ступни ног, как и у рассматриваемого персонажа.

Большой интерес представляют рисунки на соседней плите этого же кургана, ориентированной на восток, где зафиксирован любопытный палимпсест. В начале нашего исследования мы смогли зафиксировать только фигуры противостоящих воинов с чеканами в руках, выполненные очень поверхностной мелкоточечной выбивкой с элементами прошлифовки. Фигуры слегка вытянутые, напоминают изображения тепсейских «великанов» из петроглифического пункта Тепсей V (Советова, 2005. Рис. 28). У левого воина правая рука расположена на поясе, в левой находится чекан, которым он замахивается на противника. Небольшими выбоинами у этого персонажа обозначены на голове рожки. У противника рука приподнята, в ней, вероятно, он держит булаву. Из-за своеобразной поверхностной выбивки трудно понять, имеется ли рядом третий антропоморфный персонаж, или это детали какого-то другого изображения. Этот вопрос встал после расчистки камня, открывшей между противостоящими воинами выбитую фигуру животного в скифском стиле. Детальный анализ этого палимпсеста может пролить свет на датировку изображений на данном камне. Скорее всего животное было выбито раньше, о чем свидетельствует и центральное расположение на камне, и стилистическая манера исполнения. Позднее поверх него были выбиты фигуры воинов-великанов, которые вписаны в оставшееся пространство и частично перекрыв-

шие фигуру животного. Кроме того, техника исполнения антропоморфных персонажей (мелкий пикетаж с прошлифовкой) характерна для тесинского пласта рисунков. На Тепсее на курганных камнях и отдельных плитах под горой Тепсей уже неоднократно нами встречались изображения, выполненные в подобной технике. Большой интерес для определения семантики сцены вызывают рожки на голове одного из воинов. Пока сложно понять семантическую подоплеку. Что это: рогатый головной убор или украшения, например, перья? Антропоморфные фигуры с рогами либо развесистыми «перьями» или «лентами» известны в наскальном искусстве Минусинской котловины в тесинское время. Чаще всего встречаются именно развесистые уборы, как у персонажей с горы Куны на курганном камне Турана (Там же. Фото 14, 15) и многих других памятниках. Бывают и типичные олени рога, как у всадников Сулека IV (Миклашевич и др., 2012. Табл. III). Пожалуй, наиболее близкие аналогии можно встретить у всадников Моисеихи, где головные уборы показаны в виде «двойных разветвлений» (Миклашевич, 2012. Табл. II). То есть они тоже выглядят на голове как маленькие рожки. Аналогичным образом оформлена голова у антропоморфных персонажей с чеканами в руках на Енисейской писанице (Образцова и др., 2019. Рис. 7). С двумя такими же «рожками» показан головной убор и у других персонажей тесинского времени Тепсея II: у одного из всадников в красивом головном уборе и у антропоморфного персонажа, выполненного техникой резьбы (Советова и др., 2021. Рис. 93). На тагарском могильнике под горой Тепсей имеется еще один персонаж с рожками в пункте Тепсей VII. Еще требуется серьезный и тщательный анализ всех сцен с «рогатыми» персонажами, подбор аналогий, но уже сейчас становится очевидно, что тесинцы использовали разнообразные головные уборы (известны «султаны», рогатые, развесистые и иные уборы, шляпы и т. д.).

Еще на одной плите, ориентированной на запад, сохранилась более глубокая выбивка, поэтому изображения сохранились лучше: это предположительно «путаницы/лабиринты» (рис. 1), выполненные в изобразительной манере, описанной Д. Г. Савиновым по рисункам на могильных плитках памятника Есино (Савинов, 1995. С. 6–10). Они датируются тесинским временем. Легко идентифицируется перевернутая фигурка антропоморфного персонажа с султаном на голове, изображенная под одной из «путаниц». Прием, когда рядом или внутри тесинских «путаниц», расположен антропоморфный персонаж, нередок как для наскального искусства Тепсея, так и для всей Минусинской

Рис. 1. «Пуганицы», выбитые на курганном камне, Тепсей-5

Fig. 1. "Labyrinths", carved on a mound stone, Тепсей-5

котловины в целом. Семантически сюжеты с лабиринтами связывают с обрядом «перехода в иной мир» (*Там же*. С. 116).

Таким образом, выявленные изображения могут быть датированы в основном тесинской эпохой. Они представляют интерес с точки зрения хронологии и семантики. Дальнейший анализ тесинских антропоморфных фигур в различных головных уборах, возможно, позволит определить принадлежность тех или иных персонажей к определенным социальным группам, выявить их статус, понять содержание сцен.

Ковалева, 2013 — Ковалева О. В. Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1. С. 91–112.

Миклашевич, 2012 — Миклашевич Е. А. Льнищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. (Тр. САИПИ; Вып. X). С. 28–56.

Миклашевич и др., 2012 — Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины:

Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. (Тр. САИПИ; Вып. X). С. 72–111.

Образцова и др., 2019 — Образцова А. В., Заика А. Л., Халтаева А. Ю. Енисейская писаница // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск: ООО «Красноярская Геоархеология», АНО «Археологическое исследование Сибири», 2019. С. 55–75.

Савинов, 1995 — Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 6–10.

Савинов, 2013 — Савинов Д. Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1. С. 112–120.

Советова, 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.

Советова и др., 2021 — Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

New petroglyphs of the Tesin time on the stones of one of the Tagar mounds under Mount Tepsei

Olga S. Sovetova⁵, Natalia N. Moor⁶, Olga O. Shishkina⁷

Annotation. *The article presents some results of the work of the Tepsei detachment of the Department of Archaeology of Kemerovo State University on the identification and documentation of drawings on the stones of the Tagar barrows under Mount Tepsei. Among the construction of one of the barrows on four slabs were found embossed images: a rider, an anthropomorphic character with pronounced fingers of hands, Tepsei “tangles”, opposing each other “giants” with weapons in their hands. The identified petroglyphs can be attributed to the Tesin time by a number of features (presence of palimpsests, style, embossing technique). The analysis of Tesin anthropomorphic images in various headdresses, including “horned” characters, is promising.*

Key words: *petroglyphs, Tepsei, drawings on barrow stones, Tagar barrows, Minusinsk Basin, Tesin time*

---

⁵ Olga S. Sovetova — Kemerovo State University; 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

⁶ Natalia N. Moor — Kemerovo State University; 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: murr.09@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9957-9574.

⁷ Olga O. Shishkina — Kemerovo State University; 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgashishkina145@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4956-1293.

Гунны в Сибири. Взгляд археолога¹

И. Л. Кызласов²

Аннотация. *Завоевание гуннами Южной Сибири около 201 г. до н. э. обеспечивало их основные государственные интересы. Коренное население не уничтожалось, ремесло и земледелие контролировались и поощрялись новой властью. Существование не было тягостным, не вызывало активного сопротивления, поэтому большинство гуннских поселений не было укреплено. Гунны не были тюркоязычными. Их культурогенез не принадлежит ни к тюркскому, ни к монгольскому миру. Но именно они вывели на историческую арену ранние тюркские народы, вытеснив их из районов традиционного проживания в Центральной Азии.*

Ключевые слова: *азиатские гунны, Южная Сибирь, тюркоязычные народы*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.192-194>

Около 201 г. до н. э. войска центральноазиатских гуннов овладели Южной Сибирью, Западным Забайкальем и частью Монголии. После этого знатные люди гуннов подчинились шаньюю Модэ и стали считать его мудрым (*Бичурин*, 1950. С. 50).

I. Самодержавной власти и обширной державе были нужны спокойные северные тылы, горнорудное, металлургическое и ремесленное производства, развитое земледелие. Все это было в Хакасско-Минусинской котловине и в Западном Забайкалье.

Государственное освоение новых земель никогда не велось на ощупь. Через 15 веков также поступили монголы. Еще позднее, в XVI–XVII вв., Московское царство продвигалось в Сибири по тайге, добывая пушнину, в XVII в. — уже по горным южным районам: Российской империи требовались руды и металлы.

Мудрость шаньюя Модэ и его советников состояла в том, что, *присоединив земли Южной Сибири, они обеспечили коренные государственные интересы своей набравшей силы державы*³.

II. В Сибири возникли поселения гуннов, жилища которых представляли собой квадратные полуземлянки с глинобитными или сложенными из сырцового кирпича стенами. В домах каменные лежанки отапливались проложенным сквозь них дымоходом, идущим от печи (*Давыдова*, 1956. С. 262; 1985. С. 14, 15; 1995. С. 14–18, рис. 3, 4, 8, табл. 18–22, 24 сл.; *Давыдова, Миняев*, 2003. С. 10, 13–17, 41, рис. 4, 5, табл. 2, 19, 66 и др.; *Кызласов*, 2011. С. 165–170).

Поселения создавались по определенному плану — с прямыми улицами и правильным расположением усадеб, как Иволгинское городище (*Давыдова*, 1985. С. 11–22, рис. II, III; 1995. С. 10–19, рис. 1–9, табл. I–III). Аналогичная планировка была у Ташебинского городка. Китайские города и усадьбы были иными (*Кызласов*, 2006. С. 166–170, рис. 21; *Кызласов*, 2011. С. 147–164).

Исторические и археологические данные показывают, что в Центральной Азии и Южной Сибири гунны стали первыми распространять городскую культуру.

III. Судя по раскопкам, каждое поселение создавалось с определенной целью. В Туве на рубеже III–II вв. до н. э. занимались добычей руды и выплавкой железа (*Кызласов*, 1969а. С. 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979. С. 82–83). В Забайкалье на Иволгинском городище во II–I вв. до н. э. — металлургией и бронзолитейным производством (*Миняев*, 1983. С. 65, рис. 10; *Давыдова*, 1995. С. 51–54). Жители поселения, расположенного у современного села Дурёны, выращивали хлеб. На территории этого памятника найден 21 чугунный сошник (в 52-х домах

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

² Кызласов И. Л. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

³ Тема поставлена и лаконично раскрыта на письменных и археологических данных в работах: *Кызласов*, 1984; 1998; 1999; 2006. С. 142–145.

Иволгинского городища — только 2) (Окладников, 1962; Кызласов, 2006. С. 157). В Дурёнах также встречены металлургические шлаки, куски железной руды, производственные ямы (Давыдова, Миняев, 2003. С. 41). На Горном Алтае в первой четверти II в. н. э. выдвигали глиняную посуду, в том числе — огромные сосуды для зерна и других продуктов (Кубарев, Журавлева, 1986).

Создание специализированных поселений не было связано с китайским влиянием. Империя Хань устранила их вдоль границы с середины II в. до н. э. Именно политика гуннов вынудила Китай прибегнуть к такой защите (Сыма Цянь, 1975. С. 75; Таскин, 1973. С. 117, 162, 163, прим. 2; Торчинов, 2005. С. 383, 385, 388–393, 401–409).

IV. Только Иволгинское городище II–I вв. до н. э., одновременное ханьским пограничным поселкам, было окружено оборонительными сооружениями. Но его укрепления были иными, и китайцев на Селенге не было (Киселев, 1957. С. 92; Davydova, 1968. P. 241, 242). Внешней и внутренней стеной со рвом был укреплен гуннский Дэрестуйский замок (Баян-Ундэр) (Данилов, 2004. С. 36, 37, 47, 49, 52, 53; Кызласов, 2006. С. 155, 156). Остальные гуннские поселения были открытыми.

Почему, живя среди покоренных народов, гунны не нуждались в защитных сооружениях? Можно было бы предположить, что сильной власти не смели сопротивляться, но, скорее всего, жизнь в новом государстве не была в тягость и не вызывала активного сопротивления.

V. Гунны не истребляли и не сгоняли с обжитых земель автохтонное население. На горных выработках Тувы рядом были найдены обломки гуннских и местных сосудов (Сунчугашев, 1969. С. 107–109, рис. 51; Кызласов, 1969б. С. 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979. С. 82, 83). В Дурёнах находки принадлежат гуннской и местной культурам (Кызласов, 2006. С. 157). Городок в Хакасии состоял из срубных избушек, окружавших чужеземный дворец по плану гуннской застройки. Сделанные там находки относились к местной и гуннской культуре (Кызласов, 2001; 2006. С. 171–174, 201, 202, рис. 19, 21, 22, 36, 37).

VI. Завоевание гуннов не прервало хозяйственного развития горностепного края. Привычное бытование, ремесла и земледелие контролировались и поощрялись властью. В Хакасии найдено много поясных пластин, которые носили только гунны. Внешне они неотличимы от собственно гуннских изделий (Дэвлет, 1980. С. 18–20, рис. 8). Но состав сплавов, из которых они отлиты, принадлежит енисейской бронзолитейной традиции, т. е. местные мастера выполняли заказы гуннов. Так было и в Забайкалье (Миняев, 1980; 1983).

Данные истории и археологии говорят об одном: в конце III в. до н. э. гунны создали государство с единым

управлением оседлым и кочевым населением. Цельность державе придавало единство политической власти и единое управление хозяйственной жизнью ее разнплеменных частей.

VII. Гуннское нашествие не только прервало самобытное государственное развитие Южной Сибири, оно изменило ее национальный и языковой состав.

Управлявшие разноязыкими народами азиатские гунны не были тюркоязычными. Сведений об их языке не осталось (Дёрфер, 1986). Судя по записям отдельных слов, гуннский язык не относился к известному сегодня типу. Гунны не принадлежали к тюркскому или монгольскому миру и по основным признакам культурогенеза (Кызласов, 2011. С. 8–31, 77–116, 147–170). Но они впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы, вытеснив их из неведомых первобытных мест Центральной Азии на север — на Саяно-Алтайское нагорье.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 380 с.

Давыдова, 1956 — Давыдова А. В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. 1956. Вып. XXV. С. 261–300.

Давыдова, 1985 — Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. (Археологические памятники сунну; Вып. 5). 287 с.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб.: Фонд АзиатИКА, 2003. (Археологические памятники сунну; Вып. 5). 164 с.

Данилов, 2004 — Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Дёрфер, 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Западная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, 1986. С. 71–134.

Дэвлет, 1980 — Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980. (САИ; Вып. Д4–7). 66 с.

Киселёв, 1957 — Киселёв С. В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

Кубарев, Журавлева, 1986 — Кубарев В. Д., Журавлева А. Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 111–118.

- Кызласов, 2011 — Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
- Кызласов, 1969а — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.
- Кызласов, 1969б — Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А. П. Смирнова. М.: Наука, 1969. (МИА; № 169). С. 115–124.
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Кызласов, 1984 — Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
- Кызласов, 1998 — Кызласов Л. Р. Города гуннов // Татарская археология. 1998. № 2 (3). С. 47–64.
- Кызласов, 1999 — Кызласов Л. Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН, 1999. С. 195–205.
- Кызласов, 2001 — Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 176 с.
- Кызласов, 2006 — Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 360 с.
- Миняев, 1980 — Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа). Приложение // Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980. (САИ; Вып. Д4–7). С. 29–34.
- Миняев, 1983 — Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 47–84.
- Окладников, 1962 — Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 418–431.
- Сунчугашев, 1969 — Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969. (МИА; № 149). 140 с.
- Сыма Цянь, 1975 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II / Перевод с китайского, ком. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М.: Наука, 1975. 579 с.
- Таскин, 1973 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1973. 171 с.
- Торчинов, 2005 — Торчинов Е. А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 383–414.
- Davydova, 1968 — Davydova A. V. The Ivolga gorodishche // Acta Arhaeologica ASH. Т. 20. 1968. P. 209–245.

Huns in Siberia. Archaeologist's view

Igor L. Kyzlasov⁴

Annotation. *The conquest of southern Siberia by the Huns around 201 BC ensured their fundamental state interests. The population was not destroyed, craft and agriculture were controlled and encouraged by the new government. The existence was not painful, did not cause active resistance, so most of the Hun settlements were not fortified. The cultural genesis of the Huns does not belong to either the Turkic or the Mongolian world. But it was they who brought the early Turkic peoples to the historical arena, ousting them from the areas of traditional residence in Central Asia.*

Key words: *Asian Huns, Southern Siberia, Turkic-speaking peoples*

⁴ Igor L. Kyzlasov — Institute of Archaeology of the RAS; 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

Ханьские мотивы орнамента в оформлении зубовского кинжала

С. В. Воронятов¹

Аннотация. Золотой декор эфеса кинжала из сарматского погребения (второй половины I в. н. э.) на Зубовском хуторе в Закубанье никогда не был предметом специального исследования. Анализ декора показал, что он включает в себя облачные мотивы *yunwen* и другие элементы орнамента, характерные для искусства периода династии Западная Хань. Этот вывод свидетельствует о том, что клинок декорировал мастер, хорошо знакомый с ханьской художественной традицией. Мастерская, в которой был изготовлен кинжал, могла находиться на территории Средней Азии.

Ключевые слова: кинжал, сарматы, Закубанье, Зубовский хутор, Китай, династия Западная Хань, облачный орнамент

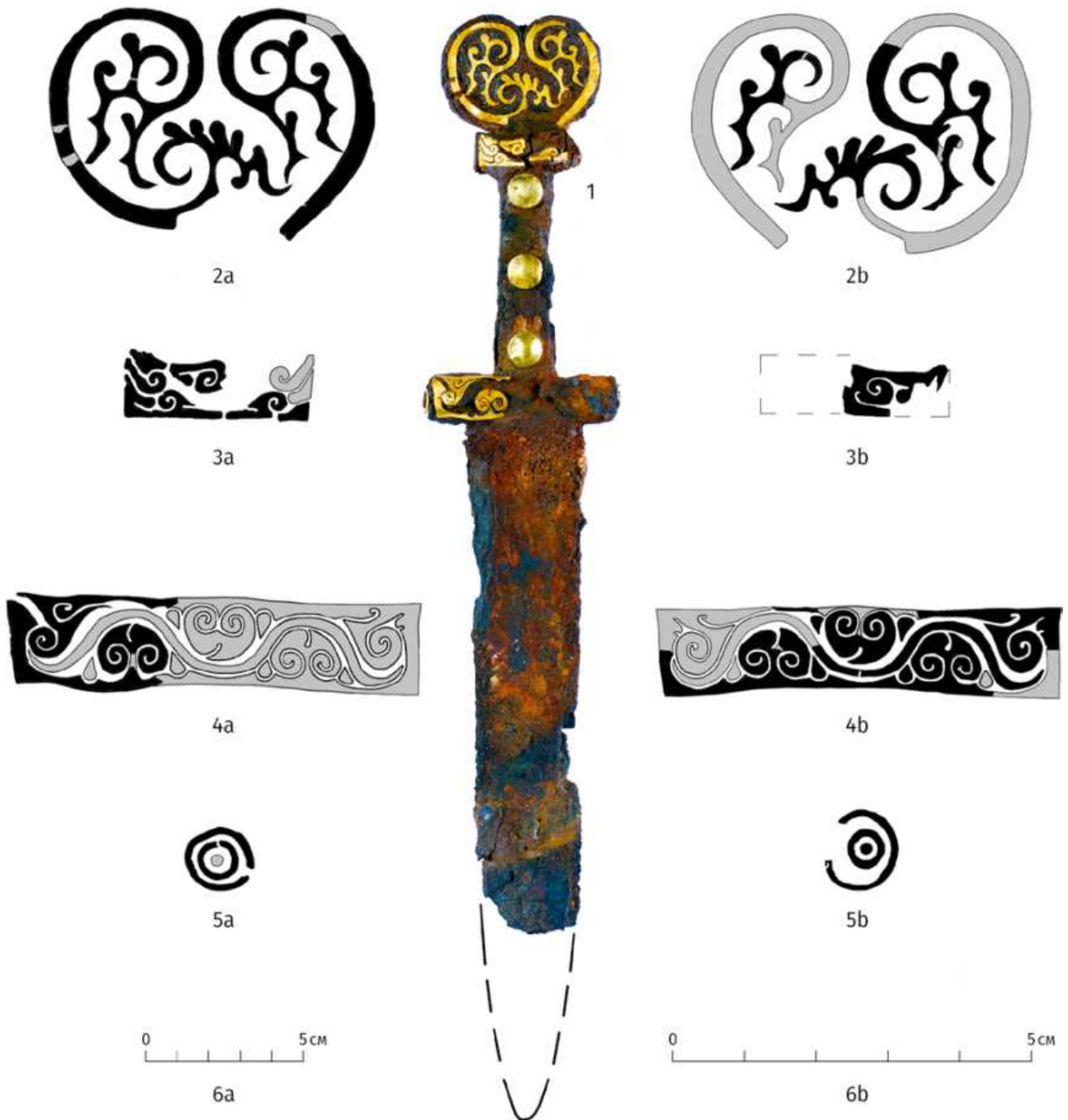
<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.195-199>

Уникальный церемониальный кинжал (**рис. 1, 1**), обнаруженный в 1899 г. в мужском сарматском погребении (вторая половина I в. до н. э.) кургана 1 на Зубовском хуторе в Закубанье, несмотря на прошедшие 120 лет с момента раскопок, имеет скудную историю изучения. Вероятно, одной из главных причин этой ситуации является типографская ошибка, допущенная при первой публикации материалов зубовских курганов. На рисунке, ссылка на который содержится в отрывке текста о кинжале, изображен совсем другой предмет (*Думберг*, 1901. С. 97, рис. 12). На эту оплошность обратил внимание еще М. И. Ростовцев (*Ростовцев*, 1925. С. 563). В отчете Н. И. Веселовского, где можно увидеть фотографии большинства вещей из кургана 1, изображение кинжала также отсутствует (НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 137). Фактически его первая публикация состоялась лишь спустя 90 лет после открытия: не самый, к сожалению, информативный рисунок появился в важнейшей работе о погребениях зубовско-воздвиженского типа (*Гущина, Засецкая*, 1989. С. 116, табл. XI, 124). Перечисленные обстоятельства во многом обусловили отсутствие попыток анализа этой яркой находки на протяжении большей части XX века.

Железный кинжал (ГЭ, инв. № 2234/17) с обломанным острием имеет необычный эфес с золотым и серебряным декором (**рис. 1, 1**). Сквозь рукоять проходят три железные заклепки, когда-то фиксировавшие несохранившуюся органическую облицовку. Их шляпки покрыты золотым листом. Плоское фигурное навершие, перекадина под ним и гарда украшены орнаментом в технике плакирования (*Минасян*, 2014. С. 271, ил. 111). В литературе до сих пор никем не было отмечено, что орнамент на трех перечисленных частях эфеса разный. Но существует несколько попыток описать и интерпретировать декор верхней части.

Н. И. Веселовский писал об ажурной золотой пластинке в виде разводов или пальметок (*Веселовский*, 1905. С. 354). М. И. Ростовцев охарактеризовал навершие как «набалдашник в форме, м. б., двух сросшихся голов хищной птицы» (*Ростовцев*, 1925. С. 610). И. П. Засецкая предполагает, что на обеих сторонах навершия (**рис. 1, 2a, 2b**) узор воспроизводит рога оленя (*Гущина, Засецкая*, 1989. С. 116; *Засецкая*, 2010. С. 282). М. Б. Шукину навершие, с одной стороны, напомнило ажурные накладки и бутероли ножен позднелатенских мечей Европы в стиле *opus interrasile*, и он даже предположил, что оно может быть бутеролью во вторичном использовании (*Шукин*, 1992. С. 107; 1994. С. 191). С другой стороны, исследователь увидел сходство узора с ажурными навершиями бронзовых кинжалов усть-полуйской культуры Зауралья IV в. до н. э. — II в. н. э. (*Там же*. С. 108).

¹ Воронятов С. В. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: s.voroniato@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7096-4468.

Рис. 1. Кинжал из погребения кургана 1 на Zubovskij Farm: 1 — кинжал; 2a, 2b — орнамент на двух сторонах навершия; 3a, 3b — орнамент на двух сторонах перекладины под навершием; 4a, 4b — орнамент на двух сторонах гарды; 5a, 5b — орнамент на торцах гарды; 6a — масштаб для кинжала; 6b — масштаб для орнаментов. Черный цвет — сохранившийся орнамент, серый цвет — реконструируемый орнамент. Материал: 1 — железо, золото, серебро

Fig. 1. Dagger from the barrow 1 at the Zubovskij Farm: 1 — dagger; 2a, 2b — ornament on two sides of the pommel; 3a, 3b — ornament on two sides of the horizontal part under the pommel; 4a, 4b — ornament on two sides of the guard; 5a, 5b — ornament on the butt-ends of the guard; 6a — scale for dagger; 6b — scale for ornaments. Black color is a preserved ornament, gray color is a reconstructed ornament. Material: 1 — iron, gold, silver

М. Ю. Трейстер, не разделяя орнаменты навершия и перекрестия, пишет о мотивах, напоминающих декор железных мечей IV в. до н. э. Филипповского могильника Южного Приуралья (*Трейстер*, 2010. С. 513).

Ассоциации и ход мыслей перечисленных археологов ясны, но позволю себе с ними не согласиться и высказать еще одну интерпретацию рассматриваемых орнаментов. В январе 2021 г. в небольшой видеоэкскурсии к выставке «Железный век. Европа без границ», проходившей в Эрмитаже, я высказал предположение, что зубовский кинжал может происходить с территории Китая (Железный век...). Это соображение основано на близости анализируемого декора орнаментам, известным на предметах быта и искусства эпохи династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 9 г. н. э.).

Золотой и серебряный декор на двух сторонах плоского навершия (**рис. 1, 2a, 2b**), без сомнения, является облачным мотивом *yunwen*, получившим широкое распространение на территории Китая в период династии Западная Хань. Его вариации можно встретить на тканях, фаянсовых, керамических и металлических сосудах, на разнообразных деревянных и лаковых изделиях (Хунань..., 1973. Bd. 1. Fig. 49–51, 69–71; Bd. 2. Fig. 236, 243; *Pirazzoli-t'Serstevens*, 1982. Fig. 25, 68, 72; *Treasures...*, 2011. Fig. 43–45; *Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 38, рис. 2.6; *Ван*, 2022. Рис. 95–99, 101, 102, 119). Именно на последних мотивах *yunwen* являются основными (до 80 %) в репертуаре разнообразных узоров (*Prüch*, 1997. S. 272). Используя описание структуры облачных орнаментов М. Прюх для анализа декора навершия, можно сказать, что он образован двумя крупными С-образными формами. Их расположение обусловлено контуром изделия. К ним добавлены более мелкие мотивы и элементы, образующие на свернутых концах С-образных форм вершиновидные структуры (*Ibid.* S. 275).

Частично сохранившийся золотой декор на двух сторонах перекладины под навершием состоит из разнонаправленных завитков (**рис. 1, 3a, 3b**). Они являются одним из вариантов мелких элементов облачного мотива *yunwen*. Аналогию подобным завиткам можно увидеть, например, на золотых нашивных украшениях из погребения кургана № 22 хуннского могильника Нунин-Ула в пади Суцзуктэ в Северной Монголии (*Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 76, рис. 3.45) или на росписи крышки от круглой лаковой емкости *lian* из 1 гробницы Дафентоу в провинции Хубэй КНР (*Prüch*, 1997. Fig. 143). В недавней работе С. А. Яценко лаконично высказал аналогичную интерпретацию, назвав рассматриваемый орнамент перекладины «вариантом китайских изображений облаков» (*Яценко*, 2022. С. 214).

Неравномерно сохранившийся золотой декор на двух полукруглых сторонах гарды (**рис. 1, 4a, 4b**) имеет все признаки построения структуры орнамента внутри узкой полосы, характерные для периода династии Западная Хань. Здесь применен принцип последовательности с чередованием, при котором отдельные мотивы вставляются в полосу прерывисто. Иногда, как в данном случае, структура дополнена спиральными мотивами (*Prüch*, 1997. S. 178, fig. 62, 63). Аналогии рассматриваемому орнаменту можно увидеть, например, в узких полосах на кружке *zhi* из могилы 1 могильника Мавандуй в провинции Хунань КНР (Хунань..., 1973. Bd. 1. P. 81, fig. 74; Bd. 2. P. 151, fig. 161).

Кроме украшения на полукруглых сторонах гарды, золотой декор присутствует на ее торцах, что ранее также не отражалось в публикациях. Он представляет собой концентрические круги с точкой в центре (**рис. 1, 5a, 5b**). Этот элемент не так распространен в ханьских орнаментах, как разнообразные спирали, но все же встречается в них (*Prüch*, 1997. Fig. 113). В данном случае нельзя исключать, что рассматриваемый элемент может являться вариацией циркульного орнамента, бытующего очень широко в различные эпохи (*Грач*, 1966. С. 30–32).

Результат анализа орнаментов эфеса кинжала свидетельствует о том, что декорировавший его мастер подошел к работе со знанием дела. Он отлично разбирался в принципах построения структуры разных мотивов орнамента, характерных для изобразительной традиции Китая периода династии Западная Хань. Свои навыки в технике аппликации он применил виртуозно, адаптировав мотивы, широко применявшиеся в росписи лаковых изделий, к особенностям форм разных частей рукояти.

Этот вывод говорит о том, что уникальный кинжал мог быть изготовлен на территории Китая, вероятность чего косвенно подтверждают другие ханьские импорты в среднесарматских комплексах Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья (*Симоненко*, 2003. С. 46–53; *Скрипкин*, 2010. С. 202–207; *Brosseder*, 2015. P. 236–259). Но отсутствие китайских аналогий типу клинка противоречит этой гипотезе. К тому же, ножны зубовского кинжала, заслуживающие отдельного исследования, позволяют расширить потенциальную территорию происхождения вещи.

Несохранившиеся ножны из органического материала имели по паре боковых выступов, украшенных маленькими золотыми «фаларами» в сарматском зверином стиле (*Раев, Яценко*, 1993. С. 114, 115). Ареал традиций изготовления и использования клинков с подобными ножнами включает в себя обширные пространства

- Центральной, Средней и Малой Азии, Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья. И если ножны зубовского кинжала были изначально изготовлены для него и одновременно с ним, нельзя исключать, что китайский (?) ювелир или мастер, хорошо освоивший ханьскую художественную традицию и декорировавший кинжал, мог работать в Парфии, Бактрии, Малой Азии или даже на Боспоре. Именно в этих регионах, по мнению исследователей, могли находиться мастерские, из которых, например, вышел шедевральный церемониальный кинжал, найденный в тайнике кургана у пос. Дачи в Приазовье (*Засецкая, Минасян, 2008. С. 52; Засецкая, 2015. С. 62; Трейстер, 2018. С. 424*). Невозможно также исключать, что ножны для зубовского кинжала изготовлены позднее и уже совсем другим мастером.
- Ван, 2022 — Ван Чжуншу.* Цивилизация Хань: введение в археологию и материальную культуру. М.: Наше слово, 2022. 352 с.
- Веселовский, 1905 — Веселовский Н. И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I. С. 341–373.
- Грач, 1966 — Грач А. Д.* Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 28–32.
- Гуцина, Засецкая, 1989 — Гуцина И. И., Засецкая И. П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989 (Труды ГИМ; Вып. 70). С. 71–141.
- Думберг, 1901 — Думберг К. Е.* Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 94–103.
- Железный век... — Железный век. Европа без границ. Сарматская культура. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cvbX4rArrvI> (дата обращения 15.02.2023).
- Засецкая, 2010 — Засецкая И. П.* Древности Прикубанья римской эпохи // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III. С. 276–292.
- Засецкая, 2015 — Засецкая И. П.* Стилистические особенности декора трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н. э. — II в. н. э. // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 55–62.
- Засецкая, Минасян, 2008 — Засецкая И. П., Минасян Р. С.* Золотые ножны кинжала из кургана Дачи — уникальное произведение древнего ювелирного искусства // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб. Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. С. 44–52.
- Минасян, 2014 — Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2014. 472 с.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Новосибирск: Инфолио, 2015. Ч. 1. 136 с.
- Раев, Яценко, 1993 — Раев Б. А., Яценко С. А.* О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор: Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск, 1993. С. 111–125.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пг., 1925. 620 с.
- Симоненко, 2003 — Симоненко А. В.* Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. 2003. Вып. 6. С. 45–65.
- Скрипкин, 2010 — Скрипкин А. С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Сарматы и восток. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2010. С. 195–235.
- Трейстер, 2010 — Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // ДБ. 2010. Т. 14. С. 484–561.
- Трейстер, 2018 — Трейстер М. Ю.* Парадный кинжал в ножнах из Дач // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2018. Вып. 2. С. 413–431.
- Шукин, 1992 — Шукин М. Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 103–130.
- Шукин, 1994 — Шукин М. Б.* На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Яценко, 2022 — Яценко С. А.* О сарматской орнаментике // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Ставрополь: Печатный двор, 2022. Вып. 15. С. 211–226.
- Brosseder, 2015 — Brosseder U. B.* A Study on the complexity and dynamics of interaction and exchange in Late Iron Age Eurasia // Complexity of interaction along the Eurasian Steppe zone in the First Millennium CE. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. 2015 (BCAA; Vol. 7). P. 199–332.
- Pirazzoli-t'Serstevens, 1982 — Pirazzoli-t'Serstevens M.* The Han Dynasty. New York: Rizzoli, 1982. 240 p.
- Prüch, 1997 — Prüch M.* Die Lacke der Westlichen Han-Zeit (206 v. – 6. N. Chr.): Bestand und Analyse. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang, 1997. 617 S.
- Treasures ..., 2011 — Treasures of the Xiongnu.* Ulaanbaatar, 2011. 296 p.

НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 137. Дело Императорской археологической комиссии о раскопке курганов, предпринятой на собственной земле жителями хутора Зубова, Темрюкского отд., Кубанской обл.

На китайском языке

Хунань..., 1973 — Хунань шэн боугуань [湖南省博物館], Чжунгуо кэсюэюань яньцзю суо [中國科學, 考古研究所]. Чанша Мавандуй и хао му [長沙馬王堆—漢墓]. Могила 1 в Мавандуй (Чанша, Хунань, КНР). Bd. 1–2. Пекин, 162 p., 244 p.

Han motifs of the ornament in the design of the Zubov dagger

Sergey V. Voroniatov²

Annotation. *The golden decoration of the dagger hilt from the Sarmatian burial (second half of the 1st century BC) on Zubovskij Farm in the Trans-Kuban region has never been the subject of special research. Analysis of the decoration showed it includes yunwen cloud motifs and other ornamental elements that characteristic of the art of the Western Han Dynasty period. This conclusion indicates that the dagger was decorated by a jeweler who is well acquainted with the Han artistic tradition. The craft shop in which the dagger was made could be located on the territory of Middle Asia.*

Key words: *dagger, Sarmatians, Kuban River region, Zubovskij Farm, China, Western Han Dynasty, cloud ornament*

² Sergey V. Voroniatov — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: s.voroniatov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7096-4468.

ОЙКУМЕНА ПОСЛЕ ХУННУ

A study on the chronology of Zhalaينوer Xianbei cemetery in Hulunbuir area, Northeast China

Pan Ling¹

Annotation. Zhalaينوer cemetery is the most famous Xianbei graveyard. It is widely believed that this cemetery and other Xianbei sites in Hulunbuir area are synchronic with the Eastern Han dynasty (25–220 AD), and Xianbei migrated down to the Great Wall belt in the end of this period. In fact, Xianbei remains continued in Hulunbuir for more than five hundred years, and Zhalaينوer cemetery can be divided into five chronological stages: 1) the early and middle Western Han (about 160–50 BC); 2) from the late Western Han to the early Eastern Han (about 50 BC–75 AD); 3) the middle Eastern Han (75–146 AD); 4) the late Eastern Han (about 146–220 AD); 5) from Cao and Wei period to the early Sixteen States period (about 221–370 AD). The second stage is the boom period of the cemetery, as well as the formative time of the Xianbei Culture characteristics. The third stage is marked with the sudden decline of the cemetery connected with the Xianbei migration to the Great Wall belt in this time. The fifth stage is a varying period, and maybe the bearers of the culture changed their ethnicity.

Key words: Zhalaينوer cemetery, Hulunbuir, Xianbei, periodization, migration, the Great Wall belt

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.200-206>

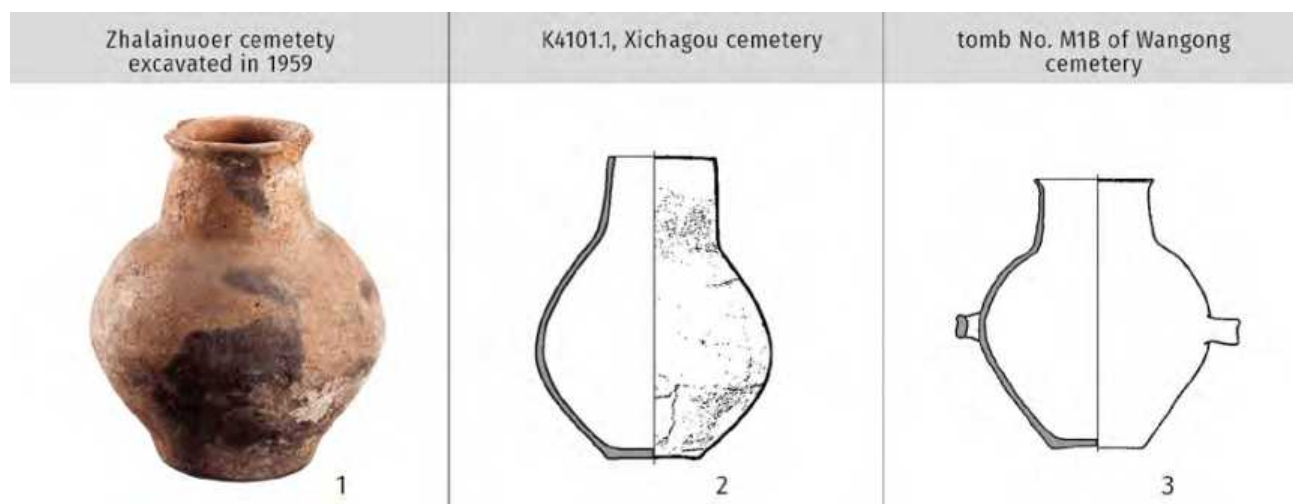
Zhalaينوer cemetery is located in Zhalaينوer district of Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. There are nearly 300 tombs totally, 51 of them were excavated during five excavation campaigns from 1959 to 1994 (Zheng Long, 1961; Neimenggu..., 1961; Wang Cheng, 1987; Neimenggu..., 1994a; Chen Fengshan, Bai Jinsong, 1994; Zhongguo..., 2015). It had been widely believed that Zhalaينوer cemetery is dated the Eastern Han period (25–220 AD) or, more precisely, its first half. However, the artifacts' contracts allow to trace five chronological stages here and to extend the duration of the cemetery's functioning from the Western Han (202 BC–9 AD) to the Sixteen Kingdoms period (304–439 AD).

1. Periodization. The first stage lasts from the early Western Han Dynasty period to the turn of its middle and late phases (about 160–50 BC). There is only a pot with side-lining neck typical for the *Hu* ceramics (fig. 1, 1). It doesn't

have any parallels in the other Xianbei relics, but we can see similar vessels in Xichagou cemetery (fig. 1, 2–3) (Liaoning..., 2022) and in the tomb M1B of Wangong cemetery (Neimenggu..., 1965; Pan Ling, 2007); there are mainly Han-shu culture relics dated the above-mentioned period.

The second stage continues from the late Western Han to the early Eastern Han period (about 50 BC–75 AD). There is the largest number of datable remains, including six tombs: 86M3012, 86M3013, 86M3014, 94M2, 94M3 and 94M4 (fig. 2, 1–3, 7–16). Among noteworthy items of this stage there are a series of black amber belt components (fig. 2, 6; the figure shows only two datable items), two belt buckles with flighting horse pattern (fig. 2, 4), a belt buckle with running horse pattern (fig. 2, 5). The datable artifacts are belt components, the *Hu* pot (fig. 2, 8–10, 14), the *Guan* pot with wide mouth (fig. 2, 12, 15) and the bronze *Fu* cauldron (fig. 2, 11). The earliest datable contract objects originate from Ivolga fortress and cemetery (fig. 2, 23–25) (Давыдова, 1995; 1996) as well as from Yaluoman cemetery (fig. 2, 29) (Тишкин, Матренин, 2017) dating from the late part of the early Western Han to the late Western Han period. Other

¹ Pan Ling — Northwest University; 1 Xuefu Rd., Xi'an, 710127, People's Republic of China; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID: 0000-0002-3925-0176.

Fig. 1. Contract and dating tablet for datable artifact of the first stage of Zhalainuoer cemetery: 1 — Zhalainuoer, 1959; 2 — Xichagou; 3 — Wangong, tomb M1B. Scale different

Рис. 1. Аналогии и хронологические маркеры для датируемого артефакта первого этапа могильника Чжалайнор: 1 — Чжалайнор, 1959; 2 — Сичагоу; 3 — Вангунь, м. M1B. Масштаб разный

similar contract artifacts originate from middle stratigrapher Laheshen cemetery (**fig. 2, 17–21, 38, 39**) (Jilin..., 1987), Labudalin cemetery (**fig. 2, 31–35**) (Neimenggu..., 1994b) and Gol Mod I cemetery (**fig. 2, 36, 37**) (Eregzen, 2011) dating from the late Western Han to the early Eastern Han period.

The third stage corresponds with the middle Eastern Han period (75–146 AD). There are only tomb No. 86M3002 (**fig. 3, 1–4**), three bronze plates with three deer patterns (**fig. 3, 6, 7**) and the golden one (**fig. 3, 8**). The artifacts of this stage have some relation with Labudalin cemetery (**fig. 3, 9–13**) (Neimenggu..., 1994b), Zorgol-1 cemetery (**fig. 3, 14–15**) (Яремчук, 2005) and the middle stratum of Laoheshen cemetery dating from the Xinmang period to the early Eastern Han period (**fig. 3, 17, 18**) (Jilin..., 1987). They are also similar to the Xianbei artifacts of the late Eastern Han period from the Great Belt area (**fig. 3, 4, 5**) (Wulanchabu..., 2004). Namely, the artifacts of this stage bear the characteristics of two these periods.

The fourth stage coincides with the late Eastern Han period (about 146–220 AD). The datable artifacts of this stage are a golden ear ornament (**fig. 4, 1**) and a clay pottery (**fig. 4, 2, 3**) similar to the same kind of artifacts in Sandaowan cemetery — Xianbei graveyard in the Great Wall Belt (**fig. 4, 4–7, 10**) (*Ibid.*).

The fifth stage is dated from Cao and Wei period to the early Sixteen States period (about 221–370 AD). The datable artifacts of this stage are a cauldron-form ceramic pot (**fig. 5, 1, 2**) and three bronze saddle ornaments (**fig. 5, 3**). The form and pattern of this pot are close to the pot from

Hulunbier cemetery of Wei and Jin period (**fig. 5, 6**) (Wang Kelin et al., 1992; Li Xingsheng, Wei Jian, 2004), as well as to synchronic ones from the Xianbei tombs of the Great Wall Belt (**fig. 5, 4, 5**) (Pan Ling, 2012). The bronze saddle ornaments are similar to those of Qian Yan period from Liaoxi area (**fig. 5, 7–10**) (Zhang Baizhong, 1989; Sun Guoping, Li Xhi, 1994; Pan Ling, 2013; Chaoyang..., 2019).

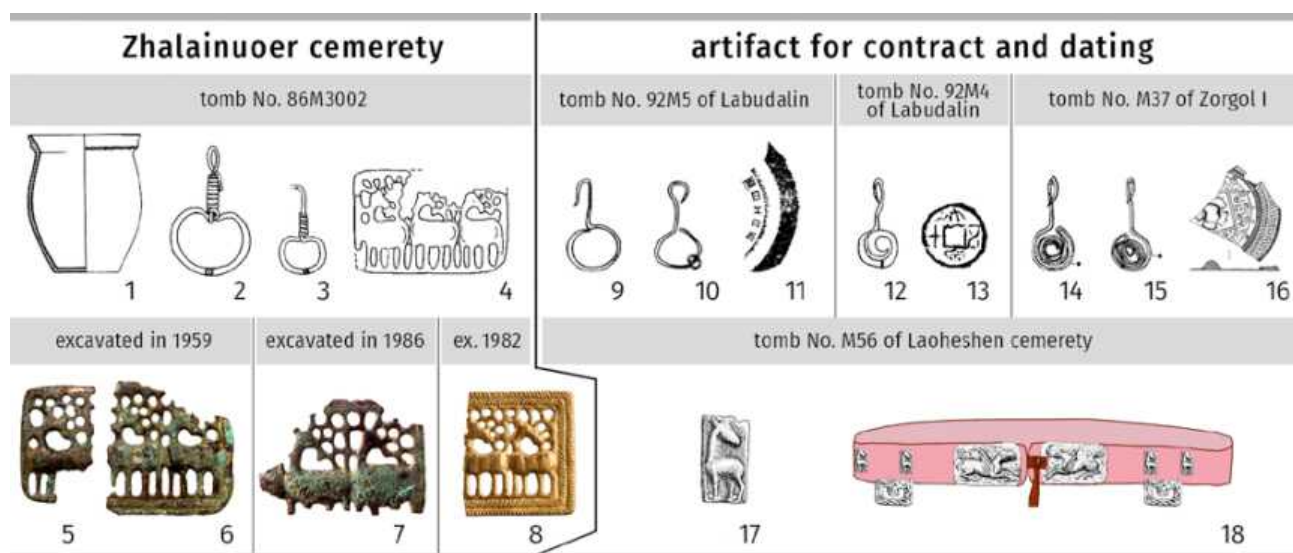
2. On the time of Tuoba Xianbei moving down to the Great Wall Belt. Basing on this periodization of datable artifacts and tombs, we obviously found out that the first stage of Zhalainuoer cemetery does not represent the cultural tradition of Xianbei. The second stage is the booming period of Zhalainuoer cemetery, and most datable tombs belong to this stage. On the third stage, the number of tombs decreased rapidly, and on the fourth stage this decrease continued. On the fifth stage, a significant change of the artifacts' form and type, and maybe the main population of the site of Zhalainuoer cemetery changed too (**table 1**).

According to the historical literature, Tuoba Xianbei migrated down to the Great Wall Belt from Hulunbuir area during the Eastern Han period. The periodization of Zhalainuoer cemetery proposed in this article lead to conclusion that their southward migration took place during the third stage of Zhalainuoer cemetery, namely the middle stage of East Han period (about 75–146 AD). It is indicative that the number of relics decreased clearly in this stage. On the fourth stage, there appeared artifacts similar to those from the Great Wall Belt — a fact indicating that Tuoba Xianbei southward migration finished in this time and caused

Zhalainuoer cemetery			artifact for contract and dating				
tomb No. 86M3012			tomb No. M56 of Laoheshen cemetery	tomb No. M111 of Laoheshen cemetery			
excavated in 1959			tomb No. M56 of Laoheshen	tomb No. M47 of Bulkhtolgi cemetery			
tomb No. 86M3013			tomb No. 86M3012 of Zhalainuoer	tomb No. M100 of Ivvolga	tomb No. M190 of Ivvolga	Ivvolga fortress	
tomb No. 86M3014			tomb No. M20 of Zorgol I	tomb No. M56 of Laoheshen	tomb No. M51 of Yaluoman II		
tomb No. 94M2		tomb No. M7 of Mogushan	tomb No. 92M5 of Labudalin		tomb No. 92M6 of Labudalin		
tomb No. 84M3			Tevsh uul cemetery, Mongolia		tomb No. M14 of Gol Mod I cemetery, Mongolia		
tomb No. 84M4			tomb No. M27 of Laoneshen	tomb No. M105 of Laoneshen cemetery			

Fig. 2. Contract and dating tablet for datable artifacts of the second stage of Zhalainuoer cemetery: 1–16 — Zhalainuoer (1–3 — tomb 86M3012; 4–6 — 1959; 7–9 — tomb 86M3013; 10, 11 — tomb 86M3014; 12 — tomb 94M2; 13, 14 — tomb 84M3; 15, 16 — tomb 84M4); 17–39 — artifacts for contract and dating (17 — Laoheshen tomb M56; 18 — Laoheshen tomb M11; 19 — Laoheshen tomb M56; 20, 21 — Burkhotuy tomb 47; 22 — Zhalainuoer tomb 86M3012; 23 — Ivolga tomb 100; 24 — Ivolga tomb 190; 25 — Ivolga fortress; 26, 27 — Zorgol-1 tomb 20; 28 — Laoheshen tomb M56; 29 — Yaluoman-II tomb 51; 30 — Mogushan tomb M7; 31, 32 — Labudalin tomb 92M5; 33–35 — Labudalin tomb 92M6; 36 — Tevsh uul, Mongolia; 37 — Gol Mod-1 tomb 14; 38 — Laoheshen tomb M27; 39 — Laoheshen tomb M105). Material: 1–3, 6 — black amber; 4, 5, 11, 17–19, 27–29, 32, 35 — bronze; 7–10, 12–16, 22–26, 30, 31, 33, 34, 36–39 — pottery; 20, 21 — iron. Scale different

Рис. 2. Аналогии и хронологические маркеры для датируемых артефактов второго этапа могильника Чжалайнор: 1–16 — Чжалайнор (1–3 — 86M3012; 4–6 — 1959; 7–9 — 86M3013; 10, 11 — 86M3014; 12 — 94M2; 13, 14 — 84M3; 15, 16 — 84M4); 17–39 — аналогии и хронологические маркеры (17 — Лаохэшень, M56; 18 — Лаохэшень, M11; 19 — Лаохэшень, M56; 20, 21 — Бурхотуй, м. 47; 22 — Чжалайнор, 86M3012; 23 — Иволгинский мог., м. 100; 24 — Иволгинский мог., м. 190; 25 — Иволгинское гор.; 26, 27 — Зоргол-1, м. 20; 28 — Лаохэшень, M56; 29 — Яломан-II, м. 51; 30 — Могушань, M7; 31, 32 — Лабудалинь, 92M5; 33–35 — Лабудалинь, 92M6; 36 — Тэвш уул, Монголия; 37 — Гол Мод-1, м. 14; 38 — Лаохэшень, M27; 39 — Лаохэшень, M105). Материал: 1–3, 6 — гагат; 4, 5, 11, 17–19, 27–29, 32, 35 — бронза; 7–10, 12–16, 22–26, 30, 31, 33, 34, 36–39 — керамика; 20, 21 — железо. Масштаб разный

Fig. 3. Contract and dating tablet for datable artifacts of the third stage of Zhalainuoer cemetery: 1–8 — Zhalainuoer (1–4 — tomb 86M3002; 5, 6 — 1959; 7 — 1986; 8 — 1982); 9–18 — artifacts for contract and dating (9–11 — Labudalin tomb 92M5; 12, 13 — Labudalin tomb 92M4; 14–16 — Zorgol-1 tomb 37; 17, 18 — Laoheshen tomb M56). Material: 1 — pottery; 2, 3, 8, 9, 10, 12, 14, 15 — gold; 4–7, 11, 13, 14, 16–18 — bronze. Scale different

Рис. 3. Аналогии и хронологические маркеры для датируемых артефактов третьего этапа могильника Чжалайнор: 1–8 — Чжалайнор (1–4 — 86M3002; 5, 6 — 1959; 7 — 1986; 8 — 1982); 9–18 — аналогии и хронологические маркеры (9–11 — Лабудалинь, 92M5; 12, 13 — Лабудалинь, 92M4; 14–16 — Зоргол-1, м. 37; 17, 18 — Лаохэшень, M56). Материал: 1 — керамика; 2, 3, 8, 9, 10, 12, 14, 15 — золото; 4–7, 11, 13, 14, 16–18 — бронза. Масштаб разный

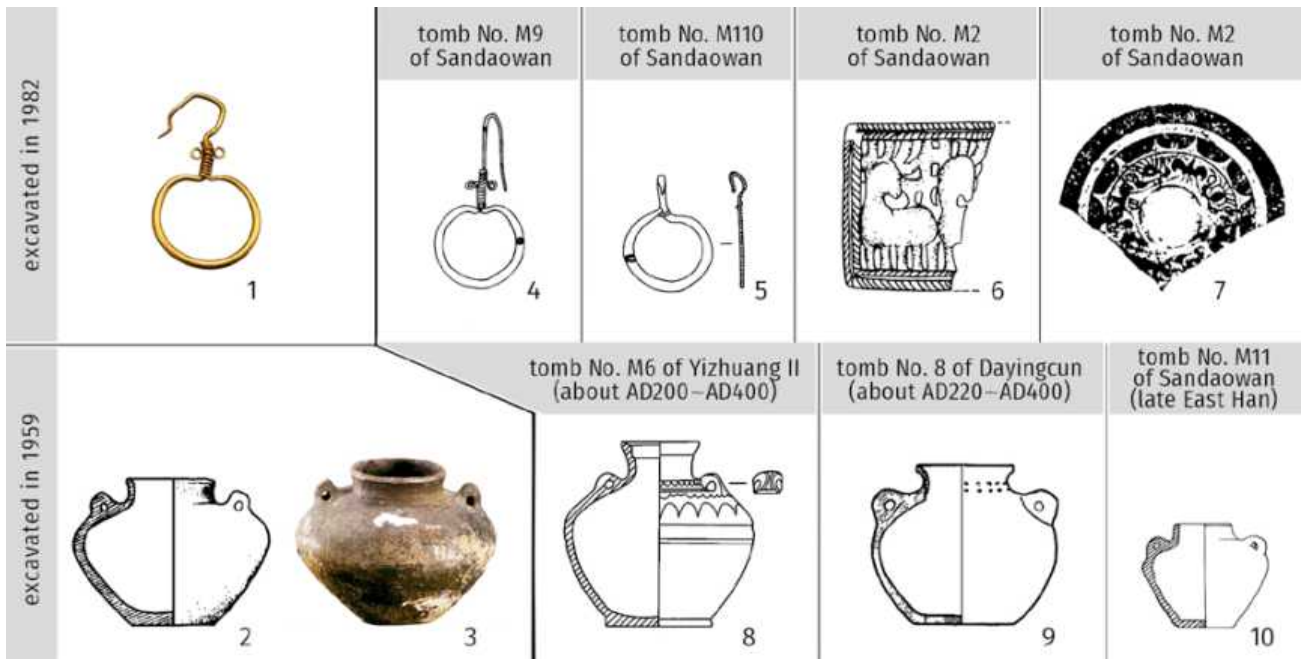
cultural exchange between Hulunbeier area and the Great Wall Belt. During the third stage the Eastern Han Dynasty destroyed Northern Xiongnu, and Xianbei moved to the old haunt of the latter. The fall of Northern Xiongnu provided the opportunity and space for the Tuoba Xianbei to move southwards.

Chaoyang..., 2019 — Chaoyang shi longcheng qu wenwu guanli suo, Chaoyang xian wenwu guanli suo. Liaoning chaoyang

xian yaojingou xianbei mu [辽宁朝阳县姚金沟鲜卑墓]. The Sienpi tomb in Chaoyang, Liaoning // Beifang wenwu. 2019. No. 4. P. 8–20+2, 113–114 (in Chinese).

Chen Fengshan, Bai Jinsong, 1994 — Chen Fengshan, Bai Jinsong. Neimenggu Zhalainuoer Xianbei mu [陈凤山、白劲松。内蒙古扎赉诺尔鲜卑墓]. Xianbei Tomb in Zhalainuoer, Inner Mongolia // Neimenggu wenwu kaogu. 1994. No. 2. P. 27–30 (in Chinese).

Eregzen, 2011 — Eregzen G. Treasures of the Xiongnu. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy

Fig. 4. Contract and dating tablet for datable artifacts of the fourth stage of Zhalaينوer cemetery: 1-3 — Zhalaينوer (1 — 1982; 2, 3 — 1959); 4-10 — artifacts for contract and dating (4 — Sandaowan tomb M9; 5 — Sandaowan tomb M110; 6, 7 — Sandaowan tomb M2; 8 — Yizhuang II tomb M6 (about 200-400 AD); 9 — Dayingcun tomb M8 (about 220-400 AD); 10 — Sandaowan tomb M11 (late East Han)). Material: 1, 4-6 — gold; 2, 3, 8-10 — pottery; 7 — bronze. Scale different

Рис. 4. Аналогии и хронологические маркеры для датируемых артефактов четвертого этапа могильника Чжалайнор: 1-3 — Чжалайнор (1 — 1982; 2, 3 — 1959); 4-10 — аналогии и хронологические маркеры (4 — Сандаован, М9; 5 — Сандаован, М110; 6, 7 — Сандаован, М2; 8 — Ичжуан II, М6 (200-400 гг. н. э.); 9 — Даинцунь, М8 (220-400 гг. н. э.); 10 — Сандаован, М11 (поздняя Восточная Хань). Материал: 1, 4-6 — золото; 2, 3, 8-10 — керамика; 7 — бронза. Масштаб разный

of Sciences, National Museum of Mongolia, 2011. 140 p, 180 fig. (in Mong.).

Jilin..., 1987 — Jilin sheng wenwu kaogu yanjiusuo. Yushu Laoheshen [吉林省文物考古研究所. 榆树老河深]. Laoheshen, Yushu. Beijing: Wenwu chubanshe, 1987. 171 p. (in Chinese).

Li Xingsheng, Wei Jian, 2004 — Li Xingsheng, Wei Jian. Shangdu xian Dongdajing mudi [商都县东大井墓地]. Dongdajing Cemetery, Shangdu County // Neimegnu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu [内蒙古鲜卑墓葬的发现与研究]. Discovery and research of Xianbei tombs in Inner Mongolia. Beijing: Kexue chubanshe, 2004. P. 55-102 (in Chinese).

Liaoning..., 2022 — Liaoning sheng bowuguan et al. Xifeng Xichagou [西丰西岔沟——西汉时期东北民族墓地]. Xifeng Xichagou — Cemetery of the Northeastern nationalities in the Western Han Dynasty. Beijing: Wenwu chubanshe, 2022. 312 p. (in Chinese).

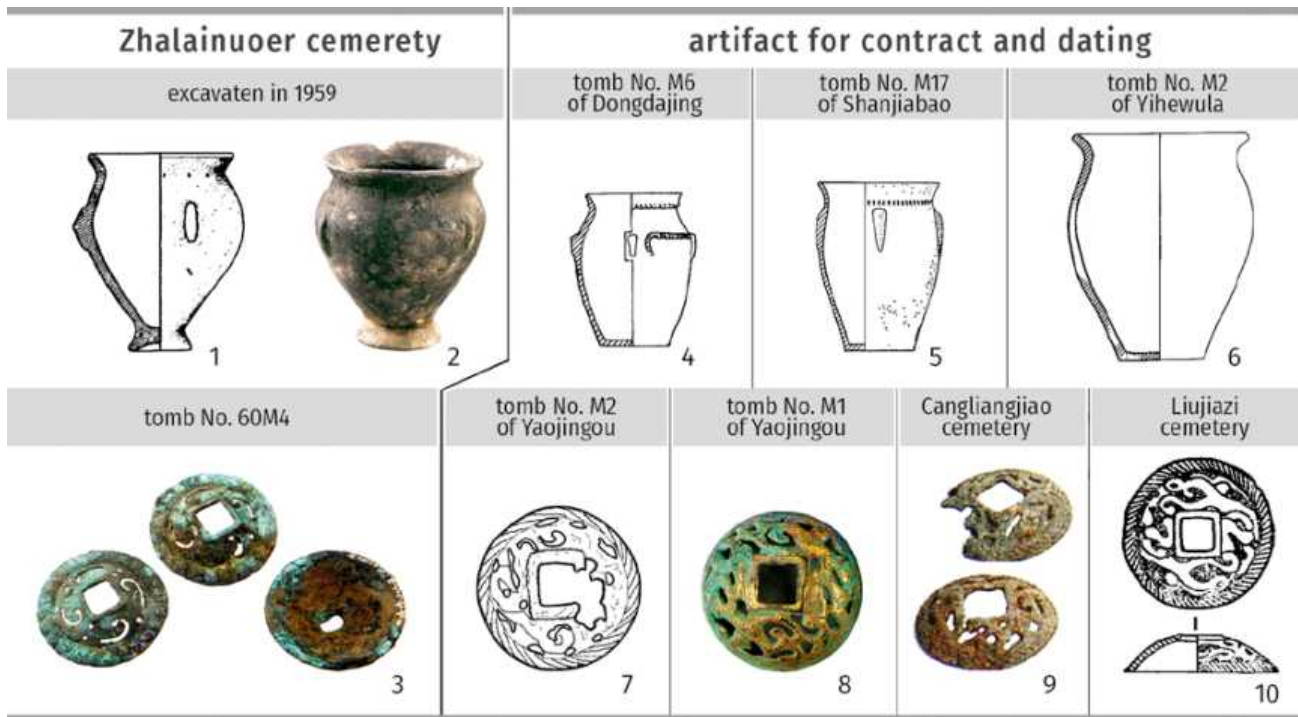
Neimegnu..., 1961 — Neimegnu wenwu gongzuo dui. Neimegnu Zhalaينوer muqun fajue jianbao [内蒙古文物工作队. 内蒙古扎赉诺尔古墓群发掘简报]. Briefing on the excavation of the Zhalaينوer ancient tombs in Inner Mongolia // Kaogu. 1961. No. 12. P. 673-680+7-8 (in Chinese).

Neimegnu..., 1965 — Neimegnu zizhiqiu wenwu gongzuo dui. Neimegnu chenbaerhu qi wangong gumu qingli jianbao [内蒙古自治区文物工作队. 内蒙古陈巴尔虎旗完工古墓清理简报]. Briefing on cleaning up completed ancient tombs in Chenbalhu Banner, Inner Mongolia // Kaogu. 1965. No. 6. P. 273-283 (in Chinese).

Neimegnu..., 1994a — Neimegnu wenwu kaogu yanjiusuo. Zhalaينوer gumu qun 1986 nian qingli fajue baogao [内蒙古文物考古研究所. 扎赉诺尔古墓群1986年清理发掘报告]. Report 1986 cleanup and excavation of the Zhalaينوer ancient tombs // Neimegnu wenwu kaogu wenji [内蒙古文物考古文集]. Inner Mongolia Cultural Relics and Archeology Collection. Vol. 1. Beijing: Zhongguo dabaikе quansu chubanshe, 1994. P. 369-383 (in Chinese).

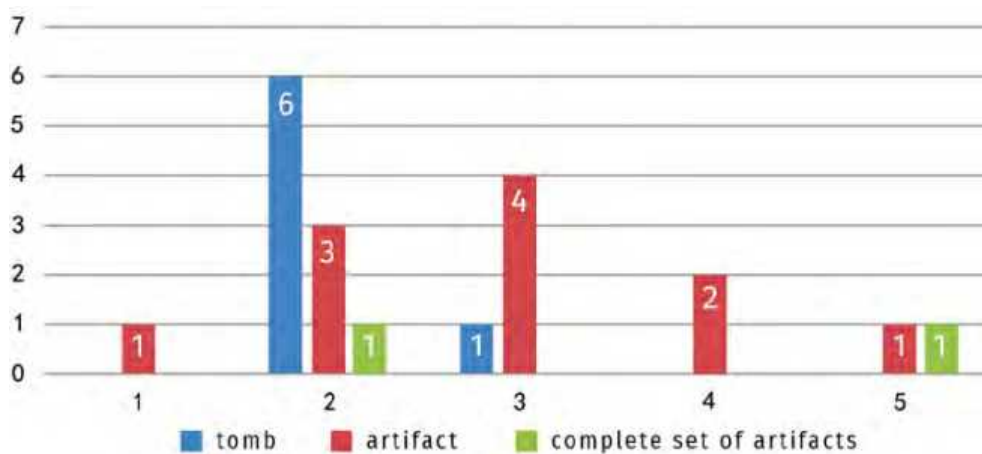
Neimegnu..., 1994b — Neimegnu wenwu kaogu yanjiusuo dui. Eerguna youqi Labudalin Xianbei muqun fajue jianbao [额尔古纳右旗拉布达林鲜卑墓葬群发掘简报]. Briefing on the excavation of the Xianbei tombs in Labudalin, Ergun Right Banner // Neimegnu wenwu kaogu wenji [内蒙古文物考古文集]. Inner Mongolia Cultural Relics and Archeology Collection. Vol. 1. Beijing: Zhongguo dabaikе quansu chubanshe, 1994. P. 384-396 (in Chinese).

Pan Ling, 2007 — Pan Ling. Wangong mudi de wenhua xingzhi he niandai [潘玲. 完工墓地的文化性质和年代].

Fig. 5. Contract and dating tablet for datable artifacts of the fifth stage of Zhalaينوer cemetery: 1-3 – Zhalaينوer (1, 2 – 1959; 3 – tomb 60M4); 4-10 – artifacts for contract and dating (4 – Dongdajing tomb M6; 5 – Shanjiabao tomb M17; 6 – Yihewula tomb M2; 7 – Yaojingou tomb M2; 8 – Yaojingou tomb M1; 9 – Cangliangjiao; 10 – Liujiazi). Material: 1, 2, 4-6 – pottery; 3, 7-10 – bronze. Scale different

Рис. 5. Аналогии и хронологические маркеры для датруемых артефактов пятого этапа могильника Чжалайнор: 1-3 – Чжалайнор (1, 2 – 1959; 3 – 60M4); 4-10 – аналогии и хронологические маркеры (4 – Дундацзин M6; 5 – Шаньцзябао M17; 6 – Ихэула M2; 7 – Яоцзингоу M2; 8 – Яоцзингоу M1; 9 – Цанляньцзяо; 10 – Люцзяцзы). Материал: 1, 2, 4-6 – керамика; 3, 7-10 – бронза. Масштаб разный

Table 1. Statistical table on the number of tombs and artifacts for each stage of Zhalaينوer cemetery

Таблица 1. Статистика числа могил и артефактов для каждого этапа могильника Чжалайнор

Chronology and genesis of Wangong cemetery // Kaogu. 2007. No. 9. P. 78–86.

Vol. 24. Beijing: Kexue chubanshe, 2012. P. 183–198 (in Chinese).

Pan Ling, 2012 — Pan Ling. Changcheng didai Xianbei yicun wenhua yinsu lai yuan fenxi // Bianjiang kaogu yanjiu.

Pan Ling, 2013 — Pan Ling. Dui bufen yu xianbei xiangguan yicun niandai de zai tantao [潘玲. 长城地带早期鲜卑遗

- 存文化因素来源分析]. Analysis on the origin of early Xianbei cultural factors in the Great Wall area // *Bianjiang kaogu yanjiu*. Vol. 13. Beijing: Science Press, P. 207–226 (in Chinese).
- Sun Guoping, Li Xhi, 1994 — Sun Guoping, Li Xhi. Liaoning beipiao changliangjiao Xianbei mu [孙国平、李智. 辽宁北票仓粮窖鲜卑墓]. Tomb of Xianbei, Beipiao Cangliangjiao, Liaoning // *Wenwu*. 1994. No. 11. P. 38–42 (in Chinese).
- Wang Cheng, 1987 — Wang Cheng. Zhalaينوer quanhe gumu qingli jianbao [王成. 扎贵诺尔圈河古墓清理简报]. Briefing on cleaning up ancient tombs in Zhalaينوer River // *Beifang wenwu*. 1987. No. 3. P. 18–22 (in Chinese).
- Wang Kelin et al., 1992 — Wang Kelin, Ning Lixin, Sun Chunlin, Hu Sheng. Shanxi youyu xian shanjiabao mudi [王克林、宁立新、孙春林、胡生. 山西省右玉县善家堡墓地]. Shanjiabao Cemetery, Youyu County, Shanxi Province // *Wenwu jikan*. 1992. No. 2. P. 1–21 (in Chinese).
- Wulanchabu..., 2004 — Wulanchabu bowuguan. Chayouhou qi sandaowan mudi [察右后旗三道湾墓地]. Sandaowan Cemetery in Chayouhou Banner // *Neimegnu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古鲜卑墓葬的发现与研究]. Discovery and Research of Xianbei Tombs in Inner Mongolia. Beijing: Kexue chubanshe, 2004. P. 16–54 (in Chinese).
- Zhang Baizhong, 1989 — Zhang Baizhong. Neimegnu keyouzhong qi liujiazi xianbei muqun [张柏忠. 内蒙古科左中旗六家子鲜卑墓群]. Xianbei Tombs in Liujiazi, Kezuozhong Banner, Inner Mongolia // *Kaogu*. 1989. No. 5. P. 430–438 (in Chinese).
- Zheng Long, 1961 — Zheng Long. Neimegnu Zhalaينوer gumu diaocha ji [郑隆. 内蒙古扎斐诺尔古墓群发掘简报]. Briefing on the excavation of the ancient tombs in Zhalaينوer, Inner Mongolia // *Wenwu*. 1961. No. 9. P. 16–19 (in Chinese).
- Zhongguo..., 2015 — Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo etc. Hulunbeier minzu wenwu kaogu da xi: Zhalaينوer qu jian [中国社会科学院考古研究所[等]主编. 呼伦贝尔民族文物考古大系: 扎赉诺尔区卷]. Hulunbuir Ethnic Cultural Relics and Archeology Department: Zhalaينوer District Volume. Beijing: Wenwu chubanshe, 2015. Vol. 2. P. 6–155 (in Chinese).
- Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995 (Археологические памятники сюнну; Вып. 1). 97 с., 188 табл., вкл.
- Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.
- Тишкин, Матренин, 2017 — Тишкин А. А., Матренин С. С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннуского времени (по материалам памятника Яломан-II) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 74–86.
- Яремчук, 2005 — Яремчук О. А. Могильник Зоргол-1 — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии. Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Исследование хронологии сяньбэйского могильника Чжалайнор в округе Хулун-Буир (северо-восточный Китай)

Пань Лин²

Аннотация. Чжалайнор — самый известный из могильников сяньбэй. Распространено представление, что он, наряду с другими сяньбэйскими памятниками округа Хулун-Буир, датируется периодом Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), в конце которого сяньбэй мигрировали на юг, в район Великой стены. В действительности сяньбэйские материалы прослеживаются в Чжалайноре на протяжении около 500 лет, а в истории могильника может быть выделено пять хронологических этапов: 1) ранний и средний периоды Западной Хань (ок. 160–50 гг. до н. э.); 2) поздняя Западная Хань — ранняя Восточная Хань (ок. 50 г. до н. э. — 75 г. н. э.); 3) средний период Восточной Хань (ок. 75–146 гг. н. э.); 4) поздняя Восточная Хань (ок. 146–220 гг. н. э.); 5) от периодов Цао и Вэй до эпохи шестнадцати варварских государств (ок. 221–370 гг. н. э.). Второй этап, на который приходится наиболее интенсивное функционирование могильника, стал временем формирования сяньбэйской культуры. Третий этап отмечен внезапным упадком, связанным с миграцией сяньбэй в культурный пояс Великой Китайской стены. На пятом этапе этническая принадлежность носителей культуры, скорее всего, сменилась.

Ключевые слова: могильник Чжалайнор, Хулун-Буир, сяньбэй, периодизация, миграция, культурный пояс Великой Китайской стены

² Пань Лин — Северо-Западный университет; Xuefu Rd., 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID: 0000-0002-3925-0176.

Наконечники стрел со свистунками на территории Внутренней Монголии в гунно-сяньбийское время

А. В. Варенов¹

Аннотация. Во Внутренней Монголии в гунно-сяньбийское время железные наконечники стрел с костяными свистунками были обнаружены только в четырех памятниках: Лабудалинь, Циця (Цика), Мэнгэньчулу и Чжалайнор. В сочетании с бронзовыми, каменными и костяными наконечниками стрел свистунки не применялись. Сделано наблюдение, что железные наконечники стрел со свистунками не похожи на боевое оружие. Скорее всего, они использовались не для запугивания противника своим звуком, а для указания направления стрельбы.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, гунно-сяньбийское время, костяные свистунки, железные наконечники стрел, применение

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.207-209>

Введение

Во Внутренней Монголии в гунно-сяньбийское время металлические наконечники стрел с костяными свистунками известны только в ее северной части — на территории городского округа (ранее — аймака) Хулун-Буир (Хулуьбэйэр). Из примерно 10 выявленных там памятников сяньбийского времени свистунки встречены лишь на четырех: Лабудалинь, Циця (Цика), Мэнгэньчулу и Чжалайнор (Варенов, 2019. С. 31–35).

Памятники с наконечниками стрел со свистунками

1. Могильник Лабудалинь расположен в городском уезде Аргунь (ранее — хошуне Аргунь-Юци/Ээргунаоци). Летом 1987 г. в ходе спасательных работ археологи раскопали два погребения. В июле 1992 г. исследовано еще 24 могилы. Погребенные были уложены в деревянные гробы в вытянутом положении на спине, головой на север или северо-восток. Сопроводительный инвентарь включал 13 керамических сосудов, 30 изделий из бересты, бронзовые украшения (в том числе — 5 монет эпохи Ван Мана и обломки зеркал), 1 наконечник стрелы, 3 золотые серьги, 3 сохранившихся железных наконечника стрел (а учитывая сломанные наконечники — 21 экз.), 6 костяных свистунок, 24 костяных наконеч-

ника стрел, 28 роговых накладок на лук, 7 ретушированных каменных наконечников стрел, каменные бузины (Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994. С. 384–396).

2. Могильник Циця (Цика) расположен в городском уезде Аргунь. В 1988 г. археологи доследовали два разрушенных погребения. В 1990 г. было исследовано еще три погребения. Погребенные были уложены в прямоугольные грунтовые ямы в вытянутом положении на спине головой на запад. Располагавшийся в головах, в ногах и в районе пояса сопроводительный инвентарь включал два керамических сосуда, два костяных и два железных с костяными свистунками наконечника стрел, железные удила, нож, застежку ремня и бронзовую серьгу (Чжао Юймин, 1997. С. 457–460).

3. Могильник Мэнгэньчулу расположен на правом берегу р. Иминьхэ в Эвенкийском автономном хошуне. В 1980 г. раскопано семь погребений, одно — хорошей сохранности, остальные шесть были повреждены водной эрозией. Погребенные были уложены на спину головами на северо-запад, нередко — с черепами лошадей и/или крупного рогатого скота на особой земляной приступке в головах. Сопроводительный инвентарь включал 9 керамических сосудов, железное оружие и снаряжение (105 панцирных пластин из погребения М1 и 2 — из погребения М7), 30 железных наконечников стрел разных типов (в том числе 5 из них с костяными свистунками), 3 ножа, 1 наконечник копья, удила, 11 костяных наконечников стрел, 6 золотых украшений (в том числе четыре серьги) (Чэнь Даохун, 1982. С. 18–23).

¹ Варенов А. В. — Новосибирский государственный университет; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

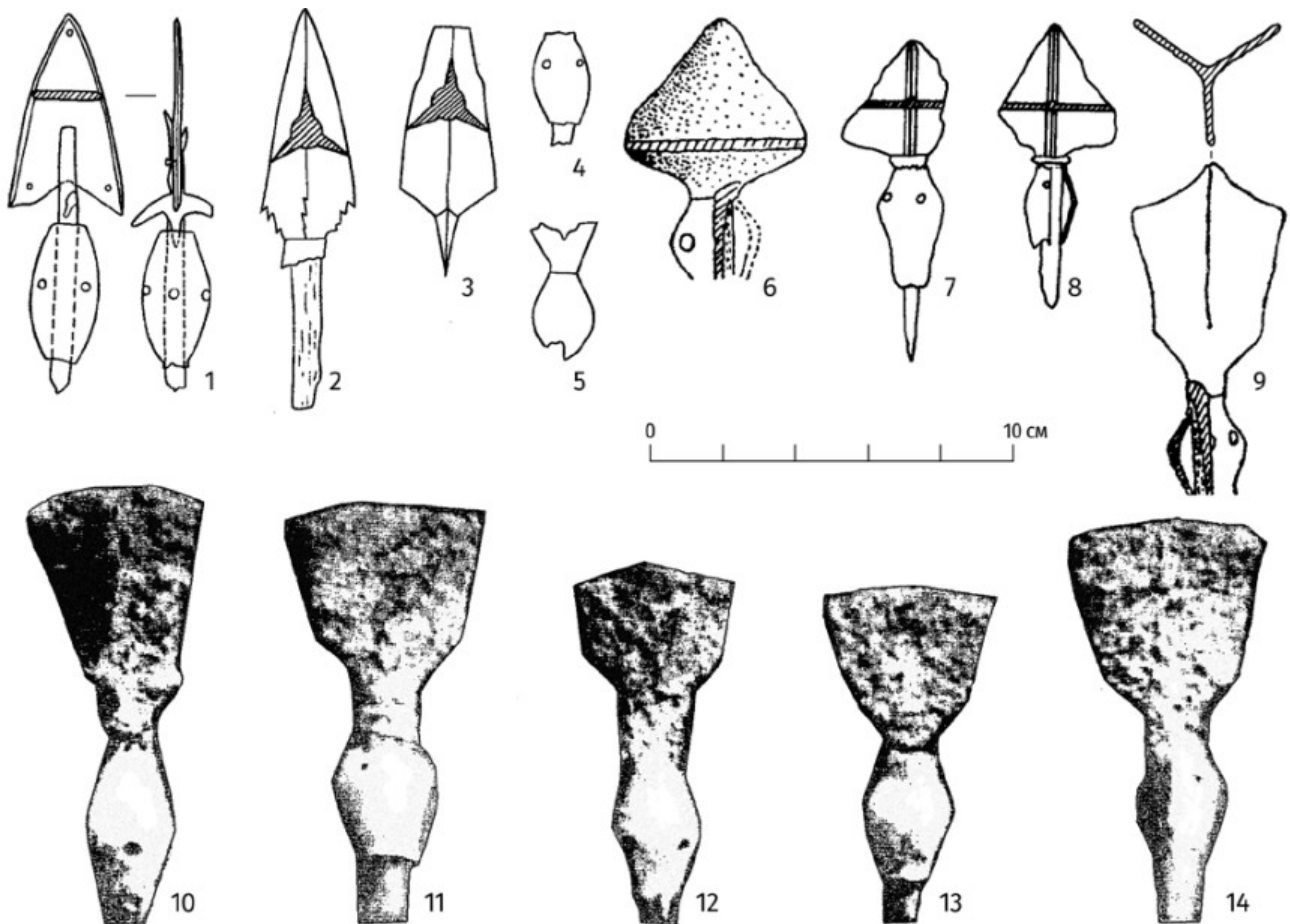

4. Могильник Чжалайнор расположен на восточном берегу р. Цюаньхэ (бывшая р. Мутная) близ г. Маньчжурия, в районе городского подчинения Чжалайнор. В 1959 г. в ходе разведки выявлено до 300 погребений и расчищено два из них, разрушаемых береговым обрывом. Летом 1960 г. исследована еще 31 могила. В дальнейшем могильник продолжал разрушаться не только рекой, но и в результате деятельности находящегося поблизости кирпичного завода. В 1982 г. местные жители подобрали две витые серьги из золотой проволоки и золотую поясную пластинку с изображением трех оленей, а в 1984 г. сообщили об обнаружении пяти погребений, доследованных в июле того же года археологами. Находки 1984 г., помимо шести керамических сосудов, включали железные с костяными свистунками и костяные наконечники стрел, другие изделия из кости и бересты, каменные накладки на пояс (Ван Чэн, 1987. С. 19–22). В 1986 и 1994 гг. спасательные раскопки на месте работы карьера кирпичного завода продолжались.

Материалы и обсуждение

В Лабудалинь было обнаружено три железных наконечника стрел хорошей сохранности, из них один наконечник был со свистункой на древке и еще пять свистунок были найдены отдельно. Это плоский двухлопастной наконечник с треугольным пером с опущенными жальцами и зажимным типом крепления. В острие пера и в жальцах у него находилось по круглому отверстию. Через отверстие в основании пера наконечник фиксируется небольшим железным гвоздиком на древке (рис. 1, 1). Еще два железных наконечника стрел с пером треугольной формы трехгранно-трехлопастные в сечении, у одного из них на основании каждой из трех лопастей есть по три зубчика (рис. 1, 2–3). В костяных свистунках просверлено от трех до пяти отверстий, одна — без отверстий (рис. 1, 4–5).

В Циця (Цика) найдено три свистунки, две из них — в сочетании с железными наконечниками стрел. Эти наконечники двухлопастные, с перьями треугольной

Рис. 1. Железные наконечники стрел с костяными свистунками: 1–5 — Лабудалинь (по: Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994); 6, 9 — из Циця (Цика) (по: Чжао Юймин, 1997); 7, 8 — из Мэнгэнчунь (по: Чэнь Даохун, 1982); 10–14 — из Чжалайнора (по: Ван Чэн, 1987)

Fig. 1. Iron arrow points with bone whistles: 1–5 — Labudalin (after Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994); 6, 9 — Qiqia (Qika) (after Чжао Юймин, 1997); 7, 8 — Menggenchulu (after Чэнь Даохун, 1982); 10–14 — Zhalaigor (after Ван Чэн, 1987)

формы и черешковым креплением. С одной стороны они абсолютно плоские, с другой находится вертикальная жилка-нервюра. В костяных свистунках сделано четыре отверстия (рис. 1, 7–8).

В Мэнгэнчулу было найдено пять свистунок, все в сочетании с железными наконечниками стрел. Один наконечник из них — плоский черешковый с пером треугольно-ромбовидной формы (рис. 1, 6). Остальные наконечники трехлопастные черешковые, широкие у острия и сужающиеся к насаду (рис. 1, 9). Все костяные свистунки из памятника имеют пять отверстий.

В Чжалайноре найдено шесть свистунок, все — в сочетании с железными наконечниками стрел. Наконечники двух разных типов: 2 экз. — трехлопастные черешковые, широкие у острия и сужающиеся к насаду (рис. 1, 10), 4 экз. — плоские черешковые срезни «в форме лопатки» (рис. 1, 11–14). На одном из них свистунка без отверстий.

Найденные в Лабудалинь, Циця (Цика), Мэнгэнчулу плоские двухлопастные наконечники стрел с треугольным пером не очень эффективны как боевое оружие, особенно учитывая синхронное с ними бытование трехгранных и трехлопастных наконечников. Крепление плоского наконечника из Лабудалинь к древку вообще крайне ненадежно. Возможно, что оснащенные свистунками стрелы применялись для подачи звуковых сигналов, а не для запугивания противника при массовом их использовании. О последнем сложно говорить, если сравнить общее количество железных наконечников стрел и число свистунок, найденных на перечисленных памятниках. К примеру, в Лабудалинь — 21 наконечник и только 6 свистунок, в Мэнгэнчулу — 30 наконечников и лишь 5 из них со свистунками.

Заключение. В северной части Внутренней Монголии в гунно-сяньбийское время со свистунками соединяли только железные наконечники стрел. Костяные или каменные наконечники, хотя и довольно много-

численны на рассмотренных погребальных памятниках, в сочетании со свистунками не встречены. Иногда железные наконечники стрел, сочетавшиеся со свистунками, не похожи на боевое оружие. Скорее всего, они применялись не для запугивания противника, а для указания направления стрельбы.

Варенов, 2019 — Варенов А. В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 4: Востоковедение. С. 30–50.

На китайском языке

Ван Чэн, 1987 — Ван Чэн. Чжалайноэр Цюаньхэ гуму циньли цзяньбао [王成. 托赛诺尔圈河古墓清理简报]. Краткое сообщение об охранных раскопках древних могил на р. Цюаньхэ в Чжалайноре // Бэйфан вэнью. 1987. № 3. С. 19–22 (на кит. яз.).

Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994 — Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь. Ээргунаоци Лабудалинь сяньбэй муцонь фацзюэ цзяньбао [王成、塔拉、张春. 额尔古纳右旗拉布达林鲜卑墓葬群发掘简报]. Краткий отчет о раскопках сяньбийского могильника Лабудалинь в хошуне Ээргунаоци // Нэй Мэнгу вэнью каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]. Сборник трудов по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 384–396 (на кит. яз.).

Чжао Юймин, 1997 — Чжао Юймин. Ээргунаоци Циця сяньбэй му цинли цзяньбао [赵玉明. 额尔古纳右旗七卡鲜卑墓清理简报]. Краткий отчет об охранных раскопках сяньбийских могил в Циця хошуна Ээргунаоци // Нэй Мэнгу вэнью каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]. Сборник трудов по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 457–460 (на кит. яз.).

Чэнь Даохун, 1982 — Чэнь Даохун. Иминьхэ дицдой дэ сяньбэй му [程道宏. 伊敏河地区的鲜卑墓]. Сяньбийские погребения в районе Иминьхэ // Нэй Мэнгу вэнью каогу. 1982. № 2 (Спецвыпуск). С. 18–23.

Arrow points with whistles at the territory of Inner Mongolia in Xiongnu-Xianbei time

Andrey V. Varenov²

Annotation. Iron arrow points with bone whistles are known in Inner Mongolia in Xiongnu-Xianbei time only at four sites: Labudalin, Qiqia (Qika), Menggenchulu and Zhalaigor. Whistles were never used in combination with bronze, stone and bone arrow points. It has been observed that iron arrowheads with whistles do not look like battle weapons. Highly likely they were used not to scare enemies with their sound, but to point the shooting direction.

Key words: Inner Mongolia, Xiongnu-Xianbei time, bone whistles, iron arrow points, usag

² Andrey V. Varenov — Novosibirsk State University; 1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

The strainers found in the tombs of Northern Wei Dynasty and the relations with Western Eurasia¹

Ma Yan²

Annotation. *There were types of small sieves found in the Northern Wei Dynasty, Northern China. Similar products were found earlier in the border provinces of the late Roman Empire and the Bosphorus, later most of them were found in early Aramaean tombs in the North Caucasus. Moreover, there were certain similarities between the artefacts found in the tombs of the Xianbei-Northern Wei Dynasty, the Crimean Scythians, the Bosporan Kingdom and the early Alan in the North Caucasus. Therefore, during the Sixteen Kingdoms period, the peoples who migrated to northern China may have had some connections with the Late Sarmatians and Early Alans, etc., who participated in the Great Migration of the Western Eurasian steppes.*

Key words: *strainer, Northern Wei Dynasty, Alans, Crimea, Bosporus Kingdom, migration*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.210-216>

The Strainers found in the Tombs of Northern Wei Dynasty and Rouran Period

Such strainers excavated from Northern Wei Dynasty tombs were all found in the city of Datong (大同). The published materials include Qilicun M15:7 (七里村) (Datong..., 2006), Datong Nanjiao M9:4 (大同南郊), Datong Nanjiao M14:16 (Shanxi..., 2006. P. 128, 140), which are all made of a whole piece of bronze, with a total length of about 6–7.5 cm. The spoon is round, slightly concave, densely covered with small holes and about 1.9–2.2 cm in diameter. The handle is narrow and long and the end is usually straight, curled or ring-shaped (**fig. 1, 3**). A similar one was found in Talyn Gurvan Kherem (Талын гурван хэрэм), Mongolia, which possibly belonging to the remains of the Rouran period, dating from the 4th–5th centuries AD (Серегин, Матренин, 2020) (**fig. 1, 4**). Such artifacts are often described as “filter spoons” (in Russian — ложки-цедилки, ложки-ситечки, etc.) in Russian materials. Other English materials also use words “strainer”, etc.

In addition to the above-mentioned artifacts excavated in northern China and Mongolia, such strainers are mostly found in the remains of the Alans in the early medieval

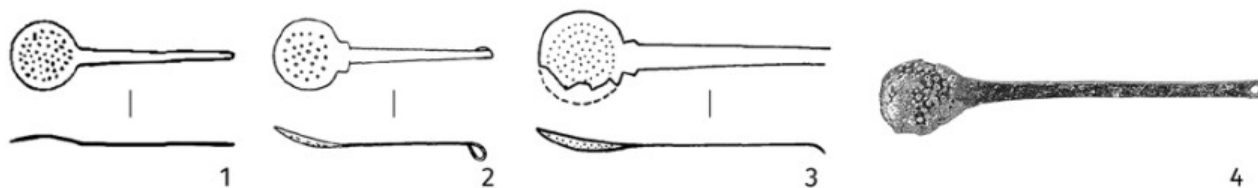
period, the North Caucasus, a few in the provinces of the Roman Empire, the 3rd–4th centuries AD, as well as in the Bosphorus kingdom, the early medieval Crimea and the Volga-Don basin, etc. In the provinces of the Roman Empire such objects were found in treasures, while in other places they were found in tombs.

The strainers found in the provinces of the Roman Empire and North Caucasus

In the border provinces of the late Roman Empire and the Bosphorus, this type of sieve appeared around the 3rd century. Almost all of them are made of silver, a few are gilded; they are generally longer than 14 cm, with the largest reaching over 20 cm; most of the ends of the handles have larger rings, some were made as toothpicks. An earlier example was found in Kerch, possibly belonging to a queen, covered with a golden mask, dated to the 3rd century AD (Трейсмер, 2004) (**fig. 2, 1**). In the late Roman Empire, such strainers could be found in its frontier provinces, and almost all of them were found in treasure troves, combined with silver tableware. For example, the silver one found in the treasure of Vinkovci, Croatia, with a length of 14.1 cm, including the ring at the end of the handle, a total of 15.6 cm, and a diameter of 2.58 cm, dates to the second half of the 4th century AD (Skelac, 2016) (**fig. 2, 2**). Another example is the Kaiseraugst treasure in Switzerland, where two silver strainers were unearthed. One of them ended in a toothpick, dating from the middle of the 4th century (Der spätrömische..., 1984) (**fig. 2, 3–4**). In addition, few similar silver

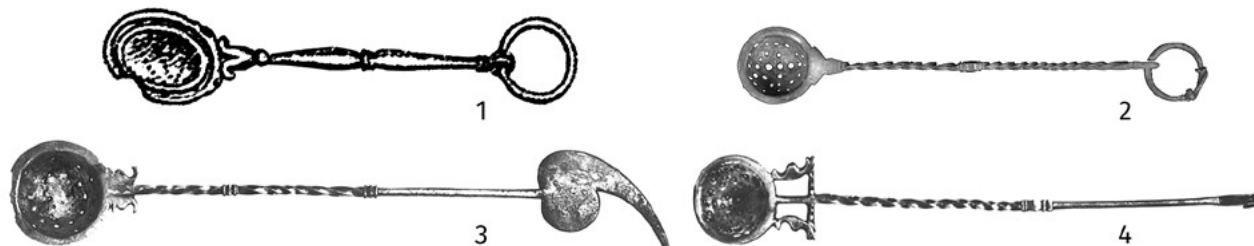
¹ The research is funded by the project “Research on the distributions and ethnic backgrounds of cauldrons on Eurasian steppes” (21BKG044).

² Ma Yan — Department of Archaeology and Museum, Inner Mongolia University; 235 West College Rd., Hohhot, 010021, People’s Republic of China; e-mail: my_history@163.com; ORCID: 0000-0003-4863-8890.

Fig. 1. Strainers found in the tombs of Northern Wei Dynasty and Rouran Period: 1 – Qilicun tomb M15:7; 2 – Datong Nanjiao tomb M9:4; 3 – Datong Nanjiao tomb M14:16; 4 – Talyn Gurvan Kherem. Scale different

Рис. 1. Ситечки, обнаруженные в погребениях династии Северная Вэй и жужаней: 1 – Цилицунь, M15:7; 2 – Датун Наньцзяо, M9:4; 3 – Датун Наньцзяо, M14:16; 4 – Талын гурван херем. Масштаб разный

Fig. 2. Strainers found in the provinces of the Roman Empire and the Bosphorus Kingdom: 1 – Kerch; 2 – Vinkovci treasure; 3, 4 – Kaiseraugst treasure. Scale different

Рис. 2. Ситечки, обнаруженные в провинциях Римской империи и Боспорском царстве: 1 – Керчь; 2 – клад из Винковиц; 3, 4 – клад из Кайзераугста. Масштаб разный

artefacts have been found in graves in Hungary and other places during the same period (Трейцлер, 2004).

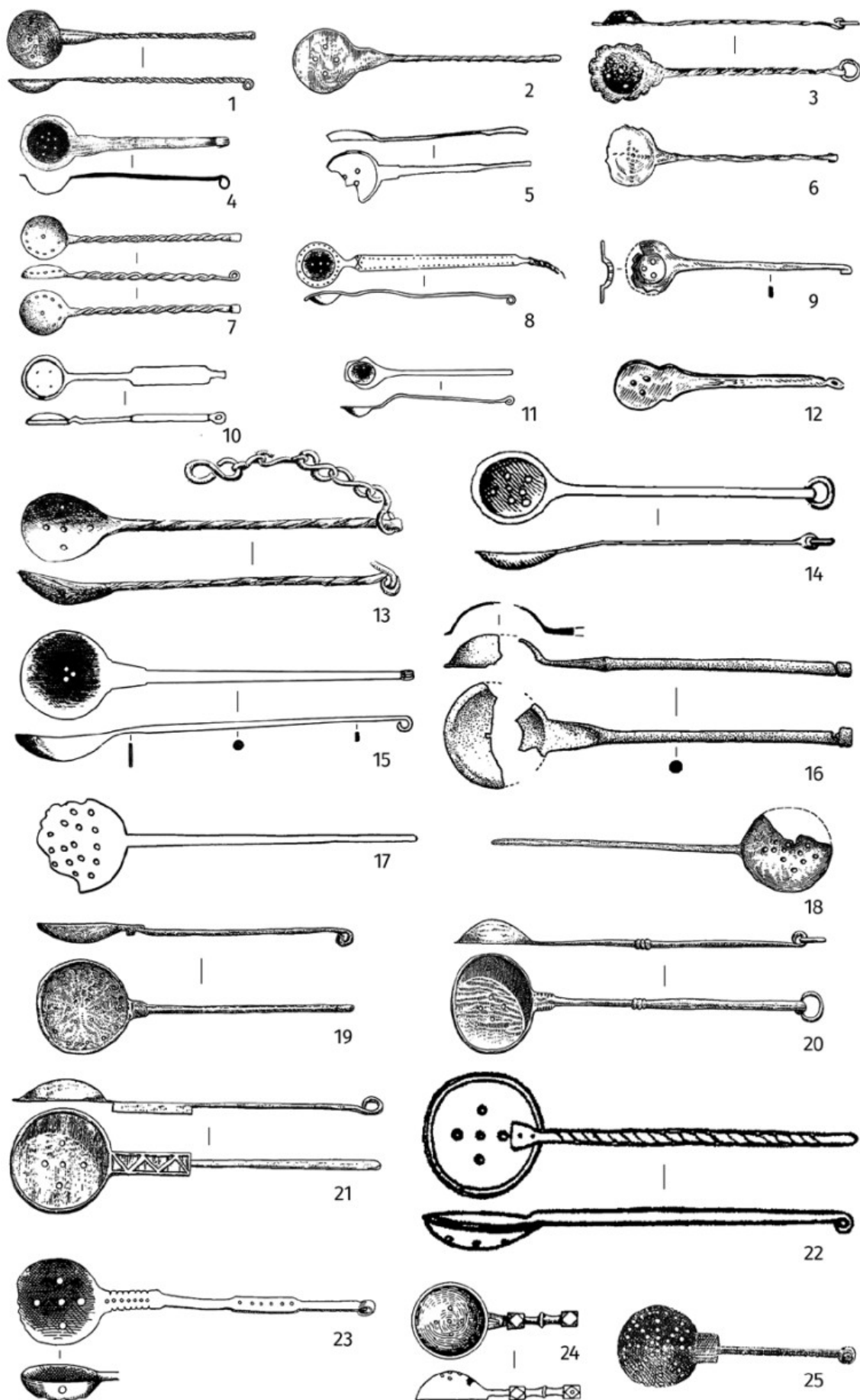
Most of these have been found in the North Caucasus, for example at the cemeteries of Mokraya Balka, Klin-Yar III and Khasaut. Most of them date from the 6th to the 9th century AD, some from the 10th to the 12th century AD, and very rarely from the 3rd to the 5th century AD. Almost all of them are made of bronze, mainly belonging to the Early Alans, partly to the Late Alans and Bulgars. The smaller ones are about 7.5–12.5 cm, the spoons are flat with a few regular small holes, the diameter is about 2 cm. The handle is flat or rope-shaped, with a small ring at the end for hanging (fig. 3, 1–12). The larger ones are about 13–15 cm, the diameter of the spoon is 3–4 cm. The handle usually has a small ring, and some have chains attached. The spoons are flat and have a drop or almost circular shape (fig. 3, 13–17), while some are deep and have a perfectly round shape (fig. 3, 18–25).

Fewer such sieves have been found in the Crimea, with shallow spoons and relatively large dimensions, most measuring 14–17 cm in length. They are generally thought to have been influenced by the early Alans, dating from the 6th–9th centuries AD (fig. 4). In addition, such scoops were found in the Volga-Don region, with a relatively short length of about 6.5–11.5 cm, but the diameter of the spoon is larger. The strainers could belong to the early Bulgarians, Khazars related remains, dating from the 7th–10th centuries AD (fig. 5).

Evolutions and functions

The earliest hoards were found on the borders of the Roman Empire, the Bosphorus and the northern Black Sea, mainly dating from the 4th century AD, but few could be dated back to the 3rd century AD. Most of them have larger scale and silver objects. In the Roman Empire, such products nearly all were found in hoards, combined with sets of silver tableware and some other vessels, the owners of which might have been of a high social class. For example, the Vinkovci Treasure, in Croatia, from which the strainer was found together with 48 silver vessels. And the town was destroyed by the invasion of Goths and other barbarians, in the second half of the 4th century (Skelac, 2016). During the Roman Empire, wine was often mixed with honey and pepper. This type of strainer may have been used to scoop up the grains in the wine (Der spätrömische..., 1984) and was part of high-class tableware. The ring at the end of the handle was probably used to hang it on the silverware. In addition, the sieve found in the Kaiseraugst treasure from Switzerland had a toothpick at the end of the handle and may have had a cleaning function (fig. 6, 1).

In the Bosphorus, the strainer was first found in the “Golden Mask” mausoleum in Kerch in the second half of the 3rd century AD, together with a golden crown, a golden mask, golden jewellery and silver vessels. Although it was found in a tomb, it was found together with Roman-style

Fig. 3. Strainers found in the North Caucasus (1): 1 — Mokraya Balka tomb 11; 2 — Mokraya Balka tomb 18; 3 — Dargavs tomb 28; 4 — Dagom tomb 10; 5 — Vol'nyi Aul; 6 — Klin-Yar III tomb 2; 7 — Klin-Yar III tomb 381; 8 — Khasaut (1886); 9 — Khasaut; 10 — Kol'cogora-I tomb 7; 11 — Khasaut (1885); 12 — Mokraya Balka tomb 15; 13 — Dargavs tomb 16; 14 — Khasaut; 15 — Khasaut (1886); 16 — Klin-Yar III tomb 345; 17 — Tyrnyauz-1 (1955); 18 — Mokraya Balka tomb 58; 19 — Mokraya Balka tomb 2; 20, 21 — Mokraya Balka tomb 102; 22 — Yasli tomb 3; 23 — Uzun-kol tomb 2; 24 — Kharachoi tomb 7; 25 — Palasa-syrt kurgan 2 (1959). Scale different

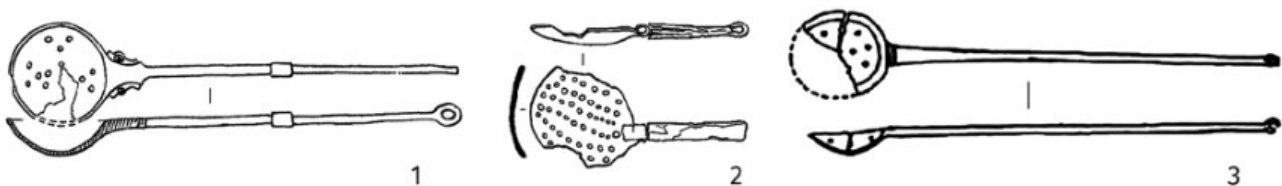
Рис. 3. Ситечки, найденные на Северном Кавказе (1): 1 — Мокрая Балка, м. 11; 2 — Мокрая Балка, м. 18; 3 — Даргавский мог., м. 28; 4 — Дагомский мог., м. 10; 5 — Вольный аул; 6 — Клинь-Яр III, м. 2; 7 — Клинь-Яр III, м. 381; 8 — Хасаут (1886 г.); 9 — Хасаут; 10 — Кольцо-Гора-I, м. 7; 11 — Хасаут (1885 г.); 12 — Мокрая Балка, м. 15; 13 — Даргавский мог., м. 16; 14 — Хасаут; 15 — Хасаут (1886 г.); 16 — Клинь-Яр III, м. 345; 17 — Тырныауз-1 (1955 г.); 18 — Мокрая балка, м. 58; 19 — Мокрая балка, м. 2; 20, 21 — Мокрая балка, м. 102; 22 — Яслинский мог., м. 3; 23 — Узун-Кол, м. 2; 24 — Харахойский мог., м. 7; 25 — Паласа-сыртский мог., кург. 2 (1959 г.). Масштаб разный

silverware. Considering that the Bosphoran Kingdom was closely related to the Roman Empire at this time, its function may be the same as those found in the Roman Empire, used as tableware (**fig. 6, 2**).

Only a few strainers have been dated to the 4th–5th centuries AD, all of them found in graves from the Bosphoran Kingdom, the northern Caucasus, northern China and Mongolia, belonging to the Late Sarmatians, the early Alans, the Xianbei and the Rourans. The graves were not large and the sifters were almost all female. Unlike the Roman period, the strainers began to be combined with earpicks, nail cleaners, combs, small knives, bronze mirrors, etc., and most of them have small holes at the end of the handle, used to be strung together with a ring, hung on the shoulder, waist or chest. Thus, the sieve was used as a cosmetic tool, possibly for filtering, applying dyes or anaesthetics, etc. (Миняева, 1960) (**fig. 6, 3–5**).

A large number of these sieves have been found in graves dating from the 6th to the 9th century AD, almost all of them in the North Caucasus, belonging to the remains of the Alans. Fewer examples of this period have been found in the Bosphorus or along the Volga. The owners of the sieves were still almost exclusively female. The small artefacts associated with the spoons and their functions were the same as in the 4th–5th centuries (**fig. 6, 6–7**).

Such toilets have been found in the Sui and Tang Dynasty tombs of Fengnan M305, Fengnan M15 and Fengnan M1 in Shaanxi Province, China. Among them, Fengnan M305 unearthed a relatively complete set of cosmetic tools, including tweezers, a file, a bevelling knife, flat awls and an ear pick, on the chest of the female burial owner (Shanxi, 2008. P. 16–17, 231), but there was no strainer (**fig. 7, 8**). From the 10th to the 12th century AD, such sieves were found almost exclusively in the tombs of the Late Alans in the North Caucasus. The tomb owners were still female, and

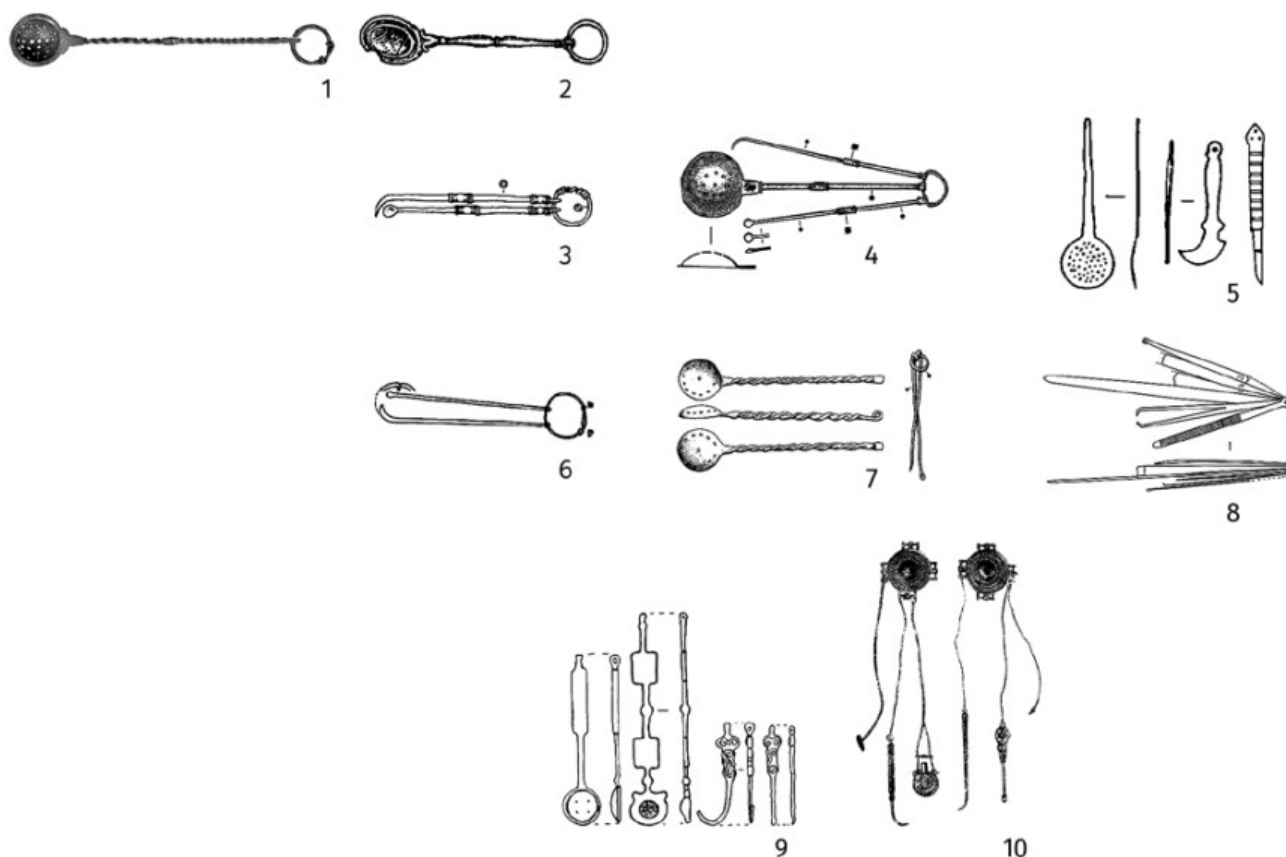
Fig. 4. Strainers found in Crimea: 1 — Skalistoe tomb 420; 2 — Tepsen' tomb 46; 3 — Karshi-Bair-I tomb 4. Scale different

Рис. 4. Ситечки, найденные в Крыму: 1 — Скалистое, м. 420; 2 — Тепсень, м. 46; 3 — Карши-Баир-I, м. 4. Масштаб разный

Fig. 5. Strainers found in Volga-Don River: 1 — Novinki-II kurgan 8 tomb 1; 2, 3 — Dmitrievskoe tomb 154. Scale different

Рис. 5. Ситечки, найденные в Волго-Донском регионе: 1 — Новинки-II, кург. 8, м. 1; 2, 3 — Дмитриевский мог., м. 154. Масштаб разный

Fig. 6. Evolutionary development of strainers: 1 — Vinkovci Treasure; 2 — Golden Mask mausoleum; 3 — Tanais tomb 10 (1981); 4 — Zaragizh tomb 118; 5 — Qilicun M15; 6 — Karshi-Bair-I tomb 4; 7 — Klin-Yar III tomb 381; 8 — Fengnan M305; 9 — Kol'co-gora-I tomb 7; 10 — Zmeiskaya tomb 14. Scale different

Рис. 6. Эволюционное развитие ситечек: 1 — клад из Винковиц; 2 — мавзолей «Золотая маска»; 3 — Танаис, м. 10 (1981 г.); 4 — Зарагизжский мог., м. 118; 5 — Цилицунь, M15; 6 — Карши-Баир-I, м. 4; 7 — Клинь-Яра III, м. 381; 8 — Фэннань, M305; 9 — Кольцо-гора-I, м. 7; 10 — Змейский мог., м. 14. Масштаб разный

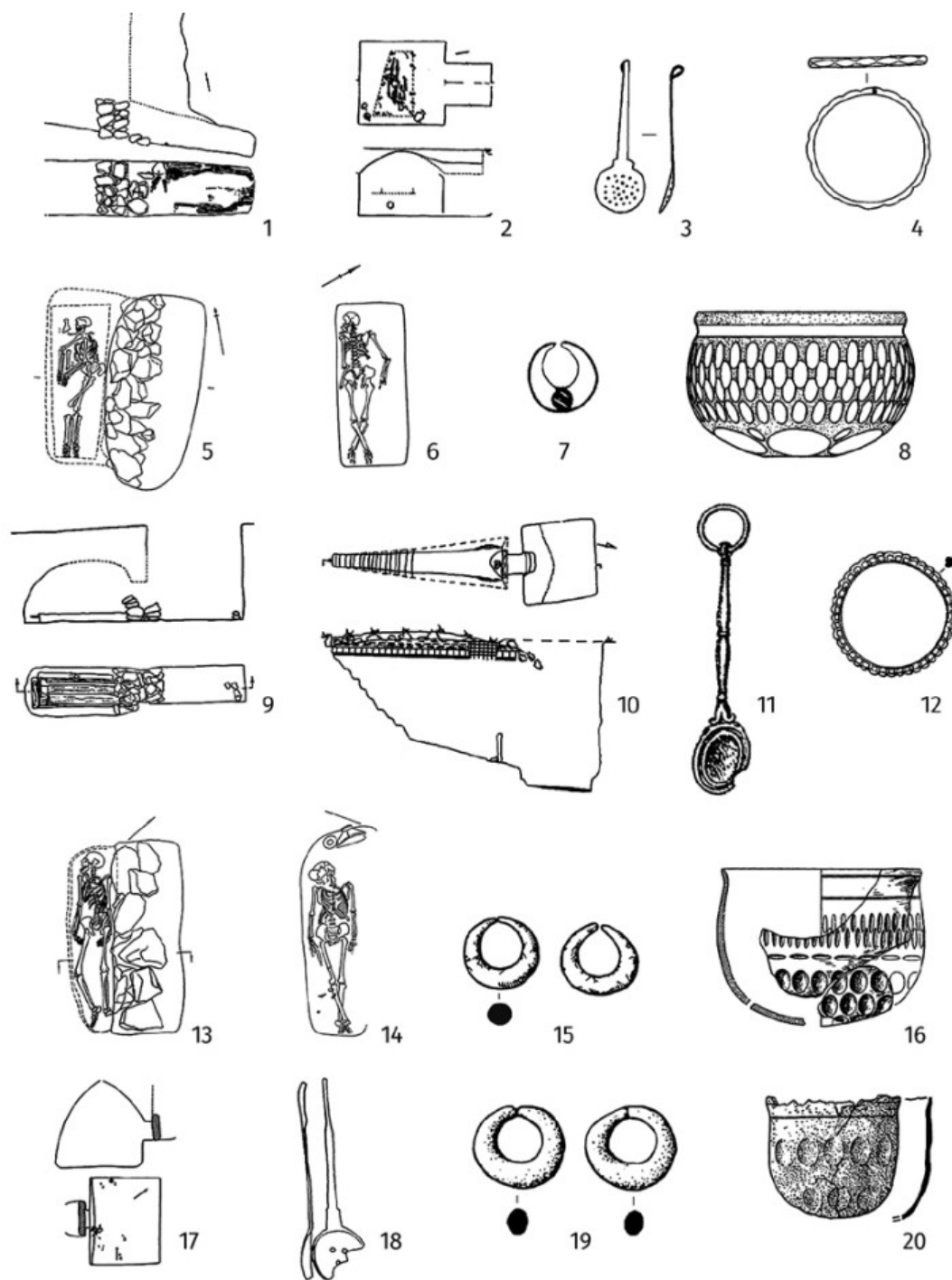
although the grave goods were not rich, there are still some indications that they had a relatively high social status (**fig. 7, 9**). New types of cosmetic tools were developed at this time. For example, in the Zmeiskaya grave 14 the cosmetic tools were made of gilded bronze, which were attached to a pair of round buckles (*Кузнецов, 1959*) (**fig. 7, 10**).

Peoples and their interactions between the Eastern and Western Eurasian Steppes

In the second half of the 3rd century, the sieve found in the mausoleum of the “Golden Mask” could be the first time that these objects were associated with women. The stone coffin, metal vessels, harness and some other artefacts found in the mausoleum suggest that the owner had close links with both the Roman Empire and the nomads. In the 4th–5th centuries AD, the cemetery of Tanais, at the mouth of the Don, could be part of the Alan-Germanic remains (*Безуглов, Толочко, 2001*). And it had similar catacomb constructions to Datong Nanjiao and Talyn Gurvan Kherem, all of which

had narrow or trapezoidal chambers and unexcavated strainers. In the 6th–9th centuries AD, strainers from the Bosphorus-Crimea and North Caucasus were often found in catacombs with trapezoidal, square and oval chambers, and less often in niche tombs or natural rock niches (*Иерусалимская, 2012. С. 72–77*), and most of them belong to early Alan's remain. By the 11th–12th centuries AD, strainers were found in catacombs with square chamber in North Caucasus, and generally belonging to the Alans, fewer might related to the Ossetian tribes (*Минаева, 1971. С. 102–103*) and the Bulgars (*Рунич, 1971*) and, etc.

During the Roman period, the Bosphoran kingdom and the Crimean Peninsula were the crossroads of Greek-Roman civilisation and nomadic cultures, where significant numbers of Sarmatians, Alans, Germans and other peoples lived. In addition to the Sarmatians, the Xianbei-Northern Wei Dynasty and the Crimean Scythians — Bosphoran Kingdom, as well as the early Alans in the North Caucasus, shared many similarities in grave structure and material culture (**fig. 7**).

Fig. 7. Comparison of strainer concerning remains between Xianbei-Northern Wei Dynasty and Western Eurasia in 2nd–6th AD:

1 – Xi Guzhi M1; 2 – Datong Nanjiao M128; 3 – Datong Nanjiao M9; 4 – Shangdu M1; 5 – Qilangshan M17; 6 – Chengwugou M9; 7 – Datong Nanjiao M153; 8 – Datong Nanjiao M107; 9 – Tanais tomb 154; 10 – Krasnozorye tomb 22; 11 – Golden Mask mausoleum; 12 – Neyzats tomb 258; 13 – Tanais tomb 1 (1986); 14 – Tanais tomb 18 (1984); 15 – Tanais tomb 253; 16 – Tanais; 17 – Magas tomb 1; 18 – Vol’nyi Aul; 19 – Klin-Yar III tomb 381; 20 – Klin-Yar III tomb 378. Scale different

Рис. 7. Сравнение ситечек из Китая (династия Северная Вэй) и Западной Евразии во II–VI вв. н. э.: 1 – Си Гоузи, M1; 2 – Датун Наньцзяо, M128; 3 – Датун Наньцзяо, M9; 4 – Шанду, M1; 5 – Циланшань, M17; 6 – Чэнвугоу, M9; 7 – Датун Наньцзяо, M153; 8 – Датун Наньцзяо, M107; 9 – Танаисский мог., м. 154; 10 – Красные зори, м. 22; 11 – мавзолей «Золотая маска»; 12 – Нейзац, м. 258; 13 – Танаисский мог., м. 1 (1986 г.); 14 – Танаисский мог., м. 18 (1984 г.); 15 – Танаисский мог., м. 253; 16 – Танаисский мог.; 17 – Магас, м. 1; 18 – Вольный аул; 19 – Клинь-Яр III, м. 381; 20 – Клинь-Яр III, м. 378. Масштаб разный

For example, they all used catacombs with rectangular and square chamber and niche tombs, the entrance of which was sealed with stones. And the burial inventories include bracelets, glassware, small ring-shaped earrings, etc. During the Sixteen Kingdoms period, the peoples who migrated to northern China may have had some connections with the late Sarmatians and the early Alans, etc., who participated in the Great Migration of the Western Eurasian steppes.

Datong..., 2006 — Datong shi kaogu yanjiu suo. Shanxi Datong qili cun beiwei mu qun fajue jianbao [大同市考古研究所。山西大同七里村北魏墓群发掘简报]. Брифинг о раскопках гробниц династии Северная Вэй в деревне Цици, Датун, Шаньси // Wenwu. 2006. No. 10. P. 25–49 (in Chinese).

Der spätrömische..., 1984 — Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst / Mit Beitr. von E. Alföldi-Rosenbaum et al. [Bd. 1–2]. Derendingen: Habegger, 1984 (Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. 9). 451, 19 S., 235 Taf. (in Germ.).

Shanxi..., 2006 — Shanxi daxue lishi wenhua xueyuan deng. Datong nanjiao beiwei mu qun [山西大学历史文化学院等。大同南郊北魏墓群]. Shanxi University College of History and Culture et al. Tombs of the Northern Wei Dynasty in the southern suburbs of Datong. Beijing: Kexue chubanshe, 2006. 595 p. (in Chinese).

Shanxi..., 2008 — Shanxi shěng kaogu yan jiu yuan; Xibei daxue wenbo xueyuan. Shanxi fengxiang suitang mu — 1983–1990 nian tianye kaogu fajue baogao [陕西省考古研究院、西北大学文博学院。陕西凤翔隋唐墓 — 1983–1990年田野考古发掘报告]. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology, School of Culture and Museum, North-

west University. Sui and Tang Dynasty Tombs in Fengxiang, Shaanxi — Field Archaeological Excavation Report 1983–1990. Beijing: Wenwu chubanshe, 2008. 335 p. (in Chinese).

Skelac, 2016 — Goran Skelac. The Vinkovci treasure: results of the preliminary analysis of a hoard of silver items from late antiquity // Journal of the Archaeological Museum in Zagreb. 2016. S. 3. T. XLIX. P. 145–218.

Безуглов, Толочко, 2001 — Безуглов С. И., Толочко И. В. К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен. 2001. Т. 1. С. 96–101.

Иерусалимская, 2012 — Иерусалимская А. А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.

Кузнецов, 1959 — Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2. С. 97–118.

Минаева, 1960 — Минаева Т. М. Поселение в устье реки Узун-Кол // СА. 1960. № 2. С. 193–207.

Минаева, 1971 — Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971. 248 с.

Рунич, 1971 — Рунич А. П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.

Серегин, Матренин, 2020 — Серегин Н. Н., Матренин С. С. Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 36–49.

Трейстер, 2004 — Трейстер М. Ю. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен. 2004. Ч. 1. С. 247–258.

Ситечки, обнаруженные в гробницах династии Северная Вэй, и западные аналогии

Ма Янь³

Аннотация. В памятниках эпохи династии Северная Вэй (Северный Китай) были обнаружены ложечки-ситечки. Подобные изделия ранее находили в отдаленных провинциях поздней Римской империи и на Боспоре, позднее большинство из них было обнаружено в раннеаранских погребениях на Северном Кавказе. Кроме того, определенное сходство наблюдалось между артефактами, найденными в погребениях династии Северная Вэй (сяньбэй), крымских скифов, Боспорского царства и ранних алан на Северном Кавказе. Таким образом, в период Шестнадцати царств народы, мигрировавшие в Северный Китай, могли иметь определенные связи с поздними сарматами, ранними аланами и т. д., участвовавшими в Великом переселении народов западных евразийских степей.

Ключевые слова: ситечко, Северная династия Вэй, аланы, Крым, Боспорское царство, миграция

³ Ма Янь — Факультет археологии и музеологии Университета Внутренней Монголии; West College Rd., 235, Хух-Хото, 010021, Китайская Народная Республика; e-mail: my_history@163.com; ORCID: 0000-0003-4863-8890.

Research on the excavation of jindang¹ from tomb № 4 of Gaotaidigengpo

Wu Hong²

Annotation. At present, some *jindang* (gold decoration on the headdress) have been unearthed in Chinese tombs dating from the 3rd to 5th centuries (the period of the Two Jin Dynasties and the Sixteen Kingdoms of China). The carvings on it include animal shapes, cicada patterns, Buddha statues, etc. Meanwhile, cicada pattern decorations also appeared on the crowns of some Buddhist Bodhisattvas in the Northern Wei Dynasty. *Jindang* was unearthed in the Jin tomb (M4) of Gaotaidi, Gansu, decorated with cicada patterns. This paper focuses on this item and discusses the cicada-patterned golden dragon and its influence on Buddhism.

Key words: *jindang*, cicada patterns, Buddhism

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.217-218>

Jindang has received considerable scholarly attention in recent years due to its discovery in the Two Jin Dynasties and Sixteen Kingdoms. *Jindang* ornaments were mainly found in tombs in Shandong, Beijing, Luoyang, Gansu and other regions during the Chinese and Western Jin dynasties. *Jindang* was typically worn as an ornament on crown hats, and historical records indicate that it was worn by *san-qichangshi* (散骑常侍), *shizhong* (侍中), and mountain-shaped officials, and was decorated with cicada patterns (**fig. 1**). The cicada pattern is believed to be related to King Zhao Wuling's (赵武灵王) "Hufu riding shooting" (胡服骑射) event and was often incorporated into the design of the crown.

The above analysis suggests that cicada-patterned gold may have been used as a crown ornament in the Han region during the Wei-Jin-Sixteen Kingdoms period, possibly only for men according to the etiquette system. However, more information is needed to confirm this. The step shake crown was a popular decoration in Xianbei tombs and was often applied to crowns in the Han region, creating a unique step shake crown. However, no physical evidence of such crowns has been found in the Han region. It is important to note that not all cicada-striped crowns were step crowns. The cicada-patterned golden dragon had a significant influence on later Buddhist Bodhisattva statues, and we can see some

of these statues wearing cicada-patterned crowns in the Eastern Wei and Northern Qi periods (**fig. 2**).

The cicada inherits traditional Chinese emblems and, although not as numerous, it also reflects the sinicisation of Buddhism.

Исследование «цзиньдан»³ из гробницы № 4 Гаотайдигэнпо

Ву Хун⁴

Аннотация. В настоящее время в китайских гробницах династии Цзинь и периода Шестнадцати королевств (III–V вв.) были обнаружены золотые украшения («цзиньданы»). На них вырезаны изображения животных, узоры цикад, статуи Будды и т. д. Аналогичные предметы появились на коронах некоторых буддийских бодхисаттв династии Северная Вэй. Одно украшение с узорами цикады было найдено в гробнице Цзинь (M4) в Гаотайди, Ганьсу. В данной статье анализируется находка, обсуждается мотив изображения и его влияние на буддизм.

Ключевые слова: «цзиньдан», орнамент цикады, буддизм

¹ 金瑯 — gold decoration on the headdress (by editor).

² Wu Hong — Gansu provincial institute of Cultural Relics and archaeology; 165 Heping Rd., Lanzhou, 730000, People's Republic of China; e-mail: 1154091941@qq.com; ORCID: 0000-0002-9541-4307.

³ «Цзиньдан» — золотое украшение на головном уборе (прим. — отв. ред. В. Т.).

⁴ Ву Хун — Институт культурных реликвий и археологии провинции Ганьсу; Heping Rd., 165, Ланьчжоу, 730000, Китайская Народная Республика; e-mail: 1154091941@qq.com; ORCID: 0000-0002-9541-4307.

Fig. 1. Jindang and cicada-patterned: 1, 2 — Xiyanchi, Shandong; 3 — Gaotai, Gansu; 4 — Shunyi, Beijing; 5 — Wenshizhi, Nanjing; 6 — Xianheguan, Nanjing; 7 — Nanjing daxue; 8 — Jiangning; 9 — Dunhunag; 10 — Fengsufu; 11 — Baihe, Japan. Scale different

Рис. 1. «Цзиньдан» и цикадовый орнамент: 1, 2 — Сяньчи, Шандунь; 3 — Гаотай, Ганьсу; 4 — Шуньи, Пекин; 5 — Вэньшичжи, Нанкин; 6 — Сяньхэгуань, Нанкин; 7 — Университет Нанджунга; 8 — Цзяннин; 9 — Дуньхуан; 10 — Фэн Суфу; 11 — Байхэ, Япония. Масштаб разный

Fig. 2. Crowns of Buddhist Bodhisattvas: 1, 2 — Qingzhou; 3 — Boxing. Scale different

Рис. 2. Короны буддийских бодхисаттв: 1, 2 — Цинчжоу; 3 — Босин. Масштаб разный

Кокэльская археологическая культура: предметы и их модели¹

Т. Р. Садыков²

Аннотация. *Статья посвящена распространенной в кокэльской культуре традиции делать копии вещей для погребения, причем эти копии изготавливались не только из заведомо нефункциональных материалов (дерева, бересты), но также из металла и керамики, что затрудняет отделение моделей от полнофункциональных предметов. Эта традиция прослеживается не на всех памятниках, но во многом определяет своеобразие погребального инвентаря кокэльской археологической культуры.*

Ключевые слова: *кокэльская археологическая культура, погребальный инвентарь, модели, копии*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.219-222>

Кокэльская археологическая культура обладает рядом своеобразных черт, позволяющих уверенно выделять относящиеся к ней памятники, распространение которых четко ограничено во времени и пространстве.

Ее общие обзоры и характеристики неоднократно публиковались, в том числе в относительно недавнее время (Памятники..., 2010; История Сибири..., 2019. С. 185–187; *Sadykov et al.*, 2021). Одна из ярких черт этой культуры — традиция сопровождения умершего не настоящими предметами, а копиями, моделями, «вотивами», изготовленными специально для погребения. Ни в предыдущее, ни в последующее время на территории Тувы такой практики не прослежено, на окружающих территориях она в полной мере характерна только для существовавшей севернее таштыкской археологической культуры. Эта традиция фиксируется не во всех погребениях, но в значительной части, и именно этот признак, по всей видимости, может быть принят за основной при разделении кокэльской культуры на варианты.

Часть «вотивов» производилась из дерева — редко сохраняющегося до наших дней материала, в таком

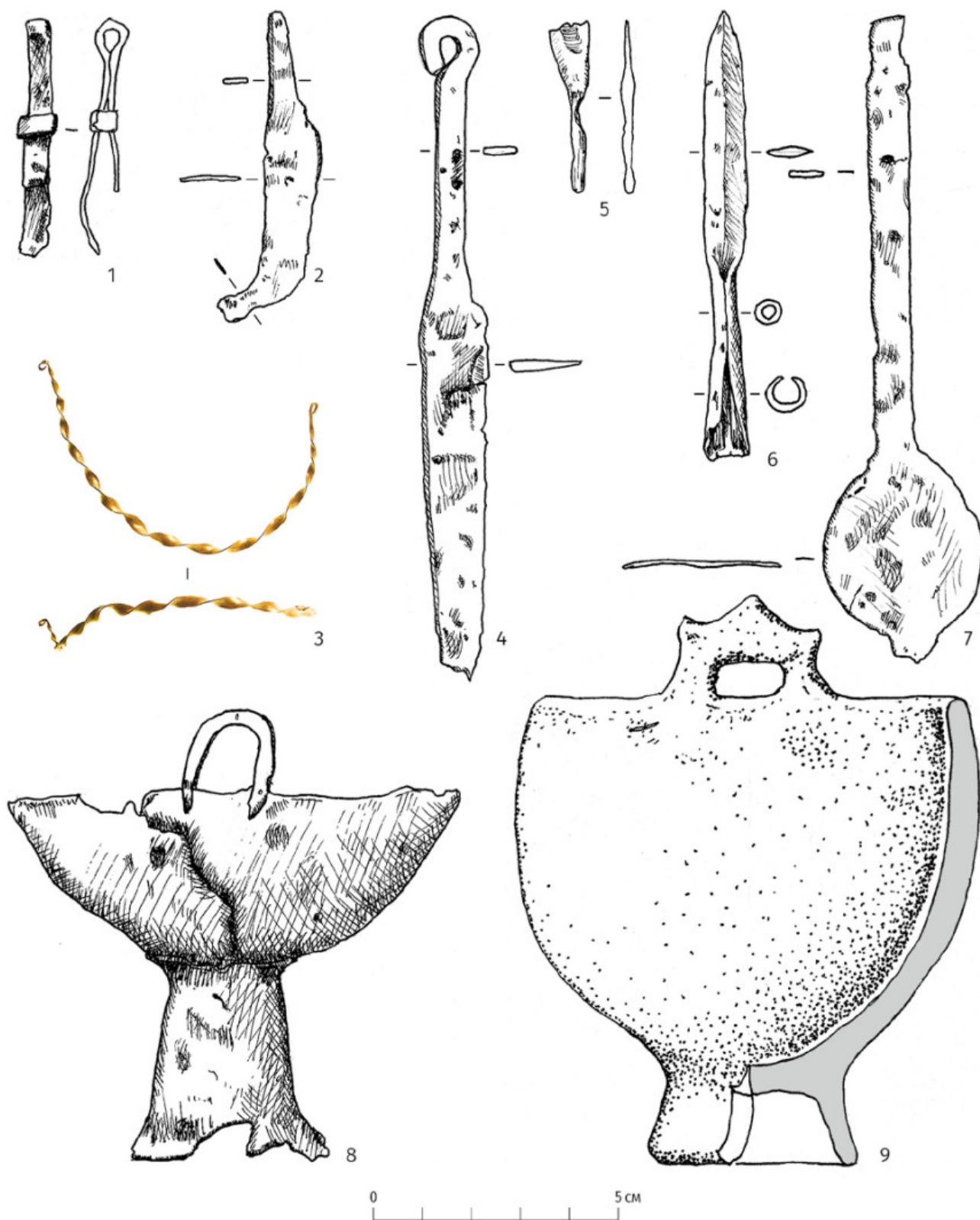
случае отсутствие функционального назначения предметов очевидно, но есть многочисленные керамические и металлические предметы, функциональность которых не так однозначна. Среди этих находок немало специфических, не характерных для эпохи и синхронных окружающих археологических культур. В значительной мере это своеобразие связано именно с традицией изготовления погребального инвентаря специально для погребения. Часто — в другом материале и уменьшенном, упрощенном виде. Краткому рассмотрению этих «моделей» и посвящены эти тезисы.

«Бытовые» предметы

Общими и наиболее распространенными предметами в погребальном инвентаре кокэльской культуры являются горшковидный (или вазовидный) керамический сосуд, черешковый железный нож и железная пряжка (с подвижным язычком или со шпеньком на рамке) в районе пояса. Все это полноразмерные функциональные предметы. Но в части погребений встречается и другой тип керамики — «котловидные сосуды» (рис. 1, 9), а также специфичные для кокэльской культуры сосуды из железа — «котелки» (рис. 1, 8). Их вотивный характер, повторение в миниатюре и другом материале формы больших котлов, конечно же, наиболее вероятно, хотя для железных котелков предлагалось и функциональное назначение в качестве курильниц. Возможно, что эти сосуды действительно как-то использовались в погребальном ритуале. Однако необходимо отметить, что железные и керамические котловидные

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Садыков Т. Р. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

Рис. 1. Возможные «модели» в кокельской археологической культуре: 1 — пинцет; 2 — нож (?); 3 — «пектораль»; 4 — «нож»; 5, 6 — наконечники стрел; 7 — ПНН; 8 — «котелок»; 9 — котловидный сосуд. Все находки из археологического памятника Туннуг 1. Материал: 3 — золото, 9 — керамика, остальное — железо

Fig. 1. Possible “models” in the Kokel archaeological culture: 1 — pincette; 2 — knife (?); 3 — “pectoral”; 4 — “knife”; 5, 6 — arrowheads; 7 — item of unknown functionality; 8 — “cauldron”; 9 — cauldron-shaped vessel. All the finds from the Tunnug 1 site. Materials: 3 — gold, 9 — ceramics, all the rest — iron

сосуды никогда не встречаются у одного погребенного вместе. То есть они выполняют одну функцию (или представляют один символ), заменяя, но не дополняя друг друга.

Весь остальной набор инвентаря в кокэльских погребениях достаточно отчетливо делится на «мужской» и «женский». Эти термины, видимо, корректнее использовать заковыченными, поскольку набор инвентаря не всегда совпадает с полом погребенного, т. е. отражает скорее гендерную, чем половую принадлежность.

Характерными для «женского» инвентаря являются наборы железных инструментов — пинцеты (**рис. 1, 1**), шилья, необычной (и разной) формы ножи или скребки (**рис. 1, 2**), также, возможно, представленные в уменьшенном, модельном исполнении. В могильнике Кокэль, где прекрасно сохраняется дерево, эти наборы, как правило, заключены в небольшие деревянные шкатулки или пеналы (*Вайнштейн*, 1970. С. 77–78).

Специфичным и довольно редким является помещение в «мужское» погребение уменьшенных моделей удила, иногда с псалиями одного из 4-х типов (*Садыков*, 2023). Наборы конского снаряжения встречаются в погребениях в Туве в более раннее и более позднее время, есть они в синхронных памятниках окружающих территорий, но создание специально для погребений вотивных копий удила — традиция, зафиксированная, кроме кокэльцев, только в соседней таштыкской культуре (*Вадецкая*, 1999. С. 38).

Не получили пока однозначной интерпретации плоские длинные железные пластины с круглым расширением у одного из концов (**рис. 1, 7**). Они встречаются в кокэльских погребениях не так часто, но, в силу специфичности и повторяемости именно такой формы, могут быть выделены в отдельный вид «предметов неизвестного назначения». Эти предметы обычно хрупки, фиксируются чаще во фрагментированном состоянии и, наиболее вероятно, также являются моделями, хоть пока и непонятно, что за предмет эти модели могут отображать.

Оружие

В «мужских» кокэльских погребениях, как правило, присутствует оружие. Практически обязателен набор стрел, которых обычно не очень много, не больше семи. Большинство стрел — трехлопастные черешковые (в том числе небольшой процент ярусных), что, в целом, характерно для эпохи, но есть и достаточно необычные типы.

Железные втульчатые двухлопастные наконечники стрел (**рис. 1, 6**) специфичны для части кокэльских по-

гребений (видимо, только для погребений с «вотивами») и используются параллельно с более широко представленными в тех же колчанах трехлопастными черешковыми. Они не учтены в обобщающем исследовании Ю. С. Худякова (*Худяков*, 1986), так как в материалах могильника Кокэль они интерпретировались исключительно как уменьшенные «вотивные» наконечники копий. Часть находок в Кокэле, безусловно, моделями наконечников копий и является, однако часть зафиксирована среди наконечников стрел (например: *Вайнштейн*, 1970. Рис. 12, 18; *Дьяконова*, 1970. Табл. II, 14). При раскопках кургана-кладбища на южной периферии кургана Туннуг 1 такие наконечники однозначно зафиксированы в колчанах (*Sadykov et al.*, 2021), колчаные наборы там серийны и устойчивы, так что включение этого типа в типологию наконечников стрел кокэльской культуры, очевидно, необходимо. Другой вопрос — использовались ли эти наконечники в реальных охотах и войнах или составляли часть «ритуального» вооружения. В территориально и хронологически смежных культурах таких наконечников нам неизвестно.

Небольшие (иногда меньше 2 см в длину вместе с черешком) плоские «лопаточковидные» наконечники (**рис. 1, 5**) также характерны только для части погребений кокэльской культуры и в силу размера также выглядят «ненастоящими». Плоские наконечники, по всей видимости, выполняют какую-то специфическую функцию в составе колчана, где присутствует 1–2 таких экземпляра. Распространение этого типа наконечников стрел происходит параллельно с трехлопастными черешковыми, они не сменяют и не вытесняют друг друга. Ни в более раннее, ни в более позднее время такие наконечники стрел в Туве не встречаются.

Интересной и достаточно специфичной категорией находок в кокэльских погребениях являются железные ножи с кольцевым навершием (**рис. 1, 4**). Они обычно упоминаются в целом как характерные для культуры бытовые предметы (см.: *Мандельштам*, *Стамбульник*, 1992. С. 202; *Кызласов*, 1979. С. 110). Ножи находятся практически во всех кокэльских погребениях, и, казалось бы, ножи с кольцевым навершием должны быть одним из самых характерных признаков кокэльской бытовой материальной культуры.

Однако, рассмотрев контекст помещения ножей с кольцевым навершием в погребения, можно отметить, что применение таких ножей в повседневной жизни крайне сомнительно. Практически никогда такие ножи не бывают единственным ножом в инвентаре. Единственная находка в «женском» погребении — миниатюрная модель в наборе с пинцетом (*Дьяконова*, 1970.

С. 103). Все остальные ножи происходят из «воинских» погребений, расположены в районе пояса (чаще — у левой руки) и являются оружием, или точнее, моделью оружия, моделью палаша. В обычной жизни пользовались, по всей видимости, только черешковыми ножами.

Украшения

Находки украшений в кокэльских погребениях довольно редки и, в целом, для культуры нехарактерны. Известны отдельные находки фрагментов китайских зеркал, бус, щитковых серег, но каких-то характерных форм не выделяется. Достаточно редкой, но все-таки однотипной серией представлены только своеобразные «пекторали» (рис. 1, 3), зафиксированные как в мужских, так и в женских погребениях. Они сделаны из тонкой и (в исследованных случаях) низкопробной золотой фольги, достаточно хрупки и, скорее всего, предназначались не для обычного ношения, а только для погребального обряда.

Заключение

Количество своеобразных черт в материальной культуре и ритуальной практике кокэльской культуры достаточно велико, и во многом это является следствием традиции изготовления предметов специально для погребения, часто в упрощенном и уменьшенном виде. В некоторых случаях функциональная/модельная природа предмета не очевидна, что может приводить к неверному толкованию и, соответственно, искаженным обобщениям.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское

Востоковедение», 1999 (Серия: Archaeologica Petropolitana, VII). 440 с.

Вайнштейн, 1970 — Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сынчюрекской культур) // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1970. Т. 3. С. 7–79.

Дьяконова, 1970 — Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1970. Т. 3. С. 80–209.

История Сибири..., 2019 — История Сибири. Т. 2: Железный век и Средневековье / Под ред. В. И. Молодина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.

Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М.: МГУ, 1979. 207 с.

Мандельштам, Стамбульник, 1992 — Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205.

Памятники..., 2010 — Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования / Под ред. Д. Г. Савинова, Г. В. Длужневской, Б. Б. Овчинниковой, Н. А. Лазаревской. СПб.: ЭлекСис, 2010. 252 с.

Садыков, 2023 — Садыков Т. Р. Конское снаряжение в кокэльской археологической культуре // Записки ИИМК РАН. 2023. № 29 [в печати].

Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Sadykov et al., 2021 — Sadykov T., Caspari G., Blochin J., Losch S., Kapinus Y., Milella M. The Kokel of Southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture // Plos One. 2021. Vol. 16. No. 7. P. e0254545.

Kokel archaeological culture: things and their models

Timur R. Sadykov³

Annotation. *The theses relate to the tradition in the Kokel archaeological culture of making models of things specially for burial, and these copies are created not only from obviously non-functional materials (wood, birch bark), but also metal and ceramics, and it makes difficult to separate models from fully functional tools. This tradition documented not in the all the studied sites, but mainly determines the originality of the grave goods of the Kokel archaeological culture.*

Key words: *Kokel archaeological culture, grave goods, models, copies*

³ Timur R. Sadykov — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

Конструкции погребальных сооружений могильника гуннского времени Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня

К. И. Ташбаева¹

Аннотация. Статья посвящена классификации погребальных конструкций могильника Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня на территории Кыргызстана. На площади могильника встречаются погребения в катакомбах, подбоях и грунтовых ямах с различными вариантами конструкций и разными ориентировками. Могильник датирован гуннским временем и является ярким образцом сосуществования разных обычаев похоронного обряда в группах кочевников в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: погребальные конструкции, катакомбы, подбой, грунтовые ямы, гунны, эпоха Великого переселения народов, погребальный инвентарь

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.223-225>

В Нарынском районе Внутреннего Тянь-Шаня К. И. Ташбаевой был исследован могильник гуннского времени Баския-2. Он располагался в 7 км южнее с. Джерге-Тал в местности Баския в пойме р. Джергетал к югу от грунтовой дороги, ведущей на горное плато, где ранее был раскопан могильник Баския-1 (Ташбаева, 2011. С. 97–120). Могильник насчитывал 39 курганов, расположенных вдоль берега реки на протяжении около 400 м. Курганы находились на расстоянии от 5 до 15 м от берега в полосе каменистого грунта, что сильно затрудняло раскопки.

Курганные насыпи были средних размеров диаметром от 8 до 12–13 м, высотой от 0,4 до 1,2 м, только три — диаметром 16–18 м и высотой 1,5–2,0 м. Из 39 курганов были исследованы 36². В 5 из них следов могильных ям и погребений не обнаружено.

Насыпи курганов были каменно-земляные. Под насыпями на древней дневной поверхности в большинстве случаев наблюдались каменные выкладки, под которыми находились грунтовые ямы или дромосы подбойно-катакомбных захоронений.

В 31 кургане выявлены могильные устройства в виде катакомб (8), подбоев (11) и грунтовых ям (12). При этом

наблюдалась большая вариабельность погребальных сооружений внутри каждого вида. Для каждого можно выделить 3–5 типов.

Катакомбы представлены четырьмя типами: 1) классическая форма, когда овальная катакомба располагалась перпендикулярно прямоугольному дромосу; 2) вход в катакомбу был устроен в боковой стене — в середине или ближе к концу небольшого прямоугольного дромоса; 3) дромос был изогнут; 4) дромос располагался под углом к катакомбе.

В одном случае (курган 5) просторная камера (длинной 6 м, шириной 2,15–3,55 м и высотой 2,6 м), ориентированная длинной осью с севера на юг, имела два дромоса. Один из дромосов был направлен на северо-запад, другой — на юг. Скорее всего просторная камера изначально являлась двумя отдельными погребальными сооружениями, которые находились в непосредственной близости друг от друга и «слились» в одно. В камере находилось три скелета — двух взрослых и одного ребенка, — возможно, бывших одной семьей, но умерших не одновременно. Позднее было совершено подзахоронение одного из них в имеющийся курган, что привело к совмещению двух камер.

В классификации катакомбных конструкций выделенный нами I тип близок к кенкольскому типу, широко распространенному на территории Кыргызстана. Однако длина дромосов в исследованных курганах была значительно короче кенкольских конструкций и составляла всего 1,5–2,0 м. Этот подтип также находит аналогии

¹ Ташбаева К. И. — Институт истории, археологии и этнологии НАН КР; пр. Чуй, 265а, Бишкек, 720010, Кыргызская Республика; e-mail: kadichaty@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5913-9929.

² Раскопки трех курганов по разным причинам оказались затруднены.

с сарматскими погребениями Приуралья и Поволжья, выделенными К. Ф. Смирновым в I тип, и катакомбами Ферганы, выделенными Ю. А. Заднепровским в хангизский тип, а Н. Г. Горбуновой в IV тип (*Бернштам*, 1997; *Горбунова*, 1981; *Заднепровский*, 1975; 1995. С. 63, рис. 2; *Кожомбердиев*, 1963; 1986; *Смирнов*, 1972).

Выделенный II тип катакомб, когда вход в катакомбу находился в боковой стене дромоса или ближе к его концу, пока не находит аналогий среди синхронных памятников Кыргызстана и других сопредельных территорий. Третий тип катакомбных конструкций с изогнутыми дромосами в форме аппендикса имеет некоторые аналогии с сарматскими погребениями, выделенными К. Ф. Смирновым в III тип (хотя в кургане 1 могильника Баския-2 камера отличалась подпрямоугольной формой) (*Заднепровский*, 1995. С. 63, рис. 2). Четвертый тип также близок к кенкольскому типу, но отличался расположением дромоса не перпендикулярно к камере, а под углом.

Дромосы катакомбных конструкций чаще всего были забутованы крупными камнями или валунами. Иногда камни укладывались только на уровне дневной поверхности, а заполнение было земляное. Иногда наоборот, только дно дромоса выкладывалось камнями. Во всех случаях вход в катакомбу был плотно забутован камнями или валунами. Пол катакомбы находился на 0,1–0,5 м ниже пола дромоса. Сами камеры-катакомбы были довольно просторными, в большинстве случаев овальной формы, иногда — подпрямоугольные.

Курганы с подбоями также различались по устройству: 1) в большинстве случаев входная яма и подбой располагались параллельно, вытянуто с севера на юг, подбой находился с западной стороны ямы; 2) реже — подбой был устроен в восточной стороне ямы; 3) в нескольких случаях яма была вытянута с запада на восток с небольшими отклонениями и подбой располагался в северной стороне ямы; 4) в одном случае подбой был устроен в южной части ямы; 5) один раз подбой полукругом опоясывал яму неправильной формы. Яма и подбой были достаточно просторными, иногда их длина достигала 2,5–3 м при ширине 1,5–2 м. Пол подбоя мог быть ниже пола ямы на 10–15 см.

Подбои выделенных типов широко распространены в Фергане, на Памире, в Приуралье и даже в Поволжье. Только выделенный пятый вариант, где подбой полукругом опоясывал входную яму, пока не имеет известных аналогий.

Грунтовые ямы также отличались по форме. Из них пять были овальной формы, пять — подпрямоугольной и две — трапециевидной. Пять ям были вытянуты

по линии север–юг, шесть — по линии запад–восток. Три ямы имели ниши, устроенные в северной стене.

Погребения в грунтовых ямах для эпохи гуннов довольно редки. В Кетмень–Тюбинской долине, где исследованы 18 крупных могильников этого времени, как и в других районах Кыргызстана, захоронения в грунтовых ямах не встречались. Они отличаются от грунтовых ям сакского времени большими размерами (их длина от 2,4 до 3,4 м, ширина 1,2–2,2 м). Они могут быть ориентированы как по линии север–юг, так и по линии запад–восток. В трех курганах погребальный инвентарь совпадает с инвентарем катакомб и подбоев (два из курганов были с ориентацией запад–восток, в одном из них был зафиксирован женский скелет с деформацией головы). Вполне возможно, что три кургана с погребениями в грунтовых ямах, ориентированные с запада на восток, с нишами в северной стене могут относиться к более раннему времени. Погребального инвентаря в них зафиксировано не было. Только в одном кургане (курган 29) под насыпью найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы сакского времени.

Погребенные были положены в гроб-колоду (1 случай), в дощатые гробы, просто на деревянные настилы и, возможно, на циновки и войлочные подстилки. В 31 кургане сохранилось 26 скелетов взрослых людей и 6 — детей. Антропологическая коллекция была обработана С. С. Тур, сделаны половозрастные и антропологические определения. Из 26 скелетов взрослых 19 принадлежали женщинам и 8 — мужчинам. Из 19 женских черепов 9 имели искусственную деформацию. Детские останки шестерых детей находились вместе с четырьмя женскими останками (*Ташбаева*, 2018; 2019; *Тур*, 1997).

Могильник был разграблен в древности, но оставшийся материал достаточно интересен и разнообразен. Погребальный инвентарь во всех трех видах погребальных сооружений был одинаковым, за исключением трех погребений, которые, возможно, относились к сакскому времени.

Среди инвентаря выделяются деревянные столики-блюда на низких сосцевидных ножках, деревянные сосуды чашевидной или горшковидной формы, глиняные плоскодонные горшки. Собрана значительная коллекция небольших пряжек с подвижным язычком, в основном железных, но нередко и бронзовых; железных наконечников стрел или их черешков, фрагментов ножей, кинжалов или палашей; костяных накладок на лук. Также в погребениях находились украшения: серьги, сердоликовые, коралловые и стеклянные бусы, различные подвески, заколки и амулеты. Среди них особо выделяется одна находка — золотая серьга-лунница, украшенная

зерню и инкрустацией гранатовыми камнями (*Ташбаева*, 2021. С. 66, фото 4). В погребениях часто встречаются находки пряслиц из камня, мрамора, глины и др. Погребения сопровождали большим количеством мяса: почти в каждом погребении находились ребра, кости ног барана, коровы, коня, козы, иногда целые черепа животных и другие части туши.

Могильник Баския-2 по конструкциям могильных сооружений и характеру сопроводительного инвентаря датируется концом I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. Могильник функционировал непродолжительное время, при этом все три вида погребальных конструкций использовались одновременно. Такое разнообразие конструкций для сравнительно небольшого могильника Баския-2 объясняется миграциями в район Внутреннего Тянь-Шаня разных племен скотоводов. В период Великого переселения народов на правобережье р. Джергетал, левобережье р. Он-Арча, текущей параллельно первой, а также в долинах других рек этого горного массива было сооружено большое количество небольших курганных могильников с разными типами погребальных обрядов.

Бернитам, 1997 — *Бернитам А. Н.* Кенкольский могильник // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1997. Т. 1. С. 19–62.

Горбунова, 1981 — *Горбунова Н. Г.* О типах Ферганских погребальных памятников первой половины I тыс. н. э. // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 84–99.

Заднепровский, 1975 — *Заднепровский Ю. А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. — VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1975. С. 159–167.

Заднепровский, 1995 — *Заднепровский Ю. А.* Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование,

историческое истолкование // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек: Илим, 1995. С. 53–74.

Кожомбердиев, 1963 — *Кожомбердиев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П. Н. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН КирССР, 1963. С. 33–77.

Кожомбердиев, 1986 — *Кожомбердиев И. К.* Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам долины Кетмен-Тюбе). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Смирнов, 1972 — *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.

Ташбаева, 2011 — *Ташбаева К. И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

Ташбаева, 2018 — *Ташбаева К. И.* Гендерные маркеры половых различий в погребениях могильника Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня, как отражение межэтнических контактов в гуннское время // Мужской и женский мир в отражении археологии. Уфа, 2018. С. 177–183.

Ташбаева, 2019 — *Ташбаева К. И.* О межэтнических контактах кочевых племен гуннского времени по палеоантропологическим материалам могильника Баския-2 // Актуальные вопросы истории кыргызского народа: прошлое, настоящее и будущее: Сб. статей, посв. в честь 70-летия кыргызского ученого-востоковеда, профессора Мокеева А. М. Бишкек, 2019. С. 251–258.

Ташбаева, 2021 — *Ташбаева К. И.* О генезисе некоторых женских украшений в виде серег-лунниц и наосников // ПроМузей. 2021. № 1. С. 63–69.

Тур, 1997 — *Тур С. С.* Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования). Автореф. дис. ... канд. ист. наук Барнаул, 1997. 26 с.

The framework of burial constructions of the Hun time of the Baskyya-2 tomb in Inner Tien Shan

Kadicha I. Tashbaeva³

Annotation. *The article is devoted to the classification of burial constructions of Baskyya-2 tomb in Inner Tien Shan of Kyrgyzstan. In the tombs there are burials in catacombs, slops and soil pits with varieties of options structures and their orientation. The tomb is dated to Hunnic time and is a vivid example of the coexistence of different customs of the funeral rite in the group nomads.*

Key words: *burial structures, catacombs, slops and soil pits, Huns, the era of the great migration of peoples, funerary equipment*

³ Kadicha I. Tashbaeva — Institute of History, Archaeology and Ethnology of National Academy of Science of the Kyrgyz Republic; 265a Chui Ave., Bishkek, 720010, Kyrgyz Republic; e-mail: kadichaty@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5913-9929.

Династические храмы Кушанской империи: историографический анализ¹

В. Л. Денисенко²

Аннотация. В статье актуализируется проблема хронологической атрибуции династических храмов Кушанской империи на основе историографического анализа.

Ключевые слова: династические храмы, Кушанская империя, Матхура, Бактрия, историографический анализ, хронология

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.226-229>

На рубеже эр (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) часть иранских династий от Анатолии до Южной Азии создает храмы, в которых культ богов сочетается с почитанием правителя и его родственников. Свидетельства данных культов появляются сначала в восточной части империи Селевкидов и становятся преобладающими после основания империй парфянами-аршакидами и юэчжи-кушанами — ираноязычными кочевниками евразийских степей (Санера, 2015. Р. 65). Однако в современной научной литературе династические храмы являются проблемной областью исследований.

Для атрибутирования храмов исследователи основываются на эпиграфических данных и присутствии династического искусства в храмовых комплексах. Термин «династическое искусство» был введен Дж. М. Розенфилдом и относится к портретам кушанских правителей в скульптуре и на аверсе монет (Rosenfield, 1967. Р. 54–71, 174–183). Г. А. Пугаченкова использует термин «династическое искусство» для изображений членов правящей династии применительно к эллинизированному иранскому миру (в более широком смысле — круг высших слоев социальной лестницы, чьим велением или по чьему заказу художники выполняли изображения реальных или идеализированных представителей правящих классов) (Пугаченкова, 1979. С. 98). Согласно Д. Шлюмберже «династическое искусство» является вы-

ражением династического культа, то есть той «религии», которая была «типична для греко-иранского Востока» (Schlumberger, 1960. Р. 60). Несмотря на схожесть данного понятия у разных исследователей, до сих пор не утихают дискуссии о природе династического культа, а также об относительной хронологии династических храмов, которые не были однородным явлением на всем греко-иранском Востоке. Локальные, неиранские традиции влияли на индивидуальный облик каждого храма, который отражал местные верования, художественные и архитектурные стили.

В задачи данного исследования входит историографический анализ с целью определения последовательности основания династических храмов в разных областях Кушанской империи (I–III вв.).

В 1911–1912 гг. Шри Радха Кришна провел раскопки первого обнаруженного династического храма, расположенного в Мате в 50 км от Матхуры. К сожалению, первые раскопки были проведены любителем, и вся информация об этом памятнике происходит только из двух кратких отчетов, написанных постфактум Дж. Маршаллом и Ж. Ф. Фогелем (Marshall, 1914. Р. 14–17; Vogel, 1915. Р. 120–127). Дайя Рам Сахни на основе упоминания в «Pratimānāṭaka»³ («Пьеса о статуях») Бхасы (III–V вв.) семейного «pratimāgṭha» («дом статуи») выдвинула гипотезу об интерпретации храма Мат как родового святилища (Sahni, 1924. Р. 399–406). Позднее Уго Моннере

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>.

² Денисенко В. Л. — Институт археологии и этнографии СО РАН; пр. Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090; Новосибирский государственный педагогический университет; Вилюйская ул., 28, Новосибирск, 630126, Российская Федерация; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2642-1415.

³ Один из ключевых моментов произведения повествует о возвращении Бхараты домой после долгого отсутствия. Когда он посещает храм, где выставлены статуи умерших правителей, то внезапно обнаруживает там статую своего отца (Bhāsa, 1977). Таким образом, в данном тексте описана практика размещения портретных изображений, в частности статуй, умерших членов королевской семьи в родовом храме.

де Виллар обосновал существование династического культа в Мате по совокупности имеющихся на тот момент данных (*Monneret de*, 1948). Дж. М. Розенфилд и Г. Фуссман считали, что в данном храме царские и божественные изображения были смешаны, причем первые преобладали (*Rosenfield*, 1967. Р. 151; *Fussman*, 1989. Р. 193). Кроме трех поврежденных скульптур кушанских правителей Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки, при раскопках был обнаружен фрагмент скульптуры Шивы (**рис. 1, 8–10**). На некоторых статуях были надписи на брахми. Так, одна из надписей описывает строительство храма дедом Хувишки, а также строительство сада, водохранилища и колодца для продолжения жизни и увеличения силы Хувишки. По одной из надписей храм именуется как «devakula» («дом божества») (*Rosenfield*, 1967. Р. 147). Полученные данные идентифицируют Мат как династический храм кушан, который был основан Вимой II Кадфизом (100–127 гг. н. э.) и восстановлен/отреставрирован при Хувишке (154–187 гг. н. э.) (*Falk*, 2009. Р. 111) (**рис. 1, 7–10**).

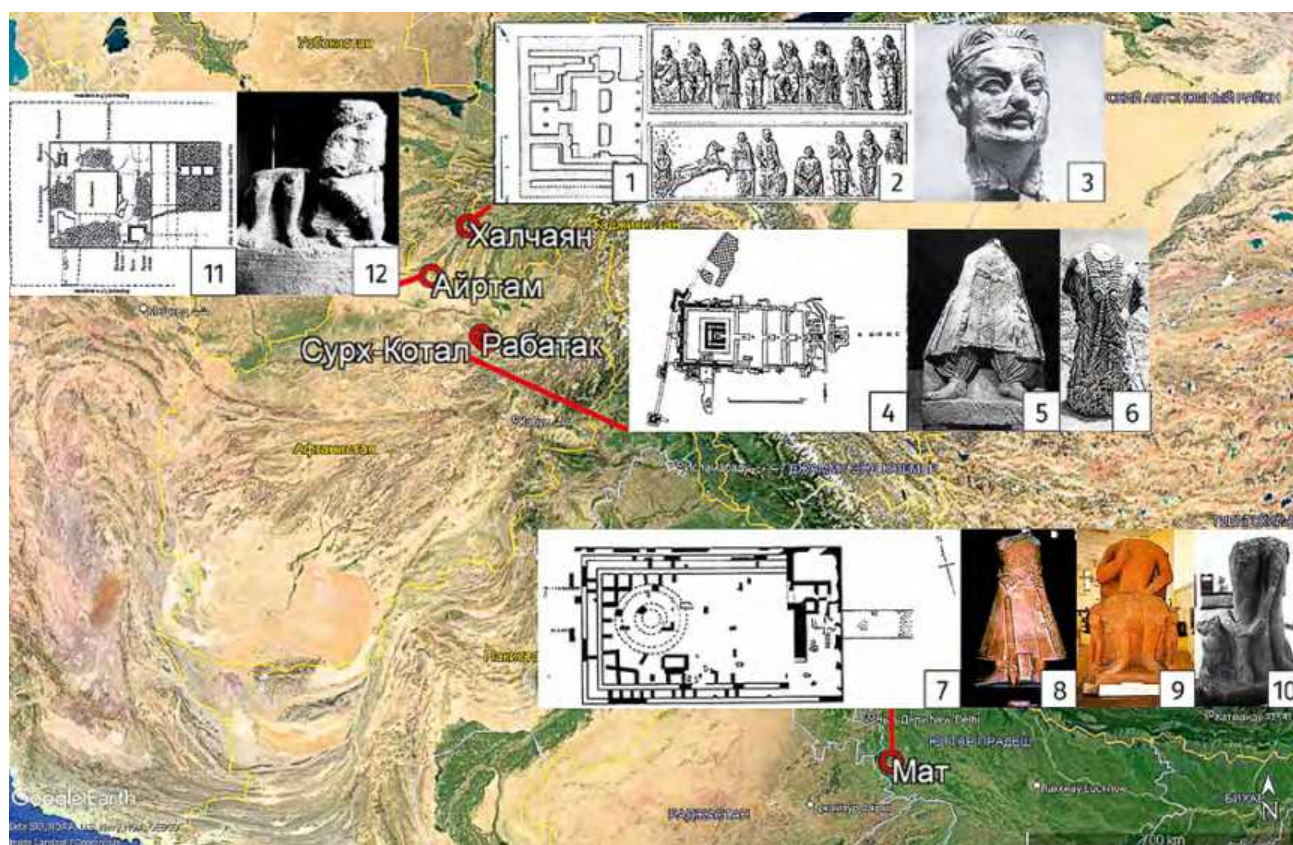
В 1932–1933 гг. М. Е. Массоном при раскопках городища Айртам был обнаружен скульптурный фриз с музыкантами (*Массон*, 1933. С. 11–16). В 1964–1966 гг. под руководством Г. А. Пугаченковой и при участии Б. А. Тургунова на памятнике были продолжены работы, позволившие уточнить археолого-стратиграфическую периодизацию культового комплекса (объект А-1). Г. А. Пугаченкова трактовала данный комплекс как буддийский храм, хотя при этом отмечала, что его планировка была характерна для зороастрийских храмов (*Pugachenkova*, 1991–1992. Р. 29–30). При продолжении раскопок в 1979 г. был найден скульптурный блок с изображением двух фигур и бактрийской монументальной надписью, в которой упоминалась реставрация культового центра на четвертом году правления Хувишки (**рис. 1, 11, 12**). Благодаря проведенному анализу содержания Айртамской надписи, архитектурных и художественных особенностей сооружения Э. В. Ртвеладзе пришел к выводу, что данный храм был посвящен династийному культу царя Хувишки, в котором ведущую роль играл зороастризм в его бактрийском варианте (*Ртвеладзе*, 2018. С. 376–377, 384).

В 1952–1965 гг. французскими археологами были проведены раскопки Сурх-Котала, расположенного в 14 км к северу от Пули-и-Хумри и в 232 км к северу от Кабула (*Schlumberger et al.*, 1983). Архитектура была выполнена в традиционной бактрийской манере. В найденной надписи этот храм называется по-бактрийски «bagolago» («дом бога»). За исключением статуи Канишки, две другие статуи не поддаются идентификации.

Скульптуры из Сурх-Котала почти идентичны скульптурам из династического храма в Мате. Д. Шлюмберже отметил, что их следует сравнить с парфянскими скульптурами из Немруд-Дага середины I в. до н. э., также являющихся ни чем иным, как выражением династического культа (*Schlumberger*, 1960. Р. 66). Династический храм Сурх-Котала был основан на 31 году правления Канишки в 158/9 гг. н. э. и впоследствии отреставрирован Хувишкой во второй половине II в. (**рис. 1, 4–6**).

В 1959 и 1963 гг. А. Г. Пугаченковой был раскопан дворец Халчаян. Ряд исследователей считают его первым династическим храмом на территории Северной Бактрии и датируют его концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. (*Пугаченкова*, 1979). Халчаян примечателен своим богатым живописным и скульптурным оформлением, а также архитектурным строем (**рис. 1, 1–3**). Его первоначальный облик реконструирован автором раскопок по остаткам стен, колонн и других архитектурных деталей (*Там же*. С. 52). Г. А. Пугаченкова считает, что первоначальное здание было небольшим дворцом для публики клана Герая с залом для аудиенций и банкетов, выходящим в «королевский зал», где между двумя колоннами стоял трон правителя. В последующее время Халчаян, по-видимому, приобрел функцию «дома обожествленных предков», связанную с династическим культом кушан, сохранив это значение на протяжении всего их правления (*Пугаченкова*, 1966. С. 247). Д. Шлюмберже отмечает, что в скульптуре Халчаяна, хоть и присутствуют изображения божеств, но основная идея халчаянской скульптуры заключалась в прославлении правящей династии (*Schlumberger*, 1970. Р. 52–53). Однако П. Бернанд, а вслед за ним Дж. Верарди и А. Гроссато полагают, что дворец Халчаяна — королевский павильон для аудиенций и официальных приемов, а не династический храм (*Bernard*, 1979. Р. 252; *Verardi, Grossato*, 1983. Р. 231).

В 1993 г. при строительных работах в афганском поселке Рабатак, недалеко от известного археологического памятника Сурх-Котал, были обнаружены фрагменты скульптуры льва, основание пилястры и капитель, украшенная с двух сторон стилизованными изображениями лотоса. Наиболее ценная находка — надпись на бактрийском языке греческим алфавитом. К сожалению, раскопки в этом месте не проводились, хотя с большой вероятностью здесь сохранились изображения кушанских царей. Надпись из Рабатака от имени царя Канишки I сообщает об основании храма под названием «bagolago» («дом бога»), в котором находятся статуи Канишки I и его предков, а также бога и богини (*Sims-Williams, Gribb*, 1995/96. Р. 83). В ней

Рис. 1. Карта расположения династических храмов Кушанской империи: 1–3 — Халчаян, Узбекистан (по: Пугаченкова, 1966. Рис. 23; 1979, С. 53, 70); 4–6 — Сурх-Котал, Афганистан (по: Canepa, 2015. Fig. 2.16, 2.18; Schlumberger, 1960. Fig. 13); 7–10 — Мат, Матхура, Центральная Индия (по: Rosenfield, 1967. Fig. 16; Verardi, Grossato, 1983. Fig. 5, 7, 11); 11, 12 — Айрта́м, Узбекистан (по: Птвеладзе, 2018. Рис. 2, 6)

Fig. 1. Map of the location of the dynastic temples of the Kushan Empire: 1–3 — Khalkhayan, Uzbekistan (after Пугаченкова, 1966. Рис. 23; 1979, С. 53, 70); 4–6 — Surkh-Kotal, Afganistan (after Canepa, 2015. Fig. 2.16, 2.18; Schlumberger, 1960. Fig. 13); 7–10 — Mat, Mathura, Central India (after Rosenfield, 1967. Fig. 16; Verardi, Grossato, 1983. Fig. 5, 7, 11); 11, 12 — Airtam, Uzbekistan (after Птвеладзе, 2018. Рис. 2, 6)

прямо говорится, что Канишка «открыл год первый», явно имея в виду начало «эпохи Канишки», которую Г. Фальк помещает в 127/8 г. н. э. (Falk, 2001. P. 130).

В ходе проведенного историографического анализа установлена последовательность основания династических храмов кушан. Первым следует считать дворец Халчаян, основанный юэчжийским кланом Герая, еще прежде возникновения Кушанской империи — не позднее первой половины I в. н. э. Халчаян, построенный в эллинистическо-бактрийском стиле, стал своего рода колыбелью династического культа кушан, глубоко укоренившегося в династии с самого ее зарождения.

Ко времени правления Вимы Кадфиза относится основание династического храма в Мате, в котором также была обнаружена скульптура Шивы, а сам храм построен в индийском стиле. Синкретический характер данного храма отражает расширение владений Кушанской империи до территории Центральной Индии.

Ко времени правления Канишки относится основание династических храмов в Сурх-Котале и Рабатаке, где определенное место было отведено зороастризму в его бактрийском варианте, вероятно, в это время продолжал функционировать и храм в Мате. В царствование Хувишки все перечисленные династические храмы продолжали функционировать, более того, эпиграфические данные сообщают о проводимых там реставрационных и строительных работах. Также при его правлении был основан династический храм Айрта́м, в котором ведущую роль играл зороастризм.

Вероятно, храмов такого рода было больше, но в ряде случаев их принадлежность к династическому культу спорна, как например буддийские храмы из Дальверзин-тепе и Чингиз-тепе. Как уже было отмечено в статье, для данной атрибуции исследователи основываются на эпиграфических данных и присутствии династического искусства, которое занимает центральное

место в храмах. Рассмотренные храмы — это опорные памятники, чрезвычайно важные для понимания малоизученного периода в истории огромного региона античного мира, и в частности — такого явления, как династический культ.

Массон, 1933 — Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 1). С. 5–16.

Пугаченкова, 1966 — Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 288 с.

Пугаченкова, 1979 — Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979. 248 с.

Ртвеладзе, 2018 — Ртвеладзе Э. В. Айртам — династийный храм царя Хувишки // Вестник древней истории. 2018. № 2. С. 365–388.

Bernard, 1979 — Bernard P. La Bactriane l'époque kushane d'après une nouvelle publication soviétique // Journal des Savants. 1979. No. 4. P. 237–256.

Bhāsa, 1977 — Bhāsa. PratimānātŪakam. Kuppusvāmisīāstri-samīksŪāsamitihŪ, New Delhi, 1977. 84 p.

Canepa, 2015 — Canepa M. P. Dynastic sanctuaries and the transformation of Iranian kingship between Alexander and Islam // Persian Kingship and Architecture, Strategies of Power in Iran from the Achaemenids to the Pahlavis. Eds. by S. Babaie, T. Grigor. London; New York: I. B. Tauris, 2015. P. 65–117.

Falk, 2001 — Falk H. The yuga of Sphujiddhvaja and the Era of the Kusanas // Silk Road Art and Archaeology. 2001. Vol. 7. P. 121–136.

Falk, 2009 — Falk H. The name of Vema Takhtu // Exegisti monumenta: Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden, 2009. P. 105–116.

Fussman, 1989 — Fussman G. The Māt devakula: A new approach to its understanding // MatŪhura, The cultural heritage / Ed. by D. M. Srinivasan. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1989. P. 193–199.

Ghosh, 2012 — Ghosh S. Revisiting Kushana dynastic sanctuaries // Proceedings of the Indian History Congress. Patiala; Delhi, 2012. P. 212–219.

Marshall, 1914 — Marshall J. Archaeological survey of India // Annual Report of the Director-General of Archaeology. Parti; Calcutta, 1914. P. 14–17.

Monneret de, 1948 — Monneret de V. U. Aksum e i quattro re del mondo // Annali Lateranensi. Cittadel Vaticano, 1948. Vol. 12. P. 125–179.

Pugachenkova, 1991–1992 — Pugachenkova G. A. The Buddhist monuments of Airtam // Silk Road art and archaeology: Journal of the Institute of Silk Road studies. Kamakura, 1991–1992. Vol. 2. P. 23–41.

Rosenfield, 1967 — Rosenfield J. M. The dynastic arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. 422 p.

Sahni, 1924 — Sahni D. R. Three MatŪhura inscriptions and their bearing on the Kushana dynasty // JRS. London, 1924. P. 399–406.

Schlumberger et al., 1983 — Schlumberger D., Berre M. L., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane, Les temples: architecture, sculpture, inscriptions. Paris, 1983 (MDAFA; Vol. 25). 186 p.

Schlumberger, 1960 — Schlumberger D. Surkh Kotal and the ancient history of Afghanistan // Afghan Information Bureau. London, 1960. P. 40–63.

Sims-Williams, Gribb, 1995/96 — Sims-Williams N., Gribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology, 1995/96. Vol. IV. P. 75–142.

Verardi, Grossato, 1983 — Verardi G., Grossato A. The Kuṣāṇa Emperors as Cakravartins Dynastic art and cults in India and Central Asia: History of a theory, clarifications and refutations // East and West, Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. 1983. Vol. 33, No. 1 (4). P. 225–294.

Vogel, 1915 — Vogel J. P. Excavation at Mathura. Excavation at Mat // Archaeological Survey of India. Annual Report, 1911–12. Calcutta, 1915. P. 120–127.

Dynastic temples of the Kushan Empire: Historiographical analysis

Valeria L. Denisenko⁴

Annotation. *The article actualizes the problem of chronological attribution of the dynastic temples of the Kushan Empire on the basis of historiographical analysis.*

Key words: *dynastic sanctuaries, Kushan Empire, Mathura, Bactria, historiographical analysis, chronology*

⁴ Valeria L. Denisenko — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS; 17 Acad. Lavrentiev Ave.; Novosibirsk State Pedagogical University; 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2642-1415.

О локализации встречи гуннов и готов на Керченском полуострове¹

С. В. Ярцев², Е. В. Шушунова³, А. А. Внуков⁴

Аннотация. Исследование посвящено проблеме локализации места встречи гуннов с готами на Керченском полуострове в V в. н. э. По мнению авторов, встреча произошла недалеко от побережья Казантипского залива, на одном из проходов Узунларской оборонительной линии. Указанная конструкция к этому времени не была сильно разрушена и, по большей части, функционировала. Следовательно, готы не восстанавливали здесь данное сооружение, а перед появлением гуннов лишь спешно укрепили некоторые его участки, пострадавшие в ходе предшествующих событий боспорской истории.

Ключевые слова: Крым, Узунларский вал, готы, гунны, Белинское городище

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.230-232>

В сочинении «Война с готами» Прокопий из Кесарии сообщил о гуннах-утигурах, которые в V в. при возвращении на прежние кочевья столкнулись с готами-тетракситами недалеко от Меотийского Болота. При этом начало устья последнего, там «где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон и поэтому дает для наступающих против них один, <...> не очень широкий, путь» (*Procop. Bell. Got.*, VIII. P. 5, 17–21).

Данный противоречивый отрывок уже давно вызывает повышенный интерес у исследователей. Тем не менее попытки секретаря и советника Велизария объяснить полученные им сведения однозначно указывают на их историчность. Следовательно, данный фрагмент очень важен для изучения темных веков Боспорского царства. Тем более, что в Крымском Приазовье мы дей-

ствительно видим огромный, идеальной формы полумесяца Казантипский залив, глубоко вдающийся в сушу, максимально использовавшийся создателями Узунларской оборонительной линии. Именно с берегов данного залива, по-видимому, где-то из района Ново-Отрадного (несмотря на то, что эта часть объекта не сохранилась) начиналось это грандиозное сооружение, которое создавало непреодолимое препятствие для кочевников и эффективно защищало царские земли Боспора. Конструкция, состоящая из глубокого рва и вала, доходившая в высоту до 8 м (*Супренков*, 2021. С. 150), с узкими проходами-мостами через ров, шириной не превышающие 5 м (*Супренков*, 2017. С. 218), не давала кочевникам ни единого шанса на силовой прорыв.

В этой связи очевидно, что речь в рассказе шла именно о данном сооружении, преодолеть которое гуннам возможно было только договорившись о пропуске через один или несколько доступных проходов. Учитывая, что в источнике фигурирует Меотида и залив полумесяцем, можно предположить, что гунны продвигались к территории Европейского Боспора со стороны крымских степей по одной из главных дорог, проложенной по более пологим северным склонам Керченского полуострова. Следовательно, в своем дальнейшем движении они планировали использовать самые первые два или три северных прохода в Узунларской оборонительной линии. Действительно, двигаясь на восток по степным просторам Керченского полуострова ближе к побережью Меотиды, миновать берега Казантипского залива, глубоко вдающегося в сушу, фактически невозможно.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФ № 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н. э.» (<https://rscf.ru/project/23-28-01665/>).

² Ярцев С. В. — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; пр. Ленина, 125, Тула, 300026, Российская Федерация; e-mail: s-yartsev@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5532-211X.

³ Шушунова Е. В. — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; e-mail: schuschunova.elena@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0237-4383.

⁴ Внуков А. А. — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; e-mail: vnukovartemy@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4051-0190.

Именно залив не позволял окружить засевших за рвом и валом варваров, даже небольшого количества, которых было достаточно для полного закрытия всех проходов западной границы Боспора. По-видимому, этот факт и пытался истолковать Прокопий, запутавшийся в объяснении особенностей залива, якобы окружающего варваров со всех сторон. Вероятно, ни одна другая преграда в районе Приазовья не смогла бы создать для гуннов серьезное препятствие.

А. Л. Ермолин предложил другую версию, согласно которой в тексте описывается ряд валов неясного происхождения, находящихся к западу от Узунларской линии (Ермолин, 2006. С. 90–94). При этом специалисты, которые изучают оборонительные сооружения Боспорского царства, не признают указанные объекты древними конструкциями (Супренков, 2020. С. 360; Масленников, 2003. С. 38–47). Один из таких валов (Семёновский) находится в стороне от дороги на Боспор и никаким образом не может содействовать направлению гуннов в нужное «русло» (Ермолин, 2021. С. 558). Оборона ограниченным контингентом варваров подобного вала, не создающего прямой длинной фронтальной линии обороны, заведомо была обречена на быструю гибель защитников, вследствие возможного захода им в тыл враждебной конницы и угрозы полного окружения. При наличии за спиной мощного Узунларского объекта такой демонстративный выход навстречу врагу с целью занятия обороны на спешно накиданных валах не логичен и смертельно опасен. Принять такую реконструкцию указанных событий мы категорически не можем.

Помимо изложенного, А. Л. Ермолин высказывает точку зрения, что Узунларская линия была в срочном порядке восстановлена готами в 453 г. (Там же). При этом не учитываются масштабность данного сооружения, неизбежная спешка и явная нехватка ресурсов у позднеантичного Боспора на организацию подобного вида работ. Высказанная А. Л. Ермолиным версия вступает в явное противоречие с данными раскопок А. А. Супренкова, который детально изучил один из ключевых участков Узунларской линии. Он впервые исследовал здесь в комплексе всю конструкцию. При анализе полученного материала выяснилось, что находки IV–VI вв. охватывают только 1 %, т. е. минимальное количество среди материалов других хронологических периодов (Супренков, 2021. С. 151). Следовательно, на указанном участке не было необходимости ничего восстанавливать, так как оборонительные сооружения в данное время явно находились в хорошем состоянии. Гуннская конница была знакома с проходами и через южные

участки вала (как это показывает, например, клад в Марфовке) — это может свидетельствовать, что к появлению кочевников на Керченском полуострове вся Узунларская оборонительная линия функционировала в нормальном режиме. В противном случае теряется смысл в обороне ее отдельных участков, которые можно было легко обойти вражеской конницей.

Тем не менее мы не исключаем возможность того, что к V в. вал и ров в отдельных местах могли пострадать в ходе предшествующих событий Боспорской истории. Так, на одном из участков А. А. Масленниковым был выявлен слой серого суглинка, который с центра первичной насыпи спускался в сторону рва, где составлял основу его заполнения (Масленников, 2003. С. 94). Хотя неизвестно, когда здесь был засыпан ров, можно полагать, что в указанном состоянии данный участок во время интересующих нас событий находиться не мог. Тем не менее в другом таком месте, уже вблизи Казантипского залива (напротив городища Белинское), А. А. Масленникову удалось определить дату засыпки рва (Масленников, 2003. С. 71). Дело в том, что сверху на слое, которым был заполнен ров, сохранился фундамент какого-то сооружения, которое, судя по стенам № 2 и 4, было сложено в переплет и направлено против угрозы с запада (Там же. С. 65, рис. 32). Камни же этой конструкции, перекрывающие слой засыпки рва, скорее всего, были взяты из разрушенной башни, расположенной вблизи вала (Там же. С. 70–71). При этом укрепление возводилось в большой спешке, неаккуратно, хотя и в античной традиции (Там же. С. 70–75). Другими словами, два важнейших эпизода, в ходе которых сильно пострадала Узунларская оборонительная линия на данном участке, — засыпка рва, а затем перекрытие слоя его заполнения наспех возведенной каменной конструкцией, произошли после разрушения башен Асандра в конце I в. до н. э., то есть в римское время (Там же. С. 23, 212).

К сожалению, вторичное использование для указанного строения более древних рустованных блоков, а также засыпка рва каким-то близлежащим культурным слоем (в котором фигурирует профильная керамика конца I — начала II в. н. э.) не позволяют точнее датировать выявленные следы деятельности по трансформации сооружения. Однако засыпка рва явно с целью удобства пользования расширенным проходом через него во время активных военных действий против крымских скифов во II в. просто невозможна. По нашему мнению, решить эту проблему может материал с близлежащего городища Белинское, где в ходе раскопок была зафиксирована целенаправленная засыпка остатков античных

оборонительных сооружений в первой половине IV в., а также выявлен фундамент каких-то мощных оборонительных стен первой половины V в. Не исключено, что именно этими двумя хронологическими рамками необходимо датировать вышеуказанные работы на близлежащем проходе через вал и ров.

Таким образом, мы предлагаем считать, что ко времени появления гуннов в V в. на Керченском полуострове Узунларская оборонительная линия в целом не была сильно разрушена и, по большей части, продолжала функционировать. Очевидно, что именно данное сооружение и остановило кочевников, продвигающихся на восток по северным районам крымского Приазовья. В тех же местах, где в ходе предшествующих событий для удобства пользования проходами ров был частично засыпан, варварами в спешном порядке были возведены стены небольших укреплений, перекрывших беспрепятственный доступ на боспорскую территорию. Скорее всего, именно это обстоятельство и привело к необходимости переговоров кочевников с готами, охраняющими западные рубежи государства.

Ермолин, 2006 — Ермолин А. Л. Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // ДБ. 2006. № 9. С. 90–94.

Ермолин, 2021 — Ермолин А. Л. Еще раз о валах на Керченском п-ове и их датировках (к статье А. А. Супренкова «Предварительные результаты разведок на валах восточного Крыма в 2019 г.») // VIA IN TEMPORE. История. Политология. 2021. Т 48 (3). С. 554–578.

Масленников, 2003 — Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф, 2003. 280 с.

Супренков, 2017 — Супренков А. А. Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017. С. 190–195 (МСАИ; № 19).

Супренков, 2020 — Супренков А. А. Предварительные результаты разведок на валах Восточного Крыма в 2019 г. // ДБ. 2020. № 25. С. 360–375.

Супренков, 2021 — Супренков А. А. К хронологии валов Восточного Крыма (по результатам работ 2015–2018 гг.) // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 148–164.

Localization of the Huns' and Goths' encounter place on the Kerch Peninsula

Sergei V. Yartsev⁵, Elena V. Shushunova⁶, Artem A. Vnukov⁷

Annotation. *The study is devoted to the problem of the Huns and Goths place of encounter localization on the Kerch Peninsula in the 5th century. According to the authors, the encounter took place near the coast of the Kazantip Bay, at one of the passages of the Uzunlar defence line. This structure had not been severely damaged by this time and was functioning properly. Consequently, the Goths did not rebuild the structure, but rather, before the arrival of the Huns, hastily reinforced parts of it that had been damaged during the preceding events of Bosporan history.*

Key words: *Crimea, Uzunlar revetment, Goths, Huns, Belinskoye settlement*

⁵ Sergei V. Yartsev — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; 125 Lenin Ave., Tula, 300026; Russian Federation; e-mail: s-yartsev@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5532-211X.

⁶ Elena V. Schuschunova — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: schuschunova.elena@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0237-4383.

⁷ Artem A. Vnukov — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: vnukovartemy@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4051-0190.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Курган 7 в Цараме и Государственный Эрмитаж¹

Н. А. Сулягина²

Аннотация. Раскопки кургана 7 могильника Царам стали одним из главных результатов научной и творческой работы С. С. Миняева. В 1997–2005 гг. Забайкальская археологическая экспедиция ИИМК РАН под его руководством провела исследования элитного дромосного кургана хунну, расположенного на границе России и Монголии. Коллекция находок, обнаруженных в этом погребении, нуждалась в скорейшей реставрации и дальнейшей публикации. Передача большей части вещей в музейный фонд затянулась, и коллекция поступила в Отдел Востока Государственного Эрмитажа только в 2019–2021 гг. Некоторые предметы из этого захоронения находятся на хранении в Национальном музее Республики Бурятия и Кяхтинском краеведческом музее, куда они поступили ранее.

Ключевые слова: хунну, Царам, Государственный Эрмитаж, музейная коллекция

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.233-235>

Введение. В настоящее время курган 7 могильника Царам является самым большим из известных погребений хунну на территории России и одним из самых крупных на всей территории существования государства хунну. Он датируется в пределах первой половины I в. н. э. Исследования элитного комплекса проводились широкой площадью для изучения основного захоронения и его периферии, на которой было выявлено десять сопроводительных могил. Несмотря на древние ограбления и серьезные повреждения конструкций погребения, в результате многолетних исследований удалось собрать значительную по количеству и разнообразию предметного комплекса коллекцию, которая поставила перед исследователями множество новых вопросов. Раскопки кургана 7 в Цараме стали первыми в череде значительных открытий в археологии хунну, которые произошли в начале XXI в., и многие детали погребального обряда в то время еще только предстояло изучить. Основные

сведения о раскопанном кургане довольно быстро были введены в научный оборот и стали доступны для исследователей, а реставрация предметов началась еще в полевых условиях, что позволило сохранить серию находок.

История раскопок. Исследования в пади Царам, расположенной на самом юге Республики Бурятия, фактически на границе России и Монголии, начались еще в конце XIX в. Ю. Д. Талько-Грынцевич составил план могильника и провел здесь первые раскопки совместно с Я. С. Смолевым (*Талько-Грынцевич*, 1999. С. 93, 117–118). С 1997 по 2005 г. Забайкальская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством С. С. Миняева возобновила и продолжила изучение этого памятника. Предварительное обследование площади и планирование охранных мероприятий начались уже в 1996 г., поскольку эта территория распаивалась еще с конца XIX в., а позднее проблема разрушения древних могил приняла более угрожающий характер из-за применения сельскохозяйственной техники, выделения части земель под огорода, разбора каменных конструкций для хозяйственных нужд. В сентябре того же года был составлен новый план могильника. Самый крупный курган 7 с насыпью размерами 32 × 32 м, высотой около 1 м располагался в северной части древнего некрополя. В 1997 г. здесь начались раскопки, которые предполагали иссле-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

² Сулягина Н. А. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

дование широкой площадью основного кургана и сопроводительных захоронений, составляющих единый комплекс (Миняев, Сахаровская, 2002. С. 86–87).

Первые находки были сделаны уже при расчистке деревянных перегородок на глубине около 2 м (2000 г.) (Миняев, Сахаровская, 2007б. С. 195). После постепенного разбора заполнения могильной ямы и внутримогильных конструкций на глубине 10,5–11,0 м при расчистке третьего перекрытия в центре кургана были обнаружены части китайской колесницы — тент и дышло. Частично разрушенные грабительскими лазами, они были расчищены, зафиксированы и законсервированы для последующих реставрационных работ в стационарных условиях³. Остальные детали колесницы были найдены при разборе заполнения могильной ямы между третьим и четвертым перекрытиями (2003–2004 гг.) (Миняев, Сахаровская, 2007а. С. 130–140).

Наиболее трудоемким и насыщенным находками стал завершающий полевой сезон 2005 г., когда основные работы экспедиции были направлены на изучение и фиксацию деталей сильно деформированной погребальной камеры. Большая часть сопроводительного инвентаря находилась в «коридорах» внешнего сруба и во внутренней камере. В пространстве западного и восточного «коридоров» внешнего сруба были найдены скопления деталей конской сбруи, погребальные куклы с украшениями из камней, лакированные изделия, в том числе знаменитая шкатулка с иероглифической надписью. Северный и южный «коридоры» оказались сильно разрушенными. В последнем на стенах были зафиксированы фрагменты шелковой и шерстяной тканей. Во внутренней камере большая часть предметов находилась вдоль восточной стены, в том числе железные наконечники, детали конской сбруи, серебряные фалары и лакированный «посох», лакированные чашечки. Золотые изделия были найдены в пространстве гроба, сам гроб был сильно поврежден грабительским лазом (Miniaev, Sakharovskaia, 2006. P. 44–51; Miniaev, Sakharovskaia, 2007. P. 44–56; Pirazzoli-t'Serstevens, 2007. P. 56–58).

Одновременно с исследованиями основного захоронения в период с 1998 по 2001 г. проводились раскопки на его периферии, где были выявлены и полностью

³ В настоящее время фрагменты лакированного тента, железные и бронзовые детали колесницы, фрагменты одного из керамических сосудов хранятся в фондах Национального музея Республики Бурятия. Автор выражает благодарность главному хранителю музея Д. Д. Хубитуевой и хранителю фондов «Археология» Л. Г. Ярославцевой за возможность познакомиться с этими вещами.

изучены две цепочки сопроводительных погребений (десять могил)⁴ (Миняев, Сахаровская, 2002. С. 86–113).

История поступления в Государственный Эрмитаж.

Впервые идея о передаче коллекции в фонды Государственного Эрмитажа возникла еще в процессе раскопок. И уже в ноябре 2005 г. в музей было направлено письмо за подписью директора ИИМК РАН чл.-корр. РАН Е. Н. Носова с просьбой о реставрации и передаче всей коллекции находок на постоянное хранение в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (датируется 7 ноября 2005 г.). Однако в силу различных обстоятельств этого не произошло.

Только весной 2018 г. в устной форме, а затем в виде официального письма директора ИИМК РАН д-ра ист. наук В. А. Лапшина договоренности о приеме всей коллекции в фонды Государственного Эрмитажа были достигнуты и обрели силу (датируется 25 апреля 2018 г.). Материалы кургана 7 могильника Царам передавались в Отдел Востока.

С апреля 2018 г. началась подготовка к передаче коллекции. В течение весенних месяцев были описаны, посчитаны и упакованы наиболее ценные и хорошо сохранившиеся находки: изделия из драгоценных металлов, органических материалов, бронзовые и костяные предметы, каменные украшения. Следующий этап подготовки вещей к переезду начался весной–летом 2019 г., когда были упакованы фрагменты изделий с лаковым покрытием, фрагменты и образцы текстиля, дерева, пряди волос и косы. После завершения очередного полевого сезона в ноябре 2019 г. оставшиеся предметы удалось посмотреть, некоторые предметы описать и обсудить.

11 апреля 2020 г. С. С. Миняева не стало. Завершение начатого процесса передачи коллекции состоялось уже после его ухода в пандемийные 2020 и 2021 гг.

Вместе с вещами С. С. Миняев подготовил и передал данные естественно-научных анализов⁵, некоторые полевые описи находок с топографическими указаниями. С разрешения исследователя в архиве Института археологии РАН были получены копии полевых отчетов о раскопках в пади Царам. Таким образом, несмотря на значительную задержку с поступлением коллекции в Государственный Эрмитаж, этот проект все-таки осуществился. В общей сложности в Отделе Востока хранится 820 номеров по описи.

Археологическая коллекция из кургана 7 могильника Царам и перспективы ее исследований. Несмотря

⁴ Материалы были переданы в Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева.

⁵ Некоторые результаты опубликованы (Колосова, 2007. С. 137).

на неоднократные ограбления этого погребения в древности, набор сопроводительного инвентаря отличается типологическим разнообразием находок и богатством представленных материалов. Серия изделий из драгоценных металлов содержит уникальные произведения древнего искусства, для которых известны сходные вещи лишь на отдаленных территориях. Другие находки, наоборот, имеют близкие аналогии в курганах Ноин-Улы на севере Монголии, расположенных на расстоянии около 200 км в близких топографических условиях. К таковым относятся, например, нефритовые пластины, серебряные фалары и детали седел. Некоторые образцы китайского шелка, найденные в Цараме и курганах Ноин-Улы, идентичны. Эти наблюдения свидетельствуют о синхронности создания погребальных памятников и сходных статусах погребенных здесь людей.

К сожалению, длительная задержка с реставрационными работами привела к серьезным последствиям для сохранности наиболее хрупких материалов. Многие из них были приняты в фонды музея уже в виде многочисленных фрагментов. Тем не менее в реставрационных лабораториях Государственного Эрмитажа практически сразу началась работа по спасению предметов коллекции. В течение нескольких лет были проведены исследования и собраны из фрагментов пластины из агата (реставраторы А. А. Андроханов, И. А. Цветкова, ЛНРСЦК ОНРИК ГЭ), очищены, закреплены и изучены бронзовые детали конской упряжи и кожаные ремни (реставраторы С. В. Буршнева, Л. Ш. Байбекова, ЛНРДиАМ ОНРИК ГЭ), проведен визуальный осмотр, определено состояние сохранности и план дальнейших мероприятий по исследованию предметов из драгоценных металлов (реставратор И. К. Малкиель, ЛНРДиАМ ОНРИК

ГЭ). В ближайшие годы после завершения реставрационных работ предметы из кургана 7 могильника Царам будут выставлены на постоянной экспозиции Отдела Востока.

Колосова, 2007 — Колосова М. И. Анализы образцов дерева китайской колесницы из кургана № 7 в могильнике Царам // АВ. 2007. Вып. 14. С. 137.

Миняев, Сахаровская, 2002 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. Вып. 9. С. 86–118.

Миняев, Сахаровская, 2007а — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // АВ. 2007. Вып. 14. С. 130–140.

Миняев, Сахаровская, 2007б — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сунну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 194–201.

Талько-Грынцевич, 1999 — Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сунну; Вып. 4). 123 с.

Miniaev, Sakharovskaia, 2006 — Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M. Investigation of a royal tomb complex in the Tsaraam valley. Part 1 // The Silk Road. 2006. Vol. 4, No. 1. P. 47–51.

Miniaev, Sakharovskaia, 2007 — Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M. Investigation of a royal tomb complex in the Tsaraam valley. Part 2: The inventory of barrow No. 7 and the chronology of the site // The Silk Road. 2007. Vol. 5, No. 1. P. 44–56.

Pirazzoli-t'Serstevens, 2007 — Pirazzoli-t'Serstevens M. A Chinese inscription from a Xiongnu elite barrow in the Tsaraam cemetery // The Silk Road. 2007. Vol. 5, No. 1. P. 56–58.

Barrow No. 7 in the Tsaraam valley and the State Hermitage Museum

Natalia A. Sutiagina⁶

Annotation. *The excavations of a Barrow No. 7 in the Tsaraam Valley became one of the outstanding results of the scientific and creative work of Sergey. S. Minyaev. In 1997–2005 Trans-Baikal Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, led by him, conducted research on an elite Xiongnu terrace tomb located on the border of Russia and Mongolia. The collection of the objects found in this burial needed to be restored and published as soon as possible. The transfer of the most part of the items to the museum storage was delayed. It was transferred to the Oriental Department of the State Hermitage only in 2019–2021. At present, some objects from this burial are stored in the National Museum of the Republic of Buryatia and the Kyakhta Museum of Local History too.*

Key words: *Xiongnu, Tsaraam Valley, the State Hermitage Museum, museum collection*

⁶ Natalia A. Sutiagina — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

Популяризация П. К. Козловым результатов Монголо-Тибетской экспедиции¹

М. В. Мандрик²

Аннотация. В исследовании рассматривается, как освещалась Монголо-Тибетская экспедиция в советской и иностранной прессе и как путешественник П. К. Козлов работал над имиджем своей экспедиции, стараясь охватить как можно бóльшую аудиторию. В работе в основном рассматриваются статьи 1924–1926 гг.

Ключевые слова: П. К. Козлов, Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг., советская и иностранная пресса, популяризация достижений Монголо-Тибетской экспедиции

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.236-238>

Пётр Кузьмич Козлов оставил после себя значительное научное наследие в виде монографий и богатых коллекций, которые за 100 лет оказались довольно неплохо изучены. Но в «научном портфеле» путешественника есть и мало освещенная сторона его творчества — просветительские статьи, с помощью которых он старался популяризировать свои экспедиции. Особенно важным это оказалось в 1920-е гг., когда популяризация, можно сказать, стала вынужденной мерой при той политической ситуации, что сложилась в стране. Начало экспедиции П. К. Козлова в Монголию и Тибет оказалось неудачным: бывшего царского генерал-майора и еще нескольких членов его экспедиции после доноса обвинили в контрреволюционных настроениях (подробнее см.: *Андреев, Юсупова*, 2001). После этого некоторых членов экспедиции не выпустили за пределы России, а у остальных складывалось ощущение, что дальше Урги их не пустят. Месяцы тревожного и изнуряющего ожидания, и когда дорога оказалась открытой, П. К. Козлов понимал, что он обязан вернуться на Родину с сенсацией, чтобы в его адрес больше не звучали подозрения в ненадежности и нелояльности к советской власти. Конечно, для человека с душой путешественника это не было главной целью, но все же имело значение, т. к.

за его спиной были дети от первого брака, молодая жена и ее родители, находящиеся в Харбине, а также его репутация, заработанная еще в царское время.

Уже тогда П. К. Козлов проявил хорошее умение популяризировать свои открытия, в том числе благодаря личному обаянию. После экспедиций он читал лекции, показывая слайды, писал заметки и отчеты. Та же модель популяризации использовалась и для Монголо-Тибетской экспедиции.

Несмотря на то, что в конце 1922 — начале 1923 г. набор в экспедицию проходил через объявления в газетах, начало ее работы прошло незаметным для центральных газет, об отъезде из Ленинграда и приезде в Ургу не оповещалось ни в газете «Правда», ни в «Известиях», в то время как там постоянно публиковались статьи о ситуации в Китае, встречались заметки и о ситуации в Монголии.

Изменения произошли после первых сенсационных находок 1924 г. и особенно после приезда П. К. Козлова в Ленинград, а затем и в Москву зимой–весной 1925 г. Благодаря умению путешественника выступать с лекциями и интересно писать заметки деятельность экспедиции была освещена с разных сторон. Информация о ней появилась не только в центральных изданиях, но даже в таких провинциальных газетах, как, например, «Призыв» в г. Владимире и «Красный черноморец» в г. Севастополе. В течение трех лет П. К. Козлов умело поддерживал интерес к экспедиции, все время предлагая журналистам интересные статьи и заметки, где каждый раз рассказывалось о новых необычных открытиях. Он чувствовал ситуацию и умело ею пользовался, превращаясь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20- 59-44005 Монг_а.

² Мандрик М. В. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

в новых советских реалиях из ненадежного царского генерал-майора в кумира читателей.

Статья, которая рассказала о сенсационных археологических находках и вызвала неподдельный интерес общественности к деятельности Монголо-Тибетской экспедиции, была опубликована в «Известиях» 15 июля 1924 г. (Козлов, 1924а). Автором статьи «П. К. Козлов о своих работах в Монголии» выступил сам путешественник. Однако эту статью следует рассматривать вместе со статьёй в «Известиях РГО» под неброским заголовком, несоответствующим ее содержанию: «Письмо П. К. Козлова к председателю Общества» (от 28 мая 1924 г.) (Козлов, 1924б). Эти статьи, опубликованные в разных изданиях и рассчитанные на разную читательскую аудиторию, оказались идентичными, за исключением начала и конца.

Экспедиция привлекала внимание и зарубежной прессы. О значении монгольского региона для США говорит уже тот факт, что 24 сентября 1924 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась довольно подробная статья об экспедиции П. К. Козлова под заголовком «Неизвестные ископаемые, найденные в Монголии». В подзаголовок было вынесено сразу несколько тем: «Козлов, российский ученый находит сотни скелетов невиданных ранее видов — Хороший чай в древней гробнице — Сообщается, что пшеница тысячелетней давности до сих пор съедобна — Эндрюс в Урге» (Unknown fossils..., 1924).

В конце 1924 г. П. К. Козлов был вынужден временно вернуться в Россию, и приехав в Ленинград 28 декабря, уже 30 числа записал в дневнике: «Мне надоедают всякого рода репортеры (из газет, журналов)» (Дневники..., 2003. С. 399, 401). Журналисты приходили на протяжении всех месяцев его нахождения в Ленинграде и Москве, этому способствовали и начавшиеся публичные выступления путешественника. Они имели большой успех: первая лекция традиционно была намечена в Географическом обществе на 29 января 1925 г., затем, там же, 5 февраля, 31 января происходило заседание Правительственной комиссии в Малом конференц-зале Российской академии наук, длившееся более 4 часов («Результат отличный. <...> Между прочим, Н. П. [Горбунов] сказал: "По отзыву Ольденбурга, Ваши коллекции в три раза стоят дороже затрачен[ных] средств на экспедицию!"» (Там же. С. 423). 7 февраля он уже присутствовал на заседании Подкомиссии Комиссии СНК по рассмотрению отчетов о работах экспедиции, в Кремле, 17 февраля путешественник читал первую лекцию в Москве в Колонном зале Дома ученых, 19 февраля выступал с лекцией в Политехническом музее, 26 февраля — на

заседании Научной ассоциации Востоковедения и Общества филологов, 17 марта — по радио и др.

В марте в журнале «Хочу все знать» вышла в свет его статья «Археологические открытия экспедиции П. К. Козлова», где подробно и без прикрас описывались будни путешественников, и даже намекалось на первоначальное противодействие власти (Козлов, 1925. С. 8). В это же время П. К. Козлов завершал статью «Северная Монголия — Ноин-улинские памятники» для сборника «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова» (Краткие отчеты..., 1925. С. 1–12). Идея сборника возникла по инициативе Монгольской Комиссии при Совнаркоме, которая справедливо полагала, что для специалистов материалы экспедиции представляют большой интерес. Оперативное издание сборника и организация выставки в Академии наук, куда осенью 1925 г. успели попасть предметы, найденные летом этого же года, были связаны с 200-летним юбилеем академии, куда съехалось много иностранных гостей.

В августе 1925 г. во «Всемирном следопыте» была опубликована большая статья «В степях и горах Монголии. Из записок путешественника П. К. Козлова», почти полностью посвященная поэтичному описанию флоры и фауны Северной Монголии, привычкам монголов (Козлов, 1926. С. 65).

1926 г. стал завершающим в истории Монголо-Тибетской экспедиции, поэтому в прессе внимание к ее работе и результатам только усилилось, и газетные статьи стали занимать уже 3–4 колонки. Так 6 июня в «Известиях» был опубликован пространственный очерк П. К. Козлова «Хребет Хангай (Вести из экспедиции П. К. Козлова)». 5 октября — статья «Приезд путешественника П. К. Козлова», о значимости события кричал броский подзаголовок: «П. К. Козлов прибыл в Ленинград. — Экспедицией в общей сложности проделано 6000 вёрст. — Мертвый город Хара-Хото исследован полностью. — Экспедицией привезено в Ленинград около 400 пудов собранных коллекций. — Экспедиция Козлова даст возможность разработать историю Монголии». 7 октября в «Правде» вышла статья «К возвращению экспедиции Козлова», в которой сообщалось, что специальная комиссия АН СССР начинает подготовку экспонатов экспедиции к выставке в Географическом обществе. Особо отмечалось, что после возвращения в Ленинград П. К. Козлов получил много предложений от ряда журналов и газет Англии, Франции, Германии, Китая, Италии и других стран дать очерки и статьи о результатах экспедиции, широковегательная станция предложила ему передавать его лекции по радио на весь СССР.

Всего П. К. Козлов опубликовал около 30 статей в советской и зарубежной прессе об экспедиции, в которых активно пропагандировал ее результаты. Однако издать обобщающий отчет о работе экспедиции ему так и не удалось.

Андреев, Юсупова, 2001 — Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

Дневники..., 2003 — Петр Кузьмич Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. СПб.: Наука, 2003. (Научное наследие; Т. 30). 1037 с.

Козлов, 1924а — Козлов П. К. Козлов о своих работах в Монголии // Известия. 15 июля 1924. № 159 (2194). С. 5.

Козлов, 1924б — Козлов П. Письмо П. К. Козлова к председателю Общества // Известия Русского географического общества. 1924. Т. 56. Вып. 2. С. 175–176.

Козлов, 1925 — Козлов П. Археологические открытия экспедиции П. К. Козлова // Хочу все знать. 1925. Вып. 3. С. 8–11.

Козлов, 1926 — Козлов П. К. В степях и горах Монголии. Из записок путешественника П. К. Козлова // Всемирный следопыт. 1926. № 8. С. 65.

Краткие отчеты..., 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. 58 с.

Unknown fossils..., 1924 — Unknown fossils found in Mongolia // New York Times. 1924. Sept. 24. P. 14.

Pyotr K. Kozlov's popularization of the results of the Mongolian-Tibetan expedition

Maria V. Mandrik³

Annotation. *In our study we examine how the Mongol-Tibetan expedition was covered in the Soviet and foreign mass media and how the traveler Pyotr K. Kozlov actively worked on the image of his expedition, trying to reach as large an audience as possible. The paper mainly deals with the articles published in 1924–1926.*

Key words: *Pyotr K. Kozlov, Mongol-Tibetan expedition 1923–1926, Soviet and foreign press, popularization of the achievements of the Mongol-Tibetan expedition*

³ Maria V. Mandrik — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

Наследие Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в архивном собрании РАИМК/ГАИМК: состав и история формирования¹

М. В. Медведева²

Аннотация. Сразу после раскопок элитных хуннских погребений в горах Ноин-Ула Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова уникальная археологическая коллекция в течение нескольких лет хранилась и изучалась в Академии истории материальной культуры. За эти годы успел сформироваться значительный комплекс документов, отражающих различные аспекты работы с находками. Позже древние предметы пополнили музейные собрания России и Монголии, а документальные материалы поступили в архив ГАИМК (ныне — архив ИИМК РАН). Основные блоки рукописных документов сложились в процессе передачи археологической коллекции в Академию и дальнейшего распределения вещей по музейным хранилищам во время репрезентации, реставрации и изучения находок естественно-научными методами, а также при подготовке к изданию. Важное место среди них занимает полевая документация С. А. Кондратьева, К. К. Даниленко, С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки. Рукописная часть архивных материалов существенно дополняется фотографиями и рисунками 1920-х гг.

Ключевые слова: Монголо-Тибетская экспедиция, Академия истории материальной культуры, Научный архив ИИМК РАН, документы, фотографии, история археологии

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.239-241>

В последнее время все более актуальным в археологических изысканиях становится обращение к результатам старых раскопок и их переосмысление. Особенно важное значение придается изучению неопубликованных ранее архивных источников. Выявление новых фактов и их комплексный анализ в совокупности с уже хорошо известными данными способствуют возникновению оригинальных научных идей и подходов к решению исследовательских задач. Все это в полной мере можно отнести к хранящимся в архивном собрании ИИМК РАН документам, связанным с археологической коллекцией из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923–1926 гг.). Внимание специалистов разных стран к обнаруженным тогда элитным хуннским погребальным комплексам не ослабевает уже на протяжении ста лет, однако до сих пор не все архивные материалы, касающиеся археологических исследо-

ваний Монголо-Тибетской экспедиции, введены в научный оборот. Самую ценную и значимую часть по этой теме в архивных фондах ИИМК РАН составляют рукописные и иллюстративные документы, демонстрирующие начальный этап изучения ноин-улинской археологической коллекции.

Во второй половине 1920-х гг. исследования ноин-улинских древностей из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции и их подготовку к полномасштабному научному изданию возглавила Академия истории материальной культуры, ведущее археологическое учреждение того времени (Сутягина, 2020; Медведева, 2021). Сами предметы несколько лет хранились на Складе древностей РАИМК/ГАИМК. Все мероприятия, производившиеся с находками, подробно фиксировались в научно-организационной документации Академии, как и жаркие дискуссии об их дальнейшей судьбе. Обсуждение вопросов реставрации, научного изучения и подготовки ноин-улинской коллекции к публикации происходило на заседаниях специально созданной для этого Комиссии Академии истории материальной культуры под руководством академика С. Ф. Ольденбурга, что также тщательно протоколировалось. Одновременно формировался корпус иллюстраций для будущего издания ноин-улинских предметов. В создании высококачественных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

² Медведева М. В. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3592-6260.

рисунков и фотографий приняли участие фотографы и художники, имевшие большой опыт художественного копирования археологических вещей. Документальные материалы, видимо, размещались в одном помещении вместе с находками, чтобы можно было использовать их при работе с коллекцией. Рисункам и фотографиям присвоили шифры принадлежности к фонду Монголо-Тибетской экспедиции, которые и сейчас можно видеть на листах и паспорту. Таким образом в конце 1920-х гг. в Академии истории материальной культуры сформировался собственный архив Монголо-Тибетской экспедиции внутри учреждения, который хранился отдельно от остальных документов, несмотря на то что в тот момент в Академии уже существовали и рукописный, и фотографический архивы. Только во второй половине 1930-х гг. вышеупомянутые материалы были влиты в состав фондов архивов ГАИМК, а сам документальный комплекс разбит на части согласно технике изготовления, году, размеру и т. д. В настоящее время это архивное наследие Монголо-Тибетской экспедиции хранится в рукописном и фотографическом отделах Научного архива ИИМК РАН, учреждения-преемника Академии истории материальной культуры. Некоторые из них дублируются в ГА РФ и архиве РГО.

Рукописные и фотографические документы стали частью фондов, образовавшихся в результате научно-организационной деятельности РАИМК/ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2; ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46), рисунки поступили в разряд крупноформатных иллюстраций (РО НА ИИМК РАН. Р I). Среди архивных материалов выделяются несколько тематических групп:

1) Переписка РАИМК с СНК СССР и РГО о раскопках П. К. Козлова в Монголии. Полевая документация, куда вошли предварительные отчеты С. А. Кондратьева, чертежи К. К. Даниленко, фотографии раскопок ноин-улинских курганов Г. И. Боровки (*Медведева, Кукина, 2022*), а также машинописная рукопись статьи С. А. Теплоухова для «Кратких отчетов» 1925 г. (*Теплоухов, 1925*).

2) Документы, копии протоколов и журналов заседаний Монгольской комиссии СНК СССР и Комиссии Академии истории материальной культуры по определению места хранения ноин-улинской коллекции в России и по передаче части коллекции Ученому комитету Монголии, в том числе описи и акты с номерами Книги поступлений РАИМК/ГАИМК.

3) Материалы по экспонированию ноин-улинских древностей в России и за рубежом, включая корреспонденцию по подготовке и обоснованию необходимости проведения выставок; описи, акты передач и договоры о предоставлении предметов на выставку древнекитай-

ского искусства в Берлине в 1929 г., переписка о печати фотографий находок в каталоге этой выставки, снимки экспозиции выставок 1925 и 1927 гг. в Академии истории материальной культуры, фотоизображения древностей для немецкого каталога (*Сутягина, Кукина, 2020; Ausstellung chinesischer Kunst..., 1929*).

4) Документы по естественно-научному изучению ноин-улинской коллекции объединили журналы и протоколы заседаний ИАТ по проблемам реставрации предметов из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции; планы и отчеты работ ИАТ по консервации и реставрации; материалы ИАТ по исследованиям текстиля, металлических и лаковых изделий, растительных остатков, керамики, костных останков и т. д.; результаты фотоаналитических экспериментов, гистологические таблицы; фотоматериалы макросъемки керамических шлифов и древних тканей; сметы на реставрацию и консервацию.

5) Документы о деятельности Склада древностей ГАИМК, в которых содержатся отчеты подразделения, характеристика условий хранения ноин-улинской коллекции; журналы посещения со списками исследователей, работавших с предметами; описи выдачи древностей на выставки; информация о выполнении фотографирования монгольских находок по заявкам российских и зарубежных ученых; сведения о фотосъемке и зарисовывании для будущего научного издания.

6) Протоколы и журналы заседаний Комиссии РАИМК/ГАИМК по вопросам издания археологической коллекции Монголо-Тибетской экспедиции; сметы на изготовление иллюстраций и печать.

7) Рисунки и фотографии находок, сделанные в процессе подготовки публикации ноин-улинской коллекции в РАИМК/ГАИМК во второй половине 1920-х гг.

Все перечисленные материалы были известны специалистам и отчасти использовались археологами в работе (*Воскресенский, Тихонов, 1932; Руденко, 1962; Trever, 1932; Umehara, 1960*), однако несмотря на значительное количество публикаций по истории организации Монголо-Тибетской экспедиции и по интерпретации сделанных тогда находок (*Елихина, 2020; Полосьмак, Богданов, 2016. С. 166–173; Юсупова, 2011*), комплекс полевой документации из раскопок ноин-улинских курганов и материалы исследований археологической коллекции в 1920–1930-х гг. изданы лишь фрагментарно. Задача современных археологов как можно скорее полностью ввести все эти ценные документальные источники в научный оборот и сделать достоянием широкой общественности.

- Воскресенский, Тихонов, 1932 — Воскресенский А. А., Тихонов Н. П. (ред.) Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Ч. 1. Ткани // ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9. 106 с.
- Елихина, 2020 — Елихина Ю. И. Обзор исследований археологического памятника Ноин-Ула (Северная Монголия) // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2020. № 4 (19). С. 21–34.
- Медведева, 2021 — Медведева М. В. Академия истории материальной культуры и издание Ноин-Улинской коллекции в 1920-е гг. // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 123–130.
- Медведева, Кукина, 2022 — Медведева М. В., Кукина Д. А. Фотоколлекции Ноин-Улы. Экспедиционные снимки Г. И. Боровки 1924, 1926 гг. из архива ИИМК РАН // АВ. № 34. 2021. С. 357–371.
- Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012. Новосибирск: Инфолио, 2016. 176 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сутягина, 2020 — Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. № 30. С. 330–342.
- Сутягина, Кукина, 2020 — Сутягина Н. А., Кукина Д. А. Находки из курганов Ноин-Улы на выставке в Берлине 1929 года (по материалам архива ИИМК РАН) // Тр. ГЭ. Т. 105: Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). 2013–2017. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 387–400.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.
- Ausstellung chinesischer Kunst..., 1929 — Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin: Würfel Verlag, 1929. 407 S.
- Trever, 1932 — Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932 (МАНМС; Vol. III). 76 p.
- Umehara, 1960 — Umehara S. Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. Tokyo: Tōyō Bunko, 1960 (The Toyo Bunko publications. Series A; No. 27). 301 p.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Рукописный фонд РАИМК/ГАИМК.
ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46. Фотографический фонд РАИМК/ГАИМК.
РО НА ИИМК РАН. Р I. Разряд крупноформатных иллюстраций.

The heritage of the Mongolian-Tibetan expedition of Pyotr K. Kozlov in the Archive of RANMC/SAHMC: Its content and history of creation

Maria V. Medvedeva³

Annotation. After excavations of the elite Xiongnu burials in the Noin-Ula mountains by the Mongolian-Tibetan expedition of Pyotr K. Kozlov, a unique archaeological collection was stored and studied at the Academy for the History of Material Culture for several years. During that period, a significant complex of documents reflecting various aspects of work with the finds was created. Later, the ancient artifacts were transferred to museum collections in Russia and Mongolia, and the documentary materials were deposited in the State Academy for the History of Material Culture (now Institute for the History of Material Culture of the RAS). The main records groups were formed in the process of transferring the archaeological collection to the Academy and further distribution of items among museum repositories, during presentation, restoration and study of finds using natural-science methods, and also while preparing them for publication. An important position among them is taken by the field documentation of Sergey A. Kondratyev, Konstantin K. Danilenko, Sergey A. Teploukhov and Grigoriy I. Borovka. The records are considerably supplemented by photos and drawings of the 1920s.

Key words: Mongolian-Tibetan expedition, Academy for the History of Material Culture, Scientific Archive of IHMC RAS, documents, photographs, history of archaeology

³ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3592-6260.

Монголо-Тибетская экспедиция и раскопки в горах Ноин-Ула. Документы и фотографии в архиве Русского географического общества¹

Н. А. Сулягина², М. Ф. Матвеева³

Аннотация. Монголо-Тибетская экспедиция, которую возглавлял П. К. Козлов, была организована Русским географическим обществом. В 1938 г. в архив этого учреждения поступили многочисленные документы, связанные с ее организацией и деятельностью, направлениями и результатами научных исследований. Одновременно сюда была передана часть личных материалов участников экспедиции. Особое место среди документов занимают записи, рисунки, чертежи и фотографии о раскопках в Ноин-Уле (1924–1925 гг.), длительное время считавшиеся отсутствующими.

Ключевые слова: Монголо-Тибетская экспедиция, Ноин-Ула, архив, письменные документы, фотографии, чертежи

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.242-246>

Введение

Последняя большая экспедиция П. К. Козлова в Центральную Азию вновь принесла ему славу, а науке — яркие открытия. Для реконструкции последовательности событий периода организации и деятельности Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926 гг.), а также изучения ее наследия материалы архива Русского географического общества представляют собой бесценный источник. В фонде 1 «Канцелярия Географического общества (РГО, ИРГО, РГО, ГГО, ВГО, ГО СССР, РГО). 1845–2010 гг.» хранятся отдельные делопроизводственные документы, связанные с организационными вопросами и ведомственными решениями. Большая же часть источников хранится в фонде 18 «Козлов Петр Кузьмич (1863–1935 гг.). Географ, путешественник, исследователь Центральной Азии; почетный член Императорского Русского Географического Общества с 1910 г. 1863–1995 гг.» (рис. 1).

История формирования личного фонда П. К. Козлова (фонд 18)

В 1938 г. Е. В. Козлова⁴ передала в архив РГО все документы супруга. В письме от 26 ноября, адресованном председателю общества Ю. М. Шокальскому, она написала: «Я подготовила архив Петра Кузьмича, и теперь дело только за его перевозкой». В одном из следующих писем, 2 декабря, Е. В. Козлова подтвердила: «Архив П. К. перевезен в Общество. Между прочим, мною переданы дневники, как Монголо-Сычуанской экспедиции 1907–1909 гг., так и дневники последней экспедиции 1923–1926 гг., которые еще совершенно не были использованы Петром Кузьмичем для печати»⁵. В 1939 г. Ю. М. Шокальский и Н. И. Вавилов предложили Елизавете Владимировне подготовить их к публикации. Дневники № 1 и № 2 Монголо-Тибетской экспедиции были переданы ей из архива Географического общества в 1945 г. (расписка в получении датируется 13 ноября 1945 г.), дневники № 3–5 — в 1946 г. (расписка в получении от 6 мая 1946 г.)⁶. Они находились у Е. В. Козловой вплоть до ее кончины в 1975 г., а затем хранились в квартире П. К. Козлова у И. А. Четыркиной в статусе временного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

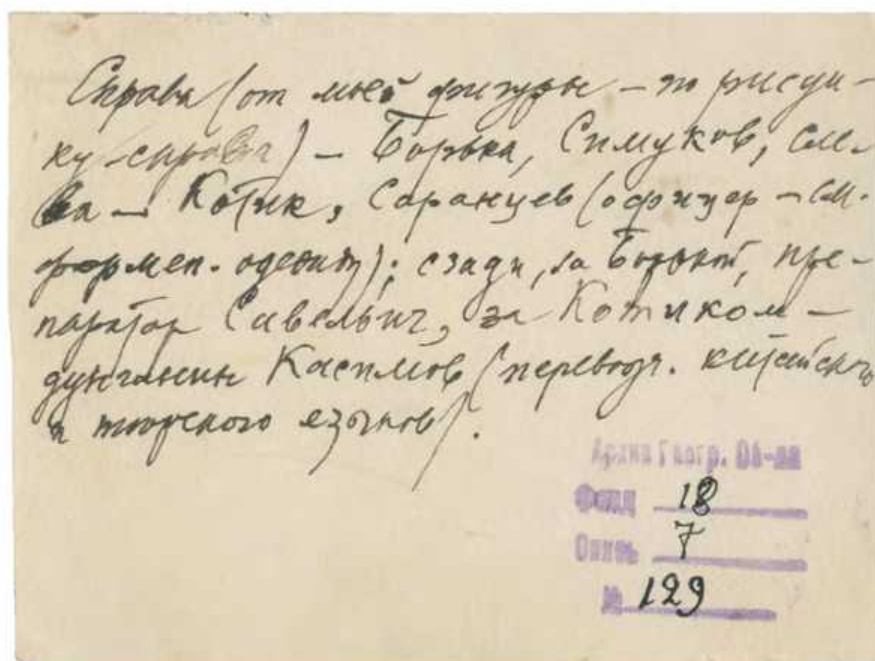
² Сулягина Н. А. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

³ Матвеева М. Ф. — Российское географическое общество; пер. Гривцова, 10, лит. А, Санкт-Петербург, 190031, Российская Федерация; e-mail: marija.matveeva@rgo.ru.

⁴ Елизавета Владимировна Козлова, вторая жена П. К. Козлова. В браке с 1912 г.

⁵ Письма Е. В. Козловой к Председателю РГО Ю. М. Шокальскому хранятся в формуляре фонда 18 (прим. — М. Ф.).

⁶ Дневники были подготовлены Е. В. Козловой и опубликованы со значительными купюрами (Козлов, 1949).

Рис. 1. Фотография. П. К. Козлов среди сотрудников Монголо-Тибетской экспедиции. Москва (?), 1923 г.** (АРГО. Ф. 18. Оп. 7. Д. 129). Сидят (слева направо): А. Д. Симуков, Б. Н. Овчинников, П. К. Козлов, К. К. Даниленко, П. М. Саранцев; стоят (слева направо): П. С. Савельев, Н. Ю. Касимов. На обороте фотоснимка есть запись, сделанная рукой П. К. Козлова: «Справа (от моей фигуры — по рисунку справа*) — Боровка, Симуков, слева — Котик, Саранцев (офицер — см. формен[ную] одежду); сзади, за Боровкой, препаратор Савельич, за Котиком — дунганец Касимов (переводч[ик] китайского и тюркского языков)». * слева (прим. — Н. С.)

Fig. 1. Photograph. P. K. Kozlov among the members of the Mongolian-Tibetan expedition. Moscow (?), 1923 (АРГО. Ф. 18. Оп. 7. Д. 129). Sitting (from left to right): A. D. Simukov, B. N. Ovchinnikov, P. K. Kozlov, K. K. Danilenko, P. M. Sarantsev; standing (from left to right): P. S. Savelyev, N. Yu. Kasimov. On the back of the photograph there is a notation made by P. K. Kozlov: "To the right (from my figure — according to the drawing on the right *) — Borovka, Simukov, to the left — Kotik, Sarantsev (officer — see uniform); behind Borovka, the preparator Savelyich, behind Kotik — Dungan Kasimov (translator of Chinese and Turkic languages)". * on the left (remark — N. S.)

** Похожая фотография была опубликована А. И. Андреевым и Т. И. Юсуповой (Андреев, Юсупова, 2001. С. 57).

хранения. В 2008 г. полевые дневники П. К. Козлова вернулись в Научный архив РГО.

В формуляре фонда хранятся два списка диапозитивов, составленных П. К. Козловым: список диапозитивов Тибетской экспедиции ИРГО 1899–1901 гг. (64 наименования) и список диапозитивов Монголо-Сычуанской экспедиции ИРГО (81 наименование).

На учет личный фонд П. К. Козлова был поставлен 31 января 1939 г. Он включает 2474 единицы хранения и систематизирован по семи описям:

Опись 1. Научные труды по географии, археологии, этнографии, охране природы; дневники путешествий, записные книжки, отчеты, докладные записки, журналы метеорологических наблюдений; материалы глазомерной и маршрутной съемок; каталоги и списки геологических, ботанических, археологических и этнографических коллекций, статьи об ученых и путешественниках. 1889–1955 гг.

Опись 2. Биографические материалы: автобиография и биографии ученого; очерки деятельности; награды; материалы, относящиеся к учебным годам; документы по службе; материалы по деятельности в Аскании-Нова; письма к Е. В. Козловой и др. 1863–1945 гг.

Опись 3. Переписка. Письма от отдельных лиц и разных учреждений к П. К. Козлову. 1863–1995 гг.

Опись 4. Материалы к научным трудам, документы спутников П. К. Козлова. 1872–1927 гг.

Опись 5. Брошюры, оттиски статей, газетные вырезки с публикациями П. К. Козлова. 1886–1963 гг.

Опись 6. Картографические материалы, относящиеся к экспедициям П. К. Козлова: глазомерные съемки и печатные карты экспедиций, маршрутные съемки Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1899–1901 гг.; 1907–1909 гг.; 1923–1926 гг., русские карты Азии, которыми пользовался П. К. Козлов. Разное. 1873–1926 гг.

Опись 7. Фотографии: портреты П. К. Козлова в разные периоды жизни; семейные фотографии; П. К. Козлов с друзьями и знакомыми; экспедиционные фотографии: Монголо-Тибетской экспедиции 1899–1901 гг., поездка П. К. Козлова в Ургу 1904–1905 гг., снимки Монголо-Сычуанской экспедиции 1907–1909 гг., Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.; негативы 1876–1934 гг.

Научное наследие Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.

Хранящиеся в фондах архива материалы указанного периода представляют собой делопроизводственные документы, связанные с организационными вопросами, а также программы исследований, отчеты участников экспедиции по разным научным направлениям, полевые

дневники, тетради и отдельные записки, чертежи, фотографии и рисунки археологических и эпиграфических памятников, переписку П. К. Козлова с коллегами, рукописи и машинописные тексты его статей и опубликованные работы.

Выявленные делопроизводственные документы⁷ позволяют реконструировать череду наиболее важных на данном этапе жизни П. К. Козлова событий. Организация и продолжение деятельности Монголо-Тибетской экспедиции предусматривали ведение активной переписки с представителями органов власти разного уровня, а затем — с руководителями разных ведомств, научных учреждений и музеев. Если к 1923–1925 гг. относятся преимущественно написанные канцелярским языком официальные тексты, то значительную часть документов 1926–1929 гг. составляют поздравительные телеграммы, просьбы о выступлениях и публикациях, тексты докладов и рукописи статей для многочисленных журналов. Отдельным блоком выделяются материалы, связанные с попыткой организовать новую экспедицию.

Разнообразие научных интересов экспедиции отражено в полевых документах ее участников. Помимо дневников руководителя экспедиции⁸, в архиве РГО хранятся дневники, тетради, различные записи С. А. Глаголева, С. А. Кондратьева, Н. В. Павлова, А. Д. Симуклова, Е. В. Козловой. Содержание этих материалов демонстрирует не только широкий диапазон исследований, но скрупулезный труд и высокую профессиональную подготовку сотрудников экспедиции. Благодаря индивидуальным интересам и знаниям каждого из них были получены комплексные научные результаты в разных областях гуманитарных и естественнонаучных направлений.

Отдельно необходимо отметить корпус документов, связанных с археологическими изысканиями экспедиции. Проходя по заранее определенным маршрутам, ее участники выполняли описания, рисовали и фотографировали объекты, составляли планы и чертежи, измеряли высотные отметки. К наиболее известным археологическим результатам Монголо-Тибетской экспедиции относятся обследование памятников в Хангае, в том числе развалин Олон-Сумэ, повторные исследования Хара-Хото и раскопки элитных погребений хунну в горах Ноин-Ула.

⁷ Значительный корпус организационных документов, официальной переписки, проектов и смет экспедиции хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 9–11).

⁸ Подготовлены к печати Т. И. Юсуповой и А. И. Андреевым, опубликованы в серии «Научное наследие», т. 30 (Козлов, 2003).

Документы, освещающие раскопки древних курганов в горах Ноин-Ула

Открытие древних могильников, расположенных в падах Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ в горах Ноин-Ула, стало самым заметным результатом Монголо-Тибетской экспедиции. В богатых захоронениях кочевников хунну (конец I в. до н. э. — первая половина I в. н. э.) было найдено более 3500 тысяч предметов, в том числе изделия из органических материалов (древний текстиль, деревянные изделия, кожа, мех и др.). В фонде 18 хранятся многочисленные полевые записи сотрудников. В них детально описан весь процесс раскопок, руководство которыми на месте осуществлял С. А. Кондратьев. Среди документов выявлены сводные рукописные отчеты о проделанной работе, относящиеся к нескольким периодам исследований в Ноин-Уле. Подробные тексты сообщений были подготовлены для каждого изученного погребения⁹. Они написаны по единой схеме, которая включает описание процесса разбора заложённой по центру могильной ямы шахты, стратиграфических слоев и объектов вплоть до перекрытия погребальной камеры. Далее приводится характеристика погребальной камеры, ее общие размеры и обмеры деталей (например, количество и толщина досок, стоек, матиц и т. д.). Текст подобного отчета о раскопках каждого из курганов завершается перечнем всех изъятых из погребения предметов с указанием места находки каждого из них в момент открытия гробницы (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102).

Существенным дополнением к описаниям является графическая фиксация погребальных конструкций, выполненная на основании сделанных в полевых условиях измерений¹⁰. На чертежах фиксировали план, продольный и поперечный профили деревянной гробницы, отдельные детали конструкции в более крупном масштабе (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 26–40; Оп. 4. Д. 53. Л. 2–14). На планах курганов № 1 («Мокрый») и № 6 («Верхний») отмечены некоторые находки внутри погребальной камеры (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 2, 2 об., 33; Краткие отчеты..., 1925. Табл. 8, 9; Сулягина, 2021. С. 284, 286, 287). Все необходимые пометки, дополнения и замечания сделаны на тех же листах. Для единственного раскопанного в пади Гуджирте кургана № 11, помимо чертежа гробницы, были выполнены план назем-

ной конструкции и единый профиль кургана (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 31, 32; Сулягина, 2016. С. 18–19, рис. 10–11). Кроме того, в рамках общих научных направлений деятельности экспедиции были изготовлены планы местности, высотные профили трех долин, топографические карты (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 40; Оп. 4. Д. 57. Л. 8–14; Оп. 6. Д. 35. Л. 1; Сулягина, 2016. С. 5–20). Точность измерений, сделанных в середине 1920-х гг., подтверждают современные исследования, проведенные с помощью высокоточных приборов фиксации геолокации.

Специального внимания заслуживают повседневные черновые заметки и зарисовки, личная переписка участников экспедиции. Несмотря на разрозненность отдельных листов, эти документы фактически представляют собой ежедневные рабочие записи, подобные современным полевым археологическим дневникам. В них содержатся детальные описания и наблюдения, которые не вошли в общие отчеты, необходимые для реконструкции погребального обряда раскопанных курганов. В ряде случаев подробные описания встречаются в личных письмах сотрудников, адресованных П. К. Козлову или друг другу. Достоверность сведений этих источников не вызывает сомнения, поскольку адресанты излагали события непосредственно с места раскопок, являясь очевидцами и непосредственными участниками процесса. Среди различных бумаг также встречаются зарисовки деталей шурфов, конструкций погребальных камер, отдельных находок и даже реконструкции предметов.

Вопреки распространенному мнению о непрофессиональных методах ведения полевых археологических работ в горах Ноин-Ула¹¹, которое сформировалось еще в 1920-х гг., сохранившаяся в архиве РГО документация Монголо-Тибетской экспедиции свидетельствует о глубоком понимании ее сотрудниками не только цели и задач проводимых исследований, но и необходимости точной и детальной фиксации всего процесса раскопок (Неизданный каталог..., 2023).

⁹ Исключение представлял лишь Монгольский курган в пади Цзурумтэ, где проводились только сборы подъемного материала (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 63; Козлов, 2003. С. 196, 198, 278).

¹⁰ Чертежи выполнены К. К. Даниленко.

¹¹ Раскопки курганов в Ноин-Уле проводились «шахтовым» методом, когда в центре кургана закладывался и укреплялся колодец, через который и осуществлялась работа. Полный разбор заполнения могильной ямы не производился. Этот факт стал одним из аргументов обвинения в адрес Монголо-Тибетской экспедиции в некачественных археологических раскопках. Однако первые обязательные для исполнения требования к методике полевых исследований появились только в 1927 г. (Сорокина, 2018. С. 537–543). В период работы экспедиции нормы современных полевых исследований еще не были введены в обязательное исполнение.

Заключение

Корпус исторических источников, хранящийся в архиве РГО и связанный с деятельностью Монголо-Тибетской экспедицией, дает широкий спектр возможностей для изучения различных научных направлений как в области истории науки, биографий исследователей и коллекций, так и в сфере тематических исследований памятников, видов источников и т. д. Значительная часть материалов до сих пор остается не опубликованной.

Андреев, Юсупова, 2001 — Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 51–74.

Козлов, 1949 — Козлов П. К. Путешествие в Монголию. 1923–1926 / Подгот. к печати Е. В. Козловой. М.: Географгиз, 1949. (Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия; Т. 7). 236 с.

Козлов, 2003 — Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926 / Ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев, отв. ред. А. В. Постников. СПб.: Наука, 2003. (Научное наследие; Т. 30). 1039 с.

Краткие отчеты..., 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1925. 58 с.

Неизданный каталог..., 2023 — Неизданный каталог Ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Науч. ред. М. В. Медведева, Н. А. Сутягина, Н.-О. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023 (Архивное наследие ИИМК РАН; Т. II). 420 с., ил.

Сорокина, 2018 — Сорокина И. А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований па-

мятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20, № 3 (2). 2018. С. 537–543.

Сутягина, 2016 — Сутягина Н. А. Неизвестная Ноин-Ула. Архивные тайны // СГЭ. 2016. Т. LXXIV. С. 5–20.

Сутягина, 2021 — Сутягина Н. А. Новые сведения о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021 (Труды ИИМК РАН; Т. LVII). С. 278–293.

АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. П. К. Козлов. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности «Ноин-Ула», Южный Хэнтей, Монголия. [Улан-Батор, 1924]. 41 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. П. К. Козлов. Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. Археологические материалы. 183 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 53. П. К. Козлов. Чертежи С. Кондратьева. 14 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. П. К. Козлов. Рукопись С. Кондратьева. Дополнительный отчет об археологических раскопках экспедиции на Ноин-Уле. 14 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 6. Д. 35. Маршрутная съемка гор Ноин-Ула и Суцзуктэ. 1 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 7. Д. 129. П. К. Козлов среди сотрудников Монголо-Тибетской экспедиции. 1 л.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 10. О Монголо-Тибетской экспедиции под руководством Козлова (1923–1926 гг.). 299 л.

The Mongol-Tibetan expedition and archaeological excavations in Noin-Ula mountains. Archival documents and photos in the Scientific Archive of the Russian geographical society

Natalia A. Sutiagina¹², Maria F. Matveeva¹³

Annotation. *The Mongol-Tibetan expedition led by Pyotr K. Kozlov was organized by the Russian Geographical Society. In 1938, the Scientific Archive of the Society received numerous documents related to its organization and activities, directions and results of scientific research. At the same time, some of the personal documents of the Expedition members were transferred here. A special place among the documents is occupied by written sources, drawings, plans and photographs of the excavations in Noin-Ula (1924–1925), which were considered missing for a long time.*

Key words: *Mongol-Tibetan Expedition, Noin-Ula, Archive, written source, photographs, plans*

¹² Natalia A. Sutiagina — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovay Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

¹³ Maria F. Matveeva — Russian Geographical Society; 10A Grivtsova Lane, St. Petersburg, 190031, Russian Federation; e-mail: marija.matveeva@rgo.ru.

Неизданный каталог ноин-улинской коллекции: от прошлого к настоящему¹

М. В. Медведева², Н. А. Сутягина³, Н.-О. Эрдэнэ-Очир⁴, Д. А. Кукина⁵

Аннотация. В статье рассматриваются сюжеты по истории издания археологической коллекции, полученной в результате раскопок Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова 1923–1926 гг. в горах Ноин-Ула. Масштабная научная публикация готовилась в Ленинграде в стенах Академии истории материальной культуры во второй половине 1920-х гг., но так и не вышла. Объемный корпус архивных документов по данной теме сохранился в Научном архиве ИИМК РАН. Благодаря поддержке РФФИ и МОНКСМ появилась возможность полностью ввести их в научный оборот.

Ключевые слова: Монголо-Тибетская экспедиция, Академия истории материальной культуры, архивные документы, ноин-улинская коллекция, история археологии

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.247-249>

В 2023 г. отмечается сто лет начала работ Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926 гг.) под руководством русского путешественника и исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Главным научным достижением экспедиции в области археологии стали раскопки богатых погребений знати кочевого народа хунну (I в. до н. э. — I в. н. э.), расположенных в горах Ноин-Ула на севере Монголии (Юсупова, 2011). Древние захоронения находились в покрытых лесом глубоких узких падах Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджирте, смыкающихся друг с другом. Проведенные там в 1924–1925 гг. раскопки курганов оказались беспрецедентными по сложности

работ и объему полученной информации. Исследователи собрали представительный материал для изучения погребального обряда и материальной культуры кочевников хунну. В могилах сохранились китайские шелковые ткани, изделия с лаковым покрытием, нефритовые пластины, предметы конской упряжи, бактрийские шерстяные вышивки, предметы кочевого быта. В процессе работ было выявлено как минимум три типа погребальных сооружений, значительную часть которых составляют курганы с дромосами. Археологические исследования Монголо-Тибетской экспедиции стали одним из самых значимых событий для археологии Центральной Азии в первой трети XX столетия.

Информация о глубоких погребениях и находках необычайно хорошей сохранности очень быстро распространилась среди отечественных и зарубежных ученых. Руководитель Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлов, блестящий оратор и популяризатор, активно выступал с сообщениями о раскопках в различных научных собраниях и в прессе, что обеспечило огромный интерес к результатам его археологической деятельности. Первостепенное значение сделанного им в горах Ноин-Ула археологического открытия, менявшего представления специалистов о древней истории Центральной Азии, обусловило необходимость скорейшей подготовки полноценной публикации материалов. В 1925 г. вышли «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова», где С. А. Теплоухов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНКСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

² М. В. Медведева — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3592-6260.

³ Н. А. Сутягина — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

⁴ Н.-О. Эрдэнэ-Очир — Институт археологии АНМ; пр. Мира, к. I, Улан-Батор, 13330, Монголия; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

⁵ Д. А. Кукина — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: daria_kukina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9620-7860.

и Г. И. Боровко сделали первое научное описание археологических памятников в горах Ноин-Ула, предложили их культурно-историческую атрибуцию и, несмотря на некоторые ошибки в интерпретации находок, довольно точно определили хронологическую и этническую принадлежность раскопанных курганов, обозначив в своих статьях основные направления в изучении могильников Ноин-Улы, остающихся актуальными до сих пор (Краткие отчеты..., 1925). И все же изданные «Краткие отчеты» носили лишь предварительный характер и не могли в полной мере удовлетворить высокий интерес научного сообщества. Полномасштабная научная публикация ноин-улинской коллекции тогда еще только планировалась.

Во второй половине 1920-х гг. уникальные находки исследовались в Ленинграде, а затем были распределены между музейными собраниями России и Монголии. В изучении и реставрации археологической коллекции ноин-улинского могильника, а также в подготовке древних предметов к фундаментальной публикации в 1920–1930-х гг. активное участие приняли сотрудники Академии истории материальной культуры, куда в 1925–1926 гг. поступили на временное хранение все сделанные во время раскопок находки. Документальное наследие этих работ сейчас хранится в архивном собрании Института истории материальной культуры РАН. Современное прочтение документов позволяет детально реконструировать неизвестные страницы истории подготовки научного издания ноин-улинской коллекции в 1920–1930-е гг. в стенах РАИМК/ТАИМК, так и не состоявшегося в то время в силу разных причин.

В Академии была создана собственная специальная Комиссия по изучению и изданию коллекций древности из раскопок в Монголии, которую возглавил академик С. Ф. Ольденбург. В составе Комиссии работали выдающиеся археологи, востоковеды, лингвисты, реставраторы: В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, В. И. Крыжановский, И. А. Орбели, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, Г. И. Боровко, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, В. Я. Владимирцов. В архиве ИИМК РАН сохранились журналы и протоколы ее заседаний в 1925–1927 гг., зафиксировавшие весь процесс исследования ноин-улинской археологической коллекции и ее подготовки к монографической публикации (Медведева, 2021).

Научным коллективом в короткий срок была проделана колоссальная работа. Проводились одновременно консервация древних предметов и их изучение с применением самых передовых естественно-научных методов. Ученые трудились над техническим и стилистическим анализом коллекции, пытались определить историческое

и этнологическое значение археологического комплекса (Сутягина, 2020). Результаты всех этих исследований предполагалось подробно изложить в готовившемся издании вместе с публикацией полевых дневников и описей находок Монголо-Тибетской экспедиции.

Из архивных документов следует, что в 1920–1930-е гг. планировалось выпустить несколько богато иллюстрированных томов, посвященных ноин-улинской коллекции. В процессе их подготовки, помимо выполнения научных исследований, создавался значительный корпус изобразительных материалов. В 1924–1928 гг. профессиональные фотографы (И. Ф. Чистяков, С. М. Дудин, И. Н. Александров) и художники (М. В. Фармаковский, Н. Б. Эмлер, Л. А. Дурново, В. Ф. Штейн, А. В. Уханова, Н. М. Сунцова) сделали множество высококачественных рисунков тушью и акварелью, а также фотографий, отражающих состояние предметов Монголо-Тибетской экспедиции на тот момент. Впоследствии изображения и полевые документы экспедиции использовались при подготовке книг К. В. Тревер (Trever, 1932), С. Умэхары (Umehara, 1960), С. И. Руденко (Руденко, 1962), однако так и не были изданы в таком виде, как это задумывалось в самом начале. В настоящее время появилась возможность силами российско-монгольского научного коллектива ввести в научный оборот весь этот спектр архивных документов в исходном варианте.

Краткие отчеты..., 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: АН СССР, 1925. 58 с.

Медведева, 2021 — Медведева М. В. Академия истории материальной культуры и издание Ноин-Улинской коллекции в 1920-е гг. // АЕС. 2021. № 5. С. 123–130.

Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Сутягина, 2020 — Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 330–342.

Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.

Trever, 1932 — Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. (МАНМС; Vol. III). 76 p.

Umehara, 1960 — Umehara S. Mōko Noin-Ura hakken no ibutsu [蒙古ノイン・ウラ発見の遺物]. Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. Tokyo: The Toyo Bunko, 1960 (The Toyo Bunko Publications Series A; No. 27). 101 p. (in Jap.).

The unpublished catalogue of the Noin-Ula collection: From past to present

Maria V. Medvedeva⁶, Natalia A. Sutiagina⁷, Nasan-Ochir Erdene-Ochir⁸, Daria A. Kukina⁹

Annotation. *The paper deals with the publication history of the book on the archaeological collection from excavations of the Mongolian-Tibetan Expedition led by Pyotr K. Kozlov in the Noin-Ula Mountains (1923–1926). This significant scientific publication was prepared in the Academy for the History of Material Culture (Leningrad) in the second half of 1920s, but it was never printed. A considerable complex of archival documents on this subject has been preserved in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. With the support of Russian and Mongolian scientific foundations, it became possible now to completely reintroduce them into the scientific community.*

Key words: *Mongolian-Tibetan Expedition, Academy for the History of Material Culture, archival documents, Noin-Ula archaeological collection, history of archaeology*

---

⁶ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3592-6260.

⁷ Natalia A. Sutiagina — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

⁸ Nasan-Ochir Erdene-Ochir — Institute of Archaeology of the MAS; Mira Ave. к. I, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

⁹ Daria A. Kukina — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: daria_kukina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9620-7860.

Послесловие к деятельности П. К. Козлова: научные результаты юбилейных дат

Т. И. Юсупова¹

Аннотация. В статье кратко рассматривается историография о жизни и деятельности исследователя Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова. Выделены три основных периода разработки его биографии. Первый, послевоенный, связан с именем его сына В. П. Козлова и секретаря Б. М. Овчинникова. Второй период активности приходится на празднование 100-летия путешественника. Третий начался с открытия его мемориального музея в начале 2002 г. В последние два десятилетия изданы дневники двух экспедиций Козлова, биографическая монография, осуществлен ряд зарубежных публикаций. Автор приходит к выводу, что в связи с востребованностью научного наследия П. К. Козлова, изучение его биографии и деятельности сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: путешественник П. К. Козлов, юбилейные даты, исследование жизни и деятельности

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.250-252>

Традиционно, разного рода юбилеи — важный повод для историко-научных исследований, способствующих актуализации исторических персонажей и связанных с ними событий. В нашем случае 100 лет начала Монголо-Тибетской экспедиции и 160 лет ее руководителя — П. К. Козлова (1863–1935) — повод не только вспомнить замечательные археологические находки в могильниках Ноин-Улы, которые дали мощный импульс для изучения хунну, но и подвести некоторые итоги изучения жизни и деятельности П. К. Козлова как одного из ключевых российских исследователей Центральной Азии конца XIX — первой четверти XX в.

Монголо-Тибетская экспедиция завершила период экстенсивно-описательного изучения Центральной Азии, начатый Н. М. Пржевальским. Это был, по определению непрямого секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, «способ путешествий от Пржевальского до Козлова». В дальнейшем изучение региона продолжили специализированные экспедиции по конкретным научным направлениям.

Кроме «географических подвигов», судьба подарила П. К. Козлову два выдающихся археологических открытия. Первое было сделано в ходе его Монголо-

Сычуаньской экспедиции (1907–1909). Обнаруженные в засыпанном песками южной Гоби городе Хара-Хото рукописи и произведения буддийского искусства дали возможность заполнить лакуны в истории тангутского государства Си Ся, существовавшего в XI–XIII вв. на севере современного Китая. Успехи Козлова в этой экспедиции высоко оценили российские и европейские научные общества. Он был избран почетным членом Русского (1910 г.) и Венгерского (1911 г.) географических обществ, награжден золотыми медалями Лондонского (*The Royal Geographical Society*) и Итальянского (*Societa geografica italiana*) географических обществ (1911 г.), удостоен премии им. П. А. Чихачева Французской академии наук (*Académie des sciences*) (1913 г.), отмечен другими научными учреждениями. Археологические находки в Ноин-Уле, сделанные в 1924–1925 гг., были не менее значимыми и высоко оценены научным сообществом. Но новых наград путешественнику это открытие не принесло. Пришли другие времена. Советской России требовались новые, молодые герои, которые олицетворяли бы происшедшие в стране социально-политические перемены. Козлов явно не вписывался в этот образ. В 1928 г. правительство назначило ему персональную пенсию, и он отошел от научной деятельности.

Ноин-Улинские коллекции были переданы для изучения в Институт археологических технологий РАИМК, а с 1934 г. находятся в Государственном Эрмитаже. Вот

¹ Юсупова Т. И. — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН; Университетская наб., 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: ti-yusupova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0230-5871.

уже почти 100 лет к ним приковано внимание историков, искусствоведов, реставраторов и других специалистов. Библиография результатов их исследований довольно обширна (см.: *Полосмак и др.*, 2011).

Что же касается Козлова, то изучение его биографии и деятельности началось только в 1940-х гг. Путешественник умер 26 сентября 1935 г. По распоряжению правительства в целях увековечения его памяти Академии наук предписывалось издать сборник его трудов, Ленинградскому университету — установить две аспирантские стипендии его имени на географическом факультете и специальную премию за лучшую научную работу по географии или археологии Азии (Постановление СНК, 1935). Выполнение первого пункта распоряжения затянулось на десятилетия, а два других так и не были исполнены.

Активные шаги по поддержанию памяти о П. К. Козлове были предприняты в послевоенные годы его сыном — ученым-почвоведом В. П. Козловым (1897–1971). Под его редакцией и с его вступительными статьями к 85-летию путешественника вышли в свет вторые издания двух самых известных книг П. К. Козлова: «Монголия и Кам» (*Козлов*, 1948а) и «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (*Козлов*, 1948б). В 1949 г. была опубликована подготовленная женой путешественника орнитологом Е. В. Козловой (1892–1975) книга по дневникам Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. (*Козлов*, 1949).

Большую популяризаторскую работу о жизни и деятельности П. К. Козлова проводил его ученик и секретарь Б. М. Овчинников. Так, в 1950 г. по случаю 15-летия со дня смерти путешественника он обратился к заместителю Председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову с рядом предложений по увековечиванию памяти П. К. Козлова. Б. М. Овчинников предлагал выпустить почтовую марку, издать труды, открыть музей путешественника в Москве (*Овчинников*, 1950). Академия наук СССР поддержала Б. М. Овчинникова, кроме пункта о музее, полагая, что целесообразнее открыть отдел, посвященный П. К. Козлову, в уже существующих географических музеях Москвы или Ленинграда. Почтовая марка с портретом П. К. Козлова была выпущена в 1951 г. в серии «Ученые нашей страны», сборник избранных трудов вышел только в 1963 г. (к столетию П. К. Козлова), решение о создании музея в Ленинграде принято в 1988 г. Основную работу по подготовке сборника (*Козлов*, 1963) провели сын путешественника и исследователь его жизни и деятельности географ Т. Н. Овчинникова. Через год увидела свет написанная ею первая научная биография Козлова (*Овчинникова*, 1964).

В работе были широко использованы документы из Архива РГО. Автор подробно проанализировала все экспедиции Козлова, его исследовательские методы и результаты.

Следующий этап изучения жизни и деятельности П. К. Козлова связан с открытием при СПбФ ИИЕТ РАН музея путешественника. В этот период также был издан ряд публикаций, посвященных исследователю. Мы отметим самые значимые, по нашему мнению, издания. Первым в этом ряду стоит издание к 80-летию начала Монголо-Тибетской экспедиции дневников П. К. Козлова периода экспедиции (*Козлов*, 2003). «Дневники» привлекли внимание к Ноин-Уле новосибирских археологов и стали одним из мотивов продолжить раскопки в Ноин-Уле (*Полосмак и др.*, 2011). Следующей крупной работой стала публикация дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции (*Козлов*, 2015), которые увидели свет в год 80-летия со дня смерти П. К. Козлова. В следующие годы были подготовлены и в 2018 г. (к 155-летию путешественника) опубликованы два международных проекта: в кооперации с монгольскими коллегами издан фотоальбом, посвященный Монголо-Тибетской экспедиции (*Чулуун и др.*, 2018), и в известном научном издательстве Brill увидела свет монография на английском языке о продолжателях исследований Пржевальского, где есть большая глава о Козлове (*Andreev et al.*, 2018).

Что касается естественно-научных и археологических коллекций, привезенных экспедициями П. К. Козлова, то они востребованы и сегодня: их исследование продолжается в академических институтах и музеях, в Государственном Эрмитаже и в других учреждениях. Это значит, что дальнейшее изучение жизни и деятельности П. К. Козлова также остается актуальным.

Козлов, 1948а — *Козлов П. К.* Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901) / Под ред. В. П. Козлова. 2-е изд., сокр. М.: Географгиз, 1948. 439 с.

Козлов, 1948б — *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото / Под ред. Б. Ю. Юсова. 2-е изд., сокр. М.: Географгиз, 1948. 328 с.

Козлов, 1949 — *Козлов П. К.* Путешествие в Монголию. 1923–1926 гг. М.: Географгиз, 1949. 236 с.

Козлов, 1963 — *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 536 с.

Козлов, 2003 — *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1924 гг. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.

- Козлов, 2015 — Козлов П. К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 гг. СПб.: Нестор-История, 2015. 424 с.
- Овчинников, 1950 — Овчинников Б. М. Письмо к К. Е. Ворошилову // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1950. Д. 311. Л. 3–4.
- Овчинникова, 1964 — Овчинникова Т. Н. П. К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1964. 200 с.
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Постановление СНК, 1935 — Постановление СНК // Правда. 1935. 5 октября. С. 1.
- Чулуун и др., 2018 — Чулуун С., Юсупова Т., Андреев А., Матвеева М. П. К. Козловын Монголд ажилласан сүлчийн шинжилгээний ангийн түүх (1923–1926 он). Улаанбаатар: Адмон, 2018. 312 н. (на монг., рус., англ. языках).
- Andreev et al., 2018 — Andreev A., Baskhanov M., Yusupova T. The quest for forbidden lands: Nikolai Przhevalskii and his followers on Inner Asian tracks. Leiden; Boston: Brill, 2018. 392 p.

An afterword to Pyotr K. Kozlov's activity: Scientific results of the anniversaries

Tatiana I. Yusupova²

Annotation. *The article deals with the historiography of the life and activities of the eminent researcher of Central Asia Pyotr K. Kozlov. The author distinguishes three main periods of the studying of his biography. The first of them, post-war, is associated with the name of his son Vladimir P. Kozlov and his secretary Boris M. Ovchinnikov. The second period of activity falls on the celebration of the 100th anniversary of the traveler. The third period is connected with the opening of his memorial museum in St. Petersburg in the early 2000s. Complete text of two Kozlov's expeditions diaries, a biographical monograph, and a number of foreign publications have been published in the last two decades. The author comes to the conclusion if in connection with the demand for the scientific Kozlov's legacy, the studying of his life and activities remains relevant.*

Key words: *traveler Pyotr K. Kozlov, anniversaries, studying of life and activities*

² Tatiana I. Yusupova — St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS; 5 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: ti-yusupova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0230-5871.

Обзор личного фонда С. И. Руденко (№ 93) в НА ИИМК РАН¹

П. С. Дрёмова², М. В. Мандрик³

Аннотация: В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН хранится личный фонд С. И. Руденко (№ 93). Фонд насчитывает более 100 дел. Среди немногочисленных научных трудов имеются как опубликованные, так и неопубликованные статьи, основную часть фонда составляют документы по деятельности в институте. Около половины дел — материалы коллеги С. И. Руденко по Лаборатории археологической технологии ИИМК АН СССР И. В. Богдановой-Березовской. Введение в научный оборот новых данных о научной работе С. И. Руденко и И. В. Богдановой-Березовской и их деятельности в Лаборатории позволит дополнить страницы истории российской археологии и ИИМК, в частности.

Ключевые слова: С. И. Руденко, документальное научное наследие, И. В. Богданова-Березовская, Научный архив ИИМК РАН, Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.253-255>

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) — ученый, чьи интересы затрагивали многие области гуманитарного и естественно-научного знания. Его имя одинаково значимо как для археологов, этнографов и антропологов, так и для географов и гидрологов (*Кирюшин и др.*, 2004. С. 9). Особый интерес для исследователя представляла история железного века Саяно-Алтая, Северо-Востока Азии и Берингова моря, антропология и этнография народов Поволжья, Урала и Сибири, методика антропологического исследования, а также новое в то время направление — радиоуглеродное датирование. Известно о нем стало в 1949 г., и уже в 1956 г. на базе ИИМК АН СССР впервые в Союзе была образована радиоуглеродная группа в Лаборатории археологической технологии (ЛАТ), и приоритет в ее работе отдавался как раз хронологическим исследованиям на основе радиоуглеродных измерений. На фоне разнообразных

интересов С. И. Руденко и его смены мест проживания научное наследие ученого оказалось в разных архивах. Стоит выделить наиболее значимые: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Ф. 1004. 668 дел), Научный архив Института истории материальной культуры РАН (Ф. 93), архив Российского этнографического музея (Ф. 1. Оп. 1. Д. 55, 56, 72, 152; Оп. 2. Д. 77, 496, 505–507. Экспедиционные отчеты С. И. Руденко до 1917 г., дневники раскопок в Енисейской губ., переписка о командировках в экспедиции и др.), Институт Археологии РАН (Ф-1. Р-1. Д. 206, 336, 585. Отчеты о раскопках Пазырыкских (1948, 1949) и Башадарского курганов (1950); Д. 1087. Отчет о Горно-Алтайской экспедиции ЛО ИИМК (1954); Д. 2434. Отчет о разведке в Приозерском районе Ленинградской области (1961), Алтайский государственный краеведческий музей (более 50 дел: биографические документы и фотографии (*Филиппова*, 2020), Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки (*Филиппова*, 2015), Государственный архив Томской области (Ф. 102. Оп. 9. Д. 473)).

В РАИМК/ТАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИА АН СССР, где С. И. Руденко проработал с перерывами с 1921 по 1969 г. (в ЛАТ — с 1954 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 262. Л. 98)), в Рукописном отделе Научного архива сохранился, к сожалению, незначительный объем документов, связанных в основном с его работой в институте. В настоящий момент фонд находится на стадии завершения научно-технической обработки, и точного

¹ Работа выполнена в рамках темы гос. задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Дрёмова П. С. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: pdremova8@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9774-8995.

³ Мандрик М. В. — Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

количества дел назвать нельзя (более 120 дел). Но уже сейчас видно, что почти половину документов составили материалы И. В. Богдановой-Березовской (около 48 дел), соратницы С. И. Руденко и сотрудницы той же лаборатории.

Научные труды С. И. Руденко представлены в фонде весьма скромно: на сегодняшний момент в хранении находится 12 статей, большая часть из которых опубликована («Химико-технологическое изучение медных и бронзовых предметов Минусинской котловины», «Неолитическая стоянка Вьюн», «О серьезном пробеле в советской науке и образовании», отрывок статьи о мамонтах в Сибири и др.). Имеются также три отзыва на книгу Л. П. Потапова «Ранние кочевники Алтая», реферат Ю. А. Мочанова о генезисе палеолитических культур Америки и диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения И. Н. Ухановой «Художественная резьба по кости северно-русских мастеров XVIII — начала XIX в.».

Среди трудов особый интерес может представлять статья о связях Китая с племенами Алтая. Она была опубликована в сокращенном варианте на китайском языке под названием «О древних связях Китая с племенами Алтая» (Руденко, Пань Мэнтао, 1957). Статья «О формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках» представлена в двух вариантах и позволяет увидеть, как ученый работал над ней в течение 1956–1959 гг. (опубликована под названием «К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках» (Руденко, 1961). Неопубликованная статья «Культура населения Алтая VII–III вв. до н. э.», к примеру, хранится и в фонде С. И. Руденко в СПбФ АРАН (Д. 56). Но там находится машинописный вариант с правкой, без точной датировки, тогда как в ИИМК — это автограф с точной датой от 2 августа 1956 г. Интересен для сравнения будет и обзор, который хранится в обоих фондах ученого: «Лаборатория археологической технологии» — история за 1919–1956 гг. В фонде 93 это 20 листов автографа за 1955 г., а в филиале Архива РАН — 15 листов машинописи за 1958 г. (Д. 88) и 9 листов автографа и машинописи за 1961 г. (Д. 97).

Для археологов представляет интерес «Дневник раскопок кургана № 3 в ур. Пазырык, со сведениями о собранном гербарии, рисунок местности и наброски находок» (тетрадь, 8 рис. карандашом). Статью «Туэктинское могильное поле» (начало 1950-х гг.) дополняют фрагментарный отчет о раскопках туэктинских курганов № 1 и 2 и планы «Туэкту. Курган 1. Шурф № 1» и «Нивелировки поверхности кургана № 2».

Основной массив документов в фонде относится к разделу «Деятельность в ИИМК–ЛО ИА АН СССР». Документы о работе ЛАТ (планы, отчеты, в том числе и сотрудников), переписка С. И. Руденко с Б. Б. Пиотровским о темах НИР, проведении сотрудниками ЛАТ практики для студентов и аспирантов, наборе выпускников (1959–1963 гг.) и др. Выделяется небольшой блок переписки по изданию работ С. И. Руденко, например, с заведующим Отделом науки ЦК КПСС А. М. Румянцевым о судьбе публикации его статей-опровержений на рецензии в журнале «Вопросы истории» в связи с изданием монографий «Горно-Алтайские находки и скифы» и «Культура населения Горного Алтая в скифское время», с Б. А. Рыбаковым об издательских планах и публикации работ сотрудников ЛАТ. Сохранились документы об издании сборника статей сотрудников ЛАТ «Новые методы в археологических исследованиях», среди которых имеются отзывы на сборник Б. Б. Пиотровского. В переписке по деятельности можно выделить письмо С. И. Руденко А. А. Ляпину с объяснением расхождения археологической оценки возраста поселений Южной Туркмении с их радиоуглеродными датами, приведенными в статье С. В. Бутомо. Показательна переписка с Е. И. [Крупновым] о трудах Б. А. Колчина, в том числе с отрицательной оценкой работы по дендрохронологии Новгорода, и с несогласием присвоения ему ученой степени доктора исторических наук. В личном фонде представлены материалы на иностранных языках, например, переписка с доктором Гельмутом Поллэмсом (H. Pollems) об издании монографий С. И. Руденко «Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы» и «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани» на немецком языке и др.

Среди документов химика-исследователя Ирины Васильевны Богдановой-Березовской (1919 — после 1974 г.), сотрудника группы «мокрого» химического анализа ЛАТ с 1955 по 1974 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 365. Л. 8. 44 об.), также почти нет научных трудов и биографических документов. Основной массив документов составляет переписка о производимых в ЛАТ анализах (с Н. С. Гражданкиной, Ю. С. Гришиным, А. Н. Липским, А. И. Мартыновым, Я. И. Сунчугашевым и др.), переписка и служебные записки о материальном обеспечении ЛАТ, таблицы с химико-аналитическими данными археологических предметов. Среди трудов других лиц порою сложно понять, кому были подарены работы — С. И. Руденко или И. В. Богдановой-Березовской, в фонде отложились статьи и тезисы А. П. Журавлева, И. Л. Значко-Яворского, Д. В. Наумова, Ф. Н. Тавадзе, М. Н. Федорова.

Кирюшин и др., 2004 — Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 9–21.

Руденко, 1961 — Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по Отделению этнографии. Доклады за 1958–1961 гг. 1961. Вып. 1, ч. 1. С. 2–15.

Филиппова, 2015 — Филиппова О. Г. Археологические коллекции профессора С. И. Руденко в Бийском краеведческом музее им. В. В. Бианки // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров и др. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 62–65.

Филиппова, 2020 — Филиппова О. Г. Материалы о С. И. Руденко в коллекциях Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. 26. С. 14–20.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 262. 121 л. Личное дело Руденко С. И.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 365. Л. 1–48. Личное дело Богдановой-Березовской И. В.

На китайском языке

Руденко, Пань Мэнтао, 1957 — Руденко С. И., Пань Мэнтао. Лунь Чжунгуо ю Аэргай булуо дэ гудай гуаньси [С. И. 鲁金科、潘孟陶。论中国与阿尔泰部落的古代关系]. О древних связях Китая с племенами Алтая // Каогу сюэбао. 1957. № 2 (16). С. 37–48, 108–111.

An overview of Sergey I. Rudenko's personal collection (No. 93) at the IHMC RAS

Polina S. Dryomova⁴, Maria V. Mandrik⁵

Annotation. *The Sergey I. Rudenko private collection is held at the Manuscript department of Scientific Archive of IHMC RAS (Collection Number 93). Collection contains a little more than 100 folders. Among the few scientific papers, there are also mainly published works, but there are also unpublished articles, the bulk of the collection are documents relating to the activities at the Institute. About half of the collection are the materials of Irina V. Bogdanova-Berezovskaya, with whom Sergey I. Rudenko worked at the Laboratory of Archaeological Technology of the Institute for History of Material Culture. Introduction to the scientific circulation of new data on the scientific work of Sergey I. Rudenko and Irina V. Bogdanova-Berezovskaya and their activities in the Laboratory will add to the pages of the history of Russian archeology and IHMC RAS, in particular.*

Key words: *Sergey I. Rudenko, documentary scientific heritage, Irina V. Bogdanova-Berezovskaya, the Manuscript department of Scientific Archive of IHMC RAS, Laboratory of Archaeological Technology of IHMC RAS*

⁴ Polina S. Dryomova — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: pdremova8@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9774-8995.

⁵ Maria V. Mandrik — Institute for the History of Material Culture of the RAS; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

Остеология хунну Бурятии¹

А. И. Бураев², Я. В. Дикий³

Аннотация. В статье рассматриваются палеоантропологические данные по посткраниальным материалам хуннского времени из раскопок на территории Бурятии. Коллекции хранятся в двух старейших научных учреждениях Бурятии Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева (далее — ККМ) и Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН). Всего было изучено 47 костяков разной сохранности из 9 могильников хуннского времени. Среди них наиболее известные — это Суджинский могильник в Ильмовой пади (Кяхтинский район, Республика Бурятия), могильники Оргойтон и Дырестуйский (или могильник Дырестуйского култука) (оба — Джидинский район, Республика Бурятия). Часть исследованного антропологического материала происходит из раскопок С. С. Миняева.

Ключевые слова: С. С. Миняев, Бурятия, хунну, Иволгинское городище, Дырестуйский кулдук, Оргойтон, палеоантропология, остеология

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.256-258>

Начало археологического изучения хуннских памятников связано с именем Ю. Д. Талько-Грынцевича. За 125 лет разные аспекты изучения культуры хунну привлекали внимание многих исследователей, внесших существенный вклад в понимание феномена первой кочевой империи. Следует упомянуть А. В. Давыдову (Давыдова, 1985; и др.), П. Б. Коновалова (Коновалов, 1976) и С. С. Миняева. С. С. Миняев — видный отечественный археолог, посвятивший свои изыскания материальной культуре хунну. Свой научный путь он начал под руководством А. В. Давыдовой, которая в течение многих лет вела раскопки памятников хунну (Иволгинские городище и могильник, поселение Дурены). С 1981 г. С. С. Миняев руководил Забайкальской археологической экспедицией ЛОИА (позднее — ИИМК). Экспедицией проводились исследования на поселении Дурены, Иволгинском городище, могильниках Дыре-

стуйский кулдук и Царам, из которых, в частности, происходит часть антропологических коллекций.

Палеоантропологическое изучение хуннских материалов связано с именем Ю. Д. Талько-Грынцевича. В дальнейшем исследование антропологии хунну занимались Г. Ф. Дебец (Дебец, 1948), Н. Н. Мамонова (Мамонова, 1974), И. И. Гохман (Гохман, 1960; 1977), А. Б. Радзюн (Радзюн, 1980) и А. И. Бураев (Бураев, 2006).

Для настоящего исследования были отобраны 47 костяков хуннского времени (III в. до н. э. — III в н. э.), хранящихся в ККМ (23 костяка) и ИМБТ СО РАН (24 костяка). Антропологические материалы были получены при раскопках 9 могильников: Суджинский могильник в Ильмовой пади (20), Дырестуйский могильник (7), Гуджэр-Мыгэ (5), могильник Баргай (5), могильник Нур-Тухум (4), могильник у с. Енхор (3), Подзвонкая (1), Ургун-Хундуй (1) и Оргойтон (1). Сохранность материалов разная. Из-за неполной сохранности костяков у 18 не удалось определить пол, у 13 — возраст.

Из 47 костяков, 16 относятся к мужским, 13 — к женским. По возрасту они распределяются следующим образом: Adultus — 6 мужских и 7 женских костяков, Mat-1 — 7 мужских и 4 женских костяка, Mat-2 — 2 мужских и 2 женских костяка, Senilis — 1 мужской костяк.

Длина тела определялась по нескольким имеющимся в литературе формулам (Алексеев, 1966. С. 221–248). Средний рост мужчин хуннского времени, на основе имеющихся данных, составил 166,3 см, что уклады-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания («Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

² Бураев А. И. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Российская Федерация; e-mail: buraev1961@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8849-3780.

³ Дикий Я. В. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: yarovslavdikii@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

вается в общемировом масштабе в верхнюю границу среднего роста (Рогинский, Левин, 1978. С. 55). Среди мужских костяков наблюдается существенный разброс по росту — минимальный из них составил 160,4 см (Ургун-Хундуй, мог. 4), максимальный — 177,8 см (Ильмовая падь, погр. 80).

Средний рост хуннских женщин составил 157,3 см, что является выше среднего в общемировом масштабе. При этом рост хуннских женщин выглядит равномернее: минимальный — 151,5 см (Ильмовая падь, погр. 76), а максимальный — 165,5 см (Гуджэр Мыгэ, погр. 5). Максимальный рост женщины из погребения 5 могильника Гуджэр Мыгэ из-за плохой сохранности костяка был рассчитан только на основе длинотных размеров верхних конечностей (плечевой, локтевой и лучевой костей), что, в итоге, приводит к увеличению полученных значений роста. Скорее всего при возможности определения нижних конечностей значения роста были бы ниже.

Прижизненный вес определялся по формуле Рурфа (Ruff et al., 1991). При этом необходимо отметить, что у пяти мужских и двух женских костяков прижизненный вес определить не удалось. Связано это с плохой сохранностью, либо полным отсутствием головки бедренной кости, вертикальный и сагиттальный диаметры которой лежат в основе предложенной формулы.

Средний вес хуннских мужчин составил 67,5 кг. Минимальный вес зафиксирован у мужчины из погребения 4 могильника Ургун-Хундуй и составил 59,9 кг; максимальный вес — 80,1 кг — отмечен у погребенного из могилы 35 Дырестуйского могильника. Таким образом, индивидуальный размах прижизненного веса хуннских мужчин немногим больше 20 кг. Средний вес у женщин составил 64,1 кг. Минимальный прижизненный вес был зафиксирован у женщины из погребения 25 археологического комплекса Нур-Тухум (пункт № 1); максимальный вес в 68,8 кг — у костяка из погребения 79 Суджинского могильника в Ильмовой пади.

Средняя степень массивности верхних конечностей несколько больше среднего значения у мужчин, а у женщин укладывается в средние значения. По указателю массивности мужские и женские бедренные кости среднемассивны. Значение платимерии на мужских костях невысокое. На женских бедренных костях оно в пределах гиперплатимерии, что свидетельствует о большей по отношению к мужским костякам уплощенности верхней части диафиза женских бедренных костей. В целом, степень массивности нижних конечностей мужской и женской серий укладывается в средние показатели.

Таким образом, можно констатировать, что, согласно посткраниальным материалам хуннского времени, средний рост мужчин составил 166,3 см, женщин — 157,3 см; средний вес мужчин — 67,5 кг, женщин — 64,1 кг.

Исследованные остеологические данные из Ильмовой пади (погребения 71, 73, 75, 76, 77, 78, 79) и материалы С. С. Миняева (Дырестуйский кулдук, погребения 34, 35) вводятся в научный оборот впервые.

Алексеев, 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Бураев, 2006 — Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 212 с.

Гохман, 1977 — Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л.: Наука, 1977. Вып. 7. С. 158–164.

Гохман, 1960 — Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды БКНИИ СО АН СССР. 1960. № 2. С. 166–173.

Давыдова, 1985 — Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.

Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 248 с.

Мамонова, 1974 — Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья (По материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. Сб. памяти Г. Ф. Дебца / Отв. ред. И. М. Золотарева. М.: Наука, 1974. С. 201–228.

Радзюн, 1980 — Радзюн А. Б. Эпохальные вариации элементов посткраниального скелета у населения Забайкалья // Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 48–60.

Рогинский, Левин, 1978 — Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1978. 501 с.

Ruff et al., 1991 — Ruff C. B., Scott W. W., Liu A. Y-C. Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults Amer // Journal of Phys. Anthropology. 1991. Vol. 86. P. 397–413.

Osteology of the Xiongnu of Buryatia

Alexey I. Buraev⁴, Yaroslav V. Dikiy⁵

Annotation. *This report presents paleoanthropological data on postcranial materials of the Xiongnu period, which were obtained during excavations of burial grounds in the territory of Buryatia. All the studied materials are stored in the two oldest scientific institutions of Buryatia, the Kyakhta Museum of Local Lore and the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. In total, 47 skeletons of various preservation from 9 burial grounds of the Xiongnu time were studied. Among them, the most famous are the Sudzhinsky burial ground in Ilmovaya pad (Kyakhta district), the Orgoyton and Dyrestuysky burial grounds (or the Dyrestuy kultuk) (both Dzhida district). Among the studied skeletons, there are materials excavated by Sergey S. Minyaev and transferred him to the Kyakhta Museum of Local Lore.*

Key words: *Sergey S. Minyaev, Buryatia, Xiongnu, Ivolginskoye settlement, Dyrestuy kultuk, Orgoyton, paleoanthropology, osteology*

---

⁴ Aleksey I. Buraev — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the RAS; 6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; e-mail: buraev1961@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8849-3780.

⁵ Yaroslav V. Dikiy — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the RAS; e-mail: yaroslavdikiy@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

Study on skeletal archaeology of Xiongnu and Rouzi human bones in Shirenzigou, Barkul

Chen Liang¹

Annotation. *The author observes the diseases and traumas of human bones excavated between the 2005 and 2011 at Shirenzigou site in Barkul, Xinjiang, and dating from the Late Warring States to the Early Western Han period. The naked eye combined with electron microscopy revealed a low prevalence of dental caries, a high prevalence of periodontal disease, the presence of individuals with enamel hypoplasia, and a similarly high prevalence of torus mandibularis. There is also a high incidence of osteoarthritis, mainly in the cervical vertebrae, T6–T12 thoracic vertebrae, L1–L5 lumbar vertebrae, and fusion of individual vertebral periapical osteophytes. The high proportion of trauma is concentrated in the skull, ribs and lower limb tibia and fibula, and the prevailing type of traumas is fractures. Combined with archaeological data and zooarchaeological research, it is believed that the cause of trauma is mostly high fall injury, and riding fall is the main reason. The features on the bones from Shirenzigou are consistent with the pattern of disease and trauma of the long-term riding people, and their mode of livelihood belongs to the type of nomadic economy.*

Key words: *Shirenzigou, diseases, traumas, nomadic people*

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.259-263>

The Shirenzigou site, located in the south of Shirenzi Village, Shirenzi Township, Balikun County, Xinjiang, is a large scale, rich in connotations, large settlement site of nomadic culture from the late Warring States to the early Western Han period excavated at the northern foot of the Eastern Tianshan Mountains (Chen Xinru *et al.*, 2006; Wang Jianxin *et al.*, 2009). In this paper 52 human bones found at the Shirenzigou site between 2005 and 2011 were examined for disease and trauma, providing important information for the study of disease and trauma characteristics of ancient nomadic populations.

Characteristics of illnesses and traumas

According to the criteria developed by Wu Rukang and Shao Xiangqing (Wu Rukang, 1984; Shao Xiangqing, 1985) to identify the sex and age of individuals, 52 individuals in which the sex can be identified are 32 individuals, 16 individuals each of males and females, 34 individuals of those whose age can be identified, and 12 of immature individuals. The mortality rate of minors was 29.41 %. The age range of death was concentrated in the prime of life for females, and in the middle and prime of life for males. In this paper,

a combination of visual and microscopic observation was used to describe disease and trauma to the skeleton. The microscope used was a Dino-Lite electron microscope with Dino Capture 2.0 software.

The disease was mainly observed in human bones excavated in 2006, showing that only one individual of a 25-year-old male with caries in the mandibular left second molar, with a caries incidence of 1.2 %. 54.22 % of the teeth had periodontal disease, and these data do not include the periodontal status of teeth lost during life. A 20-year-old female with incomplete development of the occlusal cusps of the left occlusal first molars of the mandible suffered from enamel hypoplasia. Most of the subjects had osteoarthritis, 2006BSDM013:1 with osteophytes all around the circumference of the vertebral bodies from the second to fourth cervical vertebrae, rolled outward and upward, with no fusion of the upper and lower articular surfaces, with osteophytes growing around the circumference of the vertebral bodies of the sixth to twelfth thoracic vertebrae, and with osteophytes also around the circumference of the vertebral bodies of the first to fifth lumbar vertebrae. The second and third lumbar vertebrae of 2006BSDM003 are fused, and the joint surfaces are surrounded by an annular bone flab. Most of the articular surfaces of the femoral head were found to be “Poirier’s facet” (fig. 1).

¹ Chen Liang — Northwest University; 1 Xuefu Rd., Xi’an, 710069, People’s Republic of China; e-mail: arc_liang@sina.com; ORCID: 0000-0002-1882-7028.

Fig. 1. Diseases of the Shirenzigou inhabitants: 1 — 2006BSDM013: 1 C2–C4 skeletal redundancy; 2 — 2006BSDM15: left second molar caries; 3 — 2006BSDM004: torus mandibularis; 4 — 2006BSDM11: gluteal muscle bulge

Рис. 1. Патологии костных останков из Шижэньцзыгоу: 1 — 2006BSDM013: 1 C2–C4 гиперплазия костной ткани; 2 — 2006BSDM15: кариес левого второго моляра; 3 — 2006BSDM004: торус челюсти; 4 — 2006BSDM11: деформация ягодичной мышцы

There were 8 individuals with trauma in all human bones: 4 males, 3 females, and one individual of unknown sex. Six individuals of rib trauma were seen in the people of Shirenzigou site in Balikun, including three of female individuals, representing 18.75 % of all female individuals, two of male individuals, representing 12.5 % of all male individuals, and one individual of unknown sex.

There was only one individual with skull trauma, is 2011BSDM03, who had a depressed type fracture at the frontal tuberosity of the right frontal pterygoid region, the injury presented a rounded subrectangular shape, approximately five centimeters in diameter, with osteophytes,

a sagittal cut and a circular depression at the depressed type, and a bone flank arising at the edge of the intracranial hole. Individuals with rib and clavicle fractures accounted for 11.54 % of all identifiable individuals. There was one individual of right-sided rib, three individuals of left-sided rib, and two individuals of unknown lateral alike, with significantly more left-sided than right-sided. Most of the rib traumas were fractures, and most of the individuals had healed, with two individuals not healed, both of whom were female. The trauma healing was manifested by bone surface hyperplasia and formation of verrucous protrusions, and the location of trauma was mostly concentrated near the

rib angle. Tibial and fibular trauma accounted for 3.85 % of all identifiable individuals, including one female individual, accounting for 6.25 % of all females, and one male individual, accounting for 6.25 % of all males, all adults, with good healing in males and interrupted healing in females (fig. 2; table 1).

Characteristics of disease and trauma in nomadic populations

The low incidence of dental caries in the Shirenzigou population suggests that the dietary structure of this population had a high intake of animal proteins, such as meat and dairy products, and a low intake of plant foods. Analysis of ¹³C and ¹⁵N isotopes also indicates that meat and dairy products were the bulk of the daily diet at Shirenzigou, and cultivated crops, such as wheat and barley, accounted for a smaller proportion. The source of meat was domesticated cattle, sheep or deer animals obtained from partial hunting (Ling Xue et al., 2013).

In terms of survival stress, some individuals suffer from malnutrition due to food shortage at some point during the childhood growth period. The high incidence of torus mandibularis suggests relatively coarse food and high masticatory stress in this population. The high incidence of osteoarthritis at the spine, especially in the cervical spine, may be related to riding behavior. Most Shirenzigou individuals have femoral head joint surface in the anterolateral side of the formation of a small plane, this plane is due to people riding for a long time, thighs straddling the horse, muscle ligaments pulling and formed, that is poirier's facet (Owsley et al., 2001). In terms of trauma, the high incidence of rib,

tibia and fibula fractures is also associated with long-term riding and immediate falling behavior. The cause of skull trauma originates from violent conflicts between people. Some scholars' studies of horse bones excavated at the Shirenzigou site have shown that the age distribution of horses, the collapse of their ribs, and the alteration of their vertebrae indicate that they have been ridden by humans for many years (Li Y. et al., 2020).

We can conclude that the signs of disease and trauma on the human bones from Shirenzigou indicate that this group belonged to a nomadic society with long-term horseback rides.

Chen Xinru et al., 2006 — Chen Xinru, Ren Meng, Wang Jianxin, et al. Xinjiang Balikun Dongheigou yizhi diaocha [陈新儒、任萌、王建新、江。新疆巴里坤东黑沟遗址调查]. Investigation of Xinjiang Balikun Dongheigou Site // Kaogu yu wenwu. 2016. No. 5. P. 16–26 (in Chinese).

Li Y. et al., 2020 — Li Y., Zhang Ch., Taylor W. T. T. et al. Early evidence for mounted horseback riding in northwest China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. No. 117 (47). P. 29569–29576.

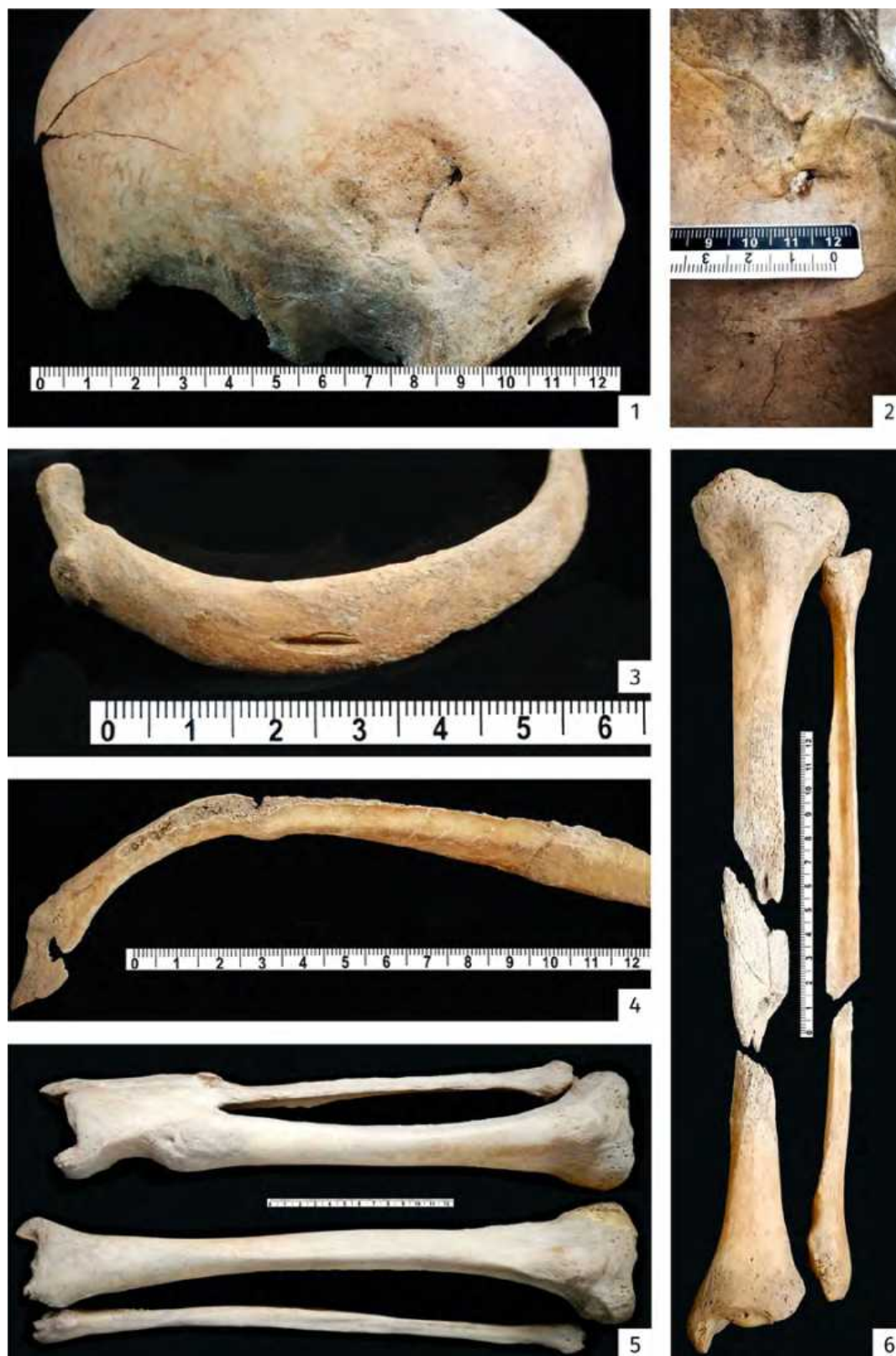
Ling Xue et al., 2013 — Ling Xue, Chen Xi, Wang Jianxin et al. Xinjiang Balikun Dongheigou yizhi chutu rengu de tan dan tongweisu fenxi [凌雪、陈曦、王建新、等。新疆巴里坤东黑沟遗址出土人骨的碳氮同位素分析]. Carbon and nitrogen isotope analysis of human bones excavated from the Dongheigou site, Balikun county, Xinjiang Autonomous Region // Acta Anthropologica Sinica. 2013. Vol. 32, No. 2. P. 219–225 (in Chinese).

Owsley et al., 2001 — Owsley D., Karin Bruwelheide K., Kardash R. Recovery and analysis of Jamestown Rediscovery South

Table 1. Description of skeletal trauma in Shirenzigou site

Таблица 1. Описание травм костей скелета с памятника Шижэньцзыгоу

Number	Trauma location	Trauma pattern	Healing status
2011BSDM03	Right frontal bone	Collapse fracture	unhealed
2011BSIM21	Right tibia and fibula	fracture	healed
2010HBSIIM3RS1	Mid rib	fracture	healed
2010HBSIIM3RS1	Mid rib	fracture	healed
2007BSDF1R1	Lift rib	Fracture dislocation	healed
2007BSDF1R1	Mid rib	Fracture dislocation	healed
2007BSDM14	Lift rib	fracture	unhealed
2007BSDM14	Lift mid rib	fracture	unhealed
2007BSDM14	Lift mid rib	fracture	unhealed
M17JM3R1	Mid rib	fracture	healed
M17JM4-4	Lift rib	fracture	unhealed

Fig. 2. Traumas of the Shirenzigou inhabitants: 1 – 2011BSDM03: skull fracture (external view); 2 – 2011BSDM03: skull fracture (inside view); 3 – 2007BSDM16: rib traumas; 4 – 2007BSDF1R1: rib fracture; 5 – 2011BSIM21: tibia and fibula fracture; 6 – 2007BSDM14: tibia and fibula fracture

Рис. 2. Травмы костных останков из Шижэньцзыгоу: 1 – 2011BSDM03: перелом черепа (вид снаружи); 2 – 2011BSDM03: перелом черепа (вид изнутри); 3 – 2007BSDM16: травма ребра; 4 – 2007BSDF1R1: перелом ребра; 5 – 2011BSIM21: перелом большеберцовой и малоберцовой кости; 6 – 2007BSDM14: перелом большеберцовой и малоберцовой кости

churchyard burials from the 1999 field season // The Journal of the Jamestown Rediscovery Center. 2001. Vol. 1. P. 1–8.

Shao Xiangqing, 1985 — *Shao Xiangqing*. Renti celiang shouce [邵象清. 人体测量手册]. Handbook of anthropometry. Shanghai: Shanghai Cidian chubanshe, 1985. P. 34–56, 111 (in Chinese).

Wang Jianxin et al., 2009 — *Wang Jianxin, Zhang Feng, Ren Meng et al.* Xinjiang Balikun xian Dongheigou yizhi 2006–2007

nian fajue jianbao [王建新、张凤、任萌、等. 新疆巴里坤县东黑沟遗址2006–2007年发掘简报]. 2006–2007 excavation on the Dongheigou Site in Barkol County, Xinjiang // Kaogu. 2009. No. 1. P. 3–27, 99–104, 114 (in Chinese).

Wu Rukang et al., 1984 — *Wu Rukang, Wu Xinzhi, Zhang Zhenbiao* [吴汝康、吴新智、张振标. 人体测量方法]. Anthropometric methods. Beijing: Kexue chubanshe, 1984. P. 18–372 (in Chinese).

Исследование костных останков сюнну и жоуцзы из Шижэньцзыгоу, Баркуль

Чэнь Лян²

Аннотация. Автор рассматривает патологии и травмы человеческих костей, обнаруженных в период с 2005 по 2011 г. на памятнике Шижэньцзыгоу в Баркуле, Синьцзян и датированных периодом от конца эпохи Сражающихся царств до начала Западной Хань. Выявлена низкая распространенность кариеса зубов, высокая — заболеваний пародонта, наличие людей с гипоплазией эмали и столь же высокая распространенность турса нижней челюсти. Высока была распространенность остеоартрита, в основном в шейных позвонках, грудных позвонках T6–T12, поясничных позвонках L1–L5, а также сращения отдельных периапикальных остеофитов позвонков. Высокая доля травм приходилась на череп, ребра, голени и малоберцовые кости нижних конечностей — преимущественно это были переломы. Основной причиной травм, видимо, являлось падение с высоты. В целом выявленная картина соответствует характеру заболеваний и травм людей, длительное время ездивших верхом и ведущих кочевую жизнь.

Ключевые слова: Шижэньцзыгоу, патологии, травмы, кочевники

² Чэнь Лян — Северо-Западный университет; Xuefu Rd., 1, Сиань, Китайская Народная Республика; e-mail: arc_liang@sina.com; ORCID: 0000-0002-1882-7028.

Пищевые стратегии населения Западного Забайкалья по данным изотопного анализа: культур плиточных могил, херексуров и хунну¹

А. М. Хубанова², В. Б. Хубанов³, Д. А. Миягашев⁴, Б. А. Базаров⁵, Я. В. Дикий⁶, И. В. Смолева⁷

Аннотация. В статье приводятся исследования изотопного состава углерода и азота костных тканей останков людей из местонахождений позднего бронзового и раннего железного веков Западного Забайкалья. Согласно изотопным характеристикам, рацион питания населения культуры плиточных могил и херексуров преимущественно состоял из белковой пищи (мяса и рыбы). В начале железного века (эпоха империи Хунну) стратегия питания жителей Забайкалья существенно изменилась, о чем свидетельствует их утяжеленный изотопный состав углерода. Основу рациона людей в начале железного века, наряду с мясной и рыбной пищей, составляли растения с C_4 -типом фотосинтеза, например, просо.

Ключевые слова: C-N изотопный состав, диета людей, бронзовый век, ранний железный век, Западное Забайкалье

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.264-265>

Анализ состава стабильных изотопов костного материала позволяет получить дополнительную информацию о диете и среде обитания человека и животных, что расширяет возможности археологических и палеогеографических исследований.

1 Полевые работы выполнены в рамках исполнения проектов фундаментальных научных исследований ИМБТ СО РАН и ГИН СО РАН. Пробоподготовка и измерения сделаны с использованием оборудования ЦКП «Геоспектр» ГИН СО РАН и ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Изотопные исследования и интерпретация данных проведены при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01348).

2 Хубанова А. М. — Геологический институт СО РАН; ул. Сахьяновой, 6а, Улан-Удэ, 670047, Российская Федерация; e-mail: hubanova81@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2239-460.

3 Хубанов В. Б. — Геологический институт СО РАН; e-mail: khubanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5237-6614.

4 Миягашев Д. А. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Российская Федерация; e-mail: silker10@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8923-3545.

5 Базаров Б. А. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: biliktobazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0187-1847.

6 Дикий Я. В. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: yarovslavdikii@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

7 Смолева И. В. — Институт геологии Коми НЦ УрО РАН; ул. Первомайская, 54, Сыктывкар, 167982, Российская Федерация; e-mail: smolewa@geo.komisc.ru.

Для изотопного анализа были отобраны костный и зубной материал человека из местонахождений позднего бронзового века: Верхний и Нижний Бургалтай, Пестерево, Верхний Сутой и Ацай II; раннего железного века (эпоха империи Хунну): Ильмовая падь, Нижний Мангиртуй, Нур-Тухум, Гуджир Мыгэ, Енхор, Баргай, Острая Сопка, Дырестуйский Култук. Все местонахождения в пределах южной и центральной части Западного Забайкалья (Базаров, Миягашев, 2019; Бураев и др., 2021; Коновалов и др., 2016; Миягашев и др., 2017; Kradin et al., 2021).

Значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ у людей бронзового века варьируют от -19,5 и -17,6 ‰ и от 10,0 до 12,2 ‰, соответственно. Изотопная характеристика индивидов эпохи империи хунну — $\delta^{13}C$ от -17,8 до -13,1 ‰ и $\delta^{15}N$ от 10,7 до 13,0 ‰. Относительно пониженные отношения изотопов углерода у людей бронзового века указывают на их питание растительностью с C_3 -типом фотосинтеза и мясом животных, имевших выпас на пастбищах, где кормовая база представлена преимущественно растениями C_3 -типом фотосинтеза. Разброс значений $\delta^{13}C$ также предполагает, что употребляемые в пищу животные имели различные условия выпаса, которые представляли собой от сухостепных и степных до лесостепных/лесных ландшафтов.

Относительно повышенные значения $\delta^{13}C$ у населения Западного Забайкалья в период империи Хунну демонстрируют включение в их рацион питания, кроме

растений с C_3 -типом фотосинтеза, C_4 -растений (просо), что указывает на развитие посевного сельского хозяйства среди «хуннских» социумов.

Сопоставимые и относительно высокие значения отношений изотопов азота у людей бронзового и раннего железного веков свидетельствуют в пользу широкого потребления мясомолочных и рыбных продуктов.

Таким образом, основу жизнедеятельности людей бронзового века составляли промысел диких животных, скотоводство и рыболовство. В раннем железном веке стратегия питания и хозяйствования населения Западного Забайкалья изменилась: помимо животноводства, охоты и рыболовства, они занимались растениеводством.

Базаров, Миягашев, 2019 — Базаров Б. А., Миягашев Д. А. Нур-Тухумские зеркала // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 28–42.

Бураев и др., 2021 — Бураев А. И., Базаров Б. А., Дикий Я. В., Миягашев Д. А. Новые данные по палеоантропологии

Бурятии: хунну и средневековье // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 4 (44). С. 9–17.

Коновалов и др., 2016 — Коновалов П. Б., Базаров Б. А., Миягашев Д. А., Клементьев А. М., Именохоев Н. В. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2016. № 1 (21). С. 9–26.

Миягашев и др., 2017 — Миягашев Д. А., Бессонова Е. А., Базаров Б. А., Зверев С. А., Теличко А. С. Структура культурного слоя поселения хунну (по результатам мультидисциплинарных исследований) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы II междунар. науч. конф., посв. 80-летию д. и. н., проф. П. Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 179–184

Kradin et al., 2021 — Kradin N. N., Khubanov A. M., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Khubanov V. B., Kononov P. B., Klementiev A. M., Posokhov V. F., Ventresca Miller A. R. Iron age societies of Western Transbaikalia: Reconstruction of diet and lifeways // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Vol. 38. Art. No.102973.

Nutritional strategies of the population of Western Transbaikalia according to isotope analysis: Slab-graves culture, barrows-khereksur culture and the Xiongnu culture

Anna M. Khubanov⁸, Valentin B. Khubanov⁹, Denis A. Miyagashev¹⁰, Bilikto A. Bazarov¹¹, Yaroslav V. Dikiy¹², Irina V. Smoleva¹³

Annotation. *The carbon and nitrogen isotopic composition of bone tissues of human remains from Late Bronze and Early Iron Age sites in Western Transbaikalia has been studied. According to the isotope characteristics, the diet of the slab-graves culture and barrows-khereksur mainly consisted of protein foods (meat and fish). At the beginning of the Iron Age (Empire Xiongnu), the dietary strategy of the inhabitants of Transbaikalia changed significantly, as evidenced by their weighted carbon isotopic composition. The basis of the diet of people at the beginning of the Iron Age, along with meat and fish food, was made up of plants with the C_4 type of photosynthesis, for example, millet.*

Key words: C-N isotopic composition, human diet, Bronze Age, Early Iron Age, Western Transbaikalia

⁸ Anna M. Khubanov — Dobretsov Geological Institute of the Siberian Branch of the RAS; 6a Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; e-mail: hubanova81@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2239-460.

⁹ Valentin B. Khubanov — Dobretsov Geological Institute of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: khubanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5237-6614.

¹⁰ Denis A. Miyagashev — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: silker10@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8923-3545.

¹¹ Bilikto A. Bazarov — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: biliktobazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0187-1847.

¹² Yaroslav V. Dikiy — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: yaroslavdikiy@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

¹³ Irina V. Smoleva — Institute of Geology Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; 54 Pervomayskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: smolewa@geo.komisc.ru.

Изотопные индикаторы потребления C_4 -растений средневековым населением Западного Забайкалья¹

Д. А. Миягашев², Б. А. Базаров³, Я. В. Дикий⁴, Н. В. Именохоев⁵, А. М. Хубанова⁶,
В. Б. Хубанов⁷, И. В. Смолева⁸

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования изотопного состава углерода и азота костных тканей останков людей из Енхорского могильника на р. Джида. Полученные данные позволяют выделить две группы с различными вариациями значений изотопов углерода, указывающих на разные диеты. Утяжеленный изотопный состав углерода маркирует потребление, наряду с мясной и рыбной пищей, растений с C_4 -типом фотосинтеза, к которым относится просо.

Ключевые слова: $C-N$ изотопный состав, диета людей, бронзовый век, ранний железный век, Западное Забайкалье

<https://doi.org/10.31600/978-5-6049788-5-6.266-267>

Енхорский могильник на р. Джида в южной части Западного Забайкалья был открыт в 1983 г., здесь было зафиксировано более 150 погребений (Именохоев, 1988). Могилы были отнесены ко времени хунну и развитого

средневековья, в том числе была исследована крупная серия погребений, датирующихся тюркско-монгольским временем.

Для изотопного анализа были отобраны костный и зубной материал человека из Енхорского могильника. Полученные данные позволяют выделить две группы с различными вариациями значений изотопов углерода, указывающих на разные диеты. Для первой группы значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ варьируются от -20,1 и -18,9 ‰ и от 9,5 до 13,6 ‰ соответственно. Для второй группы изотопный состав углерода относительно тяжелее и варьируется в диапазоне от -17,7 до 13,8 ‰. Значения $\delta^{15}N$, варьирующиеся от 12,0 до 9,5 ‰, входят в диапазон вариаций первой группы.

Изотопная характеристика индивидов первой группы указывает на употребление в пищу мяса и молока животных, имевших выпас на пастбищах, где кормовая база представлена преимущественно растениями C_3 -типом фотосинтеза. При этом разброс значений $\delta^{13}C$ также предполагает, что употребляемые в пищу животные имели различные условия выпаса: от сухостепных и степных до лесостепных/лесных ландшафтов.

Относительно повышенные значения $\delta^{13}C$ у людей второй группы указывают на присутствие в их рационе питания, кроме растений с C_3 -типом фотосинтеза, C_4 -растений (просо), что указывает на развитие посевного сельского хозяйства у средневекового населения долины р. Джиды.

1 Полевые работы выполнены в рамках исполнения проектов фундаментальных научных исследований ИМБТ СО РАН и ГИН СО РАН. Пробоподготовка и измерения сделаны с использованием оборудования ЦКП «Геоспектр» ГИН СО РАН и ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Изотопные исследования и интерпретация данных проведены при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01348).

2 Миягашев Д. А. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Российская Федерация; e-mail: silker10@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8923-3545.

3 Базаров Б. А. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: biliktobazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0187-1847.

4 Дикий Я. В. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: yaroslavdikii@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

5 Именохоев Н. В. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: uni@mail.ru.

6 Хубанова А. М. — Геологический институт СО РАН; ул. Сахьяновой, 6а, Улан-Удэ, 670047, Российская Федерация; e-mail: hubanova81@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2239-460.

7 Хубанов В. Б. — Геологический институт СО РАН; e-mail: khubanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5237-6614.

8 Смолева И. В. — Институт геологии Коми НЦ УрО РАН; ул. Первомайская, 54, Сыктывкар, 167982, Российская Федерация; e-mail: smolewa@geo.komisc.ru.

Именохоев, 1988 — Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Энхор на р. Джида (предварительные результаты исследований) // Памятники эпохи палео-

металла в Забайкалье. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 108–128.

Isotope indicators of C_4 plant consumption by the medieval population of Western Transbaikalia

Denis A. Miyagashev⁹, Bilikto A. Bazarov¹⁰, Yaroslav V. Dikiy¹¹, Nikolay V. Imenokhoyev¹², Anna M. Khubanova¹³, Valentin B. Khubanov¹⁴, Irina V. Smoleva¹⁵

Annotation. *The isotopic composition of carbon and nitrogen in bone tissues of human remains from the Enkhor burial ground on the river Dzhida. The data obtained allow us to distinguish two groups with different variations in the values of carbon isotopes, indicating different diets. The weighted isotope composition of carbon marks the consumption of plants with C_4 -type photosynthesis, which includes millet, along with meat and fish food.*

Key words: *C-N isotopic composition, human diet, ecosystems, Bronze Age, Early Iron Age, Western Transbaikalia*

⁹ Denis A. Miyagashev — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; e-mail: silker10@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8923-3545.

¹⁰ Bilikto A. Bazarov — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: biliktobazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0187-1847.

¹¹ Yaroslav V. Dikiy — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: yaroslavdikiy@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7530-1236.

¹² Nikolay V. Imenokhoyev — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: yni@mail.ru.

¹³ Anna M. Khubanova — Dobretsov Geological Institute of the Siberian Branch of the RAS; 6a Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; e-mail: hubanova81@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2239-460.

¹⁴ Valentin B. Khubanov — Dobretsov Geological Institute of the Siberian Branch of the RAS; e-mail: khubanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5237-6614.

¹⁵ Irina V. Smoleva — Institute of Geology Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; 54 Pervomayskaya Str., Syktyvkar, 167982; e-mail: smolewa@geo.komisc.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
- АЕС — Археология Евразийских степей. Казань
- АлтГУ (АГУ) — Алтайский государственный университет. Барнаул
- АлтПГУ — Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул
- АН — Академия наук
- АРГО — Архив Русского географического общества. Санкт-Петербург
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
- б. и. — без [указания] издательства
- БКРС — Большой китайско-русский словарь
- БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ
- БЮИ МВД РФ — Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Барнаул
- ВГО — Всесоюзное географическое общество
- ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники. Москва
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры. Петроград; Ленинград
- ГГО — Государственное географическое общество
- ГИН СО РАН — Геологический институт Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ
- ГО СССР — Географическое общество СССР
- ГРВЛ — Главная редакция Восточной литературы. Москва
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ленинград; Санкт-Петербург
- ДБ — Древности Боспора. Москва
- ИА АНМ — Институт археологии Академии наук Монголии. Улан-Батор
- ИАиЭ СО РАН — Институт автоматизации и электротехники Сибирского отделения РАН. Новосибирск

- ИАК — Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург; Петроград
- ИАТ — Институт археологической технологии. Санкт-Петербург; Петроград
- ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Петроград; Ленинград
- ИГУ — Иркутский государственный университет. Иркутск
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
- ИМБТ СО РАН — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ
- ИПЦ НГУ — Издательско-полиграфический центр Новосибирского государственного университета. Новосибирск
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет. Иркутск
- ИрНИТУ — Иркутский национальный исследовательский технический университет. Иркутск
- КемГУ — Кемеровский государственный университет. Кемерово
- КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск
- ККМ — Кяхтинский краеведческий музей. Кяхта
- КНР — Китайская Народная Республика
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва
- ЛАТ — Лаборатория археологической технологии. Ленинград; Санкт-Петербург
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Ленинград
- ЛНРДиАМ ГЭ — Лаборатория научной реставрации драгоценных и археологических металлов Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград
- м. — могила
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
- мог. — могильник
- МОНМ — Министерство образования и науки Монголии
- МСАИ — Материалы спасательных археологических исследований. Москва
- МЭ — Материалы по этнографии. Ленинград
- НА РО — Научный архив, рукописный отдел

- НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
- НГУ — Новосибирский государственный университет. Новосибирск
- ОНРИК ГЭ — Отдел научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- Пг. — Петроград
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва
- РА — Российская археология. Москва
- РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры. Петроград; Ленинград
- РАН — Российская академия наук
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет. Москва
- РГО — Русское географическое общество
- РО — Рукописный отдел
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- СА — Советская археология. Москва
- СВФУ — Северо-Восточный федеральный университет. Якутск
- СИУ РАНХиГС — Сибирский институт управления, филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Новосибирск
- СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР
- СО РАН — Сибирское отделение РАН
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
- СПбФ ИИЕТ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. Санкт-Петербург
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- СФУ — Сибирский федеральный университет. Красноярск
- ТГПУ — Томский государственный педагогический университет. Томск
- ТГПУ — Тульский государственный педагогический университет. Тула
- Тр. САИПИ — Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово
- Тр. БКНИИ СО АН СССР — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского Отделения Академии Наук СССР. Улан-Удэ
- ТУСУР — Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. Томск
- ФИЦ Коми НЦ УрО РАН — Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения РАН. Сыктывкар
- ФО — Фотографический отдел

- ЮНЦ РАН — Южный научный центр РАН. Ростов-на-Дону
- AEAE — Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk
- BCAA — Bonn Contributions of Asian Archaeology. Bonn
- CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. Cambridge
- IHMC RAS — Institute for the History of Material Culture RAS
- MAS — Mongolian Academy of Sciences
- МАИМС — Memoirs of the Academy of History of Material Culture
- MDAFA — Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan
- RAS — Russian Academy of Sciences

Научное издание

«Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи

Материалы международной научной конференции,
посвященной 75-летию
Сергея Степановича Миняева (1948–2020)

Редакторы: *В. Б. Трубникова, Н. Н. Николаев, Е. О. Стоянов*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук, К. П. Белая*
Корректоры: *Г. А. Седова, О. К. Чеботарева, А. И. Климушина*

Подписано в печать 15.10.2023. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34.
Тираж 300 экз. Заказ 1014

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

"Singing arrows of Maodun"

Xiongnu from obscurity to empire

Proceedings of the International
conference dedicated to the 75th anniversary
of Sergey Stepanovich Minyaev
(1948–2020)

The collection of papers contains articles by the participants of the International conference dedicated to the 75th anniversary of Sergey S. Minyaev, one of the leading experts in the history and archaeology of the Xiongnu (November 14–17, 2023, St. Petersburg, Russia).

The volume is divided into thematic blocks, revealing various issues of archaeology and history of the Xiongnu and the Eurasian steppes before and after the existence of their nomadic empire. Special attention is paid to new research on the archaeology of the Xiongnu, the study of their art and material culture, new natural science data and connected historiographical questions.

